

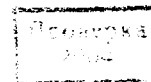
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

О. Е. НЕПОМНИН

**СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ
КИТАЯ
1894—1914**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1980

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Раздел первый. Цинская империя в конце XIX в.	13
Глава 1. Параметры и структура арендно-бюрократического феодализма	13
Глава 2. Социально-экономические перемены в Китае (1840—1894 гг.)	42
Раздел второй. Иностраный сектор в Китае	60
Глава 1. Начало империалистического закабаления страны (1894—1900). Первая «битва» за концессии	60
Глава 2. Китай в системе мирового рынка. Усиление иностранного сектора (1901—1914)	79
Раздел третий. Судьбы традиционной экономики	106
Глава 1. Китайская деревня конца XIX — начала XX в.	106
Глава 2. Социальные изменения в крестьянской и помещичьей среде	123
Глава 3. Состояние внутреннего рынка	149
Глава 4. Цеховое ремесло, мануфактура и традиционный кредит	162
Раздел четвертый. Современный национальный сектор	183
Глава 1. Фабричное производство. Промышленные подъемы 1895—1898 и 1905—1908 гг. Борьба «за возвращение прав»	183
Глава 2. Экономический кризис 1909—1913 гг.	202
Глава 3. Национальный капитал в новых звеньях экономики	212
Глава 4. Структура китайской буржуазии. Ее взаимоотношения с государством	237
Заключение. Переходное общество в Китае	263
Примечания	272
Приложения	279
А. Господствующий класс и производительное население Китая в 80-е годы XIX в.	279
Б. Производство, распределение и потребление зерна в Китае на 1887 г.	295
В. Методика составления расчетно-оценочных схем «Господствующий класс и производительное население Китая в 80-е годы XIX в.» и «Производство, распределение и потребление зерна в Китае на 1887 г.»	321
Библиография	326
Список принятых сокращений	342
Китайские меры веса, объема, площади и денежные единицы	342
Указатель имен	343
Указатель географических названий	345
Терминологический словарь-указатель	350
Указатель фирм и предприятий	362

Ответственный редактор

Г. Д. СУХАРЧУК

1000159
КРАСНОЯРСКАЯ
КРАЕВАЯ
БИБЛИОТЕКА

В книге рассматриваются изменения в экономике и социальном строе Китая в период между японо-китайской и первой мировой войнами. Большое внимание уделено кризису феодализма, становлению переходного общества, воздействию мирового рынка и расширению в стране капиталистического уклада. Разбираются проблемы укрепления иностранного сектора, подъема фабричной промышленности, роста национальной буржуазии и ее конфликта с цинским режимом накануне Синьхайской революции.

Н 10605-059 — 94-79. 05060000000
013(02)-80

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1980.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение закономерностей эволюции китайского общества в прошлом важно само по себе. Этим, однако, не исчерпывается значение работ в области экономической истории Китая. Современное развитие этой огромной и во многом отсталой страны отягчено повседневным влиянием «наследства», полученного от средневековья и полуколониального периода. Тормозящие тенденции такого рода дают о себе знать как в экономике и хозяйственной политике, так и в социально-политической жизни КНР. Поэтому анализ феодального общества и его последующей переходной модификации помогает понять многие проблемы и трудности Китая наших дней.

В указанном плане особое значение имеет специфика традиционной, конфуцианской общественной структуры и эволюция ее в период новой истории. В Цинской империи (1644—1911) имел место весьма своеобразный и внутренне сложный вид феодализма, во многом отличный от европейских образцов. За столетия средневековья в Китае сформировалась арендно-бюрократическая разновидность этого строя. В ее основу легли два ведущих начала: эксплуатация разного рода землевладельцами значительной части крестьян в качестве держателей земли посредством системы аренды и эксплуатация господствующим классом крестьян-собственников через государство посредством взимания с них ренты-налога. Как частноарендная, так и фискально-бюрократическая система составляли две стороны традиционного экономического строя Китая.

Повышенная роль чиновничества в среде правящего класса в обществе в целом позволяет и с этой стороны квалифицировать китайский вариант средневековья как феодально-бюрократический.

Если в социально-политической сфере лицо конфуцианской системы во многом определялось особой значимостью бюрократии, то в области экономики наиболее характерным было повышенное в сравнении со многими другими странами производственное превосходство земледелия над ремеслом, в принципе свойственное, как об этом писал К. Маркс (см. [4, с. 115]), всем добуржуазным обществам.

Так, вопросы ценообразования и его механики определялись в Китае вплоть до начала XX в. неоспоримым и прочным производ-

ственным превосходством земледелия над ремеслом и деревней над городом. Одним из важнейших проявлений этого был приоритет деревни в установлении шкалы цен. Доминантой выступала цена на рис и пшеницу, что определялось исключительной ролью зерна в условиях жесткого баланса потребления перенаселенной страны и более высокой производительности труда в зерновом хозяйстве, чем в ручной промышленности. Любой неурожай или, наоборот, особенно хороший сбор зерновых делал указанную закономерность еще более заметной. Деревня капитальным образом влияла на шкалу цен на ремесленные изделия и как поставщик основной массы сырья для городской промышленности, поскольку в предметах широкого потребления, особенно среднего и низкого качества, стоимость труда, вложенного ремесленником в изделие, составляла, как правило, весьма малую часть его рыночной цены. На долю труда ткача, например, приходилось обычно около 20% стоимости хлопчатобумажной материи. В таких условиях вложение «капитала» в мануфактуру, мастерскую и раздаточную систему становилось исторически бесперспективным. Давление деревни и в данном плане делало инвестиции в ремесло в целом занятием третьестепенным, что отражало жалкую в сравнении с Европой экономическую роль китайского города в условиях повышенной неэквивалентности непосредственного обмена между земледелием и ремеслом.

Подобным же образом обстояло дело и с отдачей на затраченный труд в деревне и в городе. О том, что земледелие было более производительно и выгодно, нежели ремесло, свидетельствуют приводимые ниже результаты расчетов, неизбежно фрагментарных и приблизительных, но достаточно показательных. Так, в середине 80-х годов XIX в. крестьянская семья, владевшая в районе Чжэньцзяна (пров. Цзянсу) участком в 20 му, за 150—200 рабочих дней в году (на самом деле — при значительно меньших трудовых затратах) производила по рыночным ценам того времени в 1,5 раза больше при возделывании пшеницы и в 4 раза больше при выращивании риса (если собирался только один урожай), даже без учета доходов от подсобных промыслов, нежели составлявшие одно самостоятельное хозяйство трое ткачей, владевших одним станком для изготовления узорного шелка и работавших 300 дней в году (стоимость покупного сырья при этом не учитывается). При тех же условиях (продолжительность рабочего времени, расчет по рыночным ценам и т. п.) в конце XIX — начале XX в. в районе Шаши (пров. Хубэй) стоимость продукции, полученной крестьянским хозяйством с 10 му пшеничного поля, в 2,4 раза превосходила стоимость хлопчатобумажной ткани, произведенной семьей ткача (см. [58, с. 70—76; 55, с. 512, 619, 620, 629—631, 635, 636]).

Можно привести много других аналогичных примеров. При всей их условности и неизбежных погрешностях в такого рода подсчетах все они убедительно свидетельствуют о прочном превосходстве земледелия над ремеслом в производительности труда.

Следует отметить, что приведенные выше данные относятся к долине Янцзы. Южнее ее превосходство земледелия последовательно возрастало, севернее так же последовательно сказывалась обратная закономерность, обусловленная более низким уровнем урожайности, интенсивности, культуры земледелия и т. д. В связи с этим изменялась и степень неэквивалентности непосредственного обмена между городом и деревней.

Превосходство земледелия над ремеслом в Китае подкреплялось особыми демографическими и природными факторами, в свою очередь служа опорой господствующей экономической доктрины. Согласно средневековой традиции, земледелие считалось основой экономики Цинской империи. Приоритет зернового хозяйства и шелководства над другими отраслями производства поддерживался государством, пренебрежительно и настороженно относившимся к горному делу, городскому ремеслу и торговле. Сельское же хозяйство, служившее источником поступления подавляющей части государственных налогов и доходов, всячески возвеличивалось, права землевладельцев (как помещиков, так и крестьян) в целом охранялись официальными институтами господствующего строя.

В противовес этому предпринимательство в сфере ремесла и торговли было лишено правовых гарантий. Городское самоуправление в Китае отсутствовало, город стоял на казенной земле и не являясь даже самостоятельной административной единицей, составлял часть того или иного уезда (в результате чего жизнь его во многом определялась всевластием уездного, окружного, областного или провинциального чиновничества). Незащищенность собственности купца, ремесленника и мануфактуриста от притязаний властей, тяжелое и практически произвольное налогообложение торговли и ремесла, страх властей перед скоплением гольибы в районах горных разработок и их борьба против подобного «беспорядка», нарушавшего идиллию деревенской неподвижности и благопристойности земледельческих занятий, — все это создавало неблагоприятный социальный и правовой климат для генезиса капитализма. Вплоть до конца XIX в. казна в целом придерживалась традиционной концепции: «земледелие — ствол (основное), торговля и ремесло — ветви (второстепенное)». Правительство практически следовало духу императорского указа 1727 г., объявлявшего труд земледельца «самым уважаемым после ученых занятий шэньши». Промышленность и торговля этим указом характеризовались как нечто второстепенное и незначительное [58, т. 1, с. 419]. Подобное традиционное отношение к различным сферам экономики находило свое отражение в социальной структуре общества.

В Китае XIX в. сохранялась сословная иерархия. Ниже верховного «знаменного» сословия завоевателей — маньчжуров (*ци-жэнь*) находились четыре собственно китайских сословия (*сы-минь*): «ученые» *шэньши* (*ши*), земледельцы (*нун*), ремесленники (*гун*) и торговцы (*шан*). Шэньши, как и «знаменные», являлись

привилегированным слоем, стоявшим над остальными тремя сословиями, составлявшими простой народ (*минь, пинминь*). При этом известное возвеличивание земледельцев при полном пренебрежении к городу и городским сословиям (ремесленники и торговцы) во многом являлось отражением производственного превосходства сельского хозяйства над промышленностью. Доктрина «земледелие — ствол, торговля и ремесло — ветви» и связанные с ней формулы («усиливать ствол, ограничивать ветви», «заставлять народ идти в сельское хозяйство») освящали практику ограбления и притеснения горожан (см. [254, с. 137, 193]). Несмотря на то что в XIX в. указанные принципы действовали не с прежней яркостью и жесткостью, суть экономической политики цинского правительства оставалась неизменной. В сочетании с полной подчиненностью города централизованному деспотическому государству сохранялась устойчивость и прочность вертикальных связей (соподчинение города, городских корпораций, местных властей высшим бюрократическим инстанциям) и слабость горизонтальных связей (между отдельными ячейками города — *кехами* и *гильдиями*) при нерасчлененности городской и сельской администрации.

Такого рода «деревенский» характер организации общества, всеобщая — экономическая, административная и иная — подчиненность города деревне поддерживали технико-экономическую отсталость страны и крайнюю слабость торгово-предпринимательских слоев (см. [225, с. 4—7, 54, 55]). Над купцами и мануфактуристами висела презумпция виновности, проистекавшая из традиционной подозрительности и конфуцианского презрения к их деятельности. Они считались потенциальными жуликами, людьми, морально нечистоплотными, богатеющими нечестным путем. Вплоть до конца XIX в. враждебное отношение верхов общества к торговле и предпринимательству в целом сохранялось, хотя и несколько уменьшилось в связи с растущим участием *шэньши* в коммерческих делах, зачастую скрываемым от уважаемой публики.

В отличие от европейской буржуазии предпринимательская среда Китая не имела за своими плечами таких идеологических взломов феодального мировоззрения, какими были Возрождение и век Просвещения. Ничего подобного в Цинской империи XVIII—XIX вв. не наблюдалось. В области идеологии сохранялся застой и перепевы древних конфуцианских классических канонов и средневековых комментариев к ним. Ознакомление с европейской буржуазной мыслью пришло довольно поздно. Лишь в конце XIX — начале XX в. в Китае были переведены «Исследования о природе и причинах богатства народов» А. Смита, «О духе законов» Ш. Монтескье, работы Т. Гексли и Г. Спенсера. Примерно в то же время небольшая часть китайских деловых кругов постепенно переходила и к более или менее регулярному чтению газет, альманахов и журналов, издававшихся иностранцами в «открытых» портах на китайском языке.

Столь же прочно держалось в цинском Китае и пренебрежение к естественным наукам, убеждение в том, что занятие, например, математикой — дело торговой и ремесленников, недостойное истинного конфуцианца — *шэньши*. Правящие круги поддерживали обскурантизм в области точных наук, ограничивая сферу познания конфуцианской классикой. Ученого-естественника ждало пренебрежение со стороны окружающих, а изобретателя — зачастую наказание или стихийная физическая расправа. Избыток рабочей силы и давление этого фактора на средства производства обусловили технический застой, почти ненужность совершенствования орудий и полное господство ручного труда. Кроме того, развитие научно-технической мысли в старом Китае тормозилось иссушающим влиянием конфуцианской схоластики. Последняя в сочетании с традиционной системой экзаменов на звание *шэньши* отнимала у тогдашней интеллигенции все время и силы. Лучшие умы нации всю сознательную жизнь были заняты заучиванием или толкованием древних канонических текстов.

В данной обстановке стихийное развитие капитализма в промышленности, проходя низшие стадии, вплоть до середины XIX в. разбивалось о непреодолимую преграду, создаваемую особым социальным климатом Цинской империи. При этом главным препятствием на пути спонтанной модернизации общества оставалось более резкое по сравнению со многими другими странами превосходство земледелия над ремеслом в плане производительности труда, поддерживаемое особыми демографическими, природными и историческими факторами.

Вторжение иностранного капитала и насильственное нарушение самоизоляции Цинской империи в ходе «опиумных» войн 1840—1842 и 1856—1860 гг. положили начало кризису феодальной формации в Китае. Указанные события открыли полосу упадка и болезненной ломки целостной конфуцианской системы при почти полном сохранении прежних количественных параметров арендно-бюрократического базиса. Для первой стадии этого своеобразного формационного кризиса (1840—1864) было характерно взаимодействие и напластование двух разнородных начал — двух типов развития, присущих соответственно средневековью и новому времени. Такого рода переплетение вызвало начальную фазу экономического хаоса (1840—1850), а затем его резкое усиление в связи с гигантской вспышкой социальных и национальных противоречий, охватившей всю третью четверть XIX в. (1850—1877). — антицинской Крестьянской войной тайпинов (1850—1864), полосой параллельных ей антиправительственных и национальных восстаний.

«Послеопиумный» послетайпинский кризис отличался от всех предшествующих совершенно иной исторической обстановкой. Он протекал в условиях иностранной капиталистической экспансии, ограбления страны высоким в социально-экономическом отношении обществом Запада, в условиях пересадки на китайскую почву машинных форм капитализма. В такой ситуации очередной

упадок стал приобретать признаки надлома прежней традиционной устойчивости. Воздействие указанных внешних факторов, искусственно изменяя естественный ход развития цинского общества, придавало рассматриваемым явлениям черты формационного кризиса. Китайский феодализм был поставлен в такие условия, при которых возможности его стадийного роста оказались если не «физически», то исторически исчерпанными. Именно новый исторический климат придал привычным для конфуцианского средневековья кризисным компонентам необратимый характер.

Формационный надлом начался в Китае в условиях, когда его традиционное общество оставалось внутренне все еще достаточно здоровым, сбалансированным и почти не продвигавшимся в сторону формационной смены. До середины XIX в. вопрос о такой смене для Китая вплотную не стоял. Местный феодализм еще не растратил до конца свои внутренние возможности к дальнейшему существованию и не исчерпал свой «естественный лимит времени», когда был насильственно поставлен Западом в полосу постепенного упадка и размывания. В «доопиумном» Китае повышенная внутренняя устойчивость и зарегулированность общества, наоборот, вели к затуханию стадийной доступности и соответственно к отодвиганию перспективы смены формации. Китайская действительность вела к постоянному поддержанию баланса эволюционных и стагнационных процессов, к самовосстановлению традиционной системы благодаря целому ряду «предохранительных клапанов», к повышенной пригнанности базиса и надстройки. Крайне скованное в своем стадийном восхождении, цинское общество как бы периодически «откладывало» иное формационное будущее, оставаясь неподготовленным к нему даже в плане стадийного развития феодализма.

Наступившая после окончания Крестьянской войны тайпинов новая фаза формационного кризиса (1864—1894) помимо затяжной послевоенной разрухи ознаменовалась дальнейшими все еще медленными шагами на пути к формированию переходного общества в Китае. Несмотря на то что к 1894 г. сам арендно-бюрократический комплекс в деревне не претерпел значительных изменений, исходная система конфуцианского средневековья оказалась надломленной внешним вторжением. Позитивные сдвиги послеопиумного, послетайпинского периода привели к нарушению традиционной чистоты многих социально-экономических форм, институтов и компонентов китайского средневековья.

Для социально-экономической истории Китая 1894—1914 гг. свойственны те же группы и в общем тот же круг источников, что и для периода 1864—1894 гг. Они уже рассматривались нами (см. [225, с. 8—10]), что делает ненужным их повторный разбор. Следует только отметить, что доступный нам цифровой материал распределяется по различным рассматриваемым годам весьма неравномерно: сравнительно незначительный по началу периода, он постепенно нарастает применительно к более поздним этапам. В принципе же подобных данных недостаточно, тем более что в

своей массе они относятся к капиталистической экспансии Запада и иностранному сектору. Подобный подход характерен как для европейских, так и для китайских источников (в последнем моменте нашло отражение некоторое повышение интереса цинского общества к проблемам экономики). Принципиально новым явлением для изучаемого периода (по сравнению с предыдущим) в плане источниковедческой базы являются лишь близкие к статистическим материалы регистрационного бюро министерства торговли (с 1906 г. — министерство земледелия, промышленности и торговли), содержащие чрезвычайно ценные данные о развитии национальной машинной и механизированной промышленности, а также о связанной с ней китайской буржуазии. Изучение же остального комплекса национальной экономики затруднено низким качеством китайских источников, прежде всего отсутствием комплексной хозяйственной статистики, что исключает для исследователя возможность показать физические параметры и всего народного хозяйства, и отдельных его отраслей. Для историка остается лишь один путь — регистрация социально-экономических изменений в плане как появления и роста нового, так и распада старых форм.

Переходя к историографии данной темы, прежде всего следует отметить, что старшее поколение буржуазных ученых Запада (20—40-х годов XX в.) практически все свое внимание концентрировало на сферах экономики Китая, непосредственно связанных с интересами иностранного капитала. Среди их работ лучшими и наиболее авторитетными являются книги К. Ремера, А. Кунса и Т. Оуврлаха о западных инвестициях и займах [458; 408; 454], Х. Морса и К. Ремера о внешней торговле [452; 459], С. Уэйджла и Дж. Идкинса о денежном обращении и кредите [475; 410; 411], а также монография У. Коллинза о горнодобывающей промышленности [407]. Для этого поколения исследователей характерен в основном «технический» подход к иностранному сектору, хотя за этим часто кроется идея «спасительности» и «полезности» экономической экспансии Запада для Китая. Связывая все беды этой страны лишь с внутренними факторами, представители «старой школы» буржуазных ученых либо замалчивали, либо обеляли грабительскую сущность империалистической эксплуатации Китая.

Современное изучение экономических проблем позднего цинского общества на Западе стало практически делом синологии США, поскольку реальный вклад западноевропейских авторов сводится лишь к работам М.-К. Бержер [387; 388]. Для нынешнего поколения американских ученых характерен поворот к темам «внутренней» социально-экономической истории Китая. Особая роль здесь принадлежит А. Фэйрворкеру, автору монографии о чиновничьем предпринимательстве и брошюры о рынке бумажных тканей [414—416]. Он же является создателем единственного на Западе краткого очерка экономического положения Китая 1870—1949 гг. [417; 418]. Ряд сиологов — Э. Ровски, Д. Перкинс и Р. Майерс — посвятили свои работы вопросам земледелия и жизни китай-

ской деревни [457; 455; 453]. Частные вопросы фиска и истории промышленности ставили Г. Хинтон [426] и Э. Карлсон [393]. Все большее значение приобретают работы У. Скиннера [462]. Среди американских авторов происходит определенная поляризация. Некоторые из них продолжают, правда в завуалированной форме, следовать в русле старшего поколения и его оценки экспансии Запада (подробнее см. [148]). В то же время целая группа молодых ученых гневно осуждает империалистическую политику США и других капиталистических держав в Китае, выступая с разоблачением хищнической природы их проникновения в Китай (подробнее см. [159]).

Значительную роль в синологии США играют американизированные китайцы. Прекрасное знание языка и источников позволяет им разрабатывать такие трудные аспекты темы, как проблема шэньши (Чжан Чжунли), компрадорство (Хао Яньпин), буржуазное предпринимательство (В. Чжань) и поземельное обложение в императорском Китае (Ван Ецянь) [396; 397; 394; 425; 477]. К этой группе относятся также Хэ Пинди (демографические исследования), Хоу Цзимин (анализ иностранных капиталовложений) и Сяо Лянлин — составитель сборника таблиц о внешней торговле [427; 430; 432]. Наличие такого рода кадров помимо всего прочего во многом определяет успехи синологических центров США в разработке экономической истории Китая.

Вполне естественно, что наибольшее количество работ по экономике 1894—1914 гг. написано учеными КНР, ибо для них это органическая часть отечественной истории. Основная масса их монографий и статей увидела свет в 1955—1963 гг. Начиная с 1966 г. и вплоть до настоящего времени публикация подобного рода работ в Китае была полностью прекращена в связи с внутриполитическими причинами. Тем не менее за отмеченное выше десятилетие активной работы историки и экономисты КНР не только ввели в научный оборот ценнейшие источники, но и во многом осмыслили и использовали их. Обзор этой публикаторской и исследовательской деятельности дан Л. Н. Новиковым [233].

В силу политических причин особое внимание в КНР уделялось экспансии Запада и обличению ее грабительских целей (в частности, в работах Вэй Цычу, Цинь Бэньли и Чжан Яньшэня [160; 270; 362]). При этом много места отводилось истории внешних займов, которая разрабатывалась Сюй Ишэном, Цянь Цзяцзюем и Сунь Юйтаном [325; 354; 321]. Акцентируя внимание на негативных сторонах экономического проникновения Запада, китайские историки мало исследуют косность и тормозящую инерцию традиционной, конфуцианской системы местного феодализма, делая чуть ли не единственными виновниками всех бед Китая иностранный капитал и цинский режим. Такой подход наложил свой отпечаток и на раскрытие внутриэкономических проблем Китая данного периода, в том числе как «старой», традиционной экономики, так и «нового», капиталистического сектора. Среди исследований по истории отечественной фабричной промышленности сле-

дует выделить работы Ван Цзинъюя, Янь Чжунпина и Ли Шиюэ [279; 382; 296; 297]. Становление местной буржуазии изучали Пэн Юйсинь и Хуан Ифэн [316; 342; 343]. Ряд авторов пытались подойти к вопросу развития капитализма в Китае через проблемы «первоначального накопления» (Бо Чжуфу, Гу Шутан, Ма Бохуан и Цун Ханьсянь [305; 353]). Борьба буржуазно-шэньшиских кругов против иностранного сектора нашла свое отражение в работах Чжао Цзинъюя, Хэ Юйчоу и Ци Лунвэя [364; 347; 350]. Сферу денежного обращения и кредита периода Цинь исследовали Пэн Синьвэй, Ян Дуаньлю и Чжан Юйлань [313; 379; 361]. Вопросы состояния сельского хозяйства и положения в деревне рассматривали Ся Дунъюань, Ли Шиюэ, Цинь Су и Ло Лунь [298; 329; 348]. Изменения в ручной промышленности анализировал Фань Байчунь [336]. налоговую эксплуатацию — Лю Кэсян [304]. Общие, в том числе социальные, проблемы данного периода отражены в статьях Ван Бояня, Жун Мэньюаня и Ци Лунвэя [277; 291; 351]. Следует особо отметить курс лекций по истории народного хозяйства Китая, изданный Хубэйским университетом, — единственную обобщающую работу ученых КНР по данной тематике [368].

В отличие от китайской и западной буржуазной синологии советские ученые строго следуют исторической объективности, научным принципам анализа и оценки фактов. При этом, как показал в своей монографии В. Н. Никифоров [228], с самого своего зарождения советская синология ставит коренные проблемы общественной эволюции Китая. В 20—30-х годах исследования Л. И. Мадьяра, В. М. Штейна, А. Я. Канторовича, М. Д. Кокина и А. Е. Ходорова [195; 196; 276; 182; 184; 268] положили начало марксистской разработке социально-экономических проблем полукolonиального периода. В последние десятилетия изучение экономики Китая 1894—1914 гг. в Советском Союзе приобрело комплексный характер. Так, издан ряд работ по проблемам крестьянства, земледелия и домашних промыслов [211—220]. С. М. Иовчуком исследованы изменения в сфере ремесла [178]. В изучение фабричной промышленности внес существенный вклад Л. Н. Новиков [234]. Фискальные проблемы этого периода разрабатывались А. С. Костяевой и А. И. Чехутовым [185; 272]. Анализ экономической политики цинского правительства и требований буржуазии был произведен Ю. В. Чудодеевым [273—275]. Большое внимание уделялось иностранной экономической экспансии. Здесь следует особо отметить работы М. И. Сладковского, посвященные в основном вопросам внешней торговли [250—252], а также монографии Б. Г. Болдырева [149] (о финансовом подчинении Китая) и П. И. Острикова [240].

Хозяйственным и социальным сдвигам второй половины XIX в. специально посвящена наша книга «Экономическая история Китая (1864—1894 гг.)» [225]. Настоящая работа является ее продолжением и одновременно завершением краткой экономической истории Китая за полстолетия (1864—1914). Обе эти монографии

вместе с ранее вышедшей книгой «Генезис капитализма в сельском хозяйстве Китая» [213] подводят некоторые итоги в работе над эволюцией народного хозяйства Китая в новое время.

Данная работа не является всеохватывающей, так как в ней не освещается экономическая история неханьских народов, населявших окраины Цинской империи — Синьцзян, Внешнюю и Внутреннюю Монголию, Тибет, Цинхай, а также отдельные районы национальных меньшинств Юго-Западного Китая. В самых общих чертах показана эволюция народного хозяйства Маньчжурии, представляющая собой самостоятельную тему. В нашу задачу не входит и анализ внутреннего развития колониальных анклавов на побережье Китая, в первую очередь Гонконга (Сянган), а также оккупированного в 1895 г. Японией Тайваня, что составляет предмет особого изучения. По этой же причине в работе не освещается сам ход антииностранных экономических движений, развитие экономической мысли в Китае и т. д.

Глава 2-я четвертого раздела книги («Экономический кризис 1909—1913 гг.») написана В. Б. Меньшиковым.

При составлении таблиц, включенных в Приложения, большую помощь автору оказали В. С. Кузес и В. П. Курбатов. Крайне важны были замечания и советы А. С. Мугрузина, проанализировавшего результаты расчетов. Пользуясь случаем, автор приносит всем им искреннюю благодарность. Большую поддержку автору оказал коллектив сектора новой и новейшей истории отдела Китая Института востоковедения АН СССР. Его творческая атмосфера, принципиальность критики, щедрое содействие знанием и советом во многом помогли при работе над книгой.

Раздел первый

ЦИНСКАЯ ИМПЕРИЯ В КОНЦЕ XIX в.

Глава 1

ПАРАМЕТРЫ И СТРУКТУРА АРЕНДНО-БЮРОКРАТИЧЕСКОГО ФЕОДАЛИЗМА

В китайском обществе конца XIX в. черты переходности, связанные с развитием полуколониального статуса страны и ростом в ней капитализма, еще не стали определяющим фактором. Вплоть до японо-китайской войны 1894—1895 гг. социально-экономической доминантой Цинской империи в полной мере оставались традиционные устои арендно-бюрократической разновидности феодализма.

Между тем его анализ, как уже отмечалось выше, резко лимитирован отсутствием не только комплексных статистических, но и более или менее достоверных разрозненных цифровых данных на конец XIX — начало XX в. Исключение составляют лишь сведения о количестве населения, о площади кадастровых земель, о численности шэньши и некоторые другие фрагментарные цифры. Подобная скудость вынуждает современных исследователей идти по пути собственных расчетов и оценок, создания системы таблиц, приближенно отражающих социально-экономические параметры цинского Китая, например в 80-е годы XIX в. (см. [397, с. 291—331]). Представить китайский феодализм того времени в цифрах — задача крайне трудная. Тем не менее необходимость такого рода работы становится в последнее время все более острой, в том числе из-за споров вокруг формационной принадлежности традиционного общества в Китае.

В этой связи метод построения расчетно-оценочной схемы цинского социума на определенное десятилетие или даже год дает новый импульс, а также материал для суждений о старом Китае. На этом принципе построена и данная глава, целиком основанная на двух системах расчетно-оценочных таблиц, отражающих наиболее общие количественные параметры всего общества (Прил. А) и земледельческой сферы цинского феодализма, точнее, зернового хозяйства Китая на 1887 г. (Прил. Б). Созданная таким путем система приблизительных расчетных и оценочных данных позво-

ляет дать относительно дифференцированную картину цинского общества конца XIX в.

Перед тем как перейти к изложению результатов расчетов, следует особо подчеркнуть, что все приводимые ниже данные не являются абсолютными и лишь весьма приближенно отражают реальные параметры китайского общества 80-х годов прошлого столетия. Автор настойчиво обращает внимание читателя на этот момент, с тем чтобы в ходе дальнейшего изложения не повторять такого рода оговорок применительно к каждой цифре или группе расчетных данных. Последние представляют собой лишь один из возможных вариантов оценки, не снимая вероятности иных методов и результатов расчета, других оценок и т. д.

Если предлагаемый нами вариант выкладок принять за основу, то цинское общество 80-х годов XIX в. может быть описано в следующих количественных параметрах.

В 1887 г. население 21 провинции собственно Китая и Маньчжурии (т. е. без Синьцзяна, Тибета, Внутренней и Внешней Монголии) составляло 388 млн. человек. Из них свыше 170 млн., или почти 44%, проживало в Южном Китае (провинции Хунань, Сычуань, Гуандун, Фуцзянь, Гуанси, Юньнань и Гуйчжоу). На долю пяти провинций Центрального Китая (Цзянсу, Аньхой, Цзянси, Чжэцзян и Хубэй) приходилось 112 млн. человек (примерно 29%). Остальные 27% жителей, или около 106 млн. человек, составляли демографический потенциал шести провинций Севера (Чжили, Шаньдун, Шаньси, Хэнань, Шэньси и Ганьсу) и трех маньчжурских провинций — Фэнтянь, Цилинь и Хэйлунцзян (см. Прил., табл. 1).

Цинская империя конца XIX в. находилась на низкой стадии урбанизации. Городские жители составляли примерно десятую долю всего населения собственно Китая и Маньчжурии, где насчитывалось около 40 тыс. городов и поселений городского типа. В их числе было свыше 1,5 тыс. административных центров или городов высшей категории (*чэн*) и более 38 тыс. торгово-ремесленных поселений, включая города низшей категории (*чжэнь*) [470, с. 224]. Вне сельской местности проживало до 39 млн. человек, из которых наибольшая часть приходилась на города Южного Китая.

Наиболее значительной категорией городского населения являлись ремесленники. Их насчитывалось примерно 15 млн. (около 39% горожан)¹. На втором месте по численности стояли лица, занятые в государственном аппарате — служилая бюрократия (*шидафу*), секретари, писцы (*ли*, *лишу*, *шули*), низовые служители ямыней (*яи*), солдаты, а также чиновничья и секретарская челядь (*нупу*, *пуи*). На долю этой категории приходилось до 9 млн. человек (23%). Весьма многочисленными были круги господствующего класса, проживавшие в черте города, — представители «знаменного» сословия, почетная бюрократия, шэньши, «городские», т. е. жившие вне деревни, помещики и многочисленные слуги, охрана и иные прихлебатели представителей всех указанных групп. В целом эти слои насчитывали до 7 млн. человек (около 18%). На

прочие категории — купцы, маклеры и ростовщики-менялы, служащие у представителей данных групп, мелкие торговцы, грузчики, чернорабочие, транспортники, «подлый люд» (*цзяньминь*), в том числе лица «низших профессий» и люмпены, — приходилось свыше 20% горожан, т. е. около 8 млн. человек (см. Прил., табл. 2). В итоге около 40% горожан составляли непродуцирующие слои — госаппарат, представители господствующего феодально-бюрократического класса и обслуживающая их челядь. Между тем так или иначе связанное с производительной деятельностью (включая торгово-ростовщические слои) население городов отнюдь не охватывало остальные 60% (значительная их часть приходилась на люмпенов — безработных, бродяг и нищих).

✓ Подавляющее большинство населения Китая — примерно $\frac{9}{10}$ (свыше 349 млн. человек) — проживало в сельской местности. Около 88% этой людской массы составляли земледельцы-крестьяне (*миньху*, *сяоху*, *сянху*). Они принадлежали к разным имущественным слоям, социальным группам, различным феодальным категориям землевладения и разным секторам господствующего социально-экономического уклада. На 1887 г. все крестьянство насчитывало свыше 307 млн. Крупные землевладельцы-помещики², как шэньши, так и нешэньши, составляли примерно 4% сельского населения (14 млн.), не считая их слуг и охраны. Остальные 8% сельских жителей (почти 28 млн.) представляли собой неземледельческое население, живущее вне городов. Эта категория включала в себя челядь помещиков (*пуи*, *нупу*), их личную охрану (*миньтуань*), сельских торговцев-лавочников (*пучжу*) и мелких разносчиков (*цзинцзи*), а также деревенских ремесленников. Кроме того, в нее входили горняки местных шахт, рудников и приисков, лодочники, кули, рыбаки, разного рода общинные и храмовые служители, учителя, люмпены и другие мелкие группы, в том числе представители «низших профессий» (*цзяньжэнь*) (см. Прил., табл. 1).

Описанный выше состав городских и сельских жителей определял социально-экономическую структуру населения Цинской империи. Крестьянству, т. е. основной массе китайцев, составлявшему свыше 79% всех жителей страны, противостоял (по численности) господствующий класс с госаппаратом и челядью (немногом более 10%). Именно указанные компоненты составляли подавляющую часть непродуцирующего населения Китая. При этом на долю госаппарата (включая служилую бюрократию) приходилось 2,3%, представителей бюрократическо-феодального класса («знаменные», шэньши, простые дичжу — нешэньши, без служилой бюрократии, являвшейся органической составной частью господствующего класса, но в технических целях включенной нами в категорию «госаппарат») — 4,9%, челяди этих господствующих слоев — 3,4%. Из более чем 41 млн. человек непродуцирующего населения свыше 38% (около 16 млн.) концентрировалось в городах и более 61% (свыше 25 млн.) жило в деревне. Производительное население империи (около 90% всех ее жителей) скла-

дывалось за счет основного класса — крестьянства и второстепенных групп. Среди последних сельское неземледельческое население составляло свыше 4%, городские ремесленники — около 4% и прочие горожане — 2% всех подданных императора в пределах собственно Китая и Маньчжурии (см. Прил., табл. 1, 3, 6). Данная структура населения отражала средневековый уровень социально-экономического развития цинского общества.

Особую роль в жизни страны играла ведущая производительная часть общества — крестьянство. В основном за счет прибавочного продукта, изымаемого у крестьянства, кормилось около 19,5 млн. членов семей господствующего класса (включая служилую бюрократию), а вместе с их челядью — 32,6 млн. человек. Именно за счет главным образом крестьян содержался государственный аппарат Цинской империи. Последний насчитывал примерно 1,3 млн. чиновников, их секретарей и писцов, около 1,7 млн. низовых служащих (*ли*) в ямнях и других учреждениях, свыше 0,7 млн. строевых солдат, всего же с членами семей — до 9 млн. человек (см. Прил., табл. 8, 11). Все эти группы существовали трудом более чем трехсотмиллионного крестьянства. Последнее — этот гигантский демографический и социальный потенциал — имело свою сложную внутреннюю структуру, обусловленную многими факторами, прежде всего имущественным неравенством, наличием разных категорий землевладения и секторов формационнообразующего уклада.

В целом по стране основную массу (около 65% крестьян) составляли собственники земли (*цзычжун сяоху*, *цзыган сяоху*). Среди них были как крупно- и среднеземельные дворы, редко бравшие в аренду (*цзу*, *дянь*) помещичьи и кулацкие участки, так и малоземельные семьи, вынужденные постоянно приарендовывать чужую пашню. Третью крупную категорию дворов составляли безземельные крестьяне (*дяньху*), работавшие целиком на помещичьей земле, взятой в арендное держание на тяжелых условиях. Крупно- и среднеземельных крестьян по всей стране насчитывалось почти 117 млн. (38%), малоземельных — 82 млн. (около 27%), и, наконец, безземельных — более 108 млн. (более 35%).

Наиболее прочными позициями крестьяне собственники и полуарендаторы обладали на Севере и в Маньчжурии, где безземельных дворов было сравнительно мало. В этом регионе крупно- и среднеземельные составляли около 64%, малоземельные — до 21% и безземельные — свыше 15% всех дворов. В Центральном Китае картина резко менялась. Здесь удельный вес первой группы падал до 32%, второй — повышался до более чем 30%, а доля третьей возрастала в 2,5 раза, достигая почти 38%. Данная тенденция еще более четко была выражена в южных провинциях (соответственно 26%, более 28 и почти 46%). Общее число безземельных в Центральном и Южном Китае вместе превышало 95 млн. человек, что составляло почти 43% всех семей (см. Прил., табл. 17). В целом же по стране, если условно расчленим категорию малоземельных на одинаковые собственническую и арендаторскую

«половины», соотношение собственнического (свыше 51%) и безземельного (до 49%) начал в крестьянской среде было почти равным при минимальном преобладании первого.

Фактор земельной собственности и определенные позиции самого государства в земельной сфере обусловили деление крестьянства на три другие категории — согласно основным формам землевладения: казенное, собственно крестьянское и помещичье (см. Прил., табл. 23, 24). В зависимости от того, на каких землях оно работало — на землях ли казны, на своих участках, связанных с податными тяготами в пользу государства (налоги и трудовые повинности), или на арендуемых полях помещиков, — крестьянство фактически делилось соответственно на казеннозависимое, податное и частнозависимое. В число казеннозависимых крестьян входили государственные крепостные (*чжуандин*, *тоучунжэнь*), военные поселенцы (*биндин*, *туньдин*), держатели государственной земли — как от самой казны, так и от ее фактических владельцев-арендодателей. На казенных землях в 1887 г. сидело свыше 16 млн. человек (более 5% всего крестьянства Китая). Из них одна часть платила оброки (*и*) и подати (*цзукэ*) в казну, а другая — арендную плату землевладельцам за право феодального держания их участков, номинально числившихся казенными. Приблизительное соотношение обеих частей внутри казеннозависимого крестьянства было, судя по всему, равным. Основная масса казеннозависимого крестьянства — около 10 млн. человек (почти 12% местных землепашцев) — приходилась на Северный Китай и Маньчжурию — главный район распространения государственных пахотных земель. В Центральном и Южном Китае таких крестьян было мало — всего свыше 6 млн., что составляло 3% здешних земледельцев (см. Прил., табл. 16).

Классификация остальной части крестьянства связана с определением реального отношения малоземельных хозяйств к основным категориям землевладения — податным и арендным землям. Данный слой полусобственников-полуарендаторов обрабатываемых ими участков не представлял особой категории, будучи механическим соединением двух противоположных начал — крестьянской податной собственности и феодально-зависимого держания земли в форме аренды, т. е. податного и частнозависимого начала одновременно. Последнее дает основание для условного расщепления этого социального конгломерата на равные составные части, поскольку преобладание податного начала над частнозависимым у одной части малоземельных хозяйств в принципе уравнивалось их обратным соотношением у другой части. Такого рода условное расщепление слоя малоземельных дворов, с одной стороны, искусственно упрощает внутреннюю структуру крестьянства, но, с другой стороны, помогает выяснению более точного соотношения податных и частнозависимых семей.

С учетом последнего момента податное крестьянство в целом (т. е. собственно податное + половина малоземельных дворов) на 1887 г. насчитывало 146 млн. человек (свыше 47% всех земле-

дельцев). Наибольший удельный вес данного слоя — более 63% — наблюдался на Севере и в Маньчжурии, наименьший — 39% — в Южном Китае. Общая численность частнозависимых крестьян (т. е. безземельные + половина малоземельных) приближалась к 145 млн. (47%). Из них 124 млн. человек приходилось на Центральный и особенно Южный Китай — главную зону помещичьего землевладения и арендной системы (см. Прил., табл. 16).

Если при распределении крестьян по ведущим категориям землевладения встает вопрос о внутренней природе малоземельных дворов, то при классификации земледельцев по основным секторам феодального уклада аналогичная проблема возникает и по отношению к казеннозависимому населению. На конец 80-х годов XIX в. казенное землевладение лишь формально выступало в качестве особого комплекса. Фактически внутри него существовало два количественно примерно равных, но явно различных начала — чисто государственное и частнопомещичье, т. е., с одной стороны, земли и крестьяне, формально и фактически подчиненные казне, и, с другой стороны, формально принадлежавшие государству арендные поля частных владельцев с их зависимыми держателями. Все это дает основание для условного равнопроцентного, согласно имеющимся оценкам, расщепления данного двуединого комплекса на составные компоненты — податной и частнофеодальный потенциал.

В результате такого деления принципиально основными секторами оставались бюрократический, или государственно-феодальный, и частнофеодальный. Первый строился на противостоянии и взаимной зависимости госаппарата и податного крестьянства. Главными фигурами в этой подсистеме подчинения были чиновник (*гуаньли*, *шидафу*) и платящий налоги (*тяньфу*), а также отбывающий повинности (*чайчо*, *цзюньяо*) крестьянин-собственник. Феодальная сущность данной подсистемы дополнялась и маскировалась бюрократической формой, обусловленной активной ролью государства.

Поскольку поземельная община прекратила свое существование за много веков до рассматриваемого периода, экономический и правовой статус соседской или соседско-родовой общины в тогдешнем Китае был крайне низок. Государство в фискальном, полицейском и ином плане строило свои отношения с крестьянством не по общинному, а по подворному принципу учета и связи, т. е. с каждым двором в отдельности, минуя бессильную общину в деле как учета населения (система *баоцзя*), так и обложения налогами, повинностями и т. д. В Цинской империи XIX в. не существовало ни коллективных общинных обязательств перед казной, ни автономной внутриобщинной раскладки налогов и повинностей. Это не была государственно-общинная система, ибо соседская община в делах выше общинного уровня не считалась ни юридическим лицом, ни экономическим субъектом, ни субадминистративной единицей, ни объектом фиска. Казне противостояла не система общин, а море «атомизированных» тяглых душ, земельных

собственников и иных индивидуумов. Иными словами, это была государственно-крестьянская система с принципом подчинения «казна — податной земледелец».

Второй сектор зиждился на экономической, социальной и иной связи крупных землевладельцев с мелкими зависимыми держателями их земель на феодальном праве. В этой подсистеме частный феодал — помещик более или менее открыто противостоял безземельному или малоземельному крестьянину — арендатору или полуарендатору.

✓ Верхний слой частнофеодального сектора составляли 2,8 млн. семей крупных землевладельцев. Из них 0,7 млн. семей принадлежали к сословию «ученых» (*ши*) и 2,1 млн. — к сословию земледельцев (*нун*). Вместе с членами семей арендодатели-шэньши (*цзиньху*, *шэньху*) насчитывали 3,6 млн., а простые помещики-дичжу — 10,4 млн. Данным 14 млн. помещиков принадлежали 533 млн. му пахотной земли. Из них 225 млн. му (свыше 42%) находились в руках представителей сословия ши. В том числе на долю «высших» шэньши (*цзиньши*, *цзюйжэнь*, *гунишэн* и другие категории) приходилось около 200 млн. му (свыше 37%), а «низшим» (*шэньюань*, *лицзяньшэн*, *лигунишэн*) принадлежало всего 25 млн. му (менее 5%). Непривилегированные помещики владели 264 млн. му, что составляло почти половину частнофеодальных земель. Кроме того, свыше 8% пашни (44 млн. му), сдаваемой в аренду, было собственностью богатых крестьян — кулаков (*фунун*). На землях данного сектора трудились около 153 млн. земледельцев, считая вместе с членами их семей. Из них около 65 млн. были держателями полей «ученого» сословия, почти 76 млн. чел. арендовали участки у простых дичжу и менее 13 млн. — у кулаков. В целом на землях сословия ши работали 21% всех китайских крестьян: на полях «высших» шэньши — до 19% и на участках «низших» — более 2%. До 25% крестьян страны являлись держателями земель у помещиков-нешэньши и, наконец, 4% земледельцев Китая арендовали участки у богатых крестьян (см. Прил., табл. 15), что отчасти сближало последних со средой мелких помещиков-рентополучателей.

В итоге распределение всего крестьянства Китая по двум подсистемам (или секторам) господствовавшего уклада на 1887 г. дает картину минимального преобладания государственного начала над частным — соответственно 50,2 к 49,8%. При этом для Севера и Маньчжурии было характерно явное преобладание бюрократического сектора и податного крестьянства (свыше 69%) над арендно-помещичьей подсистемой — около 31%. В Центральном же Китае картина резко менялась (более 47 и почти 53%). Господство частнофеодального сектора и соответственно преобладание держательского крестьянства было еще более явным в Южном Китае, где соотношение податного и частнозависимого крестьянства составляло 40:60 (Прил., табл. 17). Отмеченные выше варианты соотношения различных слоев и категорий крестьян отражают удельный вес обеих социально-экономических подсистем

феодалного уклада и, в первую очередь, стоящих за ними различных групп господствующего класса.

В 80-е годы XIX в. феодальный класс Китая, как уже отмечалось, в целом насчитывал около 19,5 млн. человек, а вместе с челядью — до 32,6 млн. Из них около 6,9 млн. (свыше 21%) проживали в городах, а остальные 25,7 млн. (примерно 79%) — в деревне (см. Прил., табл. 2, 8). Для господствующего класса традиционного Китая была характерна чрезвычайно сложная структура, внутренние градации которой определялись многими факторами, в том числе и этноязыковым и национальным принципами. Маньчжуры и другие «знаменные» (*цижэнь*) составляли 10%, а феодалы-ханьцы — 90% всего правящего класса. Кроме того, последний распадался на три различных категории по сословному признаку. Так, более половины общей массы, 53%, принадлежали к третьему по счету в иерархической лестнице сословию — «земледельцев», представляя собой слой крупных землевладельцев, не имевших ученых степеней и почетных званий, характерных для второго по значимости сословия — шэньши, составлявшего 37% всего господствующего класса. Остальные 10%, как уже отмечалось, приходились на высшее сословие «знаменных» (см. Прил., табл. 7, 8) ³.

Кардинальным же, однако, являлось деление господствующего класса не по сословному признаку, а по основным секторам формационнообразующего уклада, т. е. на бюрократические, связанные с подсистемой «казна — податные крестьяне», и частно-феодалные слои, образовавшие подсистему «землевладелец — зависимый держатель земли».

Обе эти группы различались по главному источнику дохода. Для бюрократических слоев, связанных с системой государственной эксплуатации податных крестьян и прочих категорий населения, преобладающими были служебные доходы — казнокрадство, взятки, вымогательство, официальное жалование или содержание (например, для «знаменных»), махинации с казенным серебром, зерном и т. д. Чисто помещичьи доходы — земельная рента, ростовщические проценты и торговая прибыль для этих слоев играли второстепенную роль. В то же время три последних вида доходов, особенно земельная рента, служили главным источником поступлений для господствующих слоев арендно-помещичьего сектора, для которых бюрократические доходы, в свою очередь, отступали на задний план. Такого рода размежевание было характерно, в частности, и для сословия шэньши (*шэньцинь*). Помимо градаций на «высших», т. е. *цзиньши*, *цзюйжэнь* и *гуншэн* и другие категории (14%), и «низших» — *шэньюань*, *лицзяньшэн*, *лигуншэн* (86%) — не менее важным для шэньши была та или иная степень принадлежности одних к бюрократическому, а других к частнопомещичьему сектору, также определявшаяся по признаку основного дохода. Итоговые данные о доходах всего сословия шэньши дают картину примерного равенства бюрократических и частнофеодалных поступлений [397, с. 329].

Последний момент дает, конечно с рядом оговорок, основание

для равнопроцентного разделения сословия шэньши по двум ведущим секторам формационнообразующего уклада. Вместе с тем следует особо подчеркнуть условность такого расщепления не только для сословия шэньши, но и для прочих групп и слоев господствовавшего класса, ибо граница между указанными подсистемами в реальной жизни была весьма размытой и условной. Представители бюрократии чаще всего владели значительной земельной собственностью, а крупные помещики становились чиновниками. Шэньши, состоявшие на государственной службе, получали как жалование, так и земельную ренту, а шэньши из числа местной суббюрократии к помещичьим доходам присовокупляли подачки от властей за выполнение ряда специфических, полуправительственных функций по контролю над населением. Причем именно для слоев, связанных с казной или тяготевших к чиновно-крестьянской подсистеме, более всего была характерна та многоликость и сложность внутренней структуры, о которой говорилось выше.

В сословном плане наиболее высокий статус среди бюрократических слоев занимали *цижэнь*. Это было сословие-конгломерат лиц разного служебного положения — от маньчжурской аристократии («желтопоясные», «железношлемные») и придворных до простых солдат «восьмизнаменных» корпусов, включая «знаменных» монголов и китайцев-ханьцзюней. В 80-е годы XIX в. *цижэнь* насчитывалось около 2 млн., а с челядью — 2,6 млн. Далее шли шэньши «первой группы», т. е. жившие в основном за счет казны. Так же как и «знаменные», они были глубоко иерархизированы и неоднородны по своему официальному статусу и имущественному положению. Верхушку их составляли чиновники (*шидафу*) — служилая и «почетная» бюрократия. Ее общая численность достигала 147 тыс. человек, с членами семей — 735 тыс., а вместе с челядью — 1,3 млн. При этом собственно чиновников действительной службы было около 66 тыс., включая придворных, функционеров центрального аппарата, местную администрацию высшего, среднего и низшего звена, военных и стажеров — кандидатов на вакантные должности. Из данной среды около 40 тыс. были гражданскими номенклатурными чиновниками (см. Прил., табл. 10). Деятельность слоя *шидафу* приводила в движение государственный аппарат Цинской империи, насчитывавший свыше 2,2 тыс. различных учреждений. В их числе были центральные ведомства в Пекине, ямэни, различные канцелярии и управления наместничеств и провинций, областные, окружные, приставские ⁴ и уездные ямэни, морские таможни и провинциальные бюро (см. Прил., табл. 9). Ниже чиновников действительной службы находился слой бюрократов-нефункционеров, т. е. носителей «почетных», в основном купленных за деньги званий, чинов и рангов. Такого рода «почетных» *шидафу* насчитывалось около 81 тыс., вместе с членами семей — 0,4 млн., а с челядью — свыше 0,8 млн.

Нижнее основание бюрократической пирамиды составляла суббюрократия, т. е. должностные и полудолжностные лица ниже

уровня чиновников уездного ямэня. Данная категория (свыше 0,5 млн. человек) исполняла субадминистративные функции узко местного значения. Это, как правило, были шэньши, выполнявшие специфические, «общественные» функции. Такого рода шэньши на казенном жалованье наблюдали за «общественными» работами, сельской милицией, сбором налогов, работали секретарями и учителями, следили за соблюдением конфуцианских норм поведения простого люда и должностных лиц низшего звена. С семьями суббюрократия насчитывала до 2,9 млн., а вместе со слугами — около 4,7 млн. человек (см. Прил., табл. 12). Общая численность господствующих слоев, принадлежавших к бюрократическому сектору, с семьями достигала примерно 5,6 млн., а с челядью — 8,6 млн. человек (см. Прил., табл. 13), живших за счет труда податных крестьян и других категорий населения.

Неизмеримо многочисленнее, но проще по своей структуре была вторая часть господствующего класса (с семьями — почти 14 млн.), функционировавшая в системе частнофеодального сектора и жившая в основном за счет земельной ренты, ростовщических процентов и торговой прибыли. Основная ее часть (более 10,3 млн.) приходилась на простых землевладельцев (*дичжу*), т. е. нешэньши. Такого рода непривилегированные помещики содержали примерно до 7,7 млн. различных челядинцев. Вторым основным компонентом были шэньши — арендодатели (*шэньцзинь даху*) со слабо выраженными чертами суббюрократии (свыше 0,7 млн., с семьями — 3,6 млн.), кормившие, в том числе за счет каких-то подачек казны, более 2,4 млн. человек прислуги. Таким образом, на обе указанные группы помещиков приходилось около 10 млн. челядинцев. Вместе с челядью общая численность данного слоя достигала примерно 24 млн. человек — потребителей зерна — прибавочного продукта, изымавшегося у частнозависимого крестьянства (см. Прил., табл. 14).

Обе группы шэньши вместе насчитывали свыше 1,4 млн. человек (с членами семей — 7,2 млн., с челядью — до 12 млн.), что составляло почти 37% всего господствующего класса (см. Прил., табл. 8), причем удельный вес бюрократии — служилой и «почетной» — равнялся примерно 4% (см. Прил., табл. 7).

Подводя некоторые итоги, следует подчеркнуть, что сложность структуры господствующего класса Цинской империи, его конгломеративность требует весьма осторожного применения понятия «класс» к этой сумме разнородных компонентов — сословий, слоев, прослоек и групп.

Из приведенных выше данных можно сделать вывод, что в целом по Китаю 80-х годов XIX в. соотношение бюрократических и частнофеодальных слоев равнялось 28,5:71,5 (с учетом челяди — 26,3:73,7). Данная пропорция резко менялась по различным районам страны (для Севера и Маньчжурии — 43,3:56,7, для Центрального и Южного Китая в среднем — 20,7:79,3) (см. Прил., табл. 8). Иначе говоря, в различных частях страны наблюдалось преобладание одного из двух компонентов господствующего клас-

са. Если Север и Маньчжурия были областью особого влияния бюрократии, то Юг и Центр — зоной помещичьего господства.

Констатация данного положения подводит к одной из кардинальных проблем средневекового Китая. История китайского феодализма в значительной мере представляет собой состояние одновременно единства и противоборства двух социально-экономических начал — государственного и частного. На протяжении столетий происходила то скрытая, то явная борьба между бюрократией и помещиками за раздел и передел максимально возможного объема прибавочного продукта, смена различных форм соперничества относительным сотрудничеством обоих начал. Данная тенденция проходит красной нитью как через различные стадии феодализма в Китае, так и через династийные циклы: периоды разрухи, восстановления «нормального» функционирования и очередного социально-демографического кризиса арендно-бюрократической системы.

В указанной связи правомерен вопрос: какое из этих двух начал — чиновничье или помещичье — служило доминантой традиционного общества в Китае? От решения проблемы экономического лидерства зависит целый ряд оценок средневекового социума Китая, в том числе отчасти и формационная характеристика ханьского общества «доопиумного» периода. В своих попытках разрешить данный комплекс вопросов синологи — советские, западные и китайские — разделяются в принципе на два лагеря. Одни выносят на первый план господство бюрократии («класс — государство») в системе «казна — атомизированный производитель». Другие в основу кладут особую значимость частнофеодальной эксплуатации в системе «крупный землевладелец — зависимый крестьянин», отводя формационнообразующую роль дихотомии «помещик — держатель земли (т. е. арендатор и полуарендатор)». В итоге чиновники и крупные землевладельцы выступают основными претендентами на главенствующую роль в конфуцианском обществе. Что же в экономической системе арендно-бюрократического феодализма стояло выше — государственное или частное начало, бюрократия или помещики, т. е. «феодалы от казны» или «феодалы от частной земельной собственности»? Здесь мы сознательно идем на увеличение «разрыва» между этими двумя слоями, учитывая при этом и наличие обратной тенденции. При явном противостоянии и в то же время органическом единстве обоих начал было бы ошибкой чрезмерно абсолютизировать разобщенность бюрократии и помещиков. Как уже отмечалось выше, чиновники чаще всего были землевладельцами, а рентополучатели-шэньши, в свою очередь, становились функционерами-шидафу.

В политическом плане гегемония бюрократии в конфуцианском обществе неоспорима, поэтому вопрос о доминанте сразу же переносится в основную, т. е. социально-экономическую, плоскость. В этой связи правомерна и иная постановка вопроса: не является ли бюрократия в старом Китае чисто политической, т. е. «надэкономической» силой? Можно ли вообще говорить о претензиях чи-

новничества на хозяйственное лидерство или хотя бы на определенного вида соперничество с арендодателями на экономической арене? При положительном ответе на данный вопрос (поскольку казна и шифафу в средневековом Китае представляли собой крупное экономическое явление, в связи с чем вполне правомерно рассматривать проблему как в широком плане — об экономическом фундаменте государственно-управленческого приоритета чиновничества, так и в узком плане — о чисто хозяйственных позициях бюрократии) тут же возникает другой: какие материальные ценности служили для шифафу инструментом в споре с частнофеодальным сектором о праве на лидерство или, по крайней мере, на соответствующий раздел приоритета в экономической сфере?

Ниже мы попытаемся ответить на все эти вопросы на примере Цинской империи конца XIX в., т. е. на «изломе» китайского традиционного общества, на его историческом «финише». Выбор 80-х годов (точнее — 1887 г.) объясняется рядом причин. Во-первых, сохранением в деревенском укладе в указанный период относительной чистоты «доопиумных» форм, еще не нарушенных последующим ускорением полукOLONиального и капиталистического развития в начале XX в. Во-вторых, возможность отчасти показать сельское общество после очередного циклического социально-демографического взрыва третьей четверти XIX в. (восстания тайпинов, няньцзюней и др.), т. е. систему, приведенную в более или менее «нормальное» состояние. И, наконец, в-третьих, наличие цифрового материала, дающего возможность на его основе построить расчетно-оценочную схему земледельческой сферы китайского традиционного общества.

Общая оценка приводимых ниже расчетных данных на 1887 г., сведенных во вторую систему таблиц (см. Прил. II), отчасти позволяет утверждать, что перед нами общество, находящееся в стадии «оздоровления» после недавно пронесшейся бури с обычным в таких случаях возрастанием удельного веса податного крестьянства, т. е. одного из компонентов бюрократического начала, и соответственным сокращением частнофеодального сектора. Однако дополнение и корректировка доступных нам сведений за 1888 г. более полными, всесторонними и комплексными данными за 1934 г.⁵ значительно снижает отмечающуюся выше степень «оздоровления» общества. Иначе говоря, такие расчеты приносят в общую картину существенный акцент новой критической напряженности самой системы.

В основу предпринятой нами попытки создать расчетно-оценочную схему земледельческой сферы и зернового хозяйства китайского феодализма на 1887—1888 гг. положены следующие главные принципы. Во-первых, расчет по показателю арендуемых земель за 1888 г. (с поправками за счет материалов на 1934 г., как наиболее полному и проверенному варианту), естественно, с отклонениями, свойственными этому методу и поэтому неизбежными. Во-вторых, последовательное расщепление на составные элементы целого ряда «устоявшихся» категорий — казенное землевладение

и казеннозависимое крестьянство, «скрытые» поля (*иньди, хэйтянь*), слой полуарендаторов и т. д. Все это возможно лишь с соответствующей долей неизбежных допусков и вводных условий. Оговоримся сразу, что, как и в первой системе расчетных таблиц, практически все приводимые цифровые данные, за исключением некоторых сведений о кадастровых землях, являются результатом наших расчетов и оценок. Те же, в свою очередь, построены на соответствующих подсобных вычислениях, допусках, средних вариантах и других зачастую единственно возможных способах реставрации картины конца XIX в. В данной связи практически все абсолютные и процентные показатели второй системы таблиц, равно как и первой, весьма приблизительны.

Наша цель — создание примерной и упрощенной схемы, показывающей работу механизма китайского феодализма в одном, но главном срезе, а именно в зерновом хозяйстве страны. В нашу задачу входит показ предварительных условий производства зерна, самого производства, распределения, перераспределения и иных видов движения зерновых масс, т. е. последовательных стадий конечного использования в рамках общекайтайского зернового баланса.

В построении расчетно-оценочной схемы деревенской части китайского общества на 1887 г. мы исходили из главных экономических показателей Китая за 65 лет (1850—1915) — системы данных, полученных указанными выше методами расчета. Базовыми показателями послужили данные на 1885 г. В этом году население Цинской империи без неханьских национальных окраин составляло примерно 380 млн. человек, пахотная площадь — около 1235 млн. му, посевной клин — 1450 млн. му. На душу населения, включая горожан и остальное неземледельческое население, приходилось примерно 3,25 му пашни. Валовой сбор зерна был на уровне 120 млн. т при производстве на душу населения до 318 кг зерна в год (см. Прил., табл. 18). Такова была в общих чертах исходная база — арена как сотрудничества, так и соперничества бюрократии и помещиков в целях изъятия на максимально допустимом уровне прибавочного продукта со стремлением каждого из этих слоев получить большую и лучшую по качеству часть изъятых у крестьянства.

Основной экономической базой обонх компонентов этой дихотомии была пахотная земля. Именно здесь противостояние государственного и частнофеодального сектора просматривалось наиболее отчетливо. Бюрократия имела свой собственный подсектор землевладения — казенные площади. На 1887 г. они составляли свыше 93 млн. му кадастровых полей и залежи. Кроме того, в сфере непосредственных интересов государства лежал второй огромный контролируемый⁶ чиновниками подсектор — податные земли крестьян-налогоплательщиков. Последние обрабатывали около 428 млн. му учтенных полей. В итоге, согласно кадастрам, общий, т. е. полный и частичный, контроль казны распространялся примерно на 521 млн. му. Иначе говоря, объединенный бюрократиче-

ский сектор землевладения и контроля охватывал 63,5%, а частнофеодальный — лишь 36,5% всех зарегистрированных полей (см. Прил., табл. 21). Эти данные создают достаточно устрашающую картину подавленности арендно-помещичьего начала могуществом государства — конфуцианского Левиафана.

Следует, однако, отметить, что кадастровые данные серьезно завышают удельный вес казенного подсектора, соответственно занижая действительные размеры как податных, так и арендно-держательских земель. Причина этого заключалась в том, что на две последние категории приходилась практически вся масса «скрытых» полей (*иньтянь, хэйдзи*). Данная категория сложилась и росла в силу ряда причин. Во-первых, вследствие извечной утайки крупными помещиками (чаще всего «большими домами» — *даху, богатыми, знатными шэньши — фушэнь* и «местными деспотами» — *туба, тухао*) части земли от регистрации в реестрах центральной казны. Во-вторых, из-за путаницы в пересчете «местных» му в стандартные. И, наконец, в-третьих, за счет полузаконной практики не включения в реестры части земель, распаханных после 1712—1716 гг., при одновременном укоренении и специфике соблюдения по разным провинциям принципа неизменяемости общей площади кадастровых земель. «Скрытые» земли утаивались в первую очередь от центральной казны. Однако они не были недоступной сферой для местных властей, особенно низовой администрации и ее помощников, служа для этой части бюрократии существенным источником доходов. Площадь «скрытых» полей в 1887 г. составляла примерно 418 млн. му, т. е. около $\frac{1}{3}$ всех культивируемых земель в империи (см. Прил., табл. 22).

С учетом последних во владении или под контролем бюрократии формально находилось 754 млн. му (93 млн. му казенной и 661 млн. му податной земли). Помещичий клин в 1887 г. приближался к 486 млн. му, включая некоторую часть (7%) кулацких земель. На этой ступени сравнения номинальное соотношение государственного и частного начала равняется 61:39 (см. Прил., табл. 23, 30).

Между тем, как уже отмечалось, собственно казенное землевладение в 80-е годы XIX в. являло собой картину глубокого разложения. Наряду с сохранением чисто государственной собственности в недрах этого подсектора крайне сильные позиции занял арендный способ эксплуатации крестьян. По меньшей мере половина номинально казенных полей фактически представляла собой частную собственность помещиков-рентополучателей. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что в «сердце» наиболее бюрократического подсектора гнездились частнофеодальный потенциал. С учетом указанного момента фактическое соотношение государственного и частного начала при «разделе» общекитайской пашни выглядит уже по-иному: 57:43 (см. Прил., табл. 31).

Тем не менее и этот показатель еще не дает окончательной картины, поскольку пока речь шла о пахотном клине, а не о реальных посевных площадях. В связи с тем, что в Центре и на

Юге — в основной зоне арендно-помещичьей системы — коэффициенты повторных посевов (при всем их разнообразии) были в принципе много выше, нежели на Севере и в Маньчжурии (где они близки к 1), данные по первым двум регионам существенно меняют экономические позиции шифафу и дичжу во всекитайском масштабе. В плане номинального контроля над посевами соотношение казенного и частнофеодального начал выражается цифрами 58,5:41,5 (см. Прил., табл. 24, 30), в плане же фактического контроля (т. е. при расщеплении казенного подсектора и выделении внутри него арендно-помещичьей системы) — 55:45 (см. Прил., табл. 31).

Но и эти показатели также неокончательны, ибо реальное наполнение процентных долей обоих начал крайне неравнозначно. Позиции бюрократической сферы господства создавались в первую очередь за счет Северного Китая, т. е. при неизмеримо худших климатических данных, в большинстве своем более бедных почвах, меньшей урожайности, неразвитости ирригации, выращивании менее ценных сельскохозяйственных культур, большей подверженности стихийным бедствиям и т. д. Частнофеодальный сектор, напротив, базировался в основном на Юге и в Центре, где положение по всем перечисленным выше пунктам было значительно предпочтительнее, включая более высокий профессиональный уровень крестьян. Все это соответствующим образом сказывалось на производстве земледельческой продукции в обоих секторах и, что наиболее важно, — на производстве зерна.

Валовой сбор зерновых на 1887 г. (т. е. оптимальный сбор с 80% пахотной площади при средней урожайности 121 кг с му) может быть оценен примерно в 120—121 млн. т. Однако из-за резкого искажения региональных пропорций при грубом усреднении урожайности этот метод расчета малопригоден. Целесообразнее принять в качестве рабочего варианта иной прием — расчет по производству зерна на одного крестьянина. Таким образом, идя к производству через людской потенциал, можно к тому же еще до выяснения размеров зерновых фондов обоих секторов показать масштабы их реального контроля над непосредственными производителями.

Основной зоной владения крестьянами и контроля над податным населением деревни со стороны государства были восемь провинций Севера и Маньчжурии (Чжили, Шаньдун, Шаньси, Хэнань, Шэньси, Ганьсу, Фэнтянь и Цилинь). Здесь на центральную казну и местных чиновников было номинально «замкнуто» свыше 75% крестьян (около 63 млн. человек). В Центральном Китае (пять провинций — Цзянсу, Аньхой, Цзянси, Чжэцзян и Хубэй) бюрократия, согласно реестрам, контролировала менее 49% крестьянских дворов (свыше 43 млн. человек). Наиболее скромными были позиции шифафу на Юге (семь провинций — Хунань, Сычуань, Гуандун, Фуцзянь, Гуанси, Юньнань и Гуйчжоу), где свыше 41% семей местных крестьян (более 56 млн. человек) в той или иной мере принадлежало к государственно-феодальному

сектору (см. Прил., табл. 16). При вычленении крестьян, арендовавших формально казенные земли у частных владельцев, данные показатели будут скромнее: Север и Маньчжурия — 69%, Центральный Китай — 47 и Юг — 40%. На частнофеодальный сектор по этим трем регионам приходилось соответственно 31, 53 и 60% крестьян (см. Прил., табл. 31).

В абсолютных цифрах картина была следующей. В сфере бюрократической системы номинально находилось более 16 млн. казеннозависимых и 146 млн. податных, что составляло 53% всех крестьян тогдашнего Китая. Формально от помещиков (и частично — от кулаков) зависели 47% земледельцев, или около 145 млн. человек (см. Прил., табл. 16). Фактически же, т. е. с учетом наличия арендной системы в казенном подсекторе, чиновничество контролировало через налоги, подати и повинности более 50% крестьян — около 154 млн. От крупных же землевладельцев разного типа (*фушэнь, даху, туба* и другие *дичжу*) и частично от кулаков «кормилась» остальная половина крестьянства (примерно 153 млн.).

Экономическая «сфера влияния» бюрократии, однако, не исчерпывалась приведенными выше показателями. В той или иной степени к этой системе были подключены в качестве налогоплательщиков и сами крупные землевладельцы. В целом по стране вместе с членами семей эти «податные феодалы» составляли около 14 млн. (см. Прил., табл. 14). Кроме того, опосредованно — через них — под «контроль» государства попадала и какая-то часть 153-миллионной массы держателей помещичьих земель. В итоге в той или иной экономической зависимости или частичной подконтрольности от бюрократии только в сельской местности находились 180—200 млн. человек из общего населения страны в 388 млн. Помимо этого, казна непосредственно контролировала, в том же смысле слова, большую часть почти 39-миллионного городского населения. Практически приоритет государственного начала в данном разрезе был бесспорным. Последнее означало, что в экономической сфере позиции бюрократии в плане подчинения непосредственных производителей (около 60%) были значительно слабее, нежели в политической, где она осуществляла всеохватывающий, хотя, конечно, не стопроцентный, контроль над населением империи.

Соотношение влияния бюрократической и частнофеодальной частей господствующего класса раскрывается и через сравнение общих демографических потенциалов каждого сектора (соответствующие категории крестьянства и феодалов). Для Севера и Маньчжурии соотношение таких потенциалов составляло примерно 68:32 в пользу подсистемы «казна — податной крестьянин». В Центральном и Южном Китае, где в целом преобладал арендно-помещичий сектор, соотношение было иным: 42:58. В целом же по стране наблюдалось примерное демографическое равновесие между секторами — 49:51 (см. Прил., табл. 5).

Для стран с высокой, по средневековым стандартам, культу-

рой земледелия, таких, как Китай, Вьетнам и Япония, более надежной и точной является оценка позиций того или иного господствующего слоя не по земле и крестьянским душам, а по натурально-зерновой шкале ценности. В данном случае мы ограничимся самыми общими оценками производства зерна всех видов по чиновничьему и помещичьему секторам, исходя из производства зерна на крестьянина в разных почвенно-климатических зонах Китая.

В рассматриваемые годы казеннозависимое крестьянство выращивало свыше 6 млн. т (более 5% общекитайского сбора) зерновых. Податные дворы производили более 56 млн. т (около 47%). Иначе говоря, государство в целом контролировало около 62 млн. т, или несколько больше половины общенационального валового сбора. Остальная часть — свыше 57 млн. т — приходилась на долю землевладельцев и зависимых от них крестьян (см. Прил., табл. 25). С учетом же арендно-помещичьей системы на казенных землях итоговые позиции частнофеодального сектора должны быть оценены по меньшей мере в 50,5%, т. е. действенный контроль бюрократии распространялся на 49,5% общекитайской зерновой массы (см. Прил., табл. 31). Данные показатели зависимость от казны очередь, скорректированы на фискальную зависимость от казны помещиков и через них частично — держателей их земли.

Здесь мы вступаем в сферу «первичного» изъятия прибавочного продукта и его перераспределения — большую и самостоятельную тему, требующую специального рассмотрения. Под «первичным» или главным изъятием подразумевается фискальная и арендная эксплуатация в чистом виде, т. е. взимание налогов (ренты-налога) с собственников земли и земельной ренты с держателей помещичьих участков без учета разного рода побочных сопутствующих явлений (долги, отработки и т. д.). В понятие «вторичного», или дополнительного, изъятия соответственно включаются все остальные виды эксплуатации крестьян — прежде всего ростовщическая и торговая. В данном случае оба вида изъятия условно ограничены сферой распределения и перераспределения зерна, так как все, что связано с производством и распределением технических культур и иных видов продовольствия (батат, соя и др.), нами сознательно не затрагивается в данной главе. При этом деление изъятия прибавочного продукта и его последующее перераспределение на «первичное» и «вторичное» во временном плане более чем условно и не всегда адекватно отражает реальную картину их последовательности: зачастую «вторичное» изъятие предшествовало «первичному», особенно когда крестьянин продавал зерно или брал деньги в долг как для уплаты налогов, так и для внесения арендной платы.

Общий объем «первичного» изъятия зерна на 1887 г. по всему крестьянству, в рамках наших расчетов, составлял свыше 40 млн. т (около 34% всей зерновой массы). Из них около 29 млн. т (свыше 71%) приходилось на долю казеннозависимых хозяйств. С податных крестьян взималось более 8 млн. т (около 21%), с казен-

нозависимых — свыше 3 млн. т (менее 8%) (см. Прил., табл. 26). Данные расчеты построены на одном искусственном допуске — на условном игнорировании коммутации налогов. Поскольку во второй половине XIX в. около половины налоговых сумм собиралось в денежной форме, примерно половина изъятия у податного и частично у казеннозависимого крестьянства по сути является «условным» зерном, т. е. приблизительным эквивалентом лянвого серебра и медных денег, поступавших в казну.

Для порайонного распределения общей массы изъятия (реальное + «условное» зерно) характерно, что около 80% ее падало на Центральный и Южный Китай и лишь до 20% — на Север и Маньчжурию (см. Прил., табл. 26).

Общая масса «первичного» изъятия, в свою очередь, распадалась на две основные части — долю казны и правящих сословий, т. е. бюрократической части, и долю крупных землевладельцев, т. е. частнофеодального слоя господствующего класса. В целом государство и правящие сословия ежегодно получали в свои руки в виде налогов, податей и иного обложения 40% всей массы «первичного» изъятия (более 16 млн. т реального и «условного» зерна), что составляло свыше 13% общекитайского производства. Более 52% этих поступлений собиралось с податных крестьян, свыше 38% составляло обложение арендно-помещичьего сектора и более 9% — казеннозависимых земледельцев (см. Прил., табл. 27).

Остальные 60% «первичного» изъятия представляли собой земельную ренту, выплачиваемую помещикам частнозависимыми держателями их земель, в том числе арендаторами формально казенных, а фактически — частновладельческих полей. Всего помещики получали совокупную арендную плату в размере более 30 млн. т зерна. После уплаты земельных налогов (лично или через своих держателей) ⁷ им оставалось свыше 24 млн. т, что составляло более 20% общекитайского производства зерна. Основная масса этих поступлений приходилась на центральные и особенно южные провинции (см. прил., табл. 28).

В результате такого рода «первичного» перераспределения зерна крестьянству в целом оставалось более 79 млн. т (свыше 66% выращенного им зерна), в том числе до 40% (около 48 млн. т) приходилось на долю податных дворов, 24% (до 29 млн. т) оставалось на руках у частнозависимых крестьян и свыше 2% (3 млн. т) — казеннозависимых земледельцев (см. Прил., табл. 29).

В результате номинальное, т. е. без учета помещичьего комплекса на казенных землях, соотношение бюрократического и частнофеодального секторов по их доле в «первичном» изъятии может быть выражено в пропорции 28,5:71,5. После перераспределения массы «первичного» изъятия, т. е. после уплаты налогов с арендных земель, это соотношение составляло 42,7:57,3, а с учетом потребления соответствующих категорий крестьян — 55,8:44,2 (см. Прил., табл. 30). Фактическое же, т. е. с учетом частноаренд-

ных полей в сфере государственного землевладения, соотношение секторов господствующего уклада по трем указанным показателям выражалось в следующих пропорциях: 24,6:75,4; 40:60; 54,5:45,5 (см. Прил., табл. 31). Если же эти три показателя взять в комплексе с другими (пахотная и посевная площадь, количество крестьян и производство зерна), то номинальное соотношение обоих секторов составит в итоге пропорцию 50,2:49,8, а фактическое — 47,3:52,7 (см. Прил., табл. 30 и 31).

Данные о продовольственных ресурсах и фонде потребления зерна по основным группам населения Цинской империи (см. Прил., табл. 32 и 33) дают возможность установить примерную роль обоих секторов в дальнейшем использовании (фуражный фонд и обрядовые затраты, хозяйственные запасы населения), а также во «вторичном» перераспределении зерна (сфера роста численности и торговли). Этот общий зерновой потенциал Китая на 1887 г. превышал 56 млн. т, из которых 49 млн. т могут быть более или менее твердо отнесены к соответствующим секторам. Из них свыше 25 млн. т (52,2%) приходилось на бюрократический сектор, доля же частнофеодальной подсистемы превышала 23 млн. т (47,8%) (см. Прил., табл. 34).

При оценке изложенного выше комплекса данных будет спорно одни из них квалифицировать как основные, а другие — как второстепенные для суждения о приоритете одного из секторов. Полученные же в результате комплексного подхода данные не позволяют говорить об явном преобладании одного из секторов и стоящих за ними государственно-феодального и частнофеодального начал. Напротив, складывается картина повышенной и в то же время строго сбалансированной значимости каждой из отмеченных выше подсистем китайского арендно-бюрократического феодализма в его исторически наиболее зрелом и законченном виде.

Диалектическое взаимодействие единства и борьбы государственного и частного секторов традиционной системы необычайно усложняет, казалось бы, априорно естественную постановку проблемы экономического лидерства в конфуцианском Китае XIX в. Произведенное выше сравнение позиций бюрократического и помещичьего начала по целому ряду позиций выявляет по мере приближения к решающим показателям очевидное состояние не гегемонии одного из них, не наличия реальной хозяйственной доминанты, а условного баланса, своеобразного равновесия двух ведущих сил китайского средневековья в его последней фазе. Такой вывод уже сам по себе, независимо от иных привходящих моментов, является свидетельством хозяйственной мощи бюрократии в конфуцианской системе и повышенной экономической роли государства. В то же время, несмотря на то что государство было в первую очередь «подключено» к наиболее производительной и богатой отрасли хозяйства — земледелию, тогда как городской сектор (ремесло и торговля) был как бы его «добычей», «внешним» объектом эксплуатации, экономические параметры китайско-

го государственного Левиафана были значительно скромнее его политического могущества.

К выводу о наличии указанного баланса подводит и распределение между обеими подсистемами основных социально-экономических признаков формационнообразующего уклада. Если о более высокой технической оснащенности и лучшей организации труда в частнофеодальном подукладе можно говорить лишь в крайне острой форме, то большая производительность труда на держательских землях в целом не вызывает сомнения. Приоритет арендно-помещичьей системы в этой сфере складывался за счет более плодородных, лучше орошаемых и ухоженных земель, наиболее благоприятного климата, высокоурожайных и ценных культур, а также других преимуществ сельского хозяйства Центрального и Южного Китая. Все это давало некоторое преимущество в плане производства этой подсистемой большей массы прибавочного продукта, нежели в государственно-феодальном секторе. В противовес указанным моментам бюрократическая подсистема обеспечивала как максимальное поступление изъятых продуктов в высшие, централизующие звенья системы перераспределения, так и овеществление этого продукта в наиболее совершенных видах предметов потребления и в оружии. В плане же овеществления изымаемого продукта в наиболее совершенных для Китая того времени видах средств производства существовало примерное равенство обеих подсистем.

В то же время производительно используемая часть прибавочного продукта частнофеодального подуклада имела преобладающее воздействие на общенациональные процессы расширенного воспроизводства, т. е. на накопление. Неоспоримо и ведущее место продукта данного подуклада в содержании господствующего класса Китая. Однако ведущая роль в содержании персонала надстроечных институтов, аппарата насилия и идеологического воздействия принадлежала бюрократической подсистеме. При этом общая для обоих подразделений и соответственно частей господствующего класса конфуцианская идеология играла ведущую роль в общенародном мировоззрении и социальной этике населения Цинской империи.

Аналогичный баланс существовал и в разделении служебных функций обеих подсистем. Если бюрократический подуклад гарантировал воспроизводство крестьянства как главного производящего сословия, то частнофеодальный сектор обеспечивал воспроизводство численно преобладающей части господствующего класса. Первый гарантировал единство и функциональную целостность всей бинарной системы, ибо был спасительным противовесом высокому уровню изъятия на арендных землях. Без баланса с первым не мог нормально функционировать и второй подуклад. Иначе говоря, без огромного слоя податных крестьян с относительно низким уровнем «первичного» изъятия прибавочного продукта (в среднем 15% урожая) было бы невозможно не только воспроизводство крестьянства как тяглого слоя, но и существование

столь высокого уровня изъятия (около 50% урожая) в частнофеодальном подсекторе. Чрезмерное сокращение численности податных крестьян и соответственное превращение подавляющего большинства земледельцев в частнозависимых держателей при 50%-ном уровне изъятия было чревато гигантским социальным катаклизмом, даже крахом всей системы из-за невозможности обеспечить необходимый уровень воспроизводства крестьянского населения.

В целом по стране без учета «вторичного» изъятия (ростовщическая и торговая эксплуатация) на руках у крестьянства оставался прибавочный продукт в размере около 17 млн. т зерна (свыше 14% его валового производства) (см. Прил., табл. 39, 40). Из них свыше 15 млн. т приходилось на податные дворы, которым «оставалось» в качестве прибавочного продукта (до «вторичного» изъятия) свыше 28% выращенного ими зерна. Соответствующие же показатели у частнозависимых земледельцев неизмеримо ниже (см. Прил., табл. 39, 40). В целом по Китаю крестьянству «оставалось» до 30% прибавочного продукта, причем данный показатель опять-таки складывался прежде всего за счет крестьян бюрократического сектора⁸. Иными словами, ведущая роль бюрократического сектора в расширенном воспроизводстве крестьянства, основного производящего класса, бесспорна. Достаточно указать, что податное крестьянство до встречи с купцом и ростовщиком сохраняло свыше 65% прибавочного продукта, созданного его руками (см. Прил., табл. 41). Если бюрократическая часть господствующего класса изымала у крестьянства государственно-феодального сектора около 10 млн. т (почти 17% произведенного в нем зерна), то частные феодалы отнимали у зависимых от них держателей земли свыше 30 млн. т (примерно 50% валового сбора арендно-помещичьего сектора). В первом случае по преимуществу собственническому крестьянству «оставалось» (до «вторичного» изъятия) без малого 16 млн. т (более 26% зерновой массы, произведенной в рамках бюрократического сектора). Во втором случае в основном арендаторскому слою земледельцев «оставалось» (с той же оговоркой) немногим более 1 млн. т, что составляло около 2% валового сбора частнофеодального сектора (см. Прил., табл. 42, 43). Иначе говоря, бюрократическая подсистема была основой расширенного воспроизводства крестьянства — главной производящей силы страны.

Данный вывод должен быть скорректирован с учетом натуральной части «вторичного» изъятия, прежде всего ростовщической эксплуатации крестьян за счет зерновых ссуд (чисто денежные займы и их погашение здесь не учитываются). Расчеты и оценки позволяют определить ежегодный размер прямой «дани» крестьян разного рода займодавцам (без учета погашения самих ссуд) — почти 4 млн. т зерна (свыше 3 млн. т приходилось на долю кредита со стороны помещиков, торговцев и ростовщиков, остальное — кредит кулаков) (см. Прил., табл. 35). С учетом зерна, продававшегося для уплаты процентов по денежным ссудам

(примерно 2 млн. т), общий объем «натуральной» ростовщической эксплуатации составлял свыше 5 млн. т, или более 4% валового сбора (см. Прил., табл. 44).

Самое общее соотношение этой части «вторичного» изъятия к обеим категориям крестьянства дает основание считать, что у держательской его половины либо изымался весь прибавочный продукт (в зерновой его части), либо у полуарендаторской верхушки оставалась ничтожная его доля, а держательская беднота теряла какую-то часть необходимого продукта. В данной связи не будет большой натяжкой считать, что подавляющая масса остающегося у крестьянства прибавочного продукта (около 12 млн. т, или 10% валового сбора) приходилась на податные хозяйства (см. Прил., табл. 44). К этому следует прибавить земельные доходы кулаков-рентополучателей, на долю которых приходилось свыше 8% сдаваемых в аренду полей. Получаемая ими рента (2,5 млн. т) не изымалась из крестьянской среды, а всего лишь переходила от одного ее слоя к другому, впрочем, как и ростовщический процент за зерновые ссуды кулаков другим дворам (около 1 млн. т) (см. Прил., табл. 35). Таким образом, на данной стадии крестьянству в целом оставалось свыше 14 млн. т, или примерно 25% общей массы прибавочного продукта (в сумме превышавшего 57 млн. т) (Прил., табл. 44).

Остальные 75% прибавочного продукта в зерне изымались эксплуататорскими слоями и казной. Из этих почти 43 млн. т (до уплаты налогов с арендных земель) 31 млн. т в виде земельной ренты (до 28 млн. т) и процентов за зерновые ссуды (около 3 млн. т) попадал в основном к помещикам и в какой-то мере — к представителям торгово-ростовщического капитала. Землевладельцы, в свою очередь, участвовали в изъятии прибавочного продукта через каналы обращения наряду с зерноторговцами и ломбардами (2 млн. т). И, наконец, до 10 млн. т в виде налогов поступало казне и правящим сословиям. В руки землевладельцев-рентополучателей всех категорий (вторая группа шэньши, дичжунешэньши и кулаки-арендодатели) попадало до 74% изымаемого у крестьянства зерна. Доля госаппарата и правящих сословий составляла около 22%, а в руки торгово-ростовщического капитала переходило более 4% зернового изъятия (табл. 44). При таком подходе, т. е. с учетом кулацких арендных поступлений, у крестьянства изымалось до 80% прибавочного продукта, а его доля (точнее, доля его податной части) снижалась до 20%.

Вопрос о доле крестьянства в процессе перераспределения прибавочного продукта должен быть поставлен в прямую связь с цикличностью развития китайского общества: объем прибавочного продукта, остававшегося у податных крестьян в начале цикла (70-е годы XIX в.), сократился к его середине (рубеж XIX—XX вв.) и подошел к критическому уровню в его конце (40-е годы XX в.). В данной связи следует особо отметить, что, в значительной степени скорректировав данные 1887 г. по показателям 1934 г., мы тем самым привнесли в расчеты более позднюю обста-

новку, т. е. атмосферу конца цикла. Иными словами, нами были сознательно завышены размеры помещичьего землевладения (за счет приближения их к уровню 30—40-х годов XX в.) и соответственно общий объем изъятия земельной ренты. Отсюда следует, что прибавочный продукт, остававшийся у крестьян в 80-х годах XIX в. (до извлечения торговой прибыли) в целом был несколько больше указанного объема (12—14 млн. т).

В то же время последний не является окончательным показателем доли податного крестьянства (20—25%) в перераспределении прибавочного продукта, так как часть его, хотя и в денежной форме, изымалась у крестьян купцами, помещиками, ростовщиками и кулаками в качестве торговой прибыли при скупке и перепродаже рыночного зерна.

Для оценки возможных размеров этого важнейшего компонента «вторичного» изъятия необходимо учесть его основные категории и главных поставщиков. По приблизительным расчетам, в сферу товарного обращения в Китае конца 80-х годов XIX в. ежегодно втягивалось до 46 млн. т зерна. В русле принудительной товаризации крестьянского продукта на рынок поступало свыше 18 млн. т, или почти 40% общей товарной массы: в целях уплаты поземельных налогов, взимавшихся деньгами, податные хозяйства продавали около 8 млн. т (свыше 17% общей товарной массы), для внесения денежной и «переводной» ренты, а также разного рода предварительных взносов и арендных залогов держатели земли выносили на продажу более 6 млн. т (свыше 13%), наконец, необходимость погашения денежных ссуд и процентов по ним вынуждала крестьян пускать в рыночный оборот свыше 4 млн. т (9%).

В русле естественной товарности на рынок выбрасывалось до 27 млн. т зерна (свыше 58%). Около 16 млн. т (34%) приходилось на долю крестьянства. Одна часть этого зерна продавалась для покупки более дешевого продовольствия (рис и пшеница для приобретения проса, гаоляна, кукурузы, ячменя, батата и бобов, которые, в свою очередь, продавались для получения денежных сумм на иные расходы). Остальное крестьянское зерно выносилось на рынок для покрытия разного рода хозяйственных и обрядовых расходов (свадьбы, похороны и т. д.), для покупки различных товаров, в том числе ремесленных изделий, главным образом бытового назначения. Более 11 млн. т (24%) направляли в рыночный оборот землевладельцы, включая кулаков-рентополучателей, а также частично зерноторговцы и ростовщики.

Наконец, весной и в начале лета государство пускало в продажу около 1 млн. т (2%) из казенных зернохранилищ.

На стадии первой продажи зерна основным товаровладельцем, естественно, являлось крестьянство, поставившее в целом (принудительно и добровольно) до 34 млн. т (менее 74%). Как уже отмечалось, свыше 24% товарной массы приходилось на долю землевладельцев, кулаков-арендодателей, сельских лавок и ломбардов. Остальные 2% падали на долю казны (см. Прил., табл. 38).

На стадии второй и последующих перепродаж картина резко менялась. Доминирующим товаровладельцем становился торговый капитал, в первую очередь зерноторговцы разных мастей (от крупных фирм до мелких лавчонок) и частично помещики.

Изъятие массы прибавочного продукта через каналы ренты, налогообложения и ростовщичества тормозило укрепление прямых экономических связей типа «деревня — город», «земледелие — промышленность», «зерновое хозяйство — другие отрасли земледелия» и «производитель — потребитель» вообще, в результате чего происходило сильнейшее искажение прямых связей между этими звеньями. Через «искаженный» таким образом рентой товаропоток проходило свыше 17 млн. т зерна, или до 38% его общей рыночной массы (см. Прил., табл. 38). С учетом же вынужденной товаризации — для погашения долгов, вызванных рентными платежами, и фискальных отчислений (рента-налог) — указанные показатели возрастали до 26 млн. т (57%). Иначе говоря, лишь менее половины товарной массы риса и пшеницы поступало потребителю по «нормальным» экономическим каналам, минуя русло разного рода рентных отклонений. Вместе с тем приток зерна на рынок под воздействием ренты искусственно поддерживал существующий уровень товарности зернового хозяйства (38% валового сбора). Не будь принудительная товаризация столь значительной (почти 40% рыночной массы), произошла бы резкая натурализация экономики в целом, ибо общий уровень рыночного оборота во многом обеспечивался за счет изъятия у крестьянства прибавочного продукта и недопотребления ряда его категорий и прослоек, в первую очередь казеннозависимых и арендаторов.

В общей массе товарного зерна (до 46 млн. т) для нас особый интерес представляют те ее почти 74%, которые продавались самими крестьянами. Одна часть этой продукции непосредственно переходила в руки потребителя, минуя товаропроводящую сеть, созданную торговцами, помещиками и ростовщиками. Речь идет о гигантском количестве мелких и мельчайших сделок, осуществлявшихся между крестьянами в своих или соседних деревнях, на ближайших волостных базарах и на рынках уездного значения, где контрагентом крестьян выступала и какая-то часть неземледельческого населения. В подобном случае земледельцы избегали эксплуатации со стороны торгового капитала, а дальнейшее движение товара прекращалось на стадии первой продажи. Остальное крестьянское зерно поглощалось товаропроводящей сетью зерноторговцев разного типа, что сопровождалось резкой концентрацией товарных масс, ростом числа перепродаж и изъятием торговой прибыли.

Торговый капитал играл ведущую роль в снабжении части деревенского неземледельческого и практически всего городского населения, а также мастерских, мануфактур, районов технических культур и стихийных бедствий, национальных окраин и т. д. (суммарный объем указанных статей зернового баланса Китая превы-

шал 18 млн. т). Кроме того, через руки купцов, торгующих помещиков и ростовщиков проходила какая-то часть зерна по таким статьям зернового баланса, как снабжение правящих сословий, товарное потребление крестьян, фуражный фонд, продажа зерна для погашения денежных ссуд и процентов по ним, а также запасы населения и особенно его обрядовые затраты (всего до 26 млн. т) (см. Прил., табл. 37). Все это дает основание считать, что по меньшей мере половина всего товарного зерна (до 23 млн. т) после первой продажи контролировалась зерноторговцами всех видов, а остальная половина непосредственно переходила от крестьян к потребителям. Из 23 млн. т, составлявших оперативный фонд торгового капитала, свыше 11 млн. т приходилось на долю преимущественно принадлежавшего помещикам зерна, притекавшего в сферу обращения через каналы ренты и ростовщичества. Остальные 12 млн. т скупались торговцами разных мастей непосредственно у самих крестьян. Данная сфера и была полем изъятия торговой прибыли за счет земледельцев.

Используемая нами система расчетов целиком строится на чисто натуральных показателях (зерно), а между тем извлечение торговой прибыли производилось в области действия иных — товарно-денежных — начал. Это существенно затрудняет выяснение масштабов важнейшего компонента «вторичного» изъятия. Имеющиеся данные позволяют считать, что в конце XIX в. китайский крестьянин получал от скупщика максимум 50% окончательной цены риса на городских рынках при постоянной тенденции к снижению крестьянской доли и соответственно к росту торговой прибыли зерновых фирм. Так, уже в 30—40-х годах XX в. доля крестьянина-продавца составляла в среднем 40% окончательной цены риса (10% приходилось на транспортные и иные расходы, а остальные 50% составляли чистый доход торговцев) [26, с. 308; 207, с. 131]. Следовательно, чем больше крестьянин продавал зерна купцам, помещикам и ростовщикам, тем больше он терял, ибо всевозрастающая часть прибавочного продукта перераспределялась в их пользу.

Крестьянство было главным объектом извлечения торговой прибыли, ибо оно являлось основным товаровладельцем на стадии первой продажи зерна. При 50%-ном уровне относительных потерь со стороны продавца из 12 млн. т зерна, скупавшихся различными хлеботорговцами у крестьян, последние фактически недополучали половину стоимости своей продукции, т. е. как бы теряли до 6 млн. т в качестве торговой прибыли, присваиваемой скупщиками. Терялось, естественно, не само зерно, а его денежный эквивалент, т. е. разница между скупочной ценой в момент первой продажи и окончательной продажной ценой, уплачиваемой потребителем за вычетом транспортных, складских и иных расходов. В силу этого упомянутые 6 млн. т также являлись в известном смысле «условным» зерном. Какая-то часть торговой прибыли оставалась в руках кулаков, и тем не менее в целом контакты крестьян — продавцов зерна с торговым капиталом вели к резко-

му снижению размеров прибавочного продукта, реально остающегося в среде непосредственных производителей. Указанный выше его объем (12—14 млн. т) с учетом этой части «вторичного» изъятия снижался до 6—8 млн. т, а изымаемая часть в целом возрастала до 49—51 млн. т.

Данные показатели можно считать более или менее окончательными. Таким образом, доля крестьянства (точнее, его податной половины) в распределении и перераспределении прибавочного продукта составляла примерно 11—14%, а доля эксплуататорских слоев и государства — 86—89%. Иными словами, количество остававшегося у крестьян зерна было крайне скромным: среднедушевой размер необходимого продукта несколько превышал 200 кг, а прибавочного продукта колебался от менее 20 до 26 кг в год (рассчитано на основании табл. 1, 33, 39, 44). Вместе с тем 6—8 млн. т прибавочного продукта распределялись внутри самого крестьянства крайне неравномерно. Основная его масса приходилась на кулацкие и зажиточные середняцкие дворы податных земледельцев, тогда как на арендаторские и полуарендаторские слои — крайне малая часть.

Таким образом, для Цинской империи рассматриваемого периода была характерна ситуация, при которой механизм эксплуатации, целиком ориентированный на изъятие максимального объема прибавочного продукта, выкачать его полностью практически не мог. В подобном диалектическом «равновесии» заключалась одна из сторон спасительного социально-экономического баланса, обеспечивавшего сохранение и воспроизводство всей системы в целом. В известном смысле именно 6—8 млн. т зерна, составлявшие долю крестьянства в прибавочном продукте в конце XIX в., являлись важнейшим объектом борьбы между податным крестьянством, с одной стороны, и эксплуататорскими слоями и казной — с другой. Сохранение этого небольшого фонда, гарантировавшего весьма скромные размеры расширенного воспроизводства как самого крестьянства в качестве основной производящей силы общества, так и всего земледельческого комплекса в целом, отставало собственническое крестьянство — его главный владелец.

Эту особую роль «прибавочного» минимума помогают прояснить количественные показатели развития Китая за 1875—1915 гг. За указанные 40 лет производительность труда в зерновом хозяйстве не только не повысилась, но в ряде случаев имела тенденцию к снижению (в целом средняя урожайность не превышала 120—122 кг зерна с му). Уровень же арендной эксплуатации, напротив, несколько возрос при резком увеличении поземельных и иных налогов. В то же время рост народонаселения превалировал над расширением пахотных площадей (включая Маньчжурию) на 8%. Деревня должна была прокормить упомянутые «дополнительные» 8% населения (свыше 35 млн. человек — более 31 млн. сельских и свыше 3 млн. городских жителей), для чего годовой продовольственный фонд увеличился к концу указанного периода

на 5—6 млн. т зерна. Ясно, что в условиях снижения душевого производства (соответственно и потребления) за то же время с 326 до 301 кг в год она смогла это сделать лишь за счет крестьянской доли в прибавочном продукте (рассчитано по табл. 1, 18, включенным в Прил.). В случае же его полного изъятия решить подобную задачу было бы физически невозможно.

Таким образом, произведенное выше вычленение прибавочного продукта, остающегося главным образом у податного крестьянства, при всей приблизительности расчетов, допущах и условности абсолютных цифр (в связи с отсутствием точных статистических данных) позволяет реалистично объяснить факт экономического обеспечения демографического роста, избегая при этом обеих крайностей, т. е. как полного исключения прибавочного продукта из крестьянской жизни, так и чрезмерного завышения его.

Из сказанного с неопровержимостью следует вывод, что в экономическом и демографическом балансе обеих подсистем заключалась устойчивость всего китайского арендно-бюрократического феодализма. В частности, для Китая XVIII—XIX вв. существовал определенный допустимый уровень расширения частнофеодального подсектора, превышение которого вело к нарушению баланса бинарной системы и социальному взрыву. Видимо, накануне Крестьянской войны тайпинов (1850—1864) имела место подобная ситуация: когда рост арендно-помещичьего комплекса достиг критической массы, возник болезненный, взрывоопасный перевес этого подсектора над бюрократическим, и тем самым было нарушено равновесие всей системы. Полоса массовых движений 50—70-х годов XIX в. сняла и этот «перекося», и перенапряженность демографической ситуации, приведя соотношение обоих секторов к «нормальному» для данной системы равновесию.

Следует добавить также, что отмеченное выше разделение функций между обоими секторами своеобразно проявилось в начавшемся процессе генезиса капитализма в деревне. Если в начале XX в. первый подуклад (бюрократический) «вырабатывал» внутри себя начальные группы кулачества, т. е. «массовые» слои крестьянской буржуазии, то второй (частнофеодальный) — первые группы обуржуазившихся помещиков — «элиту» сельского капитализма.

Аналогичное равновесие имело место и в системообразующих функциях обоих секторов. Все приведенные выше сведения в целом не дают основания приписывать исключительную или ведущую системообразующую роль какой-то одной из двух подсистем. Здесь мы имеем не одну господствующую, а две уравновешивающие одна другую формы эксплуатации — рентную и налоговую. Поэтому ошибочными, на наш взгляд, являются и попытки рассматривать чиновно-крестьянскую подсистему как ведущую, имевшую преобладающее влияние на все цинское общество, т. е. отодвигать арендно-помещичий комплекс на задний план (что приводит к выводу о преобладании в Китае «класса-государства» и так называемого азиатского способа производства), и обратная тен-

денция — замалчивание подсистемы «казна — податной крестьянин», ведущая к снятию основного момента специфики китайского феодализма XVIII—XIX вв., а именно его уравновешенной бинарности.

Если на экономическом, или базисном, уровне имело место довольно прочное равенство обоих секторов, то на уровне надстройки, или в организационно-структурном и политическом плане, такого рода уравновешенность нарушалась. На первый план явно выдвигался бюрократический комплекс. Значительные преимущества подсистемы «казна — податной крестьянин» создавались не просто большей приближенностью ее к надстройке, но и фактической подключенностью к ней через посредство чиновничества и других бюрократических групп и слоев господствующего класса. При этом экономически равноправная двусосновность не исключала того, что частнофеодальный сектор выступал как в какой-то мере «зависимый» от государственно-феодального комплекса — в плане выплаты земельных налогов. Кроме того, бюрократическая подсистема представляла собой ведущую сферу социально-политической активности, в частности основную сферу крестьянской борьбы, в том числе вооруженных выступлений против чиновников и чрезмерного налогообложения. Все это в целом создавало особую значимость подсистемы «казна — податной крестьянин». В данной связи в какой-то мере обоснованна попытка представить указанные секторы соподчиненными по вертикали: «сверху» — бюрократический, а «снизу» — арендно-помещичий.

Специфическое соотношение обеих подсистем на надстроечном и политическом уровне делает общее равновесие системы относительным и условным. Тем не менее анализ всей ситуации в комплексе с базисным экономическим уровнем делает не менее условной и шаткой попытку поставить чиновно-крестьянский подуклад над арендно-помещичьим. В конечном счете подобная тенденция столь же искусственна, сколь необоснован и обратный вариант. Иначе говоря, цинская система в целом имела не столько вертикальное, т. е. соподчиненное, сколько горизонтальное, или равноправное, расположение подсистем, отражавшее их сбалансированное соотношение и неразрывность.

Неправомерна для Китая XIX в. и постановка вопроса о том, какому из подукладов принадлежала формационнообразующая функция. Столь же необоснованна характеристика одного из них как формационного, а другого — как основного или количественно господствующего уклада. В Цинской империи вся бинарная система, включавшая два равноправных и взаимодополняющих компонента, в целом выполняла одновременно функции и формационнообразующего, и основного, преобладавшего уклада, т. е. обе функции соединялись воедино. Этот объединенный формационнообразующий уклад охватывал свыше 348 млн. человек, т. е. подавляющее большинство населения (до 90%) (см. Прил., табл. 4). Он прочно преобладал в социальной структуре общества и создавал укреплявшие его надстроечные институты, в свою оче-

редь служившие, как и сословие шэньши, дополнительными скрепами бинарной системы.

Следует особо и лишний раз подчеркнуть, что обе подсистемы основного уклада не существовали отдельно и в «чистом» виде. Они накладывались друг на друга и взаимно переплетались за счет ряда важнейших комплексов (которые мы искусственно расщепили в целях анализа). Речь идет о таких связующих элементах, как слой полуарендаторов, казенное землевладение, сидящее на этих землях крестьянство, сословие шэньши и т. д. Каждая из этих структур в отдельности и все они вместе осуществляли функцию сцепления и взаимопроникновения обоих компонентов общей бинарной системы.

Цинская империя, как общество на двуединой основе, в итоге представляла собой не простую сумму двух слагаемых, не механический конгломерат, а нечто качественно иное. Внешне выступая как дуалистическая структура, традиционное китайское общество XIX в. являлось внутренне синтезированной системой и целостным организмом. Здесь имело место не поверхностное сочленение, а гибкое взаимопроникновение обоих начал в экономическом, социальном, идеологическом и культурном плане. В цинском Китае не одна из двух основ, взятая в отдельности, определяла лицо общества, а обе вместе и одновременно. Другими словами, синтез обоих начал, а не их симбиоз являлся цементирующей силой социума, его действительным фундаментом.

Необходимо подчеркнуть, что такого рода бинарность не была чисто китайским явлением. В России, например, центр и юг страны представляли собой зону преимущества дихотомии «помещик — крепостной», а север и Сибирь — обширную область господства системы «казна — податной крестьянин». Причем в чисто количественном плане Россия середины XIX в. представляла собой более «азиатскую» и «бюрократическую» страну, чем Китай, так как крестьяне делились между подсистемами «казна — податной земледелец» и «помещик — крепостной» в пропорции 63:37 (на 1857 г.). Иначе говоря, Цинская империя была в каком-то смысле более «помещичьей» и частнофеодальной страной, нежели империя Романовых. В Китае сочетание двух дихотомий имело схожие региональные смещения. Так, на Севере и в Маньчжурии местный феодализм был по преимуществу «государственным», «бюрократическим» с основным противостоянием «казна — крестьянин-собственник», с повышенной ролью налогов, чиновников и т. д. Вместе с тем на Юге и в Центральном Китае феодализм был по преимуществу «частным», «помещичьим», «арендным» с основным противостоянием «крупный землевладелец — зависимый держатель земли», с особой ролью земельной ренты, помещиков, долговой кабалы и т. д. При этом надстройка вместе с состоянием шэньши обеспечивали целостность и единство обоих регионов.

Вместе с тем императорский Китай XIX в. был не обществом без явной доминанты, а социально-экономическим организмом с «двойной доминантой». Одновременное состояние раздвоенности и

целостности системы, единство и относительное равенство обоих начал, их органический баланс выступали факторами общей регулирурованности и повышенной прочности традиционного общества Китая. Баланс двух начал являлся гарантией повышенной формационной устойчивости всей системы. При этом двуосновность в плане равновесия секторов сочеталась с более глубокой экономической уравниженностью и устойчивостью общества за счет бинарности иного, особого плана. Для средневекового Китая было характерно «иное, нежели в Европе, соотношение товарно-денежного и натурального начал», а именно «слияние, срастание» обоих компонентов, когда «товарно-денежное начало не представляло собой самостоятельного уклада» [204, с. 16—20]. Повышенная устойчивость и «большие регенерационные возможности» такой бинарной структуры, гибкая двуосновность данного гетерогенного общества, в частности, свели до минимума ущерб, нанесенный иностранной экспансией традиционному обществу Цинской империи конца XIX в.

Глава 2

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЫ В КИТАЕ (1840—1894)

Состояние народного хозяйства Китая в 90-х годах прошлого столетия определялось сложным балансом воздействия разнохарактерных сил и тенденций. При полном господстве старых, традиционных для конфуцианского средневековья хозяйственных форм в массовых секторах занятости все заметнее сказывались результаты влияния новых, в первую очередь внешних факторов. В результате в структуре арендно-бюрократического феодализма появились совершенно новые экономические формы. Одни из них были в силу особых обстоятельств заимствованы извне, другие — привнесены в Китай иностранной экспансией. Наряду с поступательными процессами в одних звеньях экономики наблюдались регрессивные тенденции или признаки стагнации в других отраслях. Сочетание созидательного с деструктивным началом было во многом заложено такими крупными политическими надломами, как «опиумные» войны и двадцатисемилетняя полоса крестьянских и национальных восстаний третьей четверти XIX в.

После первой «опиумной» войны (1840—1842) Китай пережил полосу экономического хаоса, вызванного утечкой серебра (вследствие ввоза опиума), и во вторую половину XIX в. Цинская империя вступила в обстановку сильнейшей хозяйственной разрухи. Она была вызвана Крестьянской войной тайпинов (1850—1864), повстанческой борьбой няньцзюней (1852—1868), восстаниями национальных меньшинств (1854—1877) и главным образом их варварским подавлением силами феодальной реакции. Карательные экспедиции маньчжурских войск и помещичьих армий, а также

сильнейший голод 1876—1879 гг. на севере страны привели к резкому сокращению количества городских и сельских жителей. Население 18 собственно китайских провинций, насчитывавшее в 1851 г. около 429 млн. человек, сократилось к 1882 г. до 380 млн., т. е. примерно на 48 млн. человек [26, с. 325; 28, с. 12]. Только в ходе подавления движения тайпинов погибло около 20 млн. человек [455, с. 210, 211, 480, с. 624].

Наибольшему опустошению подверглись юг Цзянсу, север Чжэцзяна, юго-восточная часть Хэнани, Аньхой, север Цзянси, а также юг Чжили, западные районы Шаньдуна, Ганьсу и Юньнань. Часть сельских жителей была перебита, другие погибли от голода и бедствий, третьи бежали из этих мест. В некоторых районах Цзянсу, Чжэцзяна и Аньхой население сократилось на 40—80% по сравнению с предшествующим периодом. Такое положение сохранялось даже в 80-х годах XIX в. [427, с. 241].

Были разрушены и приходили в негодность ирригационные сооружения, сеть оросительных каналов. В 60—70-х годах в Цзянсу и Аньхое большое количество земель было заброшено и не обрабатывалось. Разруха там была преодолена лишь в конце 80-х годов, а в Юньнани, Ганьсу и других западных районах, и то частично, только в 90-е годы. В этих условиях усилилось переселение на новые земли. Интенсивно шла миграция из внутренних областей в опустошенные районы восточных провинций. Здесь несколько укрепилось землевладение как крестьян-старожилов (*бэньди*), так и новоселов (*кэцзя*). В то же время значительная часть дворов по-прежнему оставалась в зависимости от крупных помещиков — «местных деспотов» (*туба*), «больших семей» (*да-ху*), богатых шэньши (*фушэнь*).

В годы Крестьянской войны усилилась также миграция из Северного Китая в Маньчжурию, где лежали огромные массивы нетронутых земель. Под давлением обстоятельств цинское правительство в 1858—1860 гг. разрешило переселение в Цилинь и Хэйлунцзян китайцев-мужчин, но без права покупки земли. В 1878 г. был снят запрет на въезд туда китайцев и на приобретение мигрантами земли. В 1880 г. было создано Колонизационное бюро, ведавшее заселением Маньчжурии. Развернувшаяся в 60—70-е годы массовая колонизация дотоле скудно заселенного и хозяйственно не освоенного Северо-Востока привела к тому, что к концу XIX в. по сравнению с его серединой население края увеличилось с 3 млн. до 12—13 млн. человек [225, с. 120].

Полоса народных движений 50—70-х годов в отдельных районах существенно укрепила позиции крестьянской земельной собственности. Вместе с тем во второй половине XIX в. ускорился распад казенного землевладения (*гуаньтянь*), заметно сократился его пахотный фонд. В 1853 г. было снято запрещение на куплю-продажу «знаменных» земель (*циди*). Последние, как и поля военных поселений (*туньтянь*), «общественные» земли (*гунтянь*) и т. д., все более переходили в частную собственность.

Основной тенденцией второй половины XIX в. стали рост част-

ных земель (*миньтянь*) и упрочение частной собственности на землю. Однако этот процесс еще не полностью освободился от наслоений прошлого. По-прежнему использовались традиционные формы продажи земли — с правом выкупа (*хомай*) и окончательная (*думай, цзюэмай*). При «вечной аренде» право выкупа могло касаться либо верхнего слоя почвы (*тяньмянь*), либо самой земли, т. е. нижнего слоя (*тяньди*).

В целом же средневековый строй деревенской жизни не претерпел каких-либо серьезных изменений. Феодалное землевладение туба, даху и рядовых дичжу по-прежнему господствовало в Центральном и Южном Китае. Здесь большая часть крестьянских семей (*сяоху*), бедствовавшая в тисках малоземелья, находилась в прочной экономической зависимости от «даху», т. е. помещиков (*шэньши, тухао, фуху* и прочие дичжу), чьи земли им приходилось брать в аренду (*дянь, цзу*). Последняя оставалась основной формой частнофеодальной эксплуатации крестьянства. В деревне господствовала натуральная рента. Тремя основными ее видами были фиксированная (*мицзу, гуцзу*), изменяющаяся в зависимости от урожая (*хоцзу, ицзу*) и издольная рента (*фэньчжун, фэньцзу*). Натуральная рента обычно достигала 40—50% урожая. Денежная аренда (*цянцзу, юйцзу*) была развита слабо. Она занимала главным образом в районах выращивания технических культур, либо на малоурожайных (богарных, горных, истощенных) землях.

✓ Земельная аренда в большинстве случаев носила кабальный характер, сочетаясь с долговой зависимостью держателя от землевладельца. Аграрное перенаселение, особенно в Центральном и Южном Китае, давило на арендаторов и полуарендаторов, ставя их в серьезную зависимость от дичжу, поскольку у последнего всегда была под рукой резервная масса держателей земли (*дяньху, цзуху*) на таких же тяжелых условиях. Как шэньши, так и простые дичжу сдавали обычно почти все свои поля мелкими и мельчайшими участками в держание крестьянам. Полученные в счет арендной платы и долгов средства крупные землевладельцы частично вкладывали в торговлю и ростовщичество, использовали для покупки чинов, почетных званий и земель.

Жестокая средневековая эксплуатация дяньху сочеталась с элементами внеэкономического принуждения. Для «местных деспотов» (*тухао*) и так называемых злых шэньши (*лэшиэнь*) обычными явлениями были сгон арендаторов с земли, захват собственных крестьянских участков за долги и прочие виды притеснения держателей. Долговая кабала для крестьян зачастую являлась своего рода наследственным полукрепостным состоянием. Аренда земли в ряде случаев была связана с отработками (*гунъи*) — иногда до 20—30 дней бесплатной работы на дичжу. Туба и даху имели свою вооруженную охрану, иногда даже целые отряды (*миньтуань*), свои тюрьмы, подвергали арестам и избиениям недоимщиков и должников. У последних зачастую отбирали детей в рабство.

Ростовщичество дополняло собой арендную эксплуатацию. В роли ростовщиков помимо торговцев и хозяев волостных ломбардов (*данпу*) чаще всего выступали сами помещики. Преобладали ссуды зерном, семенами, реже встречались денежные. Крестьянство вынуждено было брать зерновые ссуды под чудовищные полугодовые проценты — в среднем 75%, а иногда до 100% и выше. Отдавая в залог под денежную ссуду последний клочок земли, они попадали в долговую кабалу зачастую к тому же даху, у которого приарендовывали землю.

Крестьяне — собственники земли платили в зависимости от размеров последней поземельный налог (*дидин*), а также многочисленные и разнообразные надбавки к нему, начисления и т. п. Сбор налогов при их довольно низких официальных ставках часто принимал черты прямого грабежа, при котором произвол местных властей не имел предела. Широко практиковался сбор тех или иных платежей за несколько лет вперед. Чиновники произвольно устанавливали курс серебра в медной монете, по своему усмотрению переводили натуральный налог в денежный и обратно (*лянчжэ*). В результате фактические выплаты часто превышали номинальную ставку налога (или надбавки) в несколько раз. Неудивительно, что фискальный гнет вызывал особую ненависть крестьян-собственников, которые сверх того должны были отбывать государственные трудовые повинности (*чайяо, цзюньяо*).

Застойность социально-экономических форм соответствовала техническому уровню земледелия. В деревне сохранялись средневековые методы орошения и обработки земли, господствовали мелкие простейшие орудия — мотыги, лопатки, грабли, а также деревянная соха. На больших площадях все более сказывались истощение и разрушение верхнего слоя почвы. Производительность труда в зерновом хозяйстве в рассматриваемый период заметно снижалась. Падение урожайности зерновых в большинстве провинций, в том числе и в «житнице Китая» — Хунани, Хубэе, Цзянси и Аньхое — наблюдалось как при сборе летнего (*сяочунь*), так и осеннего (*дачунь*), основного урожая [55, с. 755—760]. Это обостряло продовольственную проблему в стране. Отсталость техники затрудняла для рядового крестьянства подъем целины и распахку залежных земель.

Техника полива и орошения также оставалась на прежнем уровне. Особенно давало себя знать несовершенство крупных средневековых ирригационных сооружений (дамб, плотин и отводных каналов), которые все более приходили в ветхость, разрушались и все в меньшей степени выполняли свои функции по орошению и защите от стихийных бедствий, особенно в долинах Янцзы, Хуайхэ и Хуанхэ. Голодные годы то в одних, то в других провинциях повторялись довольно часто. Засухи и наводнения опустошали целые области [55, с. 721, 722, 733—735].

Третья четверть XIX в. была отмечена сокращением обрабатываемых площадей в ряде провинций. Кризисные явления продолжали сохраняться и в последующий период. За 1873—1893 гг. по-

севные площади в стране (не считая Маньчжурии) почти не увеличилось [26, с. 320, 321]. Вместе с тем в 80—90-е годы наметился постепенный рост населения (см. Прил., табл. 18). К началу XX в. оно превысило 415 млн. человек. При этом в 18 провинциях собственно Китая к 1897 г. проживало около 400 млн. человек [123, с. 5, 346]. С ростом аграрного перенаселения все большее число разоренных крестьян пополняло собой растущую армию бездомных, нищих и бродяг (*люман, люминь*). Бедствия, приносимые засухами и наводнениями, усиливали пауперизацию низших слоев деревни.

Несмотря на то что средневековый строй прочно господствовал в сельском хозяйстве, а тяжесть помещичьей и налоговой эксплуатации в целом оставалась стабильной, вторая половина XIX в. была для деревни Китая периодом заметных экономических сдвигов поступательного характера. Ускорились позитивные процессы, шедшие еще до «опиумных» войн, — рост товарно-денежных отношений, распространение технических культур и т. д. С вовлечением страны в сферу мирового рынка быстро рос вывоз сельскохозяйственной продукции из Китая. За 1873—1893 гг. его стоимость возросла в 10 раз. Большое влияние мировой рынок оказал на развитие товарного хозяйства в Маньчжурии, вызвав резкий рост производства сои и соевых продуктов на экспорт [26, с. 88, 90].

Начавшееся превращение китайской деревни в составную часть мирового рынка в целом резко ускорило рост товарного производства сельскохозяйственной продукции и распространение товарных, в том числе технических, культур (хлопчатника, тутовника, чая, сои, мака, табака, арахиса и других масличных). Последние все более вытесняли посевы зерновых. Наибольший размах эти явления получили в приморских, особенно восточных и южных, районах (Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун). Значительно меньшее развитие рыночного хозяйства наблюдалось во внутренних областях (Хубэй, Цзянси, Хунань, Аньхой) и довольно слабое в северных и западных провинциях (Чжилли, Шаньдун, Хэнань, Шаньси, Ганьсу, Шэньси). В то же время наряду с районами товарных культур сохранялись обширные территории с преобладанием натурального уклада. Так было не только в западных (Сычуань, Юньнань) и северных провинциях, но и в глухих, отдаленных от городов и торговых путей районах Центрального и отчасти Южного Китая.

Растущий переход крестьян к техническим культурам вел к увеличению товарного производства зерна, особенно в традиционной «житнице страны» — провинциях среднего течения Янцзы (Хунань, Хубэй, Цзянси и Аньхой). Происходило дальнейшее складывание специализированных районов торгового земледелия. Расширялись старые и росли новые районы хлопководства, шелководства, зернового хозяйства, производства сои, опиума, чая и т. д. Земледелие в этих районах постепенно приобретало черты торгово-промышленного занятия, все заметнее становилось подчинение крестьян рынку. В деревне во все большей степени потребление

продуктов питания (низкосортное дешевое зерно) и промышленного сырья (машинная пряжа) обеспечивалось за счет рынка. Натурально-хозяйственный быт деревни постепенно отступал перед мелкотоварным укладом.

✓ Влияние данного процесса на социальную структуру деревенского общества стало сказываться уже в конце XIX в. Наряду с переходом к товарной организации крестьянских промыслов ускорились имущественная дифференциация крестьян-собственников и постепенный переход ее в социальное расслоение [213, с. 179—197].

Подключение Китая к мировому рынку и массовый ввоз иностранных товаров существенно изменили условия для развития местной дофабричной промышленности. После «открытия» страны в ходе «опиумных» войн к тяжести и несправедливости налогового обложения, сохранению средневековых монополий и т. д. добавилось неравное налогообложение для китайских и иностранных товаров. Внутренний рынок Цинской империи, узкий в силу абсолютного преобладания крестьянства и низкой покупательной способности народных масс, к концу XIX в. в известной мере был захвачен иностранной машинной продукцией, особенно в городах. В результате сократился общий объем кустарного производства.

Спрос мирового рынка на ряд сельскохозяйственных продуктов (например, шелк-сырец, хлопок) создал затруднения с сырьем. В одних отраслях (хлопкообработка, металлургия, металлообработка) сказалось разрушительное влияние импортных фабрик-то-тов, в других конкуренция иностранных товаров суживала возможности сбыта китайской продукции как на внешнем (например, чая), так и на внутреннем рынке (производство сахара, добыча угля и т. д.). Развитие ряда экспортных отраслей (прежде всего шелкообработка, чаеобработка, изготовление соевого масла и жмыха) во многом объяснялось временной мировой монополией Китая на чай — до 90-х годов XIX в., на шелк — до начала XX в.). Но уже с конца XIX в. низкое качество сырья и его высокая себестоимость привели к тому, что китайский чай не мог конкурировать с индийским и цейлонским, а китайский шелк начал проигрывать японскому на мировом рынке.

Сильно пострадали также металлургическое и металлообрабатывающее производства. Наплыв дешевых фабричных товаров привел к разрушительным последствиям в таких отраслях, как сахароварение, производство красителей, скобяной промысел и т. д. Главный же удар был нанесен по основной отрасли ручной промышленности — по хлопкообработке. Последняя была представлена главным образом крестьянскими промыслами, так как роль городского ремесла в данной сфере была невелика.

Особенность Китая XIX в. состояла в том, что основным орудием разрушения хлопчатобумажных промыслов были не фабричные ткани, а машинная пряжа. После подавления Крестьянской войны тайпинов иностранная пряжа беспрепятственно заполняла текстильные рынки одной провинции за другой. До начала XX в.

на китайском рынке господствовала пряжа, произведенная в колониальной Индии. В сфере же крестьянского и городского ткачества торговая экспансия Запада встретила серьезное сопротивление, несмотря на то что ввозившиеся в Китай иностранные ситцы начиная с 80—90-х годов стоили дешевле местных тканей ручной выделки. Объясняется данный феномен, на наш взгляд, тем, что в прядильном производстве в Западной Европе и Северной Америке в то время производительность труда была выше, нежели в ткацком. Обусловленная указанным моментом относительная дешевизна машинной пряжи (по сравнению с экспортировавшимися Западом тканями) не только превращала ее в более действенное «орудие» разрушения соответствующего ремесленного промысла в Китае, но и, внешне парадоксальным образом, укрепляла позиции использовавших эту пряжу китайских ткачей, так как уменьшала себестоимость их продукции, т. е. делала ее более конкурентоспособной.

В 60—70-х годах с открытием для внешней торговли северного побережья, и главное бассейна Янцзы, текстильные фабрики получили доступ во все провинции страны. Постепенно наметился переход средних и низших слоев местного населения к ношению одежды из тканей, изготовленных из машинной пряжи и в меньшей мере — из фабричного ситца. За 1872—1892 гг. импорт пряжи увеличился в 25 раз, (с 1873 по 1899 г. — в 40 раз), тогда как ввоз тканей возрос за это время лишь на 37%. В конце 90-х годов ежегодно ввозилось 1—2 млн. даней пряжи [368, с. 177, 178].

✓ Крестьяне и городские ремесленники Южного и Юго-Западного Китая в 70—80-х годах XIX в. постепенно забрасывали прядение, переходя к ткачеству с покупкой машинной пряжи и производством на рынок. Процесс отделения прядения от ткачества принял массовый характер и отчетливые формы. С 90-х годов подобное явление отчасти стало характерным и для Севера. Разрушение иностранными фабриками деревенского прядения на значительной части Цинской империи уже к концу XIX в. стало совершившимся фактом. Интенсивное отделение прядения от ткачества на машинном сырье быстро распространялось в новых районах — в Гуанси, Гуйчжоу, Сычуани и Юньнани [213, с. 206—218]. Массовый переход кустарей приморских, юго-западных и отчасти центральных провинций к фабричной пряже представлял собой крупный сдвиг и в хозяйственной жизни Китая. Тем не менее к концу XIX в. домашнее прядение еще сохраняло свои позиции в Шанси, Шэньси, Хэнане, Ганьсу, на севере Хубэя и в некоторых районах Чжили.

Эволюция дофабричной промышленности Китая во второй половине XIX в. привела к тому, что дальнейшее развитие производительных сил стало невозможным в рамках докапиталистических отношений. Развитие низших форм капитализма в хлопко- и шелкоткачестве, маслоделии и чаеобработке в конце XIX в. заметно ускорило. Отрасли, работавшие на экспорт, в социально-эконо-

мическом развитии шли впереди отраслей, которые испытывали разрушительное или тормозящее влияние ввоза иностранных фабрикатов.

Наиболее передовой экспортной отраслью стала шелкообработка, где роль торгового капитала была особенно велика. Высокие цены на сырые коконы, диктуемые мировым рынком, сделали домашнюю размотку их экономически невыгодной, в результате чего с 70—80-х годов ускорилось отделение шелкопрядения от шелководства в Цзянсу, Шаньдуне, Чжэцзяне и Гуандуне [225, с. 159, 160]. Одновременно с этим усилилось отделение шелкопрядения от шелкоткачества, что привело к укреплению в конце XIX в. таких специализированных районов шелкопрядения, как Нанкин — Уси (юг Цзянсу), Хучжоу — Цзясин — Ханчжоу (север Чжэцзяна), Гуанчжоу — Шуньдэ и ряд других областей Гуандуна [58, с. 66, 72—74, 91, 94]. С 70-х годов шелкоткачество переживало обусловленный широким спросом на шелковую нить и ткани на мировом рынке период подъема, длившийся вплоть до начала XX в.

Крупные и средние мастерские и мануфактуры (*фан*, *цзифан*) были в шелкоткачестве еще немногочисленны. Основной формой развивающегося в данной сфере капитализма была надомная работа (*вайкуан*), или же рассеянная мануфактура. К 90-м годам XIX в. «шелковые фирмы» (*чоудуань*, *чоухан*) и приемно-раздаточные центры рассеянных мануфактур, так называемые «счетные конторы» (*чжанфан*) в Цзянсу и Чжэцзяне наладили в городах (Нанкин, Чжэньцзян, Шанхай, Сучжоу, Шэньцзэчжень и др.), а также в сельской округе сеть надомной работы. Усилилась (особенно заметно в городах) дифференциация ткачей (*цзиху*). Наем в городских мелких мастерских стал широко распространенным явлением, хотя и прикрывался старыми формами. Наемные ткачи и прядильщики считались «учениками» (*сюэту*, *ту*), «подручными» (*банцзо*, *бан*), а хозяева в большинстве случаев еще работали сами [225, с. 166, 167].

В конце XIX в. в ходе общего подъема шелкопрядения на базе мелкотоварного производства появилось множество мелких шелкомотален (в Гуандуне, Цзянсу, Чжэцзяне, Шаньдуне и Фэнтяни). В отличие от шелкоткачества в шелкопрядении сильнее сказывалась тенденция к концентрации и укрупнению форм производства. Повышенные требования мирового рынка к качеству нити способствовали преобладанию в шелкопрядении мануфактуры при меньшем развитии работы на дому.

Мануфактурное производство пищевых продуктов наиболее заметно росло в Фэнтяни, Цзилени, Цзянсу. К концу XIX в. там действовали многочисленные маслобойные и винокурные мануфактуры по производству соевого масла, жмыха, муки, гаоляновой и рисовой водки. На рубеже 70—80-х годов в Хубэе, Хунани и Цзянси начался переход от скупки готового чайного листа к обработке его на складах и в мастерских чайных фирм (*чжаньфан*).

Серьезнейшим препятствием развитию дофабричной промыш-

ленности были *чангуаньшуй* и *лицзинь* — внутренние таможенные сборы, которые многократно взимались с товара по мере прохождения через многочисленные таможенные заставы. Лицзинь и экспортная пошлина на чай, например, достигали 25% его рыночной цены. Пошлина на сахар достигала 18%, хлопчатобумажных и шелковых тканей — до 16% их цены [225, с. 170].

Неразвитость кредитной системы Китая, высокий уровень заемного процента (от 30% и выше) создавали дополнительные трудности для капиталистического предпринимательства в Китае. Торговцы, владельцы мастерских и мануфактур постоянно страдали от взяточничества, вымогательства и самоуправства местных чиновников. Кустарная промышленность не стала еще надежной сферой выгодного и обеспеченного помещения капитала. Мелкие размеры большинства мастерских и мануфактур, их постоянные финансовые затруднения, большая зависимость от рыночной конъюнктуры, частые банкротства — все это свидетельствовало о слабости китайского промышленного капитала. В таких условиях технические усовершенствования, естественно, пробивали себе дорогу с большим трудом. В итоге не только почти все «ремесленные дворы» (*цзиху*), но и какая-то часть мастерских и мануфактур к концу XIX в. обладали оборудованием, отсталым даже с точки зрения мануфактурной техники.

Главной чертой, отличавшей вторую половину XIX в. от предшествовавшего периода, было появление совершенно новых экономических явлений, чуждых конфуцианскому арендно-бюрократическому феодализму. Причем пересадка этих инородных производственных и технических форм на китайскую почву происходила при явной неподготовленности традиционной экономической системы к подобной операции. Самостоятельный переход от мануфактуры к фабрике оказался Китаю не под силу. Задержка на раннемануфактурной стадии развития, осложненность перехода от ручного к машинному производству объяснялись спецификой конфуцианского арендно-бюрократического феодализма.

Важнейшим в развитии капитализма в Китае было то, что машинное производство появилось в Китае не как продукт самостоятельного внутреннего развития мануфактурного периода, а как результат перенесения фабричных форм в страну извне. Машинное производство, первыми представителями которого стали иностранные фабрики, было пересажено на китайскую почву в тот период, когда местное раннемануфактурное производство еще далеко не окрепло. В результате явления и процессы, свойственные как мануфактурной, так и машинной стадии развития капитализма во второй половине XIX в. в Китае сосуществовали, оказывая друг на друга минимальное влияние.

Современное машинное производство самими китайцами было организовано ранее всего на военных предприятиях — в арсеналах и мастерских. Основателями почти всех их были высшие сановники, военные губернаторы провинций (*сюньфу*) или наместники (*цзунду*), правившие двумя или тремя провинциями, сведенными

в наместничество (*ду*). Высшие слои бюрократии искали выход из кризиса цинской монархии в «усвоении заморских дел» (*янъу-цун*) и в политике «самоусиления» (*цзыцян*), основным содержанием которых было создание современной армии и флота (на практике — для укрепления власти ведущих военно-феодалов). Правительству, кроме того, ставило своей задачей «достижение богатства» (*цюфу, чжифу*) за счет укрепления казенного сектора экономики.

Фактором, ускорившим возникновение в Китае машинного военного производства, явились чрезвычайные трудности при подавлении Крестьянской войны тайпинов и связанные с этим потребности цинских войск и помещичьих армий Цзэн Гофаня, Цзо Цзунтана и Ли Хунчжана в современном вооружении и боеприпасах. Наиболее интенсивно строительство военных предприятий велось именно в период подавления антифеодалов и национальных восстаний (1861—1872), когда было основано 11 арсеналов и механических мастерских [52, с. 565, 566]. Крупнейшим из них был Цзяннаньский арсенал в Шанхае. Всего с 1861 по 1894 г. в Китае было основано 19 казенных военных заводов, впоследствии 6 из них были закрыты или присоединены к другим. На остальных 13 в 1894 г. было занято примерно 10 тыс. рабочих [225, с. 179]. С подавлением крупнейших народных движений темпы роста военной промышленности замедлились — с 1874 по 1894 г. было построено только 8 средних и мелких мастерских [177, с. 64].

Собственность цинского правительства на все эти предприятия была номинальной. Фактически тот или иной завод находился во власти сановника, его основавшего, либо сюньфу или цзунду, управлявшего данной провинцией или наместничеством. Техническое руководство важнейшими заводами осуществляли иностранные инженеры. Несмотря на огромные ассигнования, военные предприятия работали с перебоями, качество продукции было низким, ассортимент — ограниченным. В социально-экономическом плане китайская военная промышленность того времени представляла собой чрезвычайно сложное и внутренне противоречивое явление, специфическую переходную полуфеодалную форму, постепенно превращавшуюся в капиталистическую.

В 70—80-х годах XIX в. наметилась новая тенденция — отдельные высшие сановники начали, привлекая казенные и частные средства, обращаться к предпринимательству в гражданских отраслях с целью получения прибыли. Стала развиваться механизированная горнодобывающая промышленность, сначала как приросток военных предприятий, а с 80-х годов — и как самостоятельная отрасль. Всего в указанной сфере с 1875 по 1894 г. было основано 33 предприятия, из которых к 1895 г. сохранилось 21. Почти все они были казенными или смешанными [223, с. 283]. Горнодобывающие казенно-частные предприятия уже были, по существу, капиталистическими. К 1895 г. на них (считая и одно частное) работало до 20 тыс. рабочих [52, с. 1193]. С 1889 по

1894 г. хугуанским наместником Чжан Чжидуном велось строительство самого крупного в Китае металлургического завода в Ханьяне. В 1896 г. он был превращен в смешанное казенно-частное предприятие, возглавляемое крупным сановником и предпринимателем Шэн Сюаньхуаем.

Казенные и казенно-частные предприятия в гражданских отраслях представляли собой в основном крупные (Ханьянский завод — 3 тыс., Хубэйская прядильно-ткацкая фабрика — 3 тыс. рабочих) капиталистические предприятия, основанные на труде наемных рабочих и реализации продукции на рынке [52, с. 1189]. Однако и на них сохранялось бесполезное и некомпетентное чиновничье управление. Последнее было серьезным пережитком старого и одной из характерных черт этого своеобразного и отсталого феодально-государственного капитализма.

Специфической чертой 80—90-х годов была тяга частного капитала к таким видам вложения, при которых риск для него был наименьшим. Одной из таких форм и стало активное участие в смешанном казенно-частном предпринимательстве, защищенном от произвола местных властей участием в нем крупных сановников, губернаторов и наместников, которые добивались всяческих льгот для принадлежавших им или находящихся под их покровительством предприятий.

Смешанные предприятия во второй половине XIX в. делились на две категории. В рамках одной из них, *гуаньду шанбань* («казенный контроль и торговое предпринимательство»), предприятие находилось под полным контролем властей; в рамках другой, *гуаньшан хэбань*, или *гуаньбань чжаошан* («совместное предпринимательство казны и торговцев¹»), степень вмешательства бюрократии была несколько меньшей. Предприятия *гуаньду шанбань* и *гуаньшан хэбань* были крупнейшими в Китае. Так, капитал «Кайпинской горной компании», золотых приисков Мохэ, железоплавильного завода в Цинци, Шанхайского машинно-ткацкого бюро, фабрики «Хуашэн» и Хубэйской прядильно-ткацкой фабрики в сумме составлял около 6 млн. лянов, причем половина его приходилась на долю частных вложений [177, с. 72, 73]. Смешанное предпринимательство сделало первый шаг и в торговом пароходстве. В 1872 г. было создано казенно-частное «Китайское коммерческое пароходное общество» («Чжаошанцзюй», или «Чайна Мэрчант Стим Навигэйшн К°»).

Казенные предприятия вследствие поддержки государства имели определенные преимущества, до конца XIX в. сохраняли ведущее положение в китайской фабричной промышленности. Занимая в течение более 30 лет (1861—1894) особое место, это казенное грюндерство, искусственно организованный государственный капитализм, — при всей своей противоречивости и отсталости, при феодально-монопольных тенденциях и препятствиях, чинимых им частному предпринимательству, в целом сыграло положительную роль в социально-экономическом развитии Китая.

Практика «усвоения заморских дел» насаждала очаги нацио-

нального машинного производства в тот период, когда частный капитал еще не созрел для крупного промышленного строительства. Он, особенно в 60—80-х годах, практически не имел ни опыта, ни достаточных средств, ни кредита для самостоятельной деятельности, хотя бы приближающейся по своим масштабам к тому, что происходило в секторе феодально-государственного капитализма «самоусиления». Для Китая последний сделал то, на что местная раннебуржуазная среда еще не была способна.

Будучи для китайского общества своего рода суровой школой фабричного предпринимательства и в какой-то мере проложив путь более прогрессивным экономическим формам, казенный и смешанный капитализм уже в 90-е годы стал отступать на второй план. В системе *гуаньду шанбань* многое делалось без ведома и против воли акционеров, поэтому уже в указанный период несколько окрепший частный капитал стал избегать участия в связанных с ней компаниях.

Китайские чиновники, *шэньши*, помещики и купцы с 70-х годов делают первые самостоятельные попытки создания частных фабрик. С середины 80-х годов начался заметный рост частного предпринимательства (*шанбань*). Характерной формой становятся паевые и акционерные общества: участие в них для вкладчика было менее рискованным по сравнению с единоличным хозяйничаньем. В рамках последнего китайскими фабрикантами создавались тогда чаще всего мелкие — до 30 тыс. юаней капитала — предприятия. С 1872 по 1894 г. в обрабатывающей промышленности было основано 75 частных фабрик. Из них к 1894 г. сохранились 64 (с общим фондом не менее 11 млн. юаней), на которых трудились 27 тыс. рабочих [52, с. 1166—1169]. Частный капитал притекал главным образом в текстильные отрасли, где ему принадлежали 63% вложений (около 7 млн. юаней). Однако в целом даже в невоенных отраслях частные фонды уступали казенным инвестициям — на долю первых приходилось менее 40% всех капиталовложений (свыше 8 млн. юаней) [177, с. 67, 68].

Накануне японо-китайской войны 1894—1895 гг. всего по стране насчитывалось около 100 китайских предприятий всех видов: казенных, смешанных и частных. На них было занято примерно 60 тыс. рабочих [52, с. 1201]. Промышленный пролетариат в Китае начал формироваться несколько раньше национальной буржуазии: сначала на иностранных фабриках, а затем на казенных заводах.

С 80-х годов постепенно складывалась и китайская буржуазия, неоднородная по своему составу и пока еще очень слабая из-за сохраняющегося господства чиновного и отчасти компрадорского капитала, представители которых — Тан Тиншу, Чжэн Гуаньин, Чжу Чжияо и Чжу Дачунь — были крупнейшими акционерами и управляющими ряда компаний. В среде формирующейся промышленной буржуазии ведущим слоем были крупные чиновники, помещики и *шэньши*. Среди них выделялись Шэн Сюаньхуай, Чжу Хунду, Не Цигуй, Тан Сунъянь. Связь с правительственным аппа-

ратом и казной создавала им наиболее благоприятные условия для накопления крупных капиталов и приобретения машинного оборудования. Слой же промышленной буржуазии, выраставший из торгово-ростовщической и мануфактурной среды, был еще слаб и играл второстепенную роль. В целом к концу XIX в. национальный капитал в Китае находился в начальной стадии развития и особенно остро испытывал разнообразные трудности капиталистического предпринимательства.

Слабость китайской буржуазии, и особенно прослойки фабрикантов, во многом определялась крайне неравными условиями конкурентной борьбы с иностранцами из-за низких внешних таможенных сборов и высокого внутреннего налогообложения отечественных товаров, взяточничества и самоуправства местных властей, плохого состояния путей сообщения, юридической незащищенности китайского предпринимательства. Неблагоприятные условия вынуждали многих представителей нарождающейся китайской буржуазии, преимущественно из южных провинций, эмигрировать за границу, главным образом в Индонезию, Вьетнам, Малайю, Сиам и Бирму, на Гавайи и Филиппины. В результате всего этого в фабричную промышленность Китая притекала лишь незначительная часть торгового капитала и свободных денежных средств. Сказывалась и дороговизна импортного оборудования, отсутствие технических кадров и современного хозяйственного опыта у молодого китайской буржуазии.

Тот факт, что насаждение машинного производства в Китай проходило извне, сказался и на крайне неравномерном размещении новой промышленности. Подавляющее большинство фабрик было построено в «открытых» портах, и особенно в Шанхае. Даже предприятия, работавшие на внутренний рынок, строились вблизи «открытых» портов. На огромных пространствах внутренних провинций их почти не было. Машиностроение, как таковое, отсутствовало.

Обстановка расширявшейся иностранной экономической экспансии и хозяйничанье средневекового цинского режима создавали особый климат для развития капиталистического уклада в Китае. При этом постоянно крепнувший иностранный сектор стал важным компонентом хозяйственной жизни страны и очагом экономических сдвигов. Его влияние сказывалось во многих сферах хозяйства, в первую очередь во внешней и внутренней торговле.

Торговая экспансия и вывоз товаров вплоть до конца XIX в. были определяющим фактором внешней политики капиталистических держав в отношении Цинской империи. В основу всей системы неравноправных договоров и полуколониальной эксплуатации Китая легли коммерческие интересы прежде всего английской буржуазии. Иностранцы получили право свободного передвижения с торговыми целями по важнейшим экономическим районам страны. Державы добились установления низких таможенных пошлин, размер которых для большинства товаров составлял не более 5% их стоимости. Иностранные коммерсанты освобождались

от уплаты многократных внутренних пошлин (*чангуаньшуй, лицензия*), которыми в Китае облагались местные товары.

По договорам с державами, цинское правительство лишилось права самостоятельно устанавливать импортные и экспортные пошлины. Последние разрешалось пересматривать лишь по прошествии 10 лет, и то с согласия и под контролем иностранных консулов. В результате в 1873—1893 гг. ставки экспортных пошлин на китайские товары почти вдвое превышали нормы налоговых сборов с импорта. Установление низких таможенных тарифов открывало европейским, американским и иным иностранным товарам широкую дорогу в Китай.

Другим важным средством экономического закабаления Цинской империи было лишение ее таможенной независимости. В 1859 г. Англия при поддержке США и Франции захватила в свои руки Управление императорских морских таможен Китая. Несколько позже во главе его был поставлен англичанин Р. Харт, который в течение 45 лет (1863—1908) был бессменным генеральным инспектором и фактически хозяином морских таможен Китая. В каждый «открытый» порт был назначен инспектор-иностранец. К 1894 г. подобный таможенный контроль был введен в 25 портах. Все доходы от морских таможен не только проходили через руки Р. Харта и его помощников, но и частично хранились в английских банках.

Права, вырванные державами у цинского правительства по договорам 1842—1860 гг., создали благоприятные условия для торгово-предпринимательской деятельности их подданных. Иностранцы получили право по своему усмотрению учреждать любые торговые фирмы в «открытых» портах. В 1884 г. в Китае уже функционировала 451 иностранная коммерческая компания (229 из них — английские), к 1897 г. их число возросло до 595 (английских — до 374) [439, с. 258; 440, с. 246, 247].

Ведущее место в экспортно-импортной торговле иностранного сектора принадлежало фирмам «Джардин, Мэзисон энд К°» («Ихэ»), «Рассел энд К°» («Цичан») и «Гэрд энд К°», начавшим с опиумной торговли. Крупными коммерческими предприятиями были также «Сассун энд К°» («Шасунь»), «Дэнт энд К°» («Баошунь») и «Баттерфилд, Суайр энд К°» («Тайгу»). Особую роль играла английская фирма «Джардин, Мэзисон энд К°». Она владела или контролировала 19 различных промышленных, транспортных, страховых и других компаний и предприятий, являясь флагманом английского капитала в Китае.

Иностранные компании протянули свои щупальца на сотни километров в глубь страны, к богатейшим источникам сельскохозяйственного сырья, получая огромные прибыли на операциях по экспорту сельскохозяйственных продуктов и изделий городского и деревенского ремесла. Иностранцы действовали при помощи сети своих агентов — скупщиков и посредников из числа китайских торговцев. Последние закупали по их заказам продукцию крестьян и ремесленников. В сфере этой деятельности формировались

крупные купцы-посредники — компрадоры (*майбань*), становившиеся союзниками и орудием иностранной экспансии.

Так, эксплуатируя и частично видоизменяя цинское общество, иностранный капитал насаждал в Китае не только современные формы капитализма и свойственные им материально-технические условия (пароходства, фабрики, телеграф, позднее железные дороги), но и социальную среду, необходимую для своего нормального функционирования и контактов с местным деловым миром. Ввиду фундаментальных различий и явной неконтактности иностранной — капиталистической — и местной — добуржуазной корпоративной — среды для них обеих был необходим особый институт посредничества — компраторство. Возникнув еще до «опиумных» войн, оно явилось логическим завершением развития всей системы традиционного торгового комиссионерства. Появление компраторства, служившего формой приспособления, с одной стороны, иностранного сектора к традиционной экономической системе, а с другой — китайского торгово-ростовщического капитала к мировой торговле, явилось первой фазой становления современного предпринимательского слоя в Китае. Не будучи «старше» мануфактурного и домануфактурного предпринимательства (по времени появления), компрадоры тем не менее оказались самой первой элитной группой китайской буржуазии, основным представителем раннего, или компраторского, периода (40—70-е годы XIX в.) становления этой социальной общности. Компраторство было неизбежной ступенью, своего рода начальной школой в развитии национального капитала в условиях абсолютного господства торговли, по преимуществу экспортно-импортной, в экономических отношениях современного типа.

Внешняя торговля Цинской империи находилась в руках компаний, возглавляемых семействами Джардинов, Гэрдов, Сассунов и др. Начавшееся с 30-х годов XIX в. обесценение китайской валюты (серебряного лян) способствовало получению ими высоких прибылей: выгоды от неэквивалентного обмена дополнялись доходами от расстройств денежной системы Цинской империи и финансирования пекинского правительства.

Превращение Китая в часть мирового рынка, начавшееся с середины XIX в., происходило постепенно, по мере того, как одна часть страны за другой открывалась для иностранной торговли. После первой «опиумной» войны (1840—1842) это произошло в южных районах (Гуандун, Фуцзянь, Гуанси). В 50—60-х годах рынком сбыта иностранных фабрикатов постепенно становятся восточные приморские провинции (Цзянсу, Чжэцзян, Аньхой). С данного времени центр внешней торговли Цинской империи переместился из Гуанчжоу на север — в Шанхай. С 60-х годов север страны (Чжили, Шаньдун), с 70-х годов бассейна Янцзы (Хубэй, Цзянси, Хунань), в 80-е годы юго-западные провинции (Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу) попадают в сферу мирового рынка. В 90-е годы наступила очередь Маньчжурии. Таким образом, к началу XX в. все сколько-нибудь экономически важные районы

собственно Китая оказались в той или иной мере связанными с мировым рынком.

Всего с 1843 по 1895 г. для иностранной торговли были открыты 34 морских и речных порта, а также города во внутренних областях. В их числе оказались такие крупнейшие торгово-ремесленные центры, как Гуанчжоу, Сямынь, Нинбо, Фуцжоу, Тяньцзинь, Шаньтоу, Чжэньцзян, Ханькоу, Уху, Цзюцзян, Шанхай, Нючжуан и Вэньчжоу. Рост иностранного торгового пароходства постепенно связывал экономику Китая с мировым рынком. Ведущее место во внешнеторговом судообороте Китая занимала Англия, на долю которой в 1877 г. приходилось до 80% его общего тоннажа [26, с. 52, 218, 237].

За три десятилетия (1864—1894) объем внешней торговли Китая увеличился со 105 млн. лян до 290 млн. лян. За этот же период импорт вырос с 51 млн. до 162 млн. лян [459, с. 245, 247]. Его товарная структура рельефно отражала превращение Цинской империи в рынок иностранной легкой промышленности: в 1873—1893 гг. предметы потребления составляли в среднем 92%, а средства производства — только 8% общей стоимости ввоза [26, с. 87].

Главенствующую роль во внешней торговле Китая начиная с «опиумных» войн играла Британская империя (в первую очередь сама метрополия, а также Гонконг и Индия). На ее долю в 1894 г. приходилось около 80% импорта и более половины экспорта Китая. По ввозу на втором месте стояли Япония и США — по 5—6% [252, с. 47, 48]. В импорте Китая Англия удерживала ведущее место за счет индийского опиума, хлопчатобумажной пряжи и тканей. Кроме того, сказывалось преобладание английского торгового флота. Особую роль во внешнеторговом обороте Китая с 80-х годов стал играть Гонконг (Сянган) — средоточие огромной международной контрабандной и официальной торговли. В 1894 г. на его долю приходилось 46% всего внешнего товарооборота Китая [252, с. 73].

Втягивание Китая в сферу мирового рынка усилилось с середины 80-х годов. За 1885—1895 гг. внешнеторговый оборот Цинской империи увеличился более чем вдвое, составив в 1895 г. 315 млн. лян против 140 млн. лян в 1884 г. При этом превышение импорта над экспортом (в стоимостном выражении), наметившееся с 1877 г., также выросло более чем в 2 раза, составив в 1895 г. 28 млн. лян [459, с. 245, 247].

К концу XIX в. в «открытых» портах серьезную роль стали играть иностранные учреждения — филиалы крупнейших европейских и американских банков, фирм и компаний, страховых обществ, торговых и иных организаций. Иностранные банки в Китае постепенно становятся одним из важных рычагов экономической экспансии. В 1848 г. в Шанхае открыла свое отделение английская «Ориентал Бэнкинг Корпорейшн». В последующие годы там начали функционировать отделения и филиалы других крупных английских банков. В 1864 г. группа дельцов из Гонконга,

тесно связанная с мощными финансовыми учреждениями метрополии, создала «Гонконг энд Шанхай Бэнкинг Корпорэйшн» («Хуэйфэн»), ставшую основным финансовым предприятием британского капитала в Китае. До конца XIX в. английские банки занимали ведущее положение в денежных делах иностранного сектора. К середине 90-х годов в Китае появились банки других капиталистических держав. Большинство их имели свои правления за пределами Китая. Уже в конце XIX в. через иностранные банки проходило основное движение серебра в Китай и из него. При этом они широко занимались спекуляцией серебром, используя разницу цен на него в глубинных районах страны и на мировом рынке.

Критическая ситуация середины XIX в., отлив серебра за границу при неразвитости денежного рынка вынудили цинское правительство прибегнуть к внешним займам. С 1865 по 1894 г. была реализована целая серия займов, предоставленных главным образом английскими банками и фирмами. Шли они в основном на военные и административные нужды Пекина. С 1874 г. условием получения почти всех последующих займов стало обеспечение последних таможенными сборами. Посредником при заключении большинства подобных соглашений был Р. Харт. Общая сумма займов, полученных Китаем к 1894 г., составляла 40 млн. лянгов, а вместе с процентами его государственный долг составил 55 млн. лянгов [149, с. 34]. Тем не менее к началу XX в. Цины погасили эту задолженность. Иностранные займы Китаю до японо-китайской войны 1894—1895 гг. были еще сравнительно невелики и обычно не преследовали специальных экономических и политических целей.

Промышленные предприятия иностранцев стали создаваться в Китае после первой «опиумной» войны на территориях селтльментов в «открытых» портах. В начале они имели подсобный характер (пищевая и коммунальная промышленность) или обслуживали внешнюю торговлю. Позднее стали создаваться фабрики, перерабатывавшие местное сырье и сбывающие продукцию на китайском рынке.

С 1843 по 1894 г. было основано 101 иностранное предприятие. Все они находились в «открытых» портах. Это были главным образом судоремонтные доки, корабельные верфи, предприятия пищевой и бытовой промышленности, шелкопрядильные, чаеобрабатывающие, химические и полиграфические предприятия. Две трети их были английскими. В большинстве своем они были построены в 70—90-х годах и более половины их находилось в Шанхае. Преобладали средние и крупные для того времени фабрики: так, 23 из них имели капитал более 100 тыс. юаней каждая. Часть предприятий к концу 90-х годов были закрыты или слиты с другими, тем не менее 80 оставшихся имели суммарный капитал примерно в 20 млн. юаней. На них были заняты 34 тыс. рабочих [225, с. 224]. После слияния и поглощения небольших предприятий наиболее крупными стали «Гонконг энд Вампу Док К°», шан-

хайские судостроительные заводы «Фанхэм энд К°» («Есун») и «Бойд энд К°» («Сяншэн»), а также шелкопрядильные фабрики «Цичан», «Ихэ», «Синьчэн» и «Жуйлунь». Особую роль в рассматриваемый период играла, как уже отмечалось, английская компания «Джардин, Мэзисон энд К°». В 1875 г. ею была построена первая в Китае железная дорога, Шанхай — Усун, разобранная затем цинскими властями.

Развитие в Китае иностранного торгового пароходства — каботажного и речного — началось в основном после второй «опиумной» войны (1856—1860), когда англичанами и американцами были созданы в Китае ряд пароходных компаний. К 1895 г. число их в Шанхае и Гонконге достигало 20 (10 из них были английскими). Вплоть до конца XIX в. господствующее положение в данной сфере занимали английские фирмы «Баттерфильд, Суайр энд К°» («Тайгу») и «Джардин, Мэзисон энд К°» («Ихэ»). Созданные ими пароходства «Чайна Стим Навигэйшн К°» («Тайгу») и «Индो-Чайна Стим Навигэйшн К°» («Ихэ») осуществляли каботажные рейсы и навигацию по Янцзы.

В результате указанных сдвигов в экономике Китая возник сравнительно небольшой, но быстро развивающийся иностранный сектор. Одновременно Цинская империя постепенно превращалась в полукOLONиальную группу капиталистических держав.

Вследствие всего этого к концу XIX в. получила развитие характерная тенденция экономического развития Китая в новое время — переход от хозяйственной однородности средневековья к многоукладности и подвижности переходного периода. Применительно к данному времени можно говорить о наличии в экономической структуре Китая кроме мелкотоварного и феодального укладов еще крупнокапиталистического, в основном машинного уклада с двумя секторами — иностранным и национальным, — и мелкокапиталистического уклада. Переходность и многоукладность стали неразрывными, питающими друг друга началами, укоренившимися в народном хозяйстве Китая последующих десятилетий, когда со вступлением капиталистической системы в империалистическую стадию изменились формы экономической экспансии Запада и резко усилилась ее интенсивность.

ИНОСТРАННЫЙ СЕКТОР В КИТАЕ

Глава I

НАЧАЛО ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ЗАКАБАЛЕНИЯ СТРАНЫ (1894—1900). ПЕРВАЯ «БИТВА» ЗА КОНЦЕССИИ

Вторая половина 90-х годов XIX в. стала переломным этапом в истории экономического развития Китая. После японо-китайской войны 1894—1895 гг. Цинская империя явственно ощутила последствия вступления мирового капитализма в монополистическую стадию. Империалистическому наступлению на Китай способствовал целый ряд экономических факторов. Относительный избыток капитала и понижение нормы прибыли под влиянием роста его органического состава в Европе и США побуждали буржуазию Запада в погоне за монопольной прибылью искать новые сферы его приложения. В итоге капитал все более устремлялся в отсталые страны, в том числе азиатские. Здесь предпринимательская прибыль благодаря низким ценам на землю, сырье и особенно рабочую силу (примерно втрое дешевле, чем в Европе) была выше, а местных капиталов не хватало. В результате центр внешних английских инвестиций из Европы стал перемещаться на Восток, главным образом в Индию и Китай (см. [171, с. 20—34]). Вслед за Англией вывозить капитал в Цинскую империю стали и другие государства (в частности, Франция). Активизировалось проникновение в Китай и молодых империалистических сил (Германия, Япония, Соединенные Штаты) (см. [167, с. 114—136]). Кроме того, началась экономическая экспансия царской России. Переход капитализма в монополистическую стадию постепенно сделал экспорт капитала главной формой внешнеэкономического натиска Запада на дряхлеющую Цинскую империю, важнейшим орудием ее эксплуатации и подчинения.

В этой обстановке Симоносекский мирный договор 17 апреля 1895 г. по целому ряду причин имел кардинальное значение для экономического развития Китая. Во-первых, он накладывал на Цинскую империю как на побежденную страну тяжелую военную контрибуцию (230 млн. лян). Выплата последней принудила Пе-

кин согласиться на крупные внешние займы. В результате Китай стал превращаться в должника великих держав. Во-вторых, согласно параграфу 4 ст. 6 Симоносекского договора, Япония, а за ней (автоматически, в силу принципа «наибольшего благоприятствования») и остальные державы получили право ввозить в Китай всякого рода машины. Произведенные иностранцами на его территории изделия во всех налоговых и транспортных вопросах приравнивались к импортным товарам, т. е. освобождались от внутреннего обложения (см. [127, т. 1, с. 21]).

Таким образом, практически подданные держав получили право ввоза в Цинскую империю предпринимательского капитала для создания фабрик, шахт, рудников и железных дорог, функционирующих за счет эксплуатации рабочей силы китайцев и местного сырья. Ст. 6 Симоносекского договора явилась дипломатическим выражением новых требований периода империализма в применении к странам Востока. Дельцы из Европы, Америки и Японии получили неограниченное право строить в Китае промышленные и транспортные предприятия за пределами селтльментов и арендованных территорий. Последний момент был подтвержден специальным японо-китайским договором о торговле и судоходстве, подписанным в Пекине в июле 1896 г. (см. [127, т. 1, с. 69]).

Заключение Симоносекского договора было встречено на Западе с энтузиазмом — пал последний барьер на пути проникновения европейского и американского капитала в Китай. Особый восторг выражала британская пресса, ибо Англия, занимавшая ведущие экономические позиции в Цинской империи, имела наибольшие возможности к реализации полученных прав. Кроме того, Китай открывал для внешней торговли четыре новых порта (Ханчжоу, Чунцин, Сучжоу и Шаши), а также расширял сферу иностранного судоходства по внутренним водным артериям. Поражение в войне с Японией обнажило поразительную военно-политическую слабость цинского режима. Вскрылась ничтожность результатов политики «самоусиления». Тем самым был дан новый стимул для всестороннего нажима на официальный Пекин со стороны держав.

Последнее обстоятельство сказалось немедленно. Уже в июне 1895 г. Китай заключил конвенцию с Францией, предоставлявшую последней права судоходства, открытия рудников, строительства железных дорог и другие уступки (см. [127, т. 1, с. 29, 30]). Вслед за этим цинское правительство в 1895—1899 гг. было вынуждено подписать или официально признать около десятка других аналогичных документов и дипломатических представлений, открывавших дорогу экспансии держав в большинство собственно китайских провинций и в Маньчжурию.

Международный капитал быстро оценил открывавшиеся перед ним в Китае блестящие возможности: высокую норму прибыли, связанную с низким органическим составом капитала и дешевой рабочей силой в Китае, а также высокую норму процента, обусловленную недостатком ссудных капиталов. Все это стало

притягательной силой как для отдельных дельцов, так и целых корпораций. Пекин, Тяньцзинь, Шанхай и другие крупные города наводнили европейские и американские предприниматели, финансисты, торговцы и просто авантюристы. При поддержке дипломатов и банков своих стран они выторговывали у цинского правительства различные концессии, заключали с центральной казной, провинциальными властями и китайскими компаниями разного рода сделки.

Началась полоса оживленного железнодорожного строительства, крупных внешних займов, создания иностранных фабрик, шахт и рудников вне договорных территорий, борьбы за железнодорожные и горные концессии.

В отличие от иностранной экспансии предыдущего периода основным средством экономического натиска 1895—1901 гг. стали внешние займы и железнодорожные концессии. В условиях, когда раздел мира между державами подходил к концу и встал вопрос о судьбе Цинской империи, внешние займы явились важным инструментом раздела страны на «сферы влияния», «зоны монопольных интересов», «сферы особых привилегий» и средством захвата арендных территорий.

Прежние иностранные займы, сравнительно незначительные по размерам, к началу XX в. были, как уже отмечалось, погашены Китаем. Начало образованию государственного долга и подлинной финансовой зависимости Цинской империи от Запада положила японо-китайская война 1894—1895 гг. В ходе ее казна быстро исчерпала свои ресурсы, а практика внутренних займов не дала ожидаемых результатов¹.

Маньчжурское правительство остро нуждалось в средствах — сначала для покрытия военных расходов, а затем главным образом для выплаты, согласно Симоносекскому договору, 200 млн. лянов контрибуции и 30 млн. лянов за возврат Японией Ляодунского полуострова. В течение года с момента ратификации этого договора Пекин должен был произвести два платежа в размере 80 и 50 млн. лянов. Между тем весь годовой доход цинского правительства немногим превышал тогда 89 млн. лянов [417, с. 66]. В данных условиях Цины вынуждены были прибегнуть к иностранным займам. Наступила полоса резкого роста внешнего долга Китая, на ряд лет обусловленного результатами проигранной войны.

Еще до заключения мира Англия в 1894 г. и в январе 1895 г. через «Гонконг энд Шанхай Бэнкинг Корпорэйшн» («Хуэйфэн») предоставила два так называемых китайских имперских займа на общую сумму 28 млн. лянов. Вслед за тем для выплаты первых взносов по контрибуции синдикат десяти французских и русских банков в июле 1895 г. осуществил заем в 99 млн. лянов². За ним последовали два «золотых шестипроцентных» займа 1895 г. Первый был предоставлен английским «Чартерд Бэнк оф Индия, Острелия энд Чайна» («Майцзяли») через посредство «Кассэл Бэнк», второй реализовал германский «Национальбанк фюр Дой-

чланд», при посредничестве фирмы «Арнольд Карберг унд К^о» («Жуйцзи»). Их общая сумма превышала 12 млн. лянов [417, с. 71].

Наиболее крупными соглашениями, связанными со вторым и третьим взносами Китая по контрибуции Японии, явились два англо-германских займа 1896 и 1898 гг. (см. [127, т. 1, с. 55—59, 107—112]). Они были предоставлены «Гонконг энд Шанхай Бэнкинг Корпорэйшн» совместно с «Дойч-Азиатисхе банк» («Дэхуа») в размере 210 млн. лянов³. В итоге 7 перечисленных выше соглашений образовали внешний долг общей суммой в 350 млн. лянов [417, с. 71], что было почти в 9 раз больше всех довоенных займов, вместе взятых, не превышавших, как известно, 40 млн. лянов. При этом поспешность, с какой Пекин принимал предложения держав, во многом объяснялась желанием избежать выплаты процентов на контрибуцию, что было возможно лишь в случае ее полного погашения в течение трех лет.

Из 350 млн. лянов, полученных в виде займов, 250 млн. ушло на уплату контрибуции и процентов по ней. Значительная часть остальных 100 млн. лянов пошла на срочные военные и административные расходы или была расхищена высшими чиновниками. Еще большая доля занятых средств ушла на уплату процентов по займам, на комиссионные и на предварительные удержания, так и не попав в руки Цинов. Так, заем 1898 г. был выдан из расчета 83 за 100, т. е. Пекин фактически получил 83 млн. лянов, хотя должен был погасить все 100 млн. плюс общую сумму процентов, равную 21 млн. лянов (см. [127, т. 1, с. 107—111; 149, с. 46]).

Послевоенные займы отличались от предшествовавших намеренным удлинением сроков погашения (на 20, 36 и до 45 лет). В соглашениях содержался также целый ряд условий, делавших либо фактически, либо юридически невозможной досрочную выплату долга. Финансовое положение Цинской империи не позволяло ей быстро погасить займы, и державам было выгоднее как можно дольше держать Пекин в долговой кабале. Особенно прочно эта «золотая цепь» приковывала Китай к сфере господства Британской империи в Азии.

Характерной чертой займов 1894—1898 гг. стало расширение списка доходных статей цинской казны, служивших в качестве обеспечения. Если ранее эту функцию выполняли, как правило, поступления морских таможен, то в указанный период гарантией некоторых займов стали соляные сборы (*яньли*), взимавшиеся в системе лицензия (что лишало казну части поступлений и усиливало иностранный контроль, прежде всего со стороны Управления императорских морских таможен и его генерального инспектора Р. Харта).

Основной особенностью новых займов был их ярко выраженный политический характер. Сами переговоры и заключение большинства сделок сопровождалось подписанием особых документов (конвенций, соглашений) о политических, экономических

и территориальных уступках со стороны Китая в пользу страны-кредитора. Так, согласно англо-китайской конвенции, предварявшей заключение «золотого займа» 1898 г., бассейн Янцзы признавался Пекином сферой исключительно английских интересов (см. [127, т. 1, с. 104, 105]). Подобные «дополнительные» соглашения 1895—1898 гг. практически легли в основу раздела Цинской империи на «сферы влияния». Кроме того, ряд самих финансовых соглашений содержал аналогичные политические условия. Так, наряду с документами о железнодорожных концессиях соглашения о займах оформили существование большинства «сфер особых привилегий» и «зон монопольных интересов».

Размещая через свои банки крупные займы в Китае, державы исходили из того, что в условиях нарастания политической напряженности в Китае косвенные инвестиции подвергались меньшему риску, нежели прямые вложения. В то же время внешний долг давал возможность добиваться от Пекина значительных политических и экономических привилегий. Установление контроля над важными источниками государственных доходов Китая и над целыми звеньями его народного хозяйства, особенно над железными дорогами, вполне устраивало Лондон, Париж, Берлин и Петербург. В этих условиях иностранные банки выросли в действенную силу, осуществлявшую целевое давление на маньчжурское правительство. В борьбе держав за раздел Цинской империи на «сферы влияния» в конце 90-х годов большую роль сыграли «Гонконг энд Шанхай Бэнкинг Корпорэйшн», «Банк дэ л'Эндошин» («Дунфан хуэйли») и «Дойч-Азиатише банк».

Особенно окрепла в эти годы «Гонконг энд Шанхай Бэнкинг Корпорэйшн», руководимая Т. Джексоном. Она имела 26 филиалов в больших городах Азии, Африки и Европы. Помимо акционерного капитала в 10 млн. серебряных долларов корпорация располагала свыше 11 млн. долл. резервного фонда и почти на ту же сумму резервных обязательств акционеров [167, с. 131]. К концу 90-х годов она включала в сферу своей деятельности и влияния такие крупнейшие предприятия, как строительная (специализировавшаяся в первую очередь на постройке железных дорог) «Бритиш энд Чайниш Корпорэйшн» («Чжунъин гунсы») и связанный с последней горнорудный и железнодорожный «Пекин Синдикит» («Фугунсы»). Через свои отделения, дочерние фирмы и концессии «Гонконг энд Шанхай Бэнкинг Корпорэйшн» контролировала значительную часть иностранного сектора в Китае, в том числе и немецкие предприятия.

В 1896 г. начал свою деятельность Русско-Китайский банк («Даошэн») со смешанным русско-французским капиталом⁴. Он был создан специально для финансирования железнодорожного строительства в Маньчжурии, причем подобная специализация финансового учреждения отнюдь не была тогда исключительным случаем. С середины 90-х годов одним из главных направлений деятельности иностранных банков в Китае помимо кредитования внешней торговли становится предоставление займов — в первую

очередь на экстренные нужды Пекина и на железнодорожное строительство.

Важным этапом экономической агрессии держав в Китае являлась так называемая «битва за концессии», разгоревшаяся в 1896—1898 гг. Англия, Франция, Германия и Россия стремились при помощи займов или специальных соглашений заполучить у маньчжурского правительства наиболее выгодные концессии на строительство железных дорог. Помимо высокой прибыльности их сооружение на территории той или иной провинции Китая сразу же ставило вопрос о ее включении в соответствующую «сферу влияния». Получение железнодорожной концессии или права кредитовать номинально казенное строительство значительно усиливало позицию данной державы, создавая к тому же дополнительные возможности эксплуатации богатств своей «зоны особых интересов».

Поражение в войне с Японией показало цинскому правительству чисто военную необходимость создания ряда железных дорог для отстаивания самостоятельности Срединной империи. Однако попытки Цинов самостоятельно решить эту задачу потерпели полную неудачу. Китайские шэньши, чиновники, помещики, торговцы и предприниматели в тот период не доверяли маньчжурской династии и боялись вкладывать свои средства в казенные железные дороги. Сама же казна едва выплачивала с помощью внешних займов военную контрибуцию Японии, а китайская буржуазия еще не созрела для железнодорожного грюндерства. В подобных условиях Управление императорских железных дорог («Главная железнодорожная компания»), созданное правительством в 1896 г. во главе с крупным чиновником и предпринимателем Шэн Сюаньхуаем, не имело ни сил, ни возможности обойтись без финансовой и технической помощи иностранцев.

Перспективы широкого железнодорожного строительства на огромных просторах Китая, в том числе в Маньчжурии, вызвали невиданный ажиотаж в среде европейского и американского делового мира. Уже в 1895 г. в Пекине в связи с этим появился целый рой предпринимателей, финансистов, посредников и т. д.

Начало железнодорожным концессиям в Китае положил французский капитал. Опираясь на дополнительную франко-китайскую конвенцию 1895 г., дававшую Франции право строить дороги в юго-западных провинциях, «Компани дэ Фив-Лилль» в июне 1896 г. получила от цинского правительства согласие на прокладку железнодорожной линии от границы Вьетнама до Лунчжоу в Гуанси (см. [127, т. 1, с. 31—32]). Вслед за этим последовала целая серия железнодорожных займов. В предоставлении их ведущую роль играли английские, а также франко-бельгийские банки.

Уже в 1897 г. бельгийская компания «Сосьетэ Финансьер э Эндюстриэль Бэльж ан Шин» заключила предварительное соглашение о финансировании Луханьской магистрали (Лугоуцзяо — Ханькоу). На следующий год франко-бельгийское общество «Сосьетэ д'Этьюд дэ Шмэн дэ Фер ан Шин» предоставило заем на

сооружение этой дороги. В том же (1898) году английская «Бритиш энд Чайниз Корпорэйшн» ссудила Пекину крупную сумму на строительство участка Шаньхайгуань — Нючжуан на трассе Пекин — Мукден (см. [127, т. 1, с. 135, 145, 173]). Одновременно группа английских, немецких и русских банков реализовала заем на строительство железной дороги «во Внутреннем и Внешнем Китае». В 1900 г. американский капитал в лице «Америкэн Чайна Дивелопмент К°» («Хуамэй хэсин») организовал заем на постройку магистрали Гуанчжоу — Ханькоу. Общая фактическая сумма этих четырех соглашений составила около 140 млн. юаней [26, с. 184—185].

Ввоз капитала в Цинскую империю в виде железнодорожных займов был крайне выгодным для инвесторов. Прибыль нередко достигала 30 и даже 40% всей суммы займа [149, с. 60]. Железнодорожные концессии открывали новые возможности экспорта капитала и усиления экономической, особенно финансовой, зависимости Пекина от западных держав.

В ходе «битвы за концессии» 1896—1898 гг. наибольших результатов добилась Англия. Британский капитал получил либо концессии, либо предварительное согласие Пекина на сооружение линий Шанхай — Нанкин, Шанхай — Нинбо, Гуанчжоу — Цзюлун и Даокоу — Цинхуа. Через «Бритиш энд Чайниз Корпорэйшн» Лондон финансировал строительство упоминавшейся выше казенной дороги Шаньхайгуань — Нючжуан, установив над ней контроль указанной компании. Кроме того, английские банки добились права продлить железную дорогу из Бирмы в Юньнань до Куньмина, а также построить линии Пукоу (Нанкин) — Синьян (в Хэнане) и Нючжуан — Синьминь (см. [149, с. 64—66]).

Основные займовые и иные финансовые операции, связанные с английским железнодорожным строительством в Китае, осуществляла «Гонконг энд Шанхай Бэнкинг Корпорэйшн». Кроме того, специально для этого ею совместно с «Джардин, Мэзисон энд К°» в 1893 г. была создана «Бритиш энд Чайниз Корпорэйшн». Для финансирования английских проектов позже был привлечен также горнорудный «Пекин Синдикат».

Французский капитал обеспечил за собой исключительное право прокладки железнодорожных линий в Гуанси и Гуандуне, где им было построено три магистрали, в том числе продолжение дороги из Вьетнама через Наньнин к порту Бэйхай. Бельгийские банки при помощи займа закрепили за собой важнейший контракт на строительство магистрали Пекин — Ханькоу (Луханьской). Последняя фактически также являлась французским предприятием, поскольку фонды бельгийского «Сосьете д'Этюд дэ Шмэн дэ Фер ан Шин», прокладывавшего дорогу, на 60% состояли из французских вложений [149, с. 61]. Французское и бельгийское строительство финансировалось через «Банк дэ л'Эндошин» и франко-бельгийское общество «Сосьетэ д'Этюд дэ Шмэн дэ Фер ан Шин». Позже к ним присоединилась «Компани Женераль дэ Шмэн дэ Фер э дэ Трамвэ ан Шин».

В ходе «битвы за концессии» кайзеровская Германия захватила права на железнодорожное строительство в Шаньдуне. Здесь за ней были закреплены две трассы: Цзяочжоу — Цзинань и Гаоми — Ичжоу — Цзинань (с ветками от них). Данная концессия была передана основанному в 1899 г. обществу «Шаньдун Айзенбан Гезельшафт» с капиталом 54 млн. марок [127, т. 1, с. 240], которое финансировал синдикат немецких банков, чьи интересы в Китае представлял «Дойч-Азиатише банк». Кроме того, в том же году англо-германский синдикат (в составе «Гонконг энд Шанхай Бэнкинг Корпорэйшн», «Бритиш энд Чайниз Корпорэйшн» и «Дойч-Азиатише банк») получил право на строительство дороги Тяньцзинь — Цзинцзян (позднее — до Пукоу) (см. [167, с. 137—143, 399]).

Царская Россия добилась концессии на прокладку линии из Забайкалья к Владивостоку (Маньчжурия — Пограничная), Китайско-Восточной железной дороги с веткой на юг от Харбина к Люйшунью (Порт-Артур). Кроме того, Петербург получил право на строительство планируемой дороги от русской границы через Монголию к Пекину. В 1896 г. между цинским правительством и Русско-Китайским банком был подписан контракт на постройку и эксплуатацию Китайско-Восточной железной дороги. Для осуществления проекта было создано специальное «Общество КВЖД». Под этой вывеской фактически действовала русская казна. «Общество КВЖД» получило ряд привилегий: на покупку земель, разработку рудных богатств, строительство веток и т. д. Оно развернуло широкое транспортное строительство и приступило к разработке угольных шахт Яньтая и других месторождений. Русско-Китайский банк и «Общество КВЖД» стали главными проводниками экспансии русского царизма в Маньчжурии (см. [250, с. 306—314]).

Определенный интерес к железнодорожному строительству в Китае (особенно в Маньчжурии) проявили деловые круги США. При этом американский капитал вел активную, но малоуспешную борьбу за концессии. Более или менее жизнеспособной организацией, пытавшейся добиться железнодорожных, горных и т. п. концессий, был синдикат «Америкэн Чайна Дивелопмент К°», созданный в 1895 г. Его акционерами были «железнодорожный король» А. Гарриман, президенты крупных банков, представители домов Морганов, Карнеги и др. Синдикат ставил своей первоочередной целью получение концессии на строительство транскитайской магистрали от Гуандуна до Маньчжурии на соединение с Сибирской магистралью. В 1898 г. «Америкэн Чайна Дивелопмент К°» закрепил за собой право на строительство дороги Гуанчжоу — Ханькоу [127, т. 1, с. 519].

В общей сложности только за 1896—1898 гг. цинское правительство вынуждено было подписать соглашения на постройку 19 железнодорожных линий общей протяженностью 10 тыс. км [433, с. 39]. При этом Англия получила девять, Франция и Россия — по три, Германия — две, Бельгия и США — по одной кон-

цессии [149, с. 59]. В «битве за концессии» державы расхватывали значительно больше контрактов, чем они могли реально построить дорог. Целью большинства таких заявок было застолбить за собой право, не дать его другому конкуренту, укрепить тем самым свою «сферу влияния», сделать в будущем невозможным строительство дороги самим Китаем. Многие из этих проектов так никогда и не были осуществлены. Тем не менее строительство шести линий начало осуществляться еще до кульминации ихэтуаньского восстания (1900 г.).

Наступила полоса усиленного железнодорожного строительства. В 1898 г. развернулось сооружение КВЖД. Одновременно шли работы на трассе ее южной ветки. Началось создание Пекин-Ханькоуской магистрали. «Шаньдун Айзенбан Гезельшафт» в 1899 г. приступило к постройке дороги Цзяочжоу — Цзинань. Англичане руководили работами на северном участке Пекин-Мукденской дороги. Кроме того, от указанных дорог отводились четыре различных ветки — в Маньчжурии, Чжили и Цзянсу. Общая протяженность строившихся дорог и веток составляла 4,3 тыс. км [26, с. 170, 175].

Железнодорожные займы и соглашения о концессиях заключались на тяжелых для Китая условиях, обеспечивавших инвеститорам огромные прибыли. Для сохранения на возможно длительный срок иностранного контроля над дорогами сроки выплаты займов растягивались на десятки лет. Досрочное погашение, как правило, исключалось. За компаниями и банками, финансировавшими строительство, закреплялось право управления, эксплуатации, найма служащих, предоставления кредитов и назначения советников. После ввода дорог в строй управление, эксплуатация и финансовая отчетность оставались в руках европейских специалистов. Обеспечением займов часто служили не только сами дороги, но и доходы от них [149, с. 62, 63].

Концессионеры (иностранные компании и банки) получали право отчуждения обширной полосы по обе стороны от самой трассы. Здесь велась добыча ископаемых и создавались различные подсобные предприятия. Тем самым достигалась возможность контроля над экономической жизнью целых областей и провинций Цинской империи. Страна-кредитор обычно гарантировала себе право в будущем продолжить дорогу, а также вести строительство веток и других линий в соответствующем районе. При этом обуславливалась покупка строительных материалов и подвижного состава у фирм данной страны по монопольно высоким ценам.

В большинстве случаев получение железнодорожной концессии давало стране-кредитору специальные права и привилегии в «сфере контроля» — на территории вдоль всей трассы проектируемой линии. Китай признавал особый статус этих полос отчуждения и отказывался от права передачи или уступки их другим странам, тем самым косвенно признавая особые права правительств Лондона, Парижа, Петербурга и Берлина на своей территории.

Ряд запроектированных и строившихся дорог являлись пол-

ностью иностранной собственностью. К данной категории относились КВЖД, Юньнаньская и Цзяочжоу-Цзинаньская дороги. Полосы отчуждения вдоль этих линий являлись зонами с особым режимом, а прилегающие районы — «сферами контроля». Большинство же железных дорог формально оставались собственностью цинского правительства, хотя они строились на иностранные займы и сами служили обеспечением последних. На таких трассах всем распоряжались английские, бельгийские, немецкие инженеры и управляющие. Иными словами, железные дороги обоих видов представляли собой фактически иностранные анклавы на китайской территории. В ряде случаев их правления создавали в полосе отчуждения собственную вооруженную охрану. В некоторых «сферах влияния» в зону дорог вводились иностранные воинские части.

В целом же заключение соответствующих соглашений и строительство железнодорожных линий державами через посредство своих банков и компаний сыграли значительную роль в разделе Цинской империи на «зоны особых интересов», «сферы влияния», в превращении Китая в полуколонию.

Вместе с тем «битва за концессии» стала на время одним из основных узлов межимпериалистических противоречий в Китае. Дипломатическая борьба разгорелась в 1898 г. вокруг концессии на строительство Луханьской магистрали. Франция и Бельгия, поддержанные Россией, отстаивали права своего синдиката «Сосьетэ д'Этюд дэ Шмэн дэ Фер ан Шин» от притязаний Англии и Германии. Ожесточенная схватка вспыхнула между Лондоном и Петербургом из-за дороги Шанхайгуань — Нючжуан. Произошло столкновение между Германией и Англией по поводу линии Шанхай — Нанкин и особенно проекта дороги Тяньцзинь — Цзинцзян.

Острота этих противоречий побудила державы прийти к соглашению за счет Китая, чья территория делилась ими на «сферы железнодорожных интересов». В сентябре 1898 г. «Гонконг энд Шанхай Бэнкинг Корпорэйшн» совместно с «Бритиш энд Чайниш Корпорэйшн», с одной стороны, и германский синдикат (прежде всего «Дойч-Азиатише банк» и «Шаньдун Айзенбан Гезельшафт») — с другой, достигли соглашения о разграничении таких «сфер». К английской «сфере влияния» отошли долина Янцзы, районы к югу от нее, а провинции Шаньси, Шаньдун и долина Хуанхэ были объявлены германской «зоной» [24, с. 134, 135]. В следующем, 1899 г. было достигнуто соглашение о разграничении «железнодорожных интересов» России и Англии. Последняя признала районы к северу от Великой Китайской стены зоной русского строительства и обязалась не добиваться здесь концессий (за исключением дороги Шанхайгуань — Нючжуан). В свою очередь, Петербург принял аналогичные обязательства в отношении бассейна Янцзы — британской «сферы влияния» [24, с. 137, 138]. В том же году «Бритиш энд Чайниш Корпорэйшн» и «Америкэн Чайна Дивелопмент К^о» договорились о совместном финансировании уже полученных концессий, а также будущих проектов.

Сложная сеть соглашений о внешних, в том числе железнодорожных, займах и концессиях, разного рода конвенций и дипломатических представлений держав Пекину, а также межимпериалистических соглашений о разграничении экономических и политических интересов практически оформила в 1897—1898 гг. раздел Цинской империи на «сферы влияния». К Англии отошел почти весь бассейн Янцзы и значительная часть юго-западных провинций. Зоной «особых интересов» Франции стали Юньнань, Гуанси, западная часть Гуандуна и о-в Хайнань. (Следует отметить, что на большую часть французской зоны одновременно распространялся и особый контроль со стороны Лондона.) Царская Россия закрепила за собой Маньчжурию. Германия стала хозяйничать в Шаньдуне. Япония превратила Фуцзянь в «сферу» своего влияния. США провозгласили доктрину «открытых дверей», т. е. неограниченное «право» американской экспансии в Китае. «Капиталисты всей Европы протянули лапы к населенной сотнями миллионов части света, к Азии... — писал В. И. Ленин. — Япония... попробовала пробить брешь в Китайской стене, открывая такой лакомый кусок, который сразу ухватили зубами капиталисты Англии, Германии, Франции, России и даже Италии» [9, с. 82, 83]. При помощи займов, шантажа и подкупа державы захватили в 1897—1898 гг. под видом длительной аренды Циндао, Вэйхайвэй, Люйшунь, Далай, южную часть п-ова Ляодун, залив Гуанчжоувань и часть п-ова Цзюлун.

Львиную долю добычи в борьбе за «сферы влияния» захватила Англия — держава, господствовавшая тогда в Китае. Ее «сфера интересов», английские концессии и привилегии во много раз превышали «приобретения» любой другой державы в Китае. Помимо контроля над Юньнанью, Гуанси, Гуандуном и Гуйчжоу Англия закрепила за собой почти весь бассейн Янцзы, т. е. Цзянсу, Аньхой, Хубэй, а также частично Сычуань и Хунань. Современники оценивали территориальные размеры английской «зоны» в бассейне Янцзы в 607 тыс. кв. миль, а население — в 180 млн. человек [435, с. 234]. Особым влиянием Великобритании пользовалась в Гуандуне, опираясь на экономическую и военную силу Гонконга.

После 1895 г., когда, по Симонсекскому договору, было закреплено неограниченное право ввоза машин и оборудования за пределы селтльментов и арендованных территорий, началась полоса создания иностранных горнорудных предприятий. С 1895 по 1901 г. цинское правительство вынуждено было подписать 16 различных документов (договоры, железнодорожные конвенции, положения и специальные соглашения), дававших иностранному капиталу право горных разработок. Данные соглашения касались либо ископаемых богатств целых провинций, либо полосы железных дорог, либо возможности эксплуатации конкретных месторождений (см. [53, с. 34]). Таким образом железнодорожная «битва за концессии» получила свое прямое продолжение в сфере горнорудных интересов. Иностранные компании, фирмы и отдельные

предприимчивые дельцы при соответствующей поддержке дипломатов и банков своих стран стали различными способами добиваться прав на разработку угля и железной руды. Борьба за получение таких прав явилась частью «битвы за концессии» и одним из компонентов империалистического натиска на Китай в 1895—1901 гг.

Основной формой проникновения западного капитала (помимо разработок в полосе отчуждения железных дорог) стали смешанные китайско-иностраннные компании. Это была новая разновидность промышленных предприятий, возникшая после войны 1894—1895 гг. За вывеской смешанного участия фактически скрывалось полное преобладание английских, русских и немецких акционеров. В 1901 г. в Чжили, Маньчжурии, Синьцзяне и Монголии уже действовали девять «совместных» и четыре иностранных горнодобывающих предприятия [53, с. 140—141].

Наряду с созданием шахт и рудников на «пустом месте» иностранный капитал путем частных соглашений подчинял себе уже действовавшие или законсервированные китайские разработки. Так возникла китайско-германская угольная компания «Чжунсин» в Шаньдуне. Перешли в руки иностранцев Тяньбаошаньские рудники, Фушуньские и Яньтайские угольные копи в Маньчжурии, а также Тунсиньские шахты в Чжили. Наиболее крупным горнорудным предприятием, вошедшим в иностранный сектор, были Кайпинские шахты в Чжили. В 1899 г. английская горнопромышленная фирма «Бевик, Морейн энд К°» предоставила на крайне жестких условиях заем «Кайпинской горной компании» для оборудования порта в Циньхуандао. Гарантией займа служили сами угольные месторождения. Англичане получили право железнодорожного строительства в этом районе и контроль над китайской компанией [171, с. 104]. Ее владения были оккупированы английскими войсками в ходе подавления ихэтуаньского восстания, и затем, в 1901 г., компания была преобразована в англо-китайское предприятие «Чайниз Энжиниринг энд Майнинг К°» с фондом в 10 млн. юаней (см. [240, с. 57—60]). Крупные капиталы были помещены в русско-китайскую золотодобывающую компанию «Монголор» и немецкую «Шаньдун Бергбау Гезельшафт». Последняя была основана в 1899 г. синдикатом 15 немецких банков, представленных «Дойч-Азиаттише банк», для разработки недр в зоне шириной 30 ли по обе стороны железнодорожной трассы Циндао — Цзинань. Помимо этого, компания эксплуатировала копи Фанцзы и Мацжуан. Другая немецкая компания, «Дойче Гезельшафт фюр Бергбау унд Индустри им Аусланд», приступила к разработке пяти горных месторождений в Шаньдуне вне железнодорожной зоны. Интересы этого синдиката представляла фирма «Арнольд Карберг унд К°».

С целью эксплуатации минеральных ресурсов Китая итальянский предприниматель А. Лузатти при ведущем участии «Гонконг энд Шанхай Бэнкинг Корпорэйшн» и фирмы «Джардин, Мэзисон энд К°» создал в 1897 г. новое объединение, горнорудный «Пе-

кин Синдикит» («Фугунсы»), с фондом около 14 млн. юаней [53, с. 145]. Значительная часть этой суммы предназначалась, однако, не для производства горных работ, а для финансирования строительства железных дорог. Синдикат в 1898 г. добился от цинского правительства права на разработку недр в ряде районов Шаньси сроком на 60 лет. В том же году, по договору с китайской компанией «Юйфэн», он получил доступ к ископаемым богатствам Хэнани (в основном к северу от Хуанхэ), где за ним закреплялось право в течение 60 лет добывать уголь и железную руду (см. [127, т. 1, с. 131—132, 700]). В 1898 г. англо-французский капитал в целях эксплуатации горнорудных богатств Юньнани создал компанию «Лунсин», или «Синдикат дю Юньнань» («Юньнань Лунсин Майнинг К°»), правление которой вело упорную борьбу в Пекине за получение крупной концессии в этой провинции [407, с. 60, 61].

Таким образом, в целом в Китае к 1901 г. функционировало довольно значительное число иностранных горнодобывающих предприятий. Помимо этого, на будущее, промышленники Запада добились заключения еще семи соглашений и договоров относительно горных концессий (в целом ряде областей и уездов Сычуани, Юньнани, Шаньси и Чжэцзяна (см. [53, с. 145—146])).

В те же годы в иностранном секторе наступила пора грюндерства и в обрабатывающей промышленности. Сразу же после отмены (в числе прочих преград) запрета на ввоз хлопкопрядильных машин в 1896—1899 гг. наступил первый подъем фабричного предпринимательства в Китае. В 1897 г. в Шанхае открылось пять иностранных хлопкопрядильных фабрик со 160 тыс. веретен [53, с. 7, 403]. Кроме того, англичане купили китайскую фабрику «Юйцзинь». В результате иностранный сектор сразу же стал обладателем свыше 40% всех машинных хлопкопрядильных веретен в стране. Однако к 1901 г. удельный вес его по данному показателю снизился до 32% [26, с. 142]. Вместе с тем быстро росли новые предприятия в других отраслях.

Наиболее важными объектами были английские «Ихэ» («Эво Коттон Спиннинг энд Вивинг К°») и «Селун» («Ялун Коттон Спиннинг К°»), американская «Хунъюань» («Интернэшнл Коттон Мэнюфэкчуринг К°») и немецкая «Жуйцзи» («Сой Чи»), основанная фирмой «Арнольд Карберг унд К°», текстильные фабрики. Все они находились в Шанхае. Крупным предприятием был также французский литейный завод цветных металлов «Фрар К°» («Хэндали») в Учане. Начальный капитал каждого из этих пяти предприятий превышал 1 млн. юаней [53, с. 7]. К числу крупных текстильных объектов принадлежала также английская фабрика «Лаогунмоу». В судостроении и судоремонте самыми значительными из новостроек были шанхайские верфи «Нью Шипбилдинг энд Энжиниринг Уоркс» («Жуйжун»), а также гонконгские доки «Баттерфилд, Суйар энд К°» («Джейку Докъярд энд Энжиниринг Компани оф Гонконг»), основанные одновременно в 1900 г. Расширялись фонды ранее созданных предприятий.

«Фанхэм энд К°» («Есун») и «Бойд энд К°» («Сяншэн») объединились в «Фанхэм, Бойд энд К°» («Есун») с общим капиталом около 8 млн. юаней [320, с. 9].

Сама китайская буржуазия рассматривала период от японо-китайской войны до начала XX в. как время расцвета иностранной промышленности. С 1895 по 1901 г. иностранцы самостоятельно или на паях с китайцами основали, включая все горнорудные объекты, 31 предприятие (с капиталом свыше 100 тыс. юаней каждое). Общий начальный фонд новых, в том числе смешанных, предприятий превышал 25 млн. юаней. Впереди по-прежнему шли английские дельцы, открывшие 14 фабрик, шахт и рудников. Основной упор иностранный сектор делал на разработку ископаемых богатств. В период этой «горной горячки» было открыто 10 добывающих предприятий с суммарным капиталом свыше 14 млн. юаней. В текстильных и пищевых отраслях было создано 12 фабрик.

Росло число крупных иностранных предприятий: восемь из вновь открытых имели капитал свыше 1 млн. юаней каждое. Самыми значительными промышленными объектами иностранного сектора были в тот период Кайпинские шахты в районе Таншаня, Шаньдунская горнорудная компания «Чжунсин», русско-китайские золотые прииски «Монголор», шанхайские текстильные фабрики «Ихэ», «Селун», «Хунъюань» и «Жуйцзи». Фонды 57 крупных (как «старых», так и возникших после японо-китайской войны) предприятий увеличились за 1895—1901 гг. в целом более чем в 3 раза (см. [53, с. 5—12, 18]).

Права, полученные по Симоносекскому договору, наиболее быстро и полно реализовала английская буржуазия. Так, руководимая Р. Джардином компания «Джардин, Мэзисон энд К°» открыла в 1895—1898 гг. две текстильные фабрики «Ихэ» («Эво Коттон Спиннинг энд Вивинг К°») и «Эво Вустид Милл») в Шанхае, а также вложила крупные суммы в «Пекин Синдикит» и «Бритиш энд Чайниз Корпорейшн».

Первым пробив брешь для промышленного проникновения за пределы арендованных территорий, японский капитал не смог сразу в полной мере реализовать новые права. Тем не менее в Китае появились первые японские фабричные предприятия. Возросло влияние «Йокогама Спэши Бэнк» («Чжэнцзинь»). Кроме того, к рассматриваемому периоду относится начало подчинения китайской металлургии машинного типа японскими концернами, остро нуждавшимися в поставках железной руды. В 1899—1900 гг. руководство «Императорских металлургических заводов Явата» через «Йокогама Спэши Бэнк» авансировало Ханьянский металлургический завод, воспользовавшись его финансовыми трудностями. Японская сторона вынудила Шэн Сюаньхуа и его окружение подписать невыгодный договор, который обязывал китайскую компанию из года в год поставлять в Японию для металлургических заводов Явата руду и чугун по низким ценам.

В ходе экономического натиска 1896—1901 гг. усилилось ино-

странное влияние в целом ряде отраслей экономики Цинской империи, упрочилась зависимость нарождавшейся китайской буржуазии от западного капитала, особенно в сфере кредитования и закупки оборудования. Возросла роль иностранного сектора и в водном транспорте. В указанные годы в Китае начали действовать пять новых иностранных пароходных компаний. Среди них наиболее значительными были «Осакская пароходная компания» и «Японская компания почтово-пассажирского пароходства» («Ниппон Юсэн Кайся»). Обе они являлись дочерними предприятиями крупных объединений в самой Японии [26, с. 233]. Влияние последнее росло как в пароходстве, так и в торговле. По договору о торговле и судоходстве 1896 г., Япония приобрела все привилегии, которыми располагали другие державы в Китае.

Европейские и американские коммерсанты расширили себе доступ на китайский рынок. С 1896 по 1899 г. для внешней торговли были открыты 11 новых городов и портов. В их числе были такие крупные центры, как Ханчжоу, Шаши, Сучжоу, Юэян и Нанкин. В 1895 г. англичанам и, следовательно, всем иностранцам была разрешена коммерческая деятельность по р. Сицзян, а позднее — по Великому каналу. Летом 1898 г. под давлением держав (в первую очередь Англии) Цинская империя открыла все реки и озера страны для иностранного судоходства (см. [127, т. 1, с. 159—161]). Объем внешней торговли Китая увеличился с 315 млн. лян в 1895 г. до 438 млн. лян в 1901 г. [459, с. 245].

Если в годы японо-китайской войны в сфере торговли действовали 603 разного рода иностранных фирмы, то в 1900 г. их число превысило 1 тыс. Из них свыше 400 приходилось на долю Англии [382, с. 155]. Быстро росло количество немецких фирм. Наиболее крупными среди них были «Арнольд Карберг унд К^о» и «Карловиц унд К^о». Возрастала англо-германская торговая конкуренция, в том числе между фирмами Армстронга и Круппа (см. [167, с. 121—126, 335]).

Усиление внешнеторгового натиска на китайский рынок и расширение экспортно-импортных операций в последние годы XIX в. не изменило общих закономерностей империалистической стадии капитализма. Несмотря на неуклонный абсолютный рост товарной экспансии, она постепенно отступала на второй план, уступая ведущую роль в деле подчинения Цинской империи западными державами экспорту капитала. Ввоз товаров начал терять свое прежнее значение основного «предприятия» иностранного сектора в Китае, хотя именно на рубеже XIX и XX вв. значительно более полно по сравнению с прошлым реализовались те права и частично была достигнута главная цель — завоевание китайского рынка, ради которых в середине XIX в. Англия и Франция вели торговые войны с Цинской империей.

Резкое усиление политико-экономического натиска западных держав в 1896—1898 гг., расширение иностранного сектора, начало финансового закабаления и реальная угроза территориального раздела страны усилили страх правящих кругов Цинской импе-

рии перед «заморскими варварами» и ненависть к ним. Вынужденное делать им уступку за уступкой, маньчжурское правительство все еще не считало окончательно проигранной свою борьбу за независимость.

Учитывая растущее противодействие чужеземному проникновению со стороны широких слоев китайского общества, цинский режим пытался использовать его в целях замедления роста не только иностранного сектора, но и капитализма вообще. Когда, например, наместник Лянху Чжан Чжидун предложил продолжить железную дорогу от Тяньцзиня к Тунчжоу (под Пекином), он наткнулся на сопротивление многих сановников, особенно цензоров, считавших, что подобное строительство усилит проникновение иностранцев и может вызвать волнение в народе.

Цинское правительство в целом не препятствовало мирным формам борьбы местных чиновников и шэньши против создания иностранных фабрик, и особенно горнодобывающих предприятий. Реализация полученных горных концессий требовала приобретения больших земельных площадей в районах месторождений угля и руды. Помещики и шэньши при молчаливой поддержке чиновников отказывались продавать свою землю «заморским дьяволам» и силой своего авторитета, а также угрозами они заставляли крестьян поступать аналогичным образом. Бойкотируя концессионеров и их доверенных агентов, играя на националистических и патриотических настроениях крестьян, горнорабочих, кули, пауперов, ремесленников и торговцев, местные шэньши, чиновники, землевладельцы натравливали их на иностранцев.

Одним из средств борьбы этих слоев против прокладки железных дорог, открытия шахт и рудников была ссылка на геомантию (*фэншуй*)⁵, которая превращалась ими в основное формальное препятствие для создания иностранных горных предприятий и железных дорог (см. [407, с. 36—41]). Местные власти в большинстве случаев противодействовали любому соглашению о концессии, ссылаясь на то, что данные фэншуй неблагоприятны для строительства, а народ слишком суеверен. В то же время фэншуй, как правило, не препятствовал строительству, если его вел национальный капитал. Не было случая, чтобы результаты геомантического гадания помешали крупным китайским шахтным разработкам, если они обещали быть прибыльными.

В такой обстановке борьба против «заморских» машин резко расширилась, приняв более острые формы на севере Китая (Чжили, Шаньдун) и в Маньчжурии, где иностранное проникновение было новым и непривычным явлением, вызывавшим поэтому крайне болезненную реакцию населения. К концу XIX в. (главным образом после японо-китайской войны 1894—1895 гг.) в экономике Северного Китая произошли заметные изменения: интенсивно велось строительство железных дорог, была налажена почтово-телеграфная связь, значительно сократились перевозки грузов по Великому каналу, резко возрос импорт фабричных товаров и т. п. (см. [171, с. 29, 118]).

С постройкой железной дороги Пекин — Баодин — Чжэндин, с ростом каботажного пароходства, с созданием почтово-телеграфной связи в зоне таких важнейших магистралей, связывавших Юг и Север Китая, как Великий канал, параллельная ему грунтовая дорога и сухопутный правительственный тракт Ханькоу — Пекин, возникла серьезная социальная коллизия.

Раньше подавляющая масса грузов в этой части страны перевозилась и переносилась лодочниками, возницами, кули, на ручных тележках и т. д. Внедрение железных дорог и пароходов лишало заработка десятки тысяч людей в Шаньдуне и Чжили. Потеряли работу, разорились и пауперизировались работники традиционных видов транспорта и связи — носильщики, погонщики, возчики, лодочники, грузчики, охранники, хозяева постоянных дворов, кабатчики, охранники и др. (см. [265, с. 486, 487]). Поэтому в развернувшемся движении против машин активную роль играли различные категории населения, чьи интересы были связаны с речным и наземным традиционным транспортом.

Особенно тяжелым ударом для них была постройка железной дороги Пекин — Тяньцзинь. Открытие ее в 1896 г. оставило без работы многие тысячи занимавшихся погрузкой и перевозкой грузов по р. Байхэ от Тяньцзиня до Тунчжоу кули и лодочников, что вызвало так называемый «лодочный бунт». Для того чтобы сбить накал борьбы, местные власти разрушили мост через Байхэ. Такой мерой был создан дополнительный спрос на паромные перевозки, что несколько разрядило обстановку [182, с. 11].

В 1898 г. для иностранного судоходства был открыт Великий канал. Это привело к уменьшению заработка многих тысяч лодочников, грузчиков, владельцев джонок и других категорий трудового люда, кормившегося перевозками грузов и пассажиров. В результате вспыхивали волнения, местное население пыталось силой воспрепятствовать проходу через Великий канал «заморских» судов.

Одновременно в условиях развития современного пароходства эта средневековая транспортная артерия теряла свое прежнее значение. Быстрое падение ее роли было связано с налаживанием иностранными и китайскими компаниями регулярных пароходных рейсов между Тяньцзинем и Шанхаем. Кроме того, с 1901 г. была отменена «система водных перевозок» (*юньцао*) — транспортировки по каналу в Пекин зерна, собранного в счет продовольственного налога (*цаолян*). Натуральный налог со всеми его надбавками (*цаосян, чжэнхао*) был заменен денежными сборами (*лянчжэ, цаочжэ*) (см. [426]). Великому каналу и расположенным на его берегах городам стало грозить захирение.

Несмотря на лихорадочный захват концессионных прав по всему Китаю, реальное железнодорожное строительство развертывалось прежде всего именно в Чжили, Шаньдуне, Жэхэ и трех северо-восточных провинциях. К 1900 г. сплошной рельсовый путь прорезал Чжили и Жэхэ от Цзиньчжоу через Тяньцзинь и Пекин до Чжэндина. Шли усиленные работы по продлению этого пути

на север — до Нючжуана — и на юг — до Кайфына. В Маньчжурии развертывалось ускоренное строительство КВЖД. Прокладка ее южной ветки от Харбина к Ляйшунью вызвала особое недовольство среди местного населения.

Перевозка больших масс товарной сельскохозяйственной продукции центральной и северной Маньчжурии от Чанчуня сначала гужом, а затем на джонках по Ляохэ к портам Инкоу и Далянь играла огромную роль в жизни провинций Фэнтянь и Цилинь. Транспортировка пшеницы, бобов, соевого масла, жмыхов и иной продукции была побочным промыслом, а в течение зимних месяцев — основным занятием для значительной части жителей Фэнтяни. Угроза разрушения этого зимнего промысла железной дорогой была одной из основных причин движения ихэтуаней в Южной Маньчжурии (см. [181, с. 31; 213; с. 118—119]). Кроме того, по трассе строящихся дорог уничтожались поля, разрушались дома и кладбища, что вызывало острое недовольство населения.

Столь же сильную неприязнь в народе породила почтовая реформа, проведенная Пекином под нажимом держав. В 1896 г. цинское правительство согласилось перестроить всю почтовую службу Китая по европейскому образцу. Европейская почта в «открытых» портах начала действовать еще до войны 1894—1895 гг. Уже в 1878 г. современные почтовые отделения под контролем Управления императорских морских таможен Китая были открыты в Пекине, Тяньцзине, Яньтае, Нючжуане и Шанхае. В 1896 г. эта система была распространена на всю страну. В 1898 г. началась доставка посылок. На следующий год был открыт главный почтамт в Пекине и его периферийные отделения в главных городах провинций, торговых портах, областных, окружных и уездных центрах, а также введена в практику доставка почтовых денежных переводов. Руководство новой почтой было возложено на Управление императорских морских таможен Китая в лице его генерального инспектора Р. Харта. Таким образом, китайская почта автоматически переходила под контроль Англии. В итоге население расценило европеизацию почты как чуждое и враждебное начинание. Кроме того, внедрение телеграфа и современной почты привело к отмиранию правительственной ямской и курьерской службы (*ичжань, южжэ*). Сократилась сфера деятельности частной посыльной службы (*синьцзюй, миньцзюй*). Все это лишило заработка гонцов, охранников, смотрителей и др. (см. [338; 403]) и соответственно усилило ненависть местного населения к «заморским дьяволам».

Прогрессировавшее вытеснение человеком тяглового скота из сферы сухопутного транспорта привело к тому, что в конце XIX — начале XX в. самая острая борьба против машин на севере Китая шла именно в этой сфере. Фабрика и пароходство не вызывали такого массового возмущения (хотя случаи разрушения машин в данных отраслях также имели место), как железные дороги. Железные дороги и телеграф, построенные иностранными инженерами и на иностранные займы, сами по себе являлись в

глазах населения Чжили, Шаньдуна, Жэхэ, Цзилини и Фэнтяни символом чужеземной экспансии.

Вместе с тем внедрение современных видов транспорта и связи еще более усилило проникновение европейских, японских и американских фабрикатов на внутренние рынки Китая, ускоряя разрушение местного ремесла (см. [47, с. 124—126; 181, с. 27, 30]). «Промышленность Китая сильно пострадала от импорта иностранных товаров, — жаловались современники, — ввозимые товары отнимают средства к существованию уже почти у 8—9 из каждых 10 человек, занимающихся каким-либо ремеслом» [265, с. 486]. По некоторым оценкам, к концу XIX в. в результате импорта фабрикатов, строительства железных дорог, появления телеграфа и т. д. лишились работы, дополнительного заработка и разорились несколько миллионов человек, в том числе в Чжили — более миллиона (см. [265, с. 486—487, 510]). Примененный С. М. Иовчуком косвенный метод расчета по объему импорта иностранной хлопчатобумажной пряжи и ткани, а также средней производительности ремесленника позволяет примерно определить численность прядильщиков, чья продукция вытеснялась с рынка фабричными изделиями: 1,6 млн. в 1890 г. и 4—5 млн. к 1909 г. Аналогичной была судьба 600 тыс. ткачей в 1900 г. и около 1,2 млн. — к 1903 г. (см. [26, с. 89; 78, с. 51; 382, 94]). Разрушение домашних и отхожих промыслов увеличивало число «лишних» рук, усиливало скрытое перенаселение деревни и взрывоопасность общей ситуации.

В итоге на Севере Китая в конце 90-х годов создавались предпосылки для крупного социального взрыва, направленного в первую очередь против иностранного сектора. Если в середине XIX в. насильственное внедрение английской торговли в традиционную экономическую структуру Южного и Центрального Китая вызвало Крестьянскую войну тайпинов (1850—1864), то полвека спустя такое же насильственное внедрение современного машинного производства и транспорта в Северном Китае вызвало движение ихэтуаней (1898—1901).

Назревание антииностранного взрыва было ускорено катастрофическим ухудшением жизни крестьянства северных провинций в результате целой полосы стихийных бедствий [181, с. 34—36]. После крупного наводнения 1898 г. Хуанхэ ежегодно прорывала дамбы. От наводнений пострадали юго-восточная часть Чжили и районы, расположенные у Великого канала в западной части Шаньдуна. В 1898 г. там были затоплены обширные районы, погибло свыше 160 тыс. жителей, был нанесен огромный материальный ущерб [265, с. 491]. Одновременно с этим в северных провинциях на протяжении ряда лет имели место засухи. В результате с 1899 г. в большинстве областей наблюдался голод. Население питалось корой деревьев и корнями растений. Весной 1900 г. Север Китая поразила особенно сильная засуха. В некоторых районах Чжили пшеница засохла на корню, что вызвало высокую смертность и крестьянские волнения. Ничтожно мало

дождей выпало в Шаньси, где также сложилась острая ситуация. Губернатор пров. Шэньси сообщал о 4 млн. голодающих [185, с. 96]. Засуха вызвала эпидемию холеры и другие массовые инфекционные заболевания, усугубившие голод. В крестьянской среде росло убеждение, что причиной всему этому служили «заморские дьяволы».

Бедствующее население верило, что повстанцы-ихэтуани, уничтожив иностранцев, тем самым ликвидируют голод. Не только городские ремесленники и транспортники, но и крестьяне были поэтому готовы убивать «заморских дьяволов», сжигать их товары, разрушать машины и христианские церкви. В песнях ихэтуаней говорилось: «Разрушим железные дороги... изорвем электрические провода, вырвем телеграфные столбы, разломаем паровозы, разрушим пароходы» [23, с. 187, 188]. В конце мая 1900 г. повстанцы начали разбирать рельсы, сжигать железнодорожные станции, валить телеграфные столбы и уничтожать всевозможное «заморское» оборудование. Серьезные разрушения были причинены Пекин-Мукденской дороге (на участке от столицы до Тяньцзиня) и строившейся Пекин-Ханькоуской магистрали (линия Лугоуцзяо — Чжэндин). Большой урон был нанесен также строительству южной ветки КВЖД в Фэнтяни, Кайпинским угольным шахтам и т. д. Наступил наивысший подъем движения против машин.

Вооруженная интервенция восьми держав (Германия, Япония, Англия, Франция, США, царская Россия, Италия и Австро-Венгрия), начавшаяся в июле того же года, потопила в крови движение ихэтуаней. 7 сентября 1901 г. был подписан Заключительный протокол, подводивший черту под этими событиями. Помимо прочих обязательств Китай должен был возместить за счет налоговых сборов с населения материальный урон, нанесенный повстанцами иностранному сектору. В целом на восстановление и исправление разрушенного и поврежденного потребовался сравнительно короткий срок — максимум два-три года. Позиции иностранного сектора, полученные в результате империалистического наступления 1896—1899 гг., не были поколеблены. Сам же натиск в том виде и в тех грубых, судорожных формах, в каких он происходил до Ихэтуаньского восстания, был приостановлен. Дальнейшее экономическое подчинение Китая приобрело более последовательный и эффективный характер.

Глава 2

КИТАЙ В СИСТЕМЕ МИРОВОГО РЫНКА. УСИЛЕНИЕ ИНОСТРАННОГО СЕКТОРА (1901—1914)

Ихэтуаньская катастрофа 1900—1901 гг., так же как в свое время и война 1894—1895 гг., привела к резкому усилению внешней финансовой зависимости Цинской империи, а затем — к но-

вым уступкам Пекина в пользу Запада. Восемь держав-победителей наложили на побежденную страну громадную, так называемую «боксерскую» контрибуцию, установленную Заключительным протоколом 1901 г. в размере 450 млн. лян. Данная сумма не отражала точные потери иностранцев, а была «взята с потолка» — определена из расчета один лян серебра на каждого жителя Китая. В результате она во много раз превышала ущерб, нанесенный повстанцами иностранному сектору. Срок уплаты был установлен в 39 лет (с января 1902 до конца 1940 г.) с начислением на невыплаченную сумму 4% годовых. Вместе с процентами Пекин обязан был выплатить 982 млн. лян (см. [127, т. 1, с. 280—281, 296—297]). С 1902 по 1914 г. размер ежегодного взноса равнялся 22—23 млн. лян, что составляло около 10% всех налоговых поступлений в казну [477, с. 62, 74]. Кроме того, при переводе лян в иностранную валюту, в которой производились платежи, Китай дополнительно терял до 3 млн. лян ежегодно.

Уплата контрибуции гарантировалась поступлениями от морских таможен (*хайгуань*), сборами с части внутренних таможен (*чангуань*), в том числе лицензием, а также соляным налогом (*янькэ*). Контроль за этими статьями бюджета был передан в руки таможенников-иностранцев, и прежде всего их лидера Р. Харта. Все заставы чангуань в радиусе 50 ли вокруг «открытых» портов перешли в ведение Управления императорских морских таможен Китая. Под контроль Р. Харта попала и часть застав вне указанной территории. Все это на длительный срок лишало Пекин части бюджетных поступлений. Кроме того, начиная с 1904 г. Англия через того же Р. Харта добивалась передачи поступлений от сбора поземельного налога (*дидин*) в управление иностранных контролеров.

Для того чтобы соблюдать установленные сроки погашения «боксерской» контрибуции, цинское правительство наложило на провинции специальную налоговую разверстку и ввело на местах различные дополнительные налоги с населения¹. Тем не менее казна с большим трудом производила ежегодные платежи. В 1905 г. для погашения очередного взноса Цины вынуждены были взять у «Гонконг энд Шанхай Бэнкинг Корпорэйшн» и «Дойч-Азиатише Банк» специальный заем в 10 млн. юаней. Это был пятый по счету (с 1894 г.) заем, который английская корпорация реализовала самостоятельно или на паях с немецкими финансистами [120, с. 236—237].

Кроме того, после подавления восстания ихэтуаней наступила новая полоса железнодорожных займов (подробнее о них см. ниже). Наконец, с 1909 г. началось предоставление иностранных займов местным провинциальным властям. Первый такой заем был дан властям Хубэя той же «Гонконг энд Шанхай Бэнкинг Корпорэйшн». Затем последовала целая серия займов властям других провинций. Два последних были предоставлены даотаю Шанхая международной финансовой группой из девяти банков при ведущей роли английского капитала (см. [127, т. 1, с. 805—806]). Тем са-

мым укреплялось английское экономическое и политическое влияние в бассейне Янцзы, устанавливались особые контакты с местными чиновными и торговыми кругами. За счет всего этого с каждым годом увеличивалась сумма косвенных иностранных инвестиций.

Новая полоса внешних займов в 1912—1913 гг. на военно-политические нужды Пекина была вызвана буржуазной Синьхайской революцией. Пришедшее на смену Цинам правительство Юань Шикая остро нуждалось в финансовой помощи Запада для подавления революционных сил и стабилизации нового режима. Это соответствовало интересам держав, опасавшихся за свои позиции в Китае и стремившихся заодно еще более подчинить себе его центральное правительство. Интересы держав представлял созданный в 1910 г. банковский консорциум в составе «Банк дэ л'Эндошин», «Дойч-Азиатише Банк», «Гонконг энд Шанхай Бэнкинг Корпорэйшн» и так называемой «американской группы»². В марте 1912 г. к ним присоединились «Йокогама Спэши Бэнк» и Русско-Азиатский банк (который образовался в 1910 г. в результате слияния Русско-Китайского банка с Русским Северным банком). Консорциум ставил своей целью реализацию крупнейшего (первоначальный вариант — до 600 млн. юаней), так называемого реорганизационного займа. Для получения его Китай должен был реорганизовать службу соляного обложения по образцу морских таможен, поставив новую Соляную администрацию под иностранный контроль.

В счет будущего займа консорциум с февраля по июнь 1912 г. выдал бэйянскому правительству серию авансов на общую сумму более 14 млн. лян. Политические трудности при заключении окончательного соглашения заставили Юань Шикая искать срочных ссуд вне консорциума. В июле—августе был реализован заем на сумму свыше 50 млн. юаней от «Бирч Крип энд К°»³. В апреле 1913 г. Пекин получил свыше 30 млн. юаней от группы австрийских банков. Их представителем выступала фирма «Арнольд Карберг унд К°» (см. [127, т. 2, с. 967, 1004]).

После выхода «американской группы» из консорциума 26 апреля 1913 г. было подписано окончательное соглашение о Реорганизационном займе. Сумма последнего была сокращена до 250 млн. юаней, он предоставлялся из 5% годовых на 47 лет. Обеспечением служили соляной налог, таможенные сборы и ряд статей дохода местных бюджетов провинций Чжили, Хэнань, Ганьсу и Шаньдун. С самого начала 67% номинальной суммы займа удерживались консорциумом в счет погашения старых долгов Пекина, предоставленных ранее авансов, комиссионных и т. д. Получив всего немногим более 82 млн. юаней, Китай должен был погашать все 250 млн. юаней плюс проценты (см. [127, т. 2, с. 1007—1023]).

[В итоге за 1901—1914 гг. внешний долг Китая достиг огромной суммы — 835 млн. долл. Из них почти 58% приходилось на ихэтуаньскую задолженность и займы на покрытие контрибуции 1895 г. Сумма внешних займов возросла почти вдвое, составив к

концу 1913 г. 526 млн. долл. Из них на военно-административные нужды правительства приходилось 63%, а на железнодорожное строительство и связь — 37% этой суммы [458, с. 119, 124]. С 1899 по 1913 г. ежегодные платежи по внешним займам и контрибуциям составляли в среднем около 30 млн. долл. [149, с. 143].

Первое десятилетие XX в. ознаменовалось общим усилением экспорта капитала в Китай. К началу первой мировой войны сумма всех иностранных инвестиций увеличилась по сравнению с 1900 г. более чем в 2 раза (с 750 млн. до 1650 млн. долл.) Как и в предыдущий период, их приток происходил преимущественно в виде более выгодных прямых вложений. Они примерно вдвое превышали правительственные обязательства. К 1914 г. 67% всех иностранных вложений составляли прямые (в 1902 г. — 64% [160, с. 9]) и 33% — косвенные инвестиции [458, с. 58, 69]. Несмотря на сохранение примерно прежнего соотношения этих двух статей, абсолютный рост последней привел к резкому качественному перелому — Китай потерял как возможность, так и право выпутаться из долговой кабалы.

Бдвое увеличились прямые иностранные инвестиции — с 503 млн. долл. в 1902 г. до 1084 млн. долл. в 1914 г. Основная их масса — 531 млн. долл. (33% всех иностранных капиталовложений в Китае) — была нацелена на железнодорожное строительство и транспорт. На долю внешней торговли, обрабатывающей, горнодобывающей промышленности и связи приходился в общем 21% всех вложений [458, с. 69—70]. Важными сферами помещения капитала были земельная собственность, жилищное, а также коммунальное хозяйство городских концессий и селтльментов.

Как и прежде, иностранный капитал притекал главным образом на территории, фактически отнятые у Китая. Более 62% всех инвестиций (свыше 1 млрд. долл.) приходилось на арендованные территории и селтльменты [252, с. 81]. Особую роль в данном плане играли международный селтльмент и французская концессия в Шанхае, где сосредоточились многочисленные доки, склады, муниципальные сооружения, магазины, фабрики, заводы и т. п.

Прямые инвестиции обеспечивали более высокие дивиденды и возможность подчинения иностранному влиянию целых отраслей экономики. С начала XX в. наряду с торговыми позициями вес и влияние той или иной державы в Китае стали в значительной мере определяться размером ее капиталовложений, удельным весом ее предприятий.

В то же время все очевиднее становилась неравнозначность таких категорий, как действительный ввоз капитала и иностранные инвестиции в Китае вообще. Размер первого уже не определял суммы последних. Активы крупнейших предприятий английского бизнеса — «Гонконг энд Шанхай Бэнкинг Корпорэйшн», фирмы «Джардин, Мэзисон энд К°» — и многих других компаний увеличивались во все возрастающей степени за счет накоплений в самом Китае при продолжавшемся притоке капитала из Англии и Индии. По крайней мере половина их фондов была «заработана» на

месте, прежде всего в сфере торговли и транспорта, с последующим столь же выгодным помещением, особенно в недвижимость.

В иностранном секторе начала XX в. по-прежнему преобладали английские интересы, заметно усилившиеся к 1914 г. К этому времени Великобритании принадлежало около 38% всех иностранных инвестиций. На втором месте была царская Россия (примерно 17%), чья доля снизилась после потери в 1905 г. вложений в Южной Маньчжурии. Значительную роль играли германские (16%) и французские капиталы (11%). Быстро росло японское влияние — от менее 1% в 1902 г. до 14% в 1914 г. [458, с. 76].

Капиталовложения Великобритании в Китае с 1902 по 1913 г. возросли более чем в 2 раза, а общая сумма ссуд пекинскому правительству увеличилась вдвое. Англичане предпочитали предоставлять займы для производственных целей. С 1900 по 1911 г. они самостоятельно или совместно с представителями других держав разместили в Китае 17 таких займов. Из них 14 были железнодорожными, 10 из которых британские банки реализовали самостоятельно. Вместе с английской долей в смешанных займах на железнодорожное и телеграфно-телефонное строительство китайские обязательства перед Англией составили в 1895—1913 гг. более 82 млн. долл. Все это упрочило британское влияние (см. [458, с. 76, 357]).

[Удельный вес Великобритании в прямых иностранных инвестициях составлял к 1914 г. около 40%. Английский капитал играл наиболее активную роль в промышленном предпринимательстве. В 1901—1911 гг. им было основано 23 новых предприятия с общим фондом около 34 млн. юаней [53, с. 2]. Англичане усиленно строили хлопчатобумажные и шелкомотальные фабрики в Шанхае и Гуанчжоу, табачные — в Шанхае и Ханькоу. Крупные суммы были помещены ими в Кайпинские копи, верфи, телефонную сеть, электроснабжение и жилищное строительство Шанхая, а также в разработку цветных металлов. С 1895 по 1913 г. англичане основали 37 фабричных и горнодобывающих предприятий, включая смешанные англо-китайские [417, с. 34]. Характерно, что прямые вложения Великобритании почти вдвое превышали сумму предоставленных ею Китаю займов [458, с. 361].]

Капиталовложения царской России в основном приходились на КВЖД, пищевую промышленность Северной Маньчжурии и на займы Пекину. Вокруг «Общества КВЖД» создавались различные предприятия: лесные концессии, мукомольные, свеклосахарные, горнодобывающие и коммерческие. Среди них следует отметить Чжалайнорские угольные копи, «Русское мукомольное общество» и крупную торговую фирму «Товарищество И. Я. Чу-рин и К°».

Японские инвестиции в Китае, бывшие до 1905 г. крайне незначительными, резко возросли после захвата в результате победы в войне с царской Россией южной ветки КВЖД, Даляня и Льюшуня. Займы Японии Китаю были невелики. К 1914 г. основная часть японских капиталовложений (69%) приходилась на пря-

мые вложения в Маньчжурии, где большую роль стало играть «Акционерное общество южноманьчжурских железных дорог» («Мантецу») и его предприятия, особенно горнодобывающие [458, с. 426, 428]. В целом японские промышленники значительно активизировали свою деятельность. [С 1901 по 1911 г. ими было основано 38 новых предприятий с общим капиталом около 23 млн. юаней] а к 1914 г. — 49 (включая смешанные) [53, с. 2].

Сумма реальных японских инвестиций в Китае была значительно меньше номинального показателя, поскольку захваченная в Маньчжурии русская и китайская собственность часто учитывалась при организации новых компаний как японские вложения. Первой крупной «инвестицией» такого рода явилось имущество южного участка КВЖД (81 млн. руб.), оцененное в 100 млн. иен [198, с. 116]. К Японии отошла вместе с железной дорогой практически вся русская собственность в Фэнтяни и большей части Цилини общей стоимостью в 123 млн. руб. [250, с. 316], в том числе судоремонтные и паровозо- и вагоноремонтные мастерские в Даляне, а также угольные копи в Фушуне.

Все указанные «трофеи» были переданы «Мантецу». Эта полугосударственная компания была специально создана в 1906 г. как восприемник русского капитала на Ляодунском полуострове и в Центральной Маньчжурии. «Мантецу» стала главным орудием комплексного подчинения Северо-Востока Китая японскому влиянию. Главным «предприятием» нового акционерного общества была захваченная ветка КВЖД, переименованная в Южно-Маньчжурскую железную дорогу. Капитал «Мантецу» составлял 200 млн. иен. Половина его принадлежала правительству, а другая — частным акционерам. В свою очередь, данная компания в качестве держательской контролировала целый ряд других отраслевых, в том числе смешанных китайско-японских, фирм.

Помимо железнодорожного строительства «Мантецу» в 1906—1913 гг. вложила крупные средства в обрабатывающую и горную промышленность, в судостроение, портовые сооружения, электростанции, земельную собственность и городское строительство. Железнодорожные мастерские в Шахэ и Ляояне, Фушунский угольный комплекс, пять электростанций в Даляне, Мукдене, Чанчуне и Аньдуне (крупнейшей из них была Дайренская), газовые заводы, типографии и т. д. — таков далеко не полный перечень фабричных предприятий «Мантецу» к 1914 г.

Японская экономическая экспансия развивалась и вне сферы деятельности этой компании. С 1907 по 1914 г. число японских коммерческих предприятий в Китае возросло почти в 3 раза. Более чем в 3,5 раза увеличилось количество земледельческих, животноводческих и ирригационных хозяйств. Было построено 22 различных промышленных объекта. Общий капитал указанных заведений, включая банковские и транспортные вложения, увеличился более чем в 3 раза [54, т. 2, с. 389]. Накануне первой мировой войны японская экспансия вышла за пределы Маньчжурии, устремившись в «сферу влияния» Англии — Шанхай и бас-

сейн Янцзы. Здесь средоточием японских интересов был Ханьпинский горнодобывающий и металлургический комбинат.

К 1914 г. значительно увеличились капиталовложения кайзеровской Германии. Ее займы Китаю, главным образом на правительственные цели, осуществлялись совместно с Англией и Францией и самостоятельного значения почти не имели. Немецкие прямые вложения направлялись в основном в недвижимость, предприятия и транспорт пров. Шаньдун — «сферу влияния» Германии. Для Франции также характерно было участие в совместных займах, в том числе в восьми железнодорожных. Ее прямые инвестиции также приходились на собственную «сферу влияния», где наиболее значительным объектом была Юньнань-Вьетнамская узкоколейная железная дорога.

Американские вложения в рассматриваемый период были невелики — 3% всех иностранных инвестиций [458, с. 76]. Это объяснялось слабым интересом финансовых монополий США к Китаю и неудачей попыток проникнуть в железнодорожные «сферы влияния» других держав — в Маньчжурию, бассейн Янцзы и южные провинции.

Начало XX в. ознаменовалось второй фазой борьбы держав за получение железнодорожных концессий в Китае. С 1902 по 1911 г. они навязали цинскому правительству 19 новых и дополнительных железнодорожных займов.

Великобритания по-прежнему занимала ведущее место в железнодорожных инвестициях (свыше 1/3 суммы всех займов). С 1899 по 1911 г. «Гонконг энд Шанхай Бэнкинг Корпорэйшн» разместила 8 железнодорожных займов [120, с. 236, 238]. Она финансировала строительство дорог Шанхай — Нанкин, Гуанчжоу — Цзюлун, Тяньцзинь — Пукоу и Пекин — Ханькоу. К займам привлекался и «Пекин Синдикит» (ветка Даокоу — Цинхуа в Хэнане). В связи с железнодорожным бумом в Китае «Гонконг энд Шанхай Бэнкинг Корпорэйшн» и «Джардин, Мэзисон энд К°» в 1904 г. в системе «Бритиш энд Чайниз Корпорэйшн» — «Пекин Синдикит» создали новую компанию, «Чайниз Сэнтрал Рэйлуэйз». Позже была основана железнодорожная «Янцзы Вэлли К°» («Янцзы гунсы»). Кроме того, в английских железнодорожных займах приняла участие «Поллинг энд К°».

Наиболее крупные железнодорожные займы были предоставлены Великобританией на постройку линии Шанхай — Нанкин. Заем на ее строительство в 34 млн. юаней был реализован в июле 1903 г. «Гонконг энд Шанхай Бэнкинг Корпорэйшн» и фирмой «Джардин, Мэзисон энд К°» через «Бритиш энд Чайниз Корпорэйшн»¹. Крупный заем (58 млн. юаней) был выдан англо-германским синдикатом на строительство магистрали Тяньцзинь — Пукоу в январе 1908 г. Английская сторона была представлена «Чайниз Сэнтрал Рэйлуэйз», за которой стояла та же «Гонконг энд Шанхай Бэнкинг Корпорэйшн», германская — «Дойч-Азиатише банк». В октябре 1908 г. на ту же сумму был реализован англо-французский заем министерству почт и путей сообщения, пред-

назначавшийся для финансирования работ на магистрали Пекин — Ханькоу. В данном случае английским партнером выступил «Банк дэ л'Эндошин». В сентябре 1910 г. последовал дополнительный англо-германский заем для Тяньцзинь-Пукоуской дороги в размере почти 35 млн. юаней, осуществленный теми же участниками синдиката (см. [127, т. 1, с. 387, 684, 747, 814]).

За Англией следовали Франция и Бельгия. В 1903 г. «Компани Франсэз дэ Шмэн дэ Фер дэ л'Эндошин э дю Юньнань» приступила к созданию Юньнань-Вьетнамской железной дороги. В том же году франко-бельгийская «Компани Женераль дэ Шмэн дэ Фер э дэ Трамвэ ан Шин» финансировала прокладку линии Кайфын — Лоян (Хэнань). В 1906 г. «Сосьетэ д'Этюд дэ Шмэн дэ Фер ан Шин» завершила строительство магистрали Пекин — Ханькоу. Несмотря на то что цинское правительство в 1908 г., с помощью специального займа погасив задолженность Бельгии, вернуло себе право на эту дорогу, служба движения там осталась в руках французов и бельгийцев.

Одной из важнейших сфер железнодорожных интересов держав оставалась Маньчжурия. До русско-японской войны 1904—1905 гг. «Общество КВЖД» добились права на строительство линии Гирин — Чанчунь. Русско-Китайский банк реализовал заем на дорогу Чжэндин — Тайюань. С созданием в 1906 г. «Мантецу» началось участие Японии в займовых операциях. К 1911 г. японские банки и «Мантецу» осуществили 4 займа, в том числе 1 — китайской частной «Цзянсийской железнодорожной компании» и 1 — для выкупа Китаем дороги Пекин — Ханькоу. 2 займа были выданы на строительство в Маньчжурии, где «Мантецу» финансировала и строила линии Синьминь — Мукден, Гирин — Чанчунь и Андун — Мукден, являвшиеся ответвлениями Южно-Маньчжурской дороги [149, с. 74].

Крупным событием в истории Китая тех лет явилась реализация так называемого Хугуанского займа на строительство Гуанчжоу-Ханькоуской магистрали с продолжением ее от Ханькоу в Сычуань. В 1905 г. цинское правительство с помощью английского займа погасило свою задолженность «Америкэн Чайна Дивелопмент К^о». Выкупив тем самым право на строительство линии Гуанчжоу — Ханькоу, Цины передали весь проект Хугуанских железных дорог двум отечественным компаниям. Воспользовавшись их трудностями и нуждой Пекина в новых займах, Англия попыталась закрепить за собой эту гигантскую концессию, имевшую особое экономическое и политическое значение в ее «сфере влияния». Противодействие Франции и Германии заставило Англию согласиться на совместное тройственное участие. В июне 1909 г. «Гонконг энд Шанхай Бэнкинг Корпорэйшн», «Дойч-Азиатише банк» и «Банк дэ л'Эндошин» заключили с Пекином предварительное соглашение о займе (см. [127, т. 1, с. 880—885]).

Для его реализации в начале 1910 г. был создан тройственный банковский консорциум. После ожесточенной борьбы в него вступили и американские банки. Английскую сторону в консорциуме

помимо «Гонконг энд Шанхай Бэнкинг Корпорэйшн» представляли «Бритиш энд Чайниз Корпорэйшн» и «Чайниз Сэнтрал Рэйлуэйз». От Франции выступала та же группа банков, которая участвовала в синдикате 1895 г. за исключением «Готтингер э Компани». Наряду с «Банк дэ л'Эндошин» к этой группе присоединились «Банк дэ л'Юнион Паризьен» и «Банк Франсэз пур лэ Комерс э л'Эндюстри». Германия была представлена 15 банками. Среди них помимо представлявшего немецкий синдикат «Дойч-Азиатише банк» наиболее крупными были «Дойче Банк», «Дрезднер банк» и «Дисконто-Гезельшафт»⁵. В качестве их представителя выступала «Дойч-Хинезише Айзенбан Гезельшафт». В «американскую группу» вошли «Морган энд К^о», «Фэрст Нэшнл Бэнк», «Кун, Лэб энд К^о» и «Нэйшнл Сити Бэнк оф Нью-Йорк».

20 мая 1911 г. представители трех ведущих иностранных банков Китая совместно с «американской группой» подписали с министром почт и путей сообщения Шэн Сюаньхуаем окончательное соглашение о Хугуанском займе. Последний предоставлялся в сумме около 70 млн. юаней на 40 лет из 5% годовых. Доля каждой страны составляла 25%. Обеспечением займа служили сборы лицензия, соляного налога и «соляного» лицензия (*яньли*) в Хуанни и Хубэе. Консорциум закрепил за собой монопольное право предоставления займов Китаю (см. [127, т. 1, с. 866, 878, 879]). Предварительным условием займа было устранение частных китайских железнодорожных компаний. Для этого цинское правительство еще 9 мая объявило о «национализации» обеих дорог.

Передача строительства Хугуанских дорог в казну при иностранном контроле объяснялась не только финансовыми затруднениями правительства, но и пренебрежением Цинов к интересам национальной буржуазии. Проявилось отчасти и неверие в способность самих китайцев успешно вести подобные огромные работы. Слабому отечественному капиталу Пекин предпочел более сильного и оперативного исполнителя Хугуанского проекта в лице четырехстороннего банковского консорциума. Создание последнего в 1910 г. и крупнейший железнодорожный заем 1911 г. завершили второй этап империалистической борьбы за раздел Китая, начавшийся после подавления ихэтуаньского движения в 1901 г.

Падение цинской монархии в начале 1912 г. и ослабление центральной власти в ходе Синьхайской революции послужили сигналом к очередному натиску держав на Пекин. Наступил новый, третий этап их борьбы за железнодорожные интересы в Китае. В первой его фазе (июнь 1912 — июль 1913 г.) единственным орудием межимпериалистического соперничества служили железнодорожные займы. Во второй фазе (июнь 1913 — август 1914 г.) займы сочетались с соглашением о концессиях и иных правах. Всего за указанные два года иностранные банки и компании разместили в Китае 14 новых займов и авансов общей фактически полученной Пекином суммой около 100 млн. юаней [26, с. 187—189]. При этом на строительство железных дорог пошла лишь часть этих денег, так как многие займы Юань Шикай использо-

вал на различные административные и военные нужды в целях подавления революционного движения и укрепления своего режима.

Неустойчивость внутреннего положения в Китае позволила банкам повысить средний процент по новым займам (с 5 до 6—7) и ужесточить условия их предоставления. Обеспечением займов все чаще становились сами дороги и их имущество, расширялись права иностранных главных инженеров и т. д. «Отправным пунктом» указанных изменений послужил новый контракт на строительство Лунхайской магистрали, заключенный франко-бельгийским «Сосьетэ Женераль дэ Шмэн дэ Фер э дэ Трамвэ ан Шин» в сентябре 1912 г. Вместе с тем шел пересмотр (в сторону ухудшения условий) некоторых прежних соглашений, в том числе о Хугуанских дорогах и линии Шанхай—Нинбо (см. [127, т. 2 с. 888, 976]).

В ходе второй фазы очередной «битвы за концессии» Китай уступил державам право на строительство 10 железнодорожных линий. Четыре из них приходились на долю английских компаний. «Поллинг энд К°» добилась концессии на постройку дороги через Хубэй, Хунань и Гуйчжоу (Шаши—Синьши с веткой Чандэ—Чанша), «Бритиш энд Чайниз Корпорэйшн» — линии Нанкин—Пинсян (через Аньхой и Цзянси). Кроме того, английский капитал закрепил за собой право на прокладку дорог Гуанчжоу—Наньчан и Гуанчжоу—Чаочжоу. Концессия на дорогу Датун—Чэнду (через Шэньси) попала в руки франко-бельгийского сообщества («Сосьетэ Бэльж дэ Шмэн дэ Фер ан Шин» и «Сосьетэ Франсэз дэ Констриксьон э Эксплотасьон дэ Шмэн дэ Фер ан Шин») [149, с. 100, 101].

Французский «Банк Индустриэль дэ Шин» получил крупнейший контракт на строительство магистрали Циньчжоу—Чунцин. Эта дорога длиной свыше 2 тыс. км должна была пройти через пять провинций (Гуандун, Гуанси, Юньнань, Гуйчжоу и Сычуань). Германский капитал через «Дойч-Азиатише Банк» захватил в Шаньдуне две новые железнодорожные концессии (Гаоми—Ханьчжуан и Шуньдэ—Цзинань). Япония получила право на строительство двух линий в Маньчжурии (Чанчунь—Таонань и Сыпингай—Таонань). Всего в ходе второй фазы «битвы за концессии» державы приобрели право на создание железнодорожных линий общей протяженностью почти 9 тыс. км (см. [127, т. 2, с. 1054, 1094, 1099], что равнялось длине всех железных дорог, построенных в Китае к 1911 г.

В первое десятилетие XX в. иностранный капитал постепенно реализовывал права на постройку железных дорог, вырванные им у цинского правительства в период первой «битвы за концессии» (1896—1898), а также несколько позже. Железнодорожное строительство в период от японо-китайской войны до Синьхайской революции переживало бурный подъем. За эти годы были в основном закончены 8 крупных линий и магистралей. В 1903 г. была построена КВЖД с ее южной веткой. На следующий год «Шань-

дун Айзенбан Гезельшафт» ввела в строй линию Цзяочжоу—Цзинань. В 1906 г. завершились работы на трассе Пекин—Ханькоу. На Шанхай-Нанкинской дороге движение началось в 1908 г. В следующем году были закончены работы на линии Юньнань—Вьетнам. Строительство Тяньцзинь-Пукоуской магистрали завершилось в 1911 г. Две дороги (Шанхай—Ханчжоу и Пекин—Мукден) вступили в строй в 1912 г. Шли работы на Пекин-Суйюаньской, Лунхайской, Гуанчжоу-Ханькоуской и других линиях и ветках. Всего с 1895 по 1911 г. было построено 9253 км железных дорог, в результате чего их общая протяженность достигла 9618 км. 93% их находились в руках или под контролем держав, и только 7% — под управлением самих китайцев [26, с. 176, 183].

Железнодорожное строительство велось не одним, а несколькими «хозяевами», хаотично, без единого плана. Прокладка многих линий, выбор направления и конечных пунктов были зачастую случайными и экономически необоснованными, обусловленными не строгим хозяйственным расчетом, а горячей межимпериалистического соперничества. В результате возникла не единая, состоящая из взаимовязанных компонентов сеть, а сумма отдельных, самостоятельных линий и веток. Тем не менее она стала важнейшим инструментом империалистического экономического и политического проникновения в глубинные районы Китая. Помимо всего прочего, при пользовании иностранными железными дорогами, как и услугами паромов, европейцы, американцы и японцы пользовались тарифными преимуществами и послаблениями, что облегчало им конкурентную борьбу с местными предпринимателями.

Прокладка железных дорог во внутренних провинциях, наплыв европейского и японского капитала, связанный с ним рост количества предприятий, фирм, а главное, непрерывная цепь займов резко усилили значение иностранных банков в экономике Китая. В число действовавших на его территории крупных банков вошли ряд новых — прежде всего японские «Бэнк оф Тайвань» и «Бэнк оф Чосон», американский «Нэйшнл Сити Бэнк оф Нью-Йорк» и бельгийский «Банк Бэльж пур л'Этранже, Экстрем-Ориан».

Гигантский рост внешнего долга Цинской империи за счет огромной ихэтуаньской контрибуции 1901 г. поднял роль иностранных кредитных учреждений. Особенно возросло влияние «Гонконг энд Шанхай Бэнкинг Корпорэйшн» — ведущего банка Китая. В начале XX в. он имел 42 отделения в важнейших городах страны. К 1907 г. его оплаченный капитал возрос до 15 млн. долл. (см. [120, с. 236—238]).

Новое резкое усиление роли иностранных банков было вызвано Синьхайской революцией, когда начиная с 1912 г. поступления от морских таможен стали переводиться непосредственно на счета «гарантийных» банков⁶. В этой роли прежде всего выступали «Гонконг энд Шанхай Бэнкинг Корпорэйшн», «Йокогама Спэши Бэнк», Русско-Азиатский банк, «Банк дэ л'Эндошин» и «Дойч-

Азиатише банк». В их подвалы с 1913 г. стали поступать и сборы от соляной монополии, сдаваемые Соляной администрацией Китая, а также часть лицензия.

Указанные активы, а также доходы от железнодорожных концессий использовались «гарантийными» банками в качестве части их оборотного капитала. Данные средства, а также всевозрастающие китайские вклады увеличивали оперативные возможности иностранных финансовых учреждений.

После ихэтуаньской катастрофы 1901 г. банки резко усилили эмиссию иностранных банкнотов. Цинское правительство было лишено права контроля над этой деятельностью. Накануне революции 1911—1913 гг. выпуск денежных знаков осуществляли более 10 иностранных кредитных учреждений, среди которых ведущую роль играли «Гонконг энд Шанхай Бэнкинг Корпорейшн», японские «Июкогама Спэши Бэнк», «Бэнк оф Тайвань», а также ряд французских банков и обществ. В 1912 г. общая сумма иностранных денежных знаков, обращавшихся в Китае, достигла 44 млн. юаней, или 45% бумажноденежной массы, находившейся в обращении в стране (без учета частных банкнотов, векселей и чеков традиционного типа). В крупных экономических центрах, таких, как Шанхай, Гуанчжоу и Ханькоу, иностранные банкноты все более претендовали на доминирующую роль. К 1914 г. 70% всех бумажных денег, обращавшихся на денежном рынке Шанхая, были иностранными (см. [149, 21; 331, с. 58, 76]). Такого рода эмиссия усилила экономическую зависимость Китая, облегчала его эксплуатацию и раздел на «сферы особых интересов» ведущих держав. Наводнение денежного рынка «открытых» портов иностранными банкнотами подрывало денежное обращение Цинской империи, обесценивая ее национальную валюту.

Роль банков возросла и за счет валютной котировки. Последняя приобретала все большее значение во внешнеэкономических вопросах, особенно в платежном балансе Цинской империи. В конце XIX в., когда внешняя задолженность Китая и соответственно его международные платежи были невелики, функция иностранных банков как регуляторов валютных курсов не имела особого значения. Однако после японо-китайской войны 1894—1895 гг. вследствие необходимости для Китая выплачивать крупные долги, и особенно ихэтуаньскую контрибуцию 1901 г., валютная котировка стала играть заметную роль.

Кроме того, данная функция иностранных банков в Китае возросла и в связи с мировыми изменениями в относительной стоимости серебра и золота. Обозначившееся к концу XIX в. обесценивание серебра по отношению к золоту шло в начале XX в. усиленными темпами. В результате внешняя котировка серебряного лянга упала вдвое (примерно с 1,3 до 0,7 долл.). Серебро, вытесненное золотом, потеряло роль мировых денег, став на международном рынке простым товаром. Между тем в Китае оно еще сохранило свою прежнюю роль во внутреннем обращении.

Зигзагообразные колебания цен на серебро диктовались бир-

жами Лондона, Нью-Йорка, Бомбея и лишь отчасти Шанхая. В этой обстановке иностранные банки в самом Китае и вне его при фиксации курса серебряного лянга не останавливались и перед спекулятивными биржевыми операциями: к моменту очередных взносов в счет погашения долгов, производимых цинским правительством, или выплаты Пекином процентов по внешним займам котировка серебра искусственно снижалась путем его массовых продаж.

Растущая эксплуатация Китая методами, присущими империалистической стадии развития капитализма, сопровождалась усилением традиционного торгового проникновения в глубины Цинской империи, дальнейшим продвижением по пути завоевания местного рынка. Согласно Заключительному протоколу 1901 г., Пекин был обязан пересмотреть прежние торговые договоры с целью облегчения иностранной коммерции. Новые торговые договоры Китая с Англией (1902), Японией и США (1903), подтверждая все преимущественные права иностранной коммерции, создавали дополнительные благоприятные условия для полупромышленной и розничной торговли иностранцев в глубинных районах страны.

Суть нововведений сводилась к тому, что при перепродаже китайскими купцами импортных товаров прекращалось взимание с них чангуаньшуй и лицензия. Само иностранное происхождение товара становилось гарантией его «экстерриториальности» на внутреннем рынке Цинской империи. Обусловленное при этом некоторое повышение импортного тарифа до реальных 5% стоимости товара должно было компенсировать часть потерь Пекина по сборам лицензия и чангуаньшуй. Цины обязались наложить новые поборы на производство ряда местных товаров, открыть для внешней торговли 7 новых городов (в том числе Чанша, Аньцин и Мукден), улучшить условия для иностранного судоходства, складского дела и т. д. Новые торговые договоры требовали установления единой для всех провинций денежной системы и предусматривали очередные уступки для иностранцев в горнодобывающей промышленности (см. [127, т. 1, с. 342—356, 411—450]).

Пересмотр импортного таможенного тарифа, который до этого не изменялся почти столетия (с 1858 г.), был вызван необходимостью обеспечить выплату Пекином колоссальной ихэтуаньской контрибуции. К рассматриваемому времени импортная пошлина уже давно была ниже установленных 5% стоимости товара. Однако и после пересмотра пошлины на основные иностранные товары немногим превышали 3,5% их стоимости [26, с. 82]. Державы продолжали требовать от цинского правительства отмены лицензия. Однако делалось это с меньшей настойчивостью, чем прежде, так как лицензий стал одним из обеспечений выплаты целого ряда внешних займов.

Договоры 1902—1903 гг. создали исключительно благоприятный режим для торговли импортными фабрикатами, так как ограничивали права Китая не только в сфере таможенного, но уже и внутреннего налогообложения, устанавливая своего рода «экстер-

риториальность» товаров иностранного происхождения. «Режим капитуляций» таким образом был распространен и на сферу торговли, благодаря чему внутренний рынок Цинской империи отдавался во власть иностранным коммерсантам.

Для внешней торговли в 1901—1912 гг. было дополнительно открыто 38 новых портов и городов, в том числе такие крупные, как Цзинань, Чанчунь и Цилинь. Вместе с тем наметилась новая тенденция: различные города и порты стали открываться и по инициативе китайской стороны: правительства, наместников и губернаторов провинций, местных чиновников, шэньши и компрадоров. Так были «открыты» Саньдуао, Циньхуандао, Наньнин и Сянчжоу. Всего к 1912 г. иностранная торговля была разрешена в 82 городах и портах. Вместе с 25 пунктами, разрешенными для якорных стоянок иностранных судов, общее число городов и населенных пунктов, открытых для внешнего проникновения, превышало 100. К этому времени практически не осталось сколько-нибудь крупного экономического центра, недоступного для иностранцев (см. [26, с. 55]).

Освоение китайского рынка английскими и иными коммерсантами усилилось. Соответственно увеличился объем внешней торговли Китая. Стоимость экспорта поднялась с 122 млн. долл. в 1901 г. до 294 млн. долл. в 1913 г., а импорта — со 193 млн. до 416 млн. долл. [252, с. 69, 91]. Тем не менее степень вовлечения Цинской империи в мировой товарооборот в целом оставалась крайне низкой. На долю Китая в 1911 г. приходилось 1,7% всей мировой внешней торговли. Внешнеторговый оборот на душу населения был в Цинской империи в 2 раза меньше, чем в колониальной Индии, и в 10 раз ниже, чем в Японии [196, с. 255]. Несмотря на возрастающий товарный натиск держав, Китай все еще продолжал оставаться в значительной мере лишь потенциальным рынком.

Густонаселенные провинции Южного и Центрального Китая с высоким уровнем развития товарно-денежных отношений и развитой сетью торговых путей оставались главным объектом влияния мирового рынка. Импорт в эти районы был наибольшим — 80% его общекайтайского объема в 1909—1911 гг. Вместе с тем пассив торгового баланса для этой части Цинской империи был самым высоким. Особенно сказывалось влияние трех крупнейших портов — Шанхая, Гонконга и Гуанчжоу. Крайне быстро росла внешняя торговля Маньчжурии, хотя данный район был втянут в мировой оборот позже Южного и Центрального Китая. За первые 10 лет XX в. удельный вес Маньчжурии в общем импорте страны увеличился в 6 раз, а в экспорте — почти в 4 раза [26, с. 85, 86]. Северные провинции с отсталой экономикой, неразвитыми торговлей и промышленностью слабее других были втянуты в сферу мирового рынка, а их внешнеторговый оборот был небольшим.

Среди портов Цинской империи ведущую роль играл центр иностранной экономической экспансии — Шанхай, превративший-

ся в важнейший распределительный пункт. К 1913 г. его грузооборот с учетом реэкспорта составлял около 40% стоимости всего внешнеторгового оборота Китая [252, с. 104]. Вторым по значению портом страны стал Тяньцзинь. Крупным торговым центром становился Далянь, объявленный «беспошлинным» портом. Роль северных портов возрастала в связи с увеличением внешней торговли Маньчжурии и ростом японской экспансии. Параллельно этому падала роль южных городов — Фучжоу, Шаньтоу, Сямыня и особенно Гуанчжоу. Последний испытывал, кроме того, сильнейшую конкуренцию со стороны Гонконга, также объявленного порто-франко.

Иностранные фирмы в Гонконге, Шанхае, Тяньцзине и Гуанчжоу определяли не только объем, но и направление внешней торговли Китая. За 1899—1913 гг. число иностранных, преимущественно коммерческих, фирм в стране увеличилось почти в 3 раза (до 2400 в 1913 г.). Число иностранцев, осевших в Китае за эти годы, с 53 тыс. возросло до 165 тыс. (см. [458, с. 338, 407, 618, 638, 652]).

Одновременно с появлением все новых торговых фирм росли и богатели старые компании, пустившие свои корни в Китае еще в середине XIX в. Среди них выделялись крупные английские фирмы «Дэнт энд К°» («Баошунь») и «Сассун энд К°» («Шасунь»), а также американская фирма «Гэрд энд К°». Лидировали же по-прежнему «Джардин, Мэзисон энд К°» («Ихэ») и «Баттерфилд, Суайр энд К°» («Тайгу»).

Часть китайской торговой буржуазии, как и ранее, оставалась на положении их компрадоров, выполняя роль посредника между иностранными фирмами и местным производством, между отечественными потребителями и иноземными коммерсантами. При этом, однако, в самом компрадорстве наметились определенные изменения. С одной стороны, быстрый рост количества новых иностранных (особенно японских) коммерческих фирм соответственно увеличивал число агентов-посредников из китайской торговой среды, состоявших у них на службе. К аналогичным последствиям вело и установление торговыми договорами 1902—1903 гг. «экстерриториальности» импортных товаров на внутреннем рынке Китая. В подобных условиях любой перекупщик становился в какой-то мере компрадором. В результате усилилась диффузия компрадорства, расширилась его среда.

С другой стороны, заметно падало значение «классического» компрадорства середины и второй половины XIX в. с его «монопольей» на связь с местным рынком, с его крупными капиталами, с функцией кредитования зависящих от него самых мелких товаропроизводящих фирм.

Выше уже отмечалось, что исторически институт компрадоров возник как результат «тканевой несовместимости» традиционной китайской и западнобуржуазной структур. Компрадоры выступали как средство разрешения данного конфликта. Однако в ходе исторического развития как цинское общество, так и иностранная

экспансия претерпевали качественные изменения, а процесс вовлечения иностранного сектора в социально-экономическую систему Китая прошел несколько стадий. К началу XX в. этап неконтактности и чисто «компрадорский» период в значительной мере подходили к концу. С наступлением этапа более или менее органического вращивания иностранного капитала в переходную структуру китайского общества «тканевая несовместимость», а с нею соответственно и институт «старого» компрадорства теряли прежнюю значимость.

Японцы и англичане, особенно местные старожилы, стали больше, чем прежде, вступать в прямые отношения с китайскими фирмами без посредничества «классических» компрадоров. Языковой барьер постепенно разрушался. Наиболее простые деловые переговоры все чаще велись на «пиджин» — специфическом англо-китайском жаргоне. Вопрос о знании местных условий, рынка, гильдейских правил, обычаев, кредитоспособности китайских «торговых домов» и т. д. частично терял свою прежнюю остроту. Иностранцы, особенно старожилы, все более накапливали знания и опыт и во все большей мере опирались на свои силы.

Вместе с тем китайская часть товаропроводящей сети уже не так остро, как прежде, нуждалась в кредитовании со стороны крупных компрадоров. Эту функцию все более брали на себя меняльные конторы (*цзяньчжуан, дуйчжуан*), ломбарды (*данпу, дяньдан*) и современные китайские банки (*иньхан*). Кроме того, некоторые крупные компрадоры, со своей стороны, стремились вести самостоятельные операции за пределами Китая. Они налаживали связи с эмигрантской буржуазией, с зарубежными компаниями, особенно в Японии, США и Англии, минуя при этом иностранные фирмы в «открытых» портах. Однако, несмотря на всю симптоматичность подобных явлений, последние находились еще на ранней ступени своего становления и не могли сколько-нибудь серьезно сказаться на внешнеторговой монополии иностранного сектора, прежде всего английских коммерсантов.

Британская империя продолжала занимать первое место в торговле Западом с Китаем. На ее долю приходилось 50% всего указанного товарооборота, хотя роль самой метрополии в рассматриваемые годы все более снижалась. За 1899—1913 гг. резко упал — с 43 до 15% — удельный вес английских фирм в общем числе иностранных компаний. В торговле с Китаем важнейшую роль продолжал играть Гонконг (около 30% всего товарооборота), оставаясь также и средоточием контрабандной торговли. Тем не менее его значение также снижалось в связи с ростом маньчжурского экспорта, с усилением японской и русской торговли через северные порты и Далянь. В противовес Англии быстро увеличивалась роль японских фирм, чей удельный вес в общем числе иностранных компаний за указанный период поднялся с 21 до 33% [26, с. 84; 458, с. 407, 533].

Конкурентная борьба между державами за установление своего торгового влияния в Китае, за передел рынков сбыта в рас-

сматриваемые годы обострилась. Япония и США теснили английскую коммерцию, подорвав монополию Англии в импорте хлопчатобумажных изделий и опиума, а также в вывозе масличного сырья. Сфера британского господства (Южный Китай и бассейн Янцзы) стала объектом активного торгового наступления японских и американских фирм.

В системе сохраняющегося английского превосходства в иностранном секторе Китая важнейшую роль играл контроль над аппаратом морских таможен. С уходом в 1908 г. Р. Харта с поста генерального инспектора Управления императорских морских таможен его преемниками стали англичане Р. Бридон и (с 1910 г.) Ф. Эглен. Столь же важным «козырем» Великобритании оставалось ее преобладание в морском судоходстве у берегов Китая. Его связь с внешним миром по морю (исключая Корею и Вьетнам) по-прежнему осуществлялась только через иностранные пароходства. В этой сфере лидирующее положение занимали две британские фирмы — «Пенинсулар энд Ориентл Стим Навигэйшн К^о» («П. энд О.») и «Холтс Оушн Стим Шип К^о».

Однако в начале XX в. монопольное положение Англии в данной области также стало сходиться на нет — в 1913 г. ей принадлежал лишь 41% общего тоннажа судов, тогда как доля японского торгового флота поднялась до 25%. [458, с. 407, 533].

Аналогичные процессы происходили и в сфере речного и каботажного судоходства Цинской империи. Важным моментом конкурентной борьбы держав было возникновение в 1907 г. третьего по величине после «Тайгу» и «Ихэ» крупного иностранного пароходства — «Японо-Китайской пароходной компании», образовавшейся в результате слияния японских «Хунаньской пароходной компании» и «Дайто» («Дадун»). Дочерние филиалы «Осакской пароходной компании» и «Японской компании почтово-пассажирского пароходства» передали новому объединению свои суда, курсировавшие по Янцзы. В результате рост японского пароходства подорвал монопольное положение английских «Чайна Стим Навигэйшн К^о» и «Индо-Чайна Стим Навигэйшн К^о», а также ухудшил положение китайской «Чжаошанцзюй», особенно на линиях по Янцзы.

Строительство железных дорог, развитие пароходства, почты, телеграфа, активизация иностранных торговых фирм и компаний резко усилили связь Китая с мировым рынком. За 1900—1911 гг. его внешнеторговый оборот увеличился более чем вдвое, в 1913 г. он составлял 710 млн. долл. Китайская внешняя торговля по-прежнему оставалась несбалансированной. Общее превышение импорта над экспортом за 1899—1913 гг. равнялось 1 млрд. 650 млн. лянгов [459, с. 223], а в 1913 г. — почти 122 млн. долл. Удельный вес его несколько сокращался лишь в 1908—1912 гг. за счет резкого увеличения вывоза сельскохозяйственного сырья (см. [252, с. 69, 91; 458, с. 50]).

Дефицит внешней торговли с большим трудом покрывался другими валютными поступлениями. В результате не только внешне-

торговый, но и платежный баланс Китая, отягченный платежами по иностранным займам и ихэтуаньской контрибуции, грозил стать пассивным (см. [26, с. 95—97]).

В импорте Китая главную роль, по-прежнему играли хлопчатобумажные ткани, пряжа и опиум. Тем не менее к 1913 г. наметилось снижение роли этих товаров на внутреннем рынке под влиянием роста местного производства пряжи (особенно в Шанхае) и опиума (главным образом в западных провинциях). Учитывая последний момент, а также под давлением общественного мнения Англия пошла в 1911 г. на заключение с Пекином договора о постепенном сокращении и запрещении опиумной торговли. Уменьшился также ввоз хлопка. При этом растущая конкуренция японской пряжи привела к своего рода разделу китайского текстильного рынка. Если в Южном Китае фабрики Бомбея и Ланкашира сохранили свое господство на местном рынке пряжи, то в долине Янцзы удельный вес их продукции заметно сократился. Японская пряжа захватила ведущее положение на рынках Северного Китая, а к 1913 г. сильно потеснила индийскую пряжу в Маньчжурии (см. [382, с. 129—131]).

В товарной структуре китайского импорта под влиянием развития в стране капитализма и соответственно современного производства также произошли определенные сдвиги. К 1910 г. доля средств производства увеличилась по сравнению с 1893 г., составив около 18% стоимости ввоза [26, с. 87]. Вырос импорт машинного оборудования, инструментов, судов, строительных материалов, красителей и металлов. Только экспорт рельсов и подвижного состава в Китай с 1898 по 1912 г. оценивался в 41 млн. долл. [149, с. 64]. Значительно возрос ввоз нефтепродуктов, и особенно керосина. Следует отметить, что в данной сфере позиции английских и американских компаний постепенно слабели в связи с растущей конкуренцией германских поставщиков, в первую очередь фирмы Круппа.

В связи с неогражденностью китайского рынка защитительными пошлинами возрастал и ввоз продовольствия (риса, сахара, муки) в приморские города, особенно в Шанхай, Гуанчжоу и Тяньцзинь. Рис из Индокитая оказывался более дешевым, чем местный, доставляемый из внутренних провинций в южные приморские города. Аналогичная ситуация сложилась с импортом муки в связи с усилившейся урбанизацией.

С дальнейшим втягиванием Китая в сферу мирового рынка усилилось превращение страны в источник дешевого сельскохозяйственного сырья для нужд развитых капиталистических стран. Это непосредственно сказалось на товарной структуре экспорта: с 1893 по 1910 г. удельный вес в нем сельскохозяйственного сырья возрос более чем вдвое, составив 39% [26, с. 88, 90]. Быстро росли новые экспортные статьи (хлопок, соевая продукция, арахис, растительные масла). При этом монопольное положение традиционных статей китайского экспорта (чай, шелк-сырец) было окончательно подорвано. Удельный вес их в общем объеме вывоза со-

кратился с 61% в 1894 г. до 27% в 1913 г., несмотря на то что экспорт шелка постоянно увеличивался [252, с. 70, 95].

Значение Китая как производителя шелка в целом не упало, однако его роль как экспортера резко уменьшилась. Если в середине XIX в. он поставлял около половины всего шелка-сырца на мировом рынке, то в 1902—1904 гг. в среднем Цинская империя давала всего лишь 27% [452, с. 322] и отошла на второе после Японии место. Ослабление рыночных позиций Китая, потеря им «монополии», растущая конкуренция со стороны Японии, Италии и Франции привели к постоянному падению цен на шелковое сырье. Аналогичное положение — вследствие конкуренции со стороны Индии, Цейлона и Японии — сложилось и с чаем. С 1872 по 1902 г. цены на шелк в Шанхае упали более чем в 2 раза, а на байховый чай — более чем в 3 раза [196, с. 283, 289]. В результате, несмотря на неуклонный рост производства и экспорта шелкового сырья, выручка Китая по данной статье вывоза постоянно падала. Обострение конкуренции на мировом чайном рынке вело к замораживанию китайского экспорта чая.

Китай все больше превращался в поставщика дешевого сырья: хлопка — для текстильных фабрик Японии, соевой продукции — для японской пищевой промышленности и земледелия, для потребления в Европе, шелка — для фабрик США, чая — для царской России, США и т. д. Он был лишен возможности влиять на товарную структуру и направление своего вывоза. Последний все более принимал колониальный характер.

Воздействие мирового рынка на Китай привело к последствиям двоякого рода. С одной стороны, усилилась зависимость местной экономики от внешней торговли, возросла степень эксплуатации страны коммерческим и промышленным капиталом Европы, Америки и Японии, упрочился полуколониальный характер китайских внешнеэкономических связей. С другой стороны, разрушение иностранной экономической экспансией (товарами и полуфабрикатами) массовых полунатуральных и мелкотоварных отраслей деревенского и городского ремесла имело своим побочным продуктом рост платежного, денежного потребления взамен натурального и полунатурального. Результатом этого был заметный рост внутреннего рынка. Тем самым создавались условия для роста в Китае капиталистического уклада, прежде всего в иностранном секторе, а затем и в национальной экономике.

Внутри иностранного сектора в конце XIX — начале XX в. произошло явное слияние промышленного капитала с банковским. Однако промышленные инвестиции по-прежнему составляли лишь незначительную часть функционировавшего в Китае иностранного капитала. Его основная масса была вложена в сферу торговли, кредита и транспорта. Тем не менее слабость китайской фабрики и неразвитость местной мануфактуры делала рост иностранных и созданных европейцами на паях с китайцами предприятий важным фактором экономической эволюции Китая.

В первое десятилетие XX в. иностранные производственные

инвестиции заметно увеличились. В фабричной промышленности иностранного сектора с 1901 по 1913 г. было основано 105 предприятий (включая смешанные), в результате чего их число почти удвоилось. Заметно возросла роль крупных и средних предприятий (см. [53, с. 2, 3, 399]).

Первоначальный капитал фабрик, заводов, шахт, рудников, верфей и электростанций, созданных в иностранном секторе за 1901—1913 гг., составил около 78 млн. юаней, что более чем в 1,5 раза превышало все предшествовавшие производственные инвестиции.

В данной сфере впереди по-прежнему шли английские бизнесмены, открывшие 23 новых предприятия с суммарным фондом 22 млн. юаней. В отличие от периода 1895—1901 гг. быстро росло японское предпринимательство — как в системе «Мантецу», так и частное. Всего японцам принадлежало 38 объектов с общим объявленным капиталом 22 млн. юаней (реальные инвестиции, как уже отмечалось, были значительно меньшими) [53, с. 2, 399].

Наибольшие вложения были сделаны иностранцами в горнодобывающую промышленность. В этой отрасли было основано 22 предприятия с капиталом более 35 млн. юаней, что привело к господству иностранного сектора в механизированной добыче ископаемых богатств. Создание смешанных китайско-иностранных компаний (16 за 1902—1911 гг.) по-прежнему оставалось основным руслом проникновения западных дельцов к рудным богатствам Китая (см. [53, с. 2—13; 142—144]). Таким путем англичане овладели Пинъюанскими золотыми приисками в Жэхэ, а французы — Тяньшаньваньскими шахтами в Хубэе. «Сосьетэ д'Этьюд дэ Шмэн дэ Фер ан Шин», нуждавшаяся в угле для снабжения Луханьской дороги, в 1905 г. при содействии Юань Шикая установила контроль над Линьчэнскими угольными копиями в Чжили путем займа, предоставленного Линьчэнской казенно-частной горнорудной компании через общество «Сосьетэ дэ Мин дю Лухань», специально созданное для совместной эксплуатации этих перспективных шахт. В руки японцев попали Тяньбаошаньские медные и серебряные рудники в Цзилини. В 1908 г. немецкому капиталу (компания «Цинцин Минен Гезельшафт») удалось подчинить себе угольные копи Цзинсина (Чжили), местные шахтовладельцы, объединенные в «Цзинсинское горное бюро», вынуждены были заключить соответствующий договор (см. [127, т. 1, с. 493—498, 724—728]).

Как уже упоминалось, в ходе подавления Ихэтуаньского восстания английские войска заняли шахты «Кайпинской горной компании». Вслед за этим само предприятие в начале 1901 г. было превращено в смешанную англо-китайскую «Чайниз Энжиниринг энд Майнинг К°» с директором-американцем во главе и под полным контролем «Бевик, Морейн энд К°». Китайские акционеры пытались в 1910 г. выкупить английскую долю акций. Однако эти попытки не удалось. Весь капитал компании в 1910 г. несколько превышал 10 млн. юаней (см. [393; 407]).

В 1906—1907 гг. крупные чиновники, шэньши и торговцы при поддержке Юань Шикая основали в этом районе параллельную «Луаньчжоускую угольную компанию» с фондом 2,8 млн. юаней (более 2 млн. ляннов). Англичане начали конкурентную войну против нее, снизив в 1911 г. цену на уголь вдвое и тем самым вынуждая новое предприятие к объединению. Используя страх Юань Шикая и акционеров «Луаньчжоуской угольной компании» перед поражением в конкурентной борьбе и перед начавшейся в Китае революцией, «Чайниз Энжиниринг энд Майнинг К°» присоединила к себе китайского конкурента, поглотив одно из наиболее крупных национальных горных предприятий. Новое объединение получило название «Кайлань Майнинг Администрейшн» (см. [34; 240, с. 110—113, 126—127]).

Используя форму совместного предпринимательства, англичане в 1902 г. прибрали к рукам Тунгуаньшаньские железные рудники в Аньхое, где с 1904 г. горные работы вел «Лондон энд Чайна Синдикит» («Луньхуа») [407, с. 53, 54]. Французский капитал участвовал в разработке недр пров. Юньнань. Английские и французские предприниматели, основавшие «Синдикат дю Юньнань» («Лунсин»), в 1902 г. получили право добычи на паях с китайской казной угля, железа, редких и драгоценных металлов в семи областях, т. е. практически на половине всей территории провинции (см. [127, т. 1, с. 911—914]).

Без участия местных шэньши, чиновников, помещиков и буржуазии иностранцы начали эксплуатацию семи горнодобывающих объектов. Среди них наиболее крупным были угольные шахты «Пекин Синдикит» в Цзяоцзо. Получив в 1898 г. право на эксплуатацию горных богатств Хэнани, синдикат в 1907 г. начал разработку этого угольного месторождения, называвшегося «копи (город) Джэймисона». Номинально дело велось с участием китайцев, а фактически — с использованием только английского капитала. Размеры последнего приближались к 10 млн. юаней. По масштабам вложений выделялись также основанные в 1906 г. английские Цзянбэйтинские угольные копи в Сычуани, шаньдунский золотой прииск «Вэйхайвэй Голд Майнинг К°» и открытые «Шаньдун Бергбау Гезельшафт» Маошаньские золотые разработки.

В ходе войны с Россией 1904—1905 гг. японцы захватили южноманьчжурские угольные копи в Фушуне, Яньтае, Вафаняне и Куаньчэнцзы. К 1907 г. все они были переданы компании «Мантецу». Позднее, в 1909 г., фушунские и яньтайские разработки были признаны Цинами в качестве ее собственности. Воспользовавшись оккупацией Фэнтяни, японская компания «Окура» в 1905 г. завладела угольными шахтами Бэньсиху, а позже и железными рудниками Мяоэргоу. Цинское правительство в 1910 г. согласилось и с этой потерей, пойдя на создание формально смешанной японо-китайской «Бэньсихуской угольной и железорудной компании», капитал которой составил 6 млн. юаней (см. [54, т. 1, с. 218, т. 2, с. 639; 407, с. 147]).

Помимо этого, за 1901—1911 гг. было заключено 27 различных

правительственных договоров, конвенций и соглашений, дававших иностранному капиталу право разработки ископаемых богатств целых провинций, областей, а также отдельных конкретных месторождений. К реализации многих из подобных проектов иностранцы так и не приступили. Так, например, осталась на бумаге богатейшая английская горная концессия, полученная П. Морганом в Сычуани для «Истэрн Пайенир К°» в 1899 г. Что же касается более или менее реальных горных концессий, то большинство их были выкуплены или аннулированы в ходе движения «за возвращение прав» (1906—1910) ⁷.

Так, «Синдикат дю Юньнань», в 1902 г. получивший весьма перспективную горную концессию, в том числе на добычу редких металлов, в течение последующих 7 лет не мог полностью реализовать свое право на разработку. Население Юньнани (как горняки, так и предприниматели совместно с чиновниками и шэньши) оказывало разностороннее и упорное сопротивление «заморским дьяволам». Местные власти арестовывали как изменников тех, кто соглашался продать свои рудники или землю концессионерам. Неудачей окончились и попытки последних скупать продукцию богатейших оловянных рудников Гэцзю (см. [407, с. 62—67]). В результате «Синдикат дю Юньнань» был вынужден отказаться от своих планов и в 1911 г. согласиться на выкуп китайским правительством всей концессии.

В силу аналогичных и ряда других причин к 1914 г. в иностранном секторе действовало только около 30 горнодобывающих объектов. Их совместный капитал приближался к 40 млн. юаней. Из них на долю английских фирм приходилось почти 27 млн. юаней [53, с. 36]. К 1912 г. иностранный сектор владел или контролировал через займы и кредиты 52% всей учтенной и 92% механизированной добычи угля в стране [26, с. 129, 131]. В 1913 г. на долю иностранного сектора, включая все смешанные предприятия, приходилось около 80% всего учтенного капитала в угледобыче Китая. Все копи и шахты с годовой добычей более 1 млн. т либо принадлежали иностранцам, либо были под их финансовым контролем. Главную роль в данной отрасли играл английский и японский капитал, непосредственно контролировавший 44%, а через совместные с китайцами вложения — свыше 66% всей учтенной добычи угля в стране [26, с. 140—141]. Заметную роль играли также германские предприниматели.

Среди горных объектов иностранного сектора крупнейшими по капиталовложениям были быстро расширявшиеся Кайпинские и Луаньчжоуские угольные копи англо-китайской «Кайлань Майнинг Администрейшн», а также английские шахты «Пекин Синдикит» в Цзяоцзо. В период буржуазной революции 1911—1913 гг. в Кайлуаньских копиях было занято около 11 тыс. человек. На шахтах Цзяоцзо работали 8 тыс., в Фушуне — 9 тыс., а на немецких шахтах в Шаньдуне — 7 тыс. горняков [195, с. 137].

Значительным был рост числа и иностранных текстильных и пищевых предприятий. В указанных отраслях в 1901—1903 гг.

были основаны 43 новые фабрики с общим фондом свыше 20 млн. юаней. Основной упор делался на текстильную промышленность. В данной сфере в рамках иностранного сектора к 1912 г. насчитывалось 28 фабрик [53, с. 3]. Из вновь возникших компаний наибольшими фондами располагали японские «Камикай Босэки Кайся» и «Найгай Вата Кайся», открывшие в Шанхае свои хлопчатобумажные предприятия. В текстильных отраслях развернулось соперничество с китайским капиталом, главным образом в фабричном хлопкопрядении. К 1913 г. иностранным фирмам принадлежали 70% всего машинного парка в хлопчатобумажной промышленности Шанхая, но в целом по стране они располагали только немногим более 40% производственных мощностей. К началу буржуазной революции 1911—1913 гг. в Китае действовали 8 иностранных хлопчатобумажных компаний, владевших 339 тыс. веретен и 2 тыс. ткацких станков. Основная часть этого оборудования принадлежала шести английским и японским фирмам [382, с. 151].

Среди новых предприятий пищевой промышленности особо выделялся английский трест «Бритиш-Америкэн Тобэко К°» с центром в Шанхае. Обосновавшись в Китае в 1902—1903 гг., трест уже к 1912 г. располагал четырьмя сигаретными фабриками, на которых работало около 10 тыс. человек (см. [43, с. 5, 512—237]). К числу крупных объектов принадлежали также японские табачная компания «То-А» («Дунъя») в Инкоу, маслособойная фабрика «Котэра» в Нючжуане и мукомольное предприятие «Мансу» в Телине. В Северной Маньчжурии русские промышленники создали ряд механизированных винокуренных, пивоваренных, мукомольных предприятий, а также небольшие электростанции, преимущественно в Харбине.

С созданием в первом десятилетии XX в. 20 новых доков, верфей и электростанций (общий капитал более 12 млн. юаней) иностранный сектор укрепил свое господство в судостроении, судоремонте и коммунальном хозяйстве важнейших «открытых» портов [53, с. 3]. Из 20 крупных верфей и доков Китая 15 находились в руках иностранцев. В этой отрасли, как и прежде, происходил процесс концентрации капитала. Как уже отмечалось, в 1901 г. судостроительные заводы «Есун» и «Сяншэн» объединились в «Фанхэм, Бойд энд К°» с фондом около 8 млн. юаней. В 1906 г. указанная компания была реорганизована в «Шанхай Док энд Энжиниринг К°» [320, с. 9—10]. Из новых крупных предприятий выделялась японская судоверфь «Кавасаки» в Даляне с 15 тыс. рабочих.

В коммунальном хозяйстве «открытых» портов был создан ряд новых значительных объектов, в том числе японская Дайренская электростанция. В этой сфере приложения капитала выделялись бельгийская «Компани дэ Трамвэ э д'Эклэраж дэ Тяньцзинь», «Компани Франсэз дэ Трамвэ э д'Эклэраж Электрик дэ Шанхай» и германская компания «Тяньцзинь Нэйтив Сити Уотеру оркс К°».

В целом с 1896 по 1913 г. англичане открыли в Китае 37, япон-

цы — 49, русские — 17, немцы — 12 и французы — 6 промышленных предприятий. Всего за 1895—1913 гг. в иностранном секторе было создано 136 предприятий, в том числе 40 смешанных. Их общий первоначальный капитал составлял свыше 103 млн. юаней, включая около 39 млн. юаней смешанных вложений [417, с. 34—35]. Новый приток прямых инвестиций усилил позиции иностранного сектора, обеспечив ему преобладание в ряде отраслей промышленности.

Экономическое превосходство иностранного сектора над китайским национальным капиталом было неоспоримым. По данным на 1913 г., капитал только одной «Кайлань Майнинг Администрейшн» значительно превышал общий фонд 40 национальных угольных шахт. По инвестициям в механизированной угледобыче иностранный сектор более чем в 3 раза превосходил национальный. Капитал судостроительных заводов «Шанхай Док энд Энжиниринг К°» в 5 раз превосходил средства всех существовавших тогда 22 китайских механосборочных предприятий, а фонды «Бритиш-Америкэн Тобэко К°» почти в 8 раз — суммарный капитал 20 местных табачных фабрик [53, с. 400—401].

Действовавший в Китае европейский, американский и японский капитал по сравнению с национальным грюндерством обладал значительными преимуществами как более мощный и более развитой. Среди новых иностранных предприятий преобладали крупные (по тогдашним масштабам). Среднее число рабочих на них было вдвое выше, чем на китайских. Из иностранных предприятий, основанных за 1901—1911 гг., 51 имело капитал от 250 тыс. до 1 млн. юаней каждое и 13 — свыше 1 млн. юаней. На 40 иностранных предприятий приходилась почти половина рабочих, трудившихся на производствах с числом занятых свыше 500 (см. [53, с. 400—401, 1183]).

Поскольку изделия иностранных фабрик в Китае освобождались от внутренних пошлин, они были поставлены в более благоприятные по сравнению с местной продукцией условия. В результате иностранные предприятия, основанные до Ихэтуаньского восстания, в большинстве своем расширились и значительно увеличили свои фонды за счет эксплуатации местного сырья и дешевой рабочей силы китайцев. Так, капитал 50 из них (наиболее крупных) за 1901—1911 гг. увеличился более чем в 3,5 раза. К концу указанного периода 19 предприятий располагали фондами свыше 1 млн. юаней каждое (см. [53, с. 18, 20—25]). Прибыль прядильных фабрик «Ихэ», включая «Гунъи», фактически принадлежавшую «Джардин, Мэзисон энд К°», с 1897 по 1913 г. возросла более чем в 13 раз, а «Шанхай Электрик К°» за 1893—1913 гг. — в 60 раз. Извлечение подобных сверхприбылей было характерно для многих предприятий иностранного сектора [26, с. 153, 162].

Используя свое экономическое превосходство, иностранный сектор вел успешное наступление на китайское предпринимательство. Крупным событием в данном плане явилось поглощение англичанами сначала «Кайпинской горной компании», а затем «Луань-

чжоуской угольной компании». Значительную активность проявляли и японские монополии. При помощи займов Ханьепинскому комбинату и заводу «Янцзы» они поставили под свой финансовый контроль практически всю механизированную выплавку чугуна в Китае.

«Йокогама Спэши Бэнк», банк «Ниппон Когё Гонко» и другие компании⁸ в 1902—1913 гг. предоставили Ханьепинскому комбинату 16 крупных займов, кредитов и авансов, практически лишив это предприятие финансовой самостоятельности (см. [407, с. 86; 471, с. 107]). В 1908 г. с превращением смешанной (*гуаньду шанбань*) компании Ханьянского металлургического завода в частную (*шанбань*) «Ханьепинскую угольную и металлургическую компанию» японцы получили право владеть ее акциями. В 1913 г. при помощи крупного займа «Йокогама Спэши Бэнк» и «Императорские металлургические заводы Явата» установили реальный контроль над компанией. Последняя должна была из года в год поставлять по низким ценам в Японию почти весь свой чугун и значительные партии железной руды. Такими же методами японский капитал к 1912 г. распространил свой контроль на всю механизированную добычу железной руды в Китае.

Японские фирмы «Мицуи Буссан Кайся» и «Ниппон Мэнка» в 1902—1908 гг. поглотили три шанхайские хлопкопрядильные фабрики («Синьтай», «Дачунь» и «Цзючэн»), оснащенные более чем 44 тыс. веретен [26, с. 146; 382, Прил., табл. 1]. В Южной Маньчжурии китайский капитал вытеснялся японцами не только из горной, но и из легкой промышленности и из сферы оптовой торговли (см. [362]).

Западные фирмы различными путями, в основном через займы, подчиняли, а в отдельных случаях и поглощали слабые китайские шелкопрядильные, цементные, бумажные и мукомольные предприятия Шанхая. В период революционных потрясений 1911—1912 гг. иностранный капитал предоставил местным предприятиям и фирмам 10 займов. Наиболее крупными из них были два английских займа Торговому союзу Шанхая («Шанхай шанье хуэйи гунсы») общей суммой около 3 млн. лянгов [149, с. 110].

Наступление империалистической стадии развития капитализма все более сказывалось в Китае, в том числе в усилении роли банков в жизни иностранного сектора. К концу рассматриваемого периода почти весь английский бизнес в Китае в той или иной степени зависел от кредита «Гонконг энд Шанхай Бэнкинг Корпорэйшн».

Одновременно старые компании колониального типа постепенно приобретали монополистические черты. Наиболее крупной из них по-прежнему оставалась «Джардин, Мэзисон энд К°» («Ихэ»). Будучи одним из ведущих акционеров «Гонконг энд Шанхай Бэнкинг Корпорэйшн», эта фирма, как уже отмечалось, участвовала вместе с ним в создании «Бритиш энд Чайниз Корпорэйшн», «Пекин Синдикит» и «Чайниз Сэнтрал Рэйлуэйз». Кроме того, «Ихэ» владела крупным пакетом акций «Бритиш-Америкэн Тобэ-

ко К^о», а также осуществляла контроль над железной дорогой Шанхай — Нанкин (совместно с Гонконг-Шанхайским банком). Имея ко времени Синьхайской революции свои отделения в 18 важнейших городах страны, она являлась крупнейшим управляющим агентством и единственным представителем в Китае нескольких десятков английских и американских фирм. К 1914 г. в сфере ее деятельности насчитывалось 23 собственных или контролируемых предприятия, компании, общества и т. д. Помимо ряда страховых, ипотечных и иных контор в Гонконге, текстильных и пищевых фабрик в Шанхае «Джардин, Мэзисон энд К^о» располагала целым торговым флотом в водах Китая, осуществляя крупнейшие перевозки между Китаем и Индией. Принадлежавшая ей «Индо-Чайна Стим Навигэйшн К^о» к 1913 г. имела 38 судов общим водоизмещением 91 тыс. т [26, с. 243]. Фирма владела крупнейшими магазинами в Шанхае. Ее глава Р. Джардин обладал огромным влиянием в аппарате морских таможен.

Сходной была структура, созданная компанией «Баттерфилд, Суайр энд К^о» («Тайгу»). Однако ее промышленная и торговая сеть значительно уступала «Джардин, Мэзисон энд К^о». Молодой и растущей монополистической организацией была «Бритиш-Америкэн Тобэко К^о» — трест-гигант, имевший свои фабрики помимо Китая (Шанхай, Гонконг, Ханькоу) в Англии, США, Корее и иных странах.

Быстро набирало силы и другое монополистическое объединение — «Мантецу». В полосе отчуждения своих железнодорожных линий на арендованных территориях и концессиях в Южной Маньчжурии, эта компания располагала железнодорожными мастерскими, складами, причалами, целым паровым флотом, шахтами, рудниками, электростанциями, фабриками, больницами, школами, гостиницами и опытными сельскохозяйственными хозяйствами. Имея огромный по тем временам бюджет и являясь своего рода «государством в государстве», «Мантецу» служила экономическим форпостом японских интересов в Маньчжурии. За ее спиной стояло правительство Японии.

К началу первой мировой войны иностранный сектор в Китае значительно вырос количественно. Он присоединил к себе два новых звена: сеть железных дорог, бывшую до 1901 г. еще в зачаточном состоянии, и горнодобывающую промышленность, практически отсутствовавшую до 1896 г. Упрочив за собой ведущие позиции в наиболее передовых звеньях экономики страны, иностранный сектор значительно ускорил общее развитие капитализма в Китае. Вместе с тем он все более оттеснял развитие местного национального капитализма с магистральных путей на второстепенные, безопасные для своего господства позиции (текстильная, пищевая и горнодобывающая промышленность). Тем самым растущий национальный сектор вводился в приемлемые для империализма рамки местного полукOLONиального капитализма.

Начало XX в. было переломным этапом в процессе подчинения Китая иностранным державам. Если основным результатом их

экономической экспансии до японо-китайской войны 1894—1895 гг. был захват командных высот, позволивший установить внешний контроль над экономикой страны (особенно в сфере обращения и внешнеэкономических отношений), то в результате нового наступления 1895—1914 гг. иностранный капитал добился начального подчинения «верхних этажей» хозяйственной системы Китая в целом, а также финансового контроля над пекинским правительством, резко усилив тем самым обстановку формационного кризиса в стране.

Возникший на рубеже XIX и XX вв. механизм империалистического подчинения Китая обострил кризис феодализма и соответственно ускорил складывание революционной ситуации в стране. Практика предсиньхайского десятилетия (1901—1911) полностью подтвердила правильность ленинского положения о том, что «одно из самых основных свойств империализма заключается как раз в том, что он ускоряет развитие капитализма в самых отсталых странах и тем самым расширяет и обостряет борьбу против национального угнетения» [18, с. 132]. Базировавшаяся на низком уровне производительности труда в национальной экономике Китая полукOLONиальная эксплуатация его Западом, оставаясь главным дестабилизирующим фактором в жизни страны, не только обострила старые социальные противоречия, но и вызвала к жизни целый комплекс новых.

Раздел третий

СУДЬБЫ ТРАДИЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Глава I

КИТАЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.

Вовлечение Китая в экономическую систему мирового рынка постепенно ухудшало положение средних слоев деревни. К концу XIX в. и особенно в начале XX в. крестьянство стало все более явственно ощущать отрицательные последствия воздействия данного фактора.

Неуклонный рост импорта дешевых фабрикатов (пряжа, ткани, металлоизделия, керосин, сахар, красители и др.) к 90-м годам XIX в. привел к сокращению либо даже разрушению ряда подсобных деревенских промыслов, доходы от которых играли заметную роль в крестьянском бюджете. Строительство железных дорог, открытие пароходных линий и т. д. лишали деревенские низы ряда дополнительных заработков в сфере традиционных отхожих промыслов на транспорте. Кроме того, к началу XX в. конъюнктура мировых цен постепенно снизила реальные доходы, связанные с выращиванием основных экспортных культур и обработкой сельскохозяйственного сырья, прежде всего шелка, чая и хлопка. Выгоды от производства рыночных культур все более переходили в руки местных торговцев, помещиков, разного рода скупщиков (оптовиков, компрадоров и иностранных коммерческих фирм).

Империалистическая дань (выплаты по займам и контрибуциям), а также необходимость оплачивать вершущие реформы правительства, проводимые в рамках «новой политики», принятой Цинами после ихэтуаньской катастрофы, обернулись для крестьян новыми дополнительными налогами, зачастую приводившими к их разорению. Особенно чувствительна к новым тяготам начала XX в. была имущая часть деревни — среднее крестьянство и собственническая беднота. Вместе с тем старый груз арендной и ростовщической эксплуатации не уменьшился.

Общее состояние китайской деревни в 1894—1914 гг. по-прежнему определялось господством системы арендно-бюрократического феодализма при определенном ослаблении позиций натурально-го хозяйства. Аграрный строй не претерпел каких-либо значитель-

ных перемен. Ускорился лишь распад государственно-феодальных форм землевладения путем превращения казенных земель в частные. Интенсивно сокращалась система военных поселений (*туньтянь*, *интянь*) войск «зеленого знамени» (*люйци*), постепенно заменявшихся так называемой полевой армией (*луцзюнь*) и «новыми формированиями» (*ляньсиньцзюнь*, *синьцзянь луцзюнь*). Поступления с туньтянь в казну резко уменьшались также в связи с продажей нестроевыми солдатами (*биндин*, *цзюньдин*), колонистами (*туньдин*) и их начальством казенных наделов в частные руки, в результате чего к концу XIX в. значительная часть интянь фактически перешла в разряд частных земель (*миньди*, *миньфутянь*).

Наиболее быстро распадались остатки системы так называемых гражданских поселений (*миньтунь*, *хутунь*). Все менее рентабельными для казны становились и собственно военные поселения (*бинтунь*), сокращались поступления от земель охранных постов (*вэйсотунь*), значение которых резко упало в связи с коммутацией в 1901 г. «продовольственного налога» (*цаолян*) и упразднением специальной транспортной службы (*юньцао*).

Последовательное разложение системы государственно-феодального землевладения получило в первом десятилетии XX в. и юридическое оформление. Уже в период реформ 1898 г.¹ была предпринята попытка ликвидировать туньтянь. В 1902 г. в ходе осуществления «новой политики» правительство законодательно оформило переход всех земель военных поселений в категорию частновладельческих (*миньди*) [266, с. 36]. Основной причиной подобного решения послужила острая нужда в средствах для погашения контрибуции 1901 г. Поэтому значительная часть туньтянь и вэйсотунь была пушена в продажу и усиленно обложена налогами (см. [55, 207—210]).

Столь же быстро шло к окончательному исчезновению землевладения военного сословия *цижэнь* и «восьмизнаменных» войск (*бацзи*). В 1889 г. Ведомство налогов (*Хубу*) в очередной раз запретило куплю-продажу «знаменных» земель (*циди*), однако в дальнейшем превращение их в частную собственность только усилилось. Бессилие правительства и соображения фиска привели к тому, что в конце 1907 — начале 1908 г. было окончательно провозглашено право свободной купли-продажи *циди* [55, с. 204—205].

Под частную распахку (в том числе через распродажу) переходили камышовые (*лутянь*) и удельные земли (*юйди*), в первую очередь пустоши и охотничьи угодья. Система поместий — императорских (*хуанчжуан*), казенных (*гуаньчжуан*), маньчжурской знати (*цзуншичжуан*) — полностью сохранилась до свержения Цинов, однако в новых условиях снижалась их доходность и ослабевала внутренняя организация. Работавшие там под надзором старост (*чжуантоу*) крепостные крестьяне (*чжуандин*, *тоучунжэнь*) получили свободу (так же, как и рабы — *нули*, *нуну*) только после падения цинской династии.

С установлением республики все они были приравнены к юридически свободным людям (*миньжэнь, фаньжэнь*). Тем не менее в 1912—1914 гг. законодательно охранялась неприкосновенность личная земельная собственность императора, двора, маньчжурских принцев и князей, хотя общая площадь подобных владений сократилась. Часть прежних казенных земель, преимущественно различных поместий (*гуаньчжуан*) и владений короны (*юйди*), главным образом в Маньчжурии, перешла в собственность республиканского правительства.

Остро нуждаясь в средствах для погашения контрибуции 1901 г., казна в первые годы XX в. пустила в распродажу большое количество невозделанных земель, до этого числившихся в категории гуаньтянь, в Жэхэ, Маньчжурии и Внутренней Монголии в целях максимально возможного увеличения налоговых поступлений за счет обложения вновь распахиваемых площадей. В указанных районах наблюдался заметный рост мелкокрестьянской собственности, однако наиболее оперативно скупали и пускали в оборот продаваемые казной земли чиновники, шэньши и купцы, имевшие поддержку в местных колонизационных бюро. В их среде, кроме того, создавались паевые компании по подъему пустошей, располагавшие десятками и сотнями тысяч му (см. [55, с. 211—229, 695—697]). Аналогичный приоритет при распродаже казенных участков имели представители этих слоев и в собственно китайских провинциях.

По сравнению с казенными более свободно в разряд частных переходили «привилегированные» земли: училищные (*сюэтянь*), «общественные» (*гунтянь*) и в меньшей степени жертвенные (*цзитаень*), храмовые и монастырские (*сымяоди*). Значительно ускорился переход в частные руки (особенно на Юге) и земель храмов предков (*цытянь*) и других родовых или клановых земель (*цзунди, цзутянь*), до этого считавшихся общей собственностью всего рода (*цзу, цзунцзу*). Фактический переход «привилегированных» и казенных земель в разряд частных чаще всего не оформлялся официально и не сказывался на их налоговом статусе. В земельных кадастрах они зачастую продолжали числиться в прежнем качестве и облагаться не общими налогами (*дидин, цаолян*), а особой земельной податью (*цзукэ*) во всех ее разновидностях (*лукэ, сюэцзу, гуаньцзу*). Переход «привилегированных» земель в руки частных владельцев особенно ускорился после революции 1911 г.

Реформы и нововведения, проводившиеся в рамках «новой политики», в том числе превращение в 1906 г. Ведомства налогов в министерство финансов (*Дучжибу*), не изменили характера поземельных налогов (*тяньфу*), которые по-прежнему собирались по средневековому земельному кадастру (*юйлиньцэ*). Сохранялись старые учетные градации податных земель. Ведущей и абсолютно преобладающей категорией налоговых полей была *миньфутянь*, в которую входила подавляющая масса частной земельной собственности, обложенной обычными ставками налога дидин. Помимо

миньфутянь существовал целый ряд других податных категорий. Одни из них имели историческое происхождение. К этой группе относились бывшие удельные земли периода Мин (*гэнминтянь*), поля бывших минских караульных постов (*гуйбинвэйсоди, гуйбинвэйсо тунтянь*) и наделы, сданные «восьмизнаменными» (*туйцуюанди*). Другую группу составляли владения национальных меньшинств вообще (*фаньди, иди*), их князьков и старшин (*тусыди*), либо одной конкретной народности (*мяоди, чжуанди*). Ряд земель выделялись по природным особенностям — земли в горах (*шаньди*), участки, где добывалась соль (*цзаоди*), где имелись заросли тростника (*вэйди*), и др. Особую группу составляли поля с хорошим орошением — озерные земли (*худи*), участки, орошаемые водоподъемными колесами (*чэди*), наносные земли (*хэюйди*), а также земли у прудов, колодцев, канав и т. д. Кроме того, в реестрах отдельно учитывались невозделываемые (*цаошань*) и заросшие участки (*хаоцао*), насыпи и плотины. Для каждой из этих категорий изначально существовали свои особые нормы обложения по степени урожайности. В этом отношении каждая категория земель делилась на три разряда: высший (*шан*), средний (*чжун*) и низший (*ся*). Внутри каждого из этих разрядов, в свою очередь, происходило деление на те же три подразряда (*шан, чжун, ся*).

Учет населения — тяглового (*дин*) и нетяглового (*коу*) — проводился по традиционным реестрам (*хуанцэ, цинцэ*). Последние основывались на десятидворных списках (*пайцэ*), составляемых в системе круговой поруки — *баоцзя*². Только в 1909 г. власти приступили к проведению всеобщей переписи по современному образцу в конечном счете все с теми же фискальными целями.

В рассматриваемый период произошло два фискальных «взрыва», оба вызванные политическими событиями. Первым побудительным фактором к повышению налогов послужили экстренные расходы казны в связи с уплатой контрибуции 1895 г. Сразу же после окончания японо-китайской войны, изыскивая дополнительные средства, Хубу увеличило ставки лицензия и ускорило коммутацию «продовольственного налога». Кроме того, были введены надбавки к опиумному (*туяошуй*), чайному (*чашуй*) и соляному (*янькэ*) налогам, а также общегосударственные налоги на винокурение (*шаогошуй*)³, табак и сахар. Ставки последних сразу же начали расти. Так, в Шаньси с 1896 по 1900 г. обложение каждого цзиня вина повысилось с 3 до 5 вэней, табачного листа — с 5 до 8 вэней, а резаного табака — с 10 до 16 вэней [265, с. 488]. Кроме того, казна изменила правила составления купчих на недвижимость и повысила налог на сделки такого рода (*цишуй, тяньфанцишуй*). Наконец, дополнительными «пожертвованиями» были обложены торговцы и владельцы ломбардов.

Налоговые тяготы крестьян осложнялись колебаниями медной котировки серебра. В 1897 г. в связи с резким ростом медноденежного курса серебряного лян в ряде провинций бассейна Янцзы правительство снизило норму обложения дидином и цао-

ляном в случае выплаты их медной монетой. Так, в Аньхое, Цзянси, Хунани и Цзянсу ставки дидина были сокращены на 100 вэней с каждого ляна, а взимание цаоляна уменьшено на 140 вэней с каждого даня. Для компенсации этих потерь казна повысила норму выплат в серебре (см. [55, с. 301, 302, 315—320]).

Второе резкое повышение налогового гнета было вызвано ихэтуаньской катастрофой и необходимостью выплачивать огромную «боксерскую» контрибуцию. Пекин не имел возможности производить ежегодные взносы за счет обычных поступлений в Хубу. В связи с этим правительство пошло на существенные изменения в финансовой политике. Суть нововведений (изложенных в серии законодательных актов, важнейшим из которых был императорский указ, изданный в августе 1901 г.) состояла в введении весьма своеобразной бюрократическо-«откупной» системы сбора налогов с провинций. Предоставив их властям весьма широкие права по повышению старых и введению новых налогов⁴, Пекин взамен требовал от них выполнения специальной налоговой разверстки, охватывавшей все провинции, включая Синьцзян. Ее общая ежегодная сумма была определена в 18,8 млн. ляннов. При этом наибольшие тяготы падали на Цзянсу, Сычуань, Гуандун, Чжэцзян и Цзянси (см. [55, с. 313—315; 185, с. 15—18; 477, с. 63]). Подобная политика привела к относительно успешным результатам лишь в первые два года, когда Хубу получало по разверстке по 13 млн. ляннов. Затем поступления от нее в Пекин резко сократились (см. [149, с. 50; 475, с. 37]). Провинциальные власти старались взысканные в счет ихэтуаньских платежей дополнительные налоговые поступления придерживать у себя, не отсылая в столицу. В подобных условиях у Цинов не оставалось другого выхода, как идти на дальнейший ползучий рост налоговых ставок и введение новых видов обложения.

Значительную часть ихэтуаньской разверстки провинции выполняли за счет повышения многочисленных косвенных налогов. При этом соляной налог был повышен на 4 вэня за цзинь. В некоторых провинциях он вместе с другими начетами, в том числе соляным подушным сбором (*янькоуцзюань*), поднялся на 8 и более вэней за цзинь. Был резко повышен (до 130% в некоторых районах) налог на местный опиум (*туяошуй*, *гаоцзюань*), а также усилено обложение опиума лицзином. Лишь после указа 1906 г., запрещавшего выращивание мака, опиумные сборы стали сходиться на нет. С 1902 г. значительно повысились налоги на табак, масло, сахар, вино и чай. Под предлогом выплаты ихэтуаньской контрибуции усиленно облагались поборами керосин, уголь, шелк-сырец, мясо, фрукты и т. д. Так, налог на табак в Чжэцзяне к 1904 г. увеличился на 80%, а в Шэньси — на 100% (см. [55, с. 319—320; 185, с. 18]).

Вообще период после японо-китайской войны и особенно после восстания ихэтуаней ознаменовался ростом значимости местных (подразделявшихся на сборы провинциального и уездного уровней), или «дополнительных», поборов (*цзацзюань*, *цзяшуй*) по

сравнению с налогами общегосударственного значения (дидин, цаолян). Число этих второстепенных налогов и разного рода обязательных «пожертвований» (*цзюаньшу*), подобных сборам на местные воинские формирования (*аньлян цзиньте*), в начале XX в. резко возросло.

В 1901 г. был введен новый прямой налог на сдачу помещений внаймы, прежде всего под лавки. Он взимался с арендной платы и существовал в двух видах: налог с жилья (*фанцзюань*), и лавочный налог (*пуцзюань*, *пухуцзюань*) [335, с. 118]. Под видом упорядочения выдач свидетельств об уплате налога на сделки на недвижимость были увеличены его размеры. Дополнительная надбавка была введена при оплате ломбардных лицензий (*данте*). Рос и сам ломбардный налог (*даншуй*). Кроме того, стал взиматься сбор за выдачу лицензий на право торговли сахаром, водкой и маслом [55, с. 319—320]. Правительство пыталось дважды — в 1902 и в 1908—1909 гг. — ввести гербовый сбор (*иньхуашуй*). Однако противодействие провинциальных властей и торговых союзов (*шаньхуэй*) сделало эти попытки безрезультатными [335, с. 119—120].

Основное же увеличение налогового гнета для выплаты ихэтуаньской контрибуции было связано с поземельными сборами. Оно осуществлялось в двух вариантах. В одних провинциях (Фуцзянь, Гуандун, Сычуань, Юньнань) была введена натуральная подать (*лянцзюань*, *суйлянцзюань*), начислявшаяся с каждого ляна или со стоимости каждого даня поземельного налога (*дидин*). В провинциях, где помимо дидина взимался продовольственный налог — цаолян (Цзянсу, Аньхой, Цзянси, Хубэй), «ихэтуаньская» надбавка была привязана к обоим налогам (*динцао цзяцзюань*). При этом снижение междоенных ставок этих налогов 1897 г. отменялось и вводились новые дополнительные начисления.

В ряде провинций такая надбавка взималась под видом восстановления прежних норм обложения (*гуйфу динцао чжэньцзя*). Новое повышение земельных налогов было весьма ощутимым для крестьянства. Так, размер «ихэтуаньской» надбавки в Цзянси примерно составлял 200 вэней, в Чжэцзяне, Хунани и Аньхое — 300, в Фуцзяни — 400, а в Хубэе — 700 вэней с каждого ляна дидина [477, с. 63]. Аналогичными начислениями было обложено и налоговое зерно, взимавшееся в системе цаолян, с 1901 г. полностью переведенной в денежную форму.

Как и в предшествующий период, объектом повышения была не основная часть (*чжэнфу*) дидина, остававшаяся, как правило, постоянной, а различные надбавки к ней (*сяньюй*, *хаосянь*). Главными среди этих начислений являлись сбор за переплавку налогового серебра (*хохао*) и компенсация потерь при пересчете лянновых слитков на медные деньги. В некоторых провинциях были повышены надбавки на стандартизацию налогового серебра (*пинъюй*) и другие компоненты хаосянь. При этом надбавка по величине зачастую превышала, иногда в несколько раз, чжэнфу

[55, с. 298—299]. После ихэтуаньской катастрофы 1901 г. подобная практика стала еще более распространенной. Тем не менее в 1902 г. правительство рассматривало предложение Р. Харта об увеличении ставок дидина, т. е. роста чжэнфу. В Пекине отказались от этой опаснейшей затеи под давлением наместников провинций бассейна Янцзы, боявшихся массовых восстаний.

Заметно возросла для крестьян и тяжесть цаоляна. С отменой в 1901 г. системы «водных перевозок налогового зерна» (*юнъцао*) он был полностью — вместе со всеми дополнительными сборами и надбавками (*цаосян, чжэнхао*) — переведен в денежную форму (*лянчжэ, цаочжэ*). В данном случае, как и при взимании дидина, повышение налоговых сумм достигалось за счет различных начислений и перевода одного платежного средства в другое по произвольно установленному сборщиками курсу. При этом практика перевода (*лянчжэ*) из натуральной формы в денежную после 1901 г. приобрела универсальную значимость.

С массовой коммутацией натуральных налогов еще более разорительным для деревни стал пересчет медноденежных сумм, сдаваемых крестьянами, в серебро. Постоянные колебания медноденежного курса серебряного ляна позволяли сборщикам налогов резко (иногда в 2 раза и более) завышать котировку серебра [304, с. 16]. Точно так же произвольно завышались и приемные цены на зерно с целью увеличения сбора цаоляна, что облегчалось постоянным ростом рыночных цен, ставшим уже к 1908—1909 гг. весьма значительным.

Обман крестьянства и усиление фискального бремени происходили также при пересчете монет новой юаневой системы (*фэнь*) на медные деньги старого образца (*вэнь, цян*). Введенная после реформы 1889 г. юаневая система постепенно набирала силу, хотя выпуск вэней продолжался до 1908 г. В деревне доминировала старая медь, однако количество новой монеты на руках у крестьян постепенно росло, особенно в восточных приморских районах. Деревня все больше платила налоги фэнями и юанями, между тем как чиновники исчисляли налоги в вэнях и ляновом серебре. Играя на разнице их курсов и колебаниях котировки, местные власти получили новую все расширяющуюся возможность существенно завышать крестьянские платежи в свою пользу [477, с. 116—117].

Кроме того, в 1901—1902 гг. население ряда городов и провинций, наиболее серьезно затронутых ихэтуаньским движением, единовременно выплатило 18 млн. лянов в счет особых, так называемых «миссионерских вознаграждений» — за разрушенные христианские церкви, миссии, школы и больницы. Основная тяжесть этих поборов легла на Чжили, в том числе Пекин, а также на Мукден и Шаньси [185, с. 10—11].

Провозгласив проведение «новой политики», цинское правительство возложило на крестьянство основные издержки, связанные с модернизацией армии, государственного аппарата и другими реформами подобного рода. Они оплачивались за счет как

специально введенных новых надбавок к поземельному налогу, так и увеличения старых «дополнительных» податей. Наиболее значительной среди этих доходных статей было «начисление с земельной собственности» — (*муцзюань, шанцзюань*). В добавление к данной общей надбавке был введен ряд целевых. В их числе был «школьный» налог (*сюэтанцзюань, сюэцзюань*); собранные по нему средства предназначались для строительства школ нового типа. Для создания в волостях полицейских участков устанавливался «полицейский» сбор (*сюньцзинцзюань, цзинцзюань*). С крестьян стала взыскиваться подать для финансирования подготовки перехода к местному «самоуправлению» (*цзычжицзюань, цзычжи муцзюань*).

В ряде районов (Юньнань, Сычуань) чиновники собирали деньги на военное обучение (*туаньфэй, туаньляньфэй*). В некоторых провинциях был введен «железнодорожный» налог (*телуцзюань*), номинально призванный дать средства для противодействия иностранному капиталу и защиты национальных прав в сфере железнодорожного строительства. В тесной связи с телуцзюанем проводилась принудительная подписка на железнодорожные акции за счет регулярных отчислений с земельной ренты (*цзугу*), что существенно затрагивало интересы помещиков и богатых крестьян Юга. Связанные с «новой политикой» налоги (*синьчжэньцзюань*) являлись, как правило, надбавками к дидину: они начислялись либо с каждого му земельной собственности, либо с каждого ляна дидина (см. [335, с. 40—41; 477, с. 64—65]); в некоторых случаях они привязывались и к цаоляну.

Ставки этих налогов были достаточно значительными. Так, надбавки для создания школ и полицейских участков в сумме составляли в Хубэе 700 вэней⁵, в Шаньдуне — 200 вэней, в Цзилли — 1,4 ляна, в Фэнтяни — 3 ляна и в Чжили — от 0,5 до 2 лянов с каждого ляна дидина. Налог для строительства железных дорог составлял в Фуцзяни 200 вэней⁶; в Юньнани — 200 вэней, в Сычуани — 3 ляна и в Шаньси — 0,15 ляна с каждого ляна поземельного налога [477, с. 65]. Поборы, связанные с проведением «новой политики», как правило, платили только владельцы земли — помещики и крестьяне-собственники.

Все эти налоги часто изображались и номинально собирались как добровольные «пожертвования» (*аньлян цзюаньшу*). Количество и ставки новых налогов, как и всяких «местных» поборов, не были унифицированы. Они сильно разнились по провинциям, областям и уездам, будучи в значительной мере результатом самодетельности местных властей. Такой же разнотой царил и в методах взимания, что было крайне выгодно самим сборщикам. Помимо постоянных налогов на проведение «новой политики» казна практиковала и единовременные сборы, например на перепись населения, проводившуюся в 1909—1910 гг.

Проблема налогов в рассматриваемые годы оказалась тесно связанной со своего рода «революцией цен», переживаемой Цинской империей. Знаменем конца XIX — начала XX в. был быст-

рый рост цен на сельскохозяйственные продукты. В Китае, как и во всякой аграрной стране, подключенной к системе мирового рынка и переживавшей начальный этап развития капитализма (особенно в промышленности), резко дорожало зерно, а также сельскохозяйственное сырье, шедшее в города и на экспорт. В Хунани, например, до 1906 г. 1 дань риса стоил 2—3 тыс. вэней, в 1906 г. — 4 тыс., а в 1910 г. — 8 тыс. вэней [185, с. 21], а в уезде Цзинсянь (Чжили) с 1890 по 1910 г. цены на пшеницу, просо, гаслян, кукурузу, бобы, клейкое просо, кунжут и хлопок в среднем повысились более чем в 2 раза [55, с. 562, 563]. Как показал индекс цен, выведенный Нанькайским институтом экономики, в различных районах Цзянсу, Чжэцзяна, Цзянси и Чжили цены к 1911 г. поднялись по сравнению со второй половиной 70-х годов XIX в. в 2,5 раза. Особо заметным рост цен стал с конца XIX в. К 1911 г. по сравнению со второй половиной 90-х годов в указанных районах цены поднялись на 64—96% и т. д. (см. [477, с. 118—119, 124—126]).

Подобной динамике цен сопутствовало номинальное (частично — и реальное) увеличение поступлений по основным налогам, а также денежных арендных платежей, что, в свою очередь, послужило основой роста (частично — номинального, частично — реального) цен на землю. В целом по стране с 1864 по 1914 г. они возросли почти в 2 раза [196, с. 223]. Указанным процессам способствовала безудержная инфляция, усиленная финансовой политикой Пекина и провинциальных казначейств, вставших на путь чрезмерной эмиссии бумажных и медных денежных знаков. В результате всего этого применительно к 1909—1911 гг. уже можно говорить о настоящей вакханалии цен, расстройстве денежного обращения, падении покупательной способности и денег и массы населения.

Основные налоги в целом росли пропорционально движению цен. В первую очередь это относится к цаоляну после его коммутации. В меньшей степени подобная зависимость была характерна для дидина: в большинстве случаев при значительном увеличении его денежных ставок их рост все же отставал (в ряде местностей значительно) от движения цен (см. [477, с. 118—120, 122—126]).

В связи с этим все многочисленные свидетельства источников о резком повышении основных налогов или налоговых сумм вообще (в 1,5, 2 раза и более) следует воспринимать через призму индекса цен (на зерно, прочие продовольственные товары, сельскохозяйственное сырье, землю), денежных арендных платежей и т. д., что крайне затрудняет выявление степени реального повышения налоговых тягот крестьян.

Так, по данным, относящимся к уезду Чуаньша (Цзянсу), приемная цена 1 даня зерна при сборе цаоляна с 1889 по 1909 г. поднялась примерно на 4 тыс. вэней, или более чем в 2 раза. Общий сбор цаоляна в денежном исчислении с 1894 по 1909 г. увеличился почти вдвое. Всего же с учетом дидина и местных налогов

фискальные поборы с крестьян возросли там на 86%. К 1908 г. нормы поземельного обложения в отдельных уездах Хэнани, Цзянси и Цзянсу по сравнению с предшествующим периодом относительной стабильности увеличились в среднем на 80—90%, а местами — в 3—4 раза. Объем местных налогов в уезде Динсянь (Чжили) с 1899 по 1911 г. возрос более чем в 2 раза [55, с. 307, 308, 310]. В источниках и литературе приводится множество подобных примеров. Следует, однако, учесть, что повышение ряда фискальных показателей, помимо всего прочего, было связано и с коммутацией натуральных налогов.

Тенденция к коммутации наблюдалась и в отношении крестьянских трудовых повинностей (*чайяо*), которые во все большей степени трансформировались в денежные доплаты к дидину (*яоинь*, *чайинь*), точнее к подушной подати (*динфу*)⁷, являвшейся частью последнего. «Общественные» работы по ремонту дамб, плотин и дорог (*цзюньяо*) все чаще заменялись денежным откупом (*цзюньяоинь*). Транспортная повинность (*лючай*) в основном была заменена надбавкой в 800—900 вэней к каждому янцу дидина.

К началу XX в. часть повинностей была ликвидирована. Так, военные повинности (*бинчай*), введенные в 60-х годах XIX в., были формально отменены еще в 1877 г. и затем постепенно сошли на нет⁸ (см. [335, с. 46—47]). С ликвидацией в 1896 г. курьерской и ямской службы (*чжиш*) с крестьян постепенно перестали требовать отбывания этой повинности, а также взимать откуп от нее (*ичжаньинь*). В целом система трудовых повинностей — наиболее архаическое наследие средневековья в фискальной системе Цинской империи — переживала полосу упадка и развала. Следует отметить, однако, что казна продолжала практиковать принудительный наем чернорабочих и строителей.

По сравнению с резким усилением фискального гнета государства рост частнофеодальной эксплуатации в конце XIX — начале XX в. происходил не столь заметно. На фоне скачкообразного повышения налогов увеличение реальных арендных платежей выступало как значительно более медленный и плавный процесс. Как и в сфере налогов, в области арендных отношений не повышались сами ставки, а ухудшались сопутствующие им дополнительные условия арендных договоров (*дяньюэ*, *цзюэ*). Особенно интенсивно росли допускные платежи. Так, в районах денежной ренты (*цяньцзу*, *юйцзу*) постепенно увеличилась сумма предварительного взноса, при фиксированной ренте зерном (*гуцзу*, *мицзу*) — размер арендного залога (*я*, *яцзу*, *диншоу*). Все большее количество земель сдавалось в аренду лишь при выполнении подобных предварительных условий (см. [55, с. 258]). Особенно заметно возросли допускные платежи при денежной аренде в районах торгового земледелия. По пяти обследованным уездам Цзянсу и Аньхоя ставки различных видов арендной платы (с залогом и без него) с 1905 по 1914 г. поднялись более чем в 1,5 раза [390, с. 31].

Другим важным руслом повышения арендных платежей служила практика перевода натуральной ренты в денежную. Завышение цены зерна при такой переводной системе (*чжэцзу*) ухудшало условия натуральных аренд при издольщине (*фэньцзу*, *фэньчжун*) и фиксированной ренте (*мицзу*). Постоянный из года в год рост рыночных цен на зерно в конце XIX — начале XX в. делал чжэцзу весьма удобным и малозаметным средством повышения реальной арендной платы. Кроме того, даху и дичжу стремились заменить на своих землях издольную ренту на фиксированную. Сопряженная, как правило, с денежным или имущественным залогом, она была тяжелее для арендаторов и выгоднее для помещиков.

Сохранялась и обычная для Китая практика частичного перекаладывания землевладельцем налогов на плечи арендатора, что в условиях резкого повышения поземельных налогов обернулось для безземельных и малоземельных крестьян-держателей новыми тяготами. Увеличение налогового обложения в связи с необходимостью выплачивать контрибуцию 1901 г. и финансировать проведение «новой политики» давало помещикам удобный предлог для повышения арендных платежей «на законном основании». Росли они и в Маньчжурии, несмотря на то что массовая колонизация края существенно препятствовала развитию подобной тенденции. При всем том, однако, указанные негативные явления не выходили за рамки обычного для Китая постепенного нажима землевладельцев на крестьянство в условиях растущего давления людского потенциала на землю.

С падением господства натурального уклада старая арендная эксплуатация заметно дополнялась растущей зависимостью крестьян от рынка, усилившейся ролью денег, товарно-промышленного и отчасти предпринимательского начала в деревне. В обстановке подъема торгово-рыночного начала в деревне наметилась, как уже отмечалось, тенденция к замене натуральной ренты денежной⁹, а также к превращению «вечной» аренды (*юнцзу*, *юндянь*) в долгосрочную и замене последней краткосрочными соглашениями.

К концу первого десятилетия XX в. усилился процесс переселения крупных землевладельцев и рентополучателей из «неспокойной» (вследствие усиления налогового гнета и частнособственной эксплуатации) сельской местности в города, под защиту властей. Такие «городские» помещики — абсентеисты прежде всего нуждались в наличных деньгах. Это, в свою очередь, ускоряло перевод ими на своих землях натуральной ренты в денежную форму (*чжэцзу*, *цянцзу*), что также вело к расширению сферы товарно-денежных отношений в деревне.

В общем же все указанные перемены были достаточно поверхностными. В принципе традиционный строй феодального землевладения, как и социально-политическое господство крупных рентополучателей и шэньши, остался неизменным. Крупные землевладельцы (тухао, даху, фуху) и богатые влиятельные помещики-

шэньши (фушэнь, шэньцзинь) по-прежнему господствовали в сельской местности и контролировали ее. В ведении местных шэньши находились деревенское ополчение (*туаньянь*, *сянъюн*), казенные школы первой ступени (*шэсюэ*), училищные (*сюэтянь*) и «общественные» (*гунтянь*) земли. Под контролем шэньши и туба находились старосты — сельские (*личжан*) и волостные (*сянчжан*). В целом помещичье-шэньшиский блок оставался социальной доминантой китайской деревни и всего цинского общества, переживавшего начиная с середины XIX в. серьезный хозяйственный кризис с чертами формационного надлома.

Кризис сельского хозяйства, начавшийся во второй половине XIX в., заметно обострился в предсиньхайские годы. Современники отмечали дальнейшее сокращение поголовья рабочего скота, нехватку удобрений¹⁰, уменьшение плодородия почвы и падение урожайности зерновых. Расширение посевов технических культур вело к прогрессирувавшему истощению земли. Плодородие почвы и производительность труда падали. С начала XX в. еще более заметным становилось движение по нисходящей линии зернового хозяйства — традиционной основы феодальной экономики Цинской империи. Особенно тревожным было продолжавшееся падение урожайности в провинциях бассейна Янцзы — «житнице Китая». Так, средняя урожайность при осеннем сборе зерновых (*дачунь*) с 1885 по 1905 г. снизилась в Хунани и Цзянси с 7 до 6 чэнов, а в Шэньси — с 6 до 5 чэнов¹¹. Аналогичной была картина и динамики летнего урожая (*сяочунь*): с 1895 по 1910 г. средний сбор зерна уменьшился в Хубэе и Хунани с 6 до 5 чэнов, а в Цзянси — с 7 до 6 чэнов [55, с. 757, 759—760].

По докладом об урожайности, поступавшим в Пекин с мест, прослеживается постоянное снижение ее общего уровня. Сокращалось количество сообщений о нормальном урожае (свыше 6—7 чэнов). Все больше донесений свидетельствовало об уменьшении числа высоких (свыше 8 чэнов) и учащении низких сборов (менее 6 чэнов). Если в 1880 г. почти в 8% докладов говорилось о высокой, в почти 53% — о нормальной и в 39% — о низкой урожайности, то в 1910 г. высокий уровень отмечен только в более 4%, нормальный — в около 38%, а низкий — уже почти в 58% всех донесений (см. [417, с. 8—9; 55, с. 761—769]).

Сокращение урожайности происходило в условиях роста аграрного перенаселения. Это еще более обостряло продовольственную проблему, поскольку переход площадей под технические культуры в начале XX в. заметно усилился. С ростом товарного потребления зерна во внутренних районах осложнилось снабжение приморских областей и портовых городов. Последние все более попадали в зависимость от импорта в Китай более дешевого иностранного риса и муки.

В связи с эрозией почвы, ее засолением и т. д. в ряде провинций Центрального и Южного Китая в конце XIX — первом десятилетии XX в. наблюдалось заметное сокращение посевных площадей, особенно серьезно затронувшее Чжэцзян и несколько

менее — Цзянси и Фуцзянь [26, с. 320, 321]. В то же время в ряде провинций (в частности, в Юньнани, Хэнани и Гуанси) произошло расширение пахотного фонда. С наибольшим размахом этот процесс шел в Маньчжурии и других районах колонизации (Чахар, Суйюань, Нинся), где обрабатываемая площадь резко увеличилась.

Усилившаяся в начале XX в. колонизация пустующих районов Маньчжурии и Внутренней Монголии в какой-то мере разряжала обстановку в Северном Китае. Колонизация Фэнтяни, Цилини и Хэйлунцзяна заметно усилилась после ввода в строй КВЖД и ее южной ветки. Ускорению колонизации Северной Маньчжурии способствовали русско-японская война 1904—1905 гг., административные реформы 1906—1907 гг., ликвидировавшие особый статус Маньчжурии как домена цинской династии, а также отмена в 1908 г. целого ряда законов, ущемлявших права китайцев по отношению к маньчжурам. Последние ограничения такого рода отпали с падением монархии. Если раньше основная масса пришедших в Маньчжурию на заработки китайцев с окончанием полевых работ возвращалась на родину (в Чжили, Шаньдун, меньше — в Шаньси), то в начале XX в. все больше отходников оставалось там на постоянное жительство. Увеличивался их приток из Шаньси и Хэнани.

Переселенцы все чаще прибывали со своими семьями. В 1906—1916 гг. население края возросло более чем на 6 млн. человек, ежегодно увеличиваясь примерно на 4—5% [196, с. 104—105]. В Фэнтяни площадь обрабатываемых земель возросла с 28 млн. му в 1887 г. до 63 млн. му в 1908 г. [55, с. 60, 779]. В 1905 г. правительство перешло от политики частичной колонизации Хэйлунцзяна к полному освоению этой провинции, создав там колонизационное бюро. В Хэйлунцзяне с 1902 по 1910 г. процесс освоения и колонизации захватил около 70 млн. му, тогда как с 1860 по 1901 г. — всего лишь 12 млн. му [55, с. 793, 800].

Под давлением финансовых трудностей цинское правительство в 1902 г. организовало колонизационное бюро для продажи пустующих земель и во Внутренней Монголии. В 1902—1908 гг. там было распаханно свыше 7 млн. му новых земель [55, с. 840]. При этом местные чиновники, военные и разного рода спекулянты захватывали огромные участки в колонизируемых районах монгольских кочевий.

Несколько ослабив земельный голод на Севере (пшеничный пояс), переселенческая политика, однако, почти не затронула бассейна Янцзы и рисовых провинций Юга — основных районов аграрного перенаселения.

К 1914 г. население собственно Китая составило около 435 млн. человек. По сравнению с 1875 г. оно возросло примерно на 70 млн. человек, или на 19%. Сельское население увеличилось более чем на 60 млн. человек. Между тем пахотная площадь расширилась всего на 130 млн. му, т. е. всего на 11%, а посевы зерновых — лишь на 100 млн. му. В итоге заметно снизились душе-

вые показатели по пахотной и посевной площадям, а также по производству зерна, упавшему за указанный период с 326 до 301 кг (см. Прил., табл. 18).

С ростом нехватки пахотных земель более жесткие формы приняла тенденция к сокращению средних размеров обрабатываемых участков. По данным выборочных обследований, в 1890—1910 гг. они сократились в среднем по стране с 20 до 16 му, а в районах возделывания пшеницы — с 27 до 20 му [26, с. 270]. Данная тенденция крайне слабо проявлялась в районах поливного рисосеяния, где наблюдался и обратный процесс [391, с. 288]. Основной причиной этого было усилившееся в рассматриваемые годы разорение части среднего собственнического крестьянства и падение его доли в общем числе хозяйств.

В том же направлении влияла и подверженность наиболее густонаселенных районов наводнениям и засухам, поражавшим в провинциях долины Янцзы в конце XIX и в первое десятилетие XX в. огромные площади (частично вследствие дальнейшего обветшания системы дамб, плотин и отводных каналов).

В шести провинциях бассейна Янцзы (Цзянсу, Чжэцзян, Аньхой, Цзянси, Хубэй и Хунань) за 1895—1910 гг. в среднем примерно 184 округа и уезда ежегодно подвергались наводнениям, засухам и другим стихийным бедствиям [55, с. 722]. После страшного голода 1900—1901 гг. на севере страны (Чжили, Шэньси, Шаньси) наиболее острая ситуация сложилась в 1906—1907 гг. в восточных и центральных провинциях. В северной части Цзянсу голодали несколько миллионов человек, крайне тяжелое положение было также в Аньхое и Шаньдуне [298, с. 16].

Самое большое за предшествующие 60 лет наводнение в бассейне Янцзы произошло в 1910—1911 гг., когда была затоплена почти вся долина от Ичана до моря. Высокий паводок принес голод и разорение миллионам жителей Цзянсу, Аньхоя и Цзянси. В 1911 г. от наводнения пострадали 3 млн. крестьян в северо-западной части Аньхоя и до 1,5 млн. в Цзянсу (см. [70, т. 2, с. 295—296, 364, 389, 407, 424]). Катастрофическое положение сложилось в Хубэе. Начиная с 1909 г. эта провинция постоянно страдала от разливов Янцзы и Ханьшуйя. В 1911 г. 0,5 млн. ее жителей остались без крова, около 60 тыс. из них погибли от голода и болезней. В Чжэцзяне в 1911 г. дожди и разлив Великого канала погубили треть урожая. В 1912 г. крупное наводнение поразило Хунань и Цзянси. Сильная засуха 1913 г. охватила Цзянси и Аньхой. Высокая плотность населения в этом регионе делала стихийные бедствия особенно ощутимыми.

Не лучшим было положение в шести провинциях бассейна Хуанхэ (Чжили, Шаньдун, Хэнань, Шаньси, Ганьсу и Шэньси), где за 1895—1910 гг. наводнениям, засухам и т. д. ежегодно подвергалось в среднем 218 округов и уездов. В 1902—1910 гг. в Чжили стихийные бедствия испытывали, в том числе неоднократно, около 24 тыс. деревень. В Шаньдуне в 1898 г. пострадали 24 тыс. деревень, в 1901—1902 гг. — 20 тыс., а в 1906 г. — 13 тыс. дере-

вень [55, с. 733—735]. В 1913 г. от наводнения на Юндинхэ пострадала северная часть Чжили.

В целом по 12 провинциям бассейна Янцзы и Хуанхэ стихийные бедствия затронули в 1896 г. 383 округа и уезда, в 1898 г. — 434, в 1901 г. — 506, в 1903 г. — 414, в 1904 г. — 350, в 1906 г. — 377, в 1908 г. — 272 и в 1910 г. — 399 округов и уездов [55, с. 722, 735].

Конец первого десятилетия XX в. был столь же разрушительным для деревни Южного Китая. В Гуандуне от наводнения 1911 г., крупнейшего за предшествующие полвека, пострадали почти все низменные районы провинции. В 1910 и 1911 гг. засухи и наводнения поразили Фуцзянь (см. [70, т. 2, с. 53, 89, 115, 131]).

В подобных условиях резкое увеличение прямого и косвенного налогообложения (ставшее, как уже отмечалось, основным руслом усиления эксплуатации деревни) вело к серьезному ухудшению положения сельских тружеников. Средний слой крестьянства был вынужден идти на дальнейшее понижение жизненного уровня, браться за любые подсобные промыслы и занятия, поднимать горные пустоши, залезать в долги и т. д. Для деревенских низов в большей мере, чем прежде, стали характерными продажа или подкидывание детей, убийство новорожденных, уход из деревень в поисках пропитания, бродяжничество, контрактация в кули и эмиграция на строительные работы. Рост налогового обложения, произвол местных властей, частые неурожаи и голод вызвали в 1901—1911 гг. целую полосу антиналогового движения, антицинских и антииностранных выступлений, а также «рисовых» бунтов (см. [185]).

Своей налоговой политикой 1901—1909 гг. Цины больно затронули и имущую часть деревни. Связанные с обложением земельной собственности новые как прямые, так и косвенные налоги прежде всего легли на плечи среднего и зажиточного крестьянства, не оставив в стороне и бедноту. В результате Цины резко активизировали потенциальную ненависть крестьян-собственников к властям. Приведя в движение значительные пласты прежде всего податного крестьянства, фискальный «взрыв» 1901—1909 гг. практически нарушил послетайпинское «равновесие» сил в деревне, вызвав полосу крестьянских выступлений, направленных по преимуществу против властей. Вместе с тем большинство косвенных и некоторые новые прямые налоги легли дополнительной тяжестью также и на городское население. В сочетании с галопирующей инфляцией они вызвали повышенную возбудимость торгово-ремесленных слоев.

Парадоксальность ситуации 1901—1911 гг. заключалась, однако, в том, что не чрезмерная обремененность крестьян и горожан новыми налогами составляла для династии наибольшую опасность. Пока маньчжурский двор и чиновничество были отделены от вечно недовольного фискальным бременем трудового люда частично нейтральной, а частично верноподданной прослойкой господствующего класса (землевладельцы, особенно шэньши), особой угрозы

для Цинов не было. Очередная налоговая коллизия, каких было много в истории Китая, вряд ли бы вышла за рамки обычных для конфуцианского средневековья «старых китайских бунтов». Новое и самое тревожное для цинского режима в сложившейся ситуации заключалось в другом. Правительство своей фискальной политикой необдуманно затронуло оградительную лояльность значительной части реальных хозяев положения на местах — на самой массовой и наиболее важной ступени социального контроля — на уровне уезда, волости и ниже. Причем произошло это в небывалых еще для конфуцианской надстройки условиях внутреннего и внешнего порядка.

Фискальный «взрыв» 1901—1909 гг. отрицательно сказался на положении всех категорий землевладельцев (и даху, в том числе фушэнь, и рядовых дичжу), официально являвшихся крупнейшими налогоплательщиками. Прежде всего, усилилось обложение их земельной собственности, причем довольно распространенная практика перекладывания налоговых обязательств на плечи арендаторов не могла полностью амортизировать столь резкий натиск казны. Последний был наиболее ощутим для средних и особенно мелких дичжу. Кроме того, повышенное изъятие прибавочного продукта через каналы фиска не могло не сузить возможности частнофеодальной эксплуатации (арендной, долговой), создав на местах дополнительные осложнения во взаимоотношениях между помещиками и их клиентелой. Фискальный натиск 1901—1909 гг. покончил с послетайпинским относительным «затишьем» в деревне, вызвав полосу крестьянских выступлений. Не направленные против арендодателей, они тем не менее создали атмосферу тревоги и неуверенности у значительной части землевладельцев. Сами восстания, карательные операции властей и неизбежные в таких случаях грабежи вынуждали многих помещиков покидать свои обжитые гнезда в неспокойной деревне и переезжать в города, под охрану правительственных войск, особенно в период революционных потрясений 1911—1913 гг. В городе же (впрочем, и в деревне) новые косвенные налоги прямо били по интересам обуржуазившихся помещиков и шэньши, снижая их доходы от торгово-предпринимательской деятельности.

В сложившейся обстановке осложнилось положение сельских шэньши (*цзиньху*, *шэньху*), часто игравших роль арбитра в конфликтах между крестьянством и властями. Налоговый натиск казны не только поставил шэньши перед трудным выбором, но и привел к их участию в антиналоговых выступлениях, а местами — к руководству ими (см. [186, с. 231, 235—242]).

Кроме того, фискальное бремя 1901—1909 гг. связывалось шэньши с капитуляцией Цинов перед Западом, их неспособностью прогнать натиск «заморских дьяволов». Подобные настроения особенно ярко проявились на Юге во время железнодорожного конфликта летом и осенью 1911 г.

Перечисленные выше факторы снизили лояльность помещичьешэньшиского блока по отношению к маньчжурской династии. На-

рушение Цинами интересов этих социальных слоев способствовало расширению либерально-конституционной оппозиции. В нее стала включаться масса шэньши и помещиков, далекая от собственно либеральных и конституционных идей, но вкладывавшая в них свой смысл и содержание, сводившиеся прежде всего к наведению «порядка» в Поднебесной. В итоге крутой поворот в налоговой политике Пекина создал новый опаснейший для Цинов компонент кризисной ситуации, породившей революцию 1911—1913 гг.

* * *

Период от японо-китайской войны до Синьхайской революции характеризовался дальнейшей товаризацией земледелия, приобретавшего промышленные черты. В Маньчжурии, в приморских провинциях, в долине Янцзы и на юге страны крестьянство во всевозрастающих масштабах переходило от менее выгодных в рыночном отношении культур к более доходным, в зависимости от конъюнктуры цен. Развитие рыночной экономики, повышение роли денег в деревне и коммутация натуральных налогов побуждали крестьян при всякой возможности переходить к товарным культурам. Наместники и губернаторы провинций в своих донесениях в Пекин писали о дальнейшем падении натурально-хозяйственных устоев и стремлении крестьян к выгоде, прибыли, к наличным деньгам, особенно при выращивании мака, хлопчатника, табака, товарного риса, сои и других масличных.

В указанный период наблюдалась дальнейшая специализация земледелия. Расширялось хлопководство в долинах Янцзы и Хуанхэ, шелководство в Цзянсу, Чжэцзяне и Аньхое, в долине Сицзяна (юг Гуандуна и Гуанси), а также на Шаньдунском и Ляодунском п-овах. Вплоть до запрещения производства опиума (1906 г.) продолжался рост макосеяния в Юньнани, Сычуани, Ганьсу, Гуйчжоу, Шэньси и Шаньси. На эти 6 провинций приходилось в начале XX в. около 15 млн. му маковых полей (из 18 млн. му во всем Китае) и свыше 80% всего местного производства опиума. В первые годы XX в. в Юньнани мак занимал около 2,5 млн. му, а в Гуйчжоу — свыше 1,5 млн. му, что составляло соответственно 26 и 55% пахотной площади указанных провинций, учтенной в земельных кадастрах [33, т. 17, с. 184, 185; 129, с. 57]. Если в 80-х годах ежегодное производство опиума в Сычуани, Юньнани и Гуйчжоу в целом составляло 12—13 тыс. т, то в начале века оно поднялось до 22 тыс. т [213, с. 90]. В Сычуани под маком к 1905—1906 гг. находилось более 7,5 млн. му, т. е. около 17% всей обрабатываемой площади [33, т. 17, с. 184—185; 129, с. 57]. В Шэньси перед запретом мак занимал значительную часть наиболее плодородных земель, преимущественно в долине Вэйхэ. Его посевы имелись и в целом ряде других провинций.

После 1906 г. в связи с запретом на производство опиума на значительных площадях произошла замена мака хлопчатником. Особенно интенсивно данный процесс шел на протяжении ряда лет в западных провинциях, захватив в Сычуани и Юньнани прак-

тически весь бывший маковый клин. Несколько менее заметные сдвиги такого же рода произошли и на юге страны — в Гуандуне и Гуанси.

В Цзянсу, Гуандуне, Чжэцзяне, Аньхое и Фуцзяни все более развивалось табаководство. В Хубэе, Шаньдуне, Хунани, Аньхое, Цзянсу, Хэнани, Чжили, Шаньси и Сычуани заметно росли посевы масличных — арахиса, сои, кунжута, конопли и др. Переход значительной части крестьян к производству сои, пшеницы и опиума был основным моментом разрушения натуральной экономики Маньчжурии и быстрого развития там торгового земледелия. Расчеты показывают, что к 1911 г. уровень товарности земледелия в Цзилини и Хэйлунцзяне превышал 60% [213, с. 125]. В Фэнтяни при явном преобладании таких же тенденций, как и в северной Маньчжурии, указанный показатель был несколько ниже (вероятно, около 50%), что обуславливалось более высокой плотностью населения.

Всевозрастающее значение в начале XX в. приобретала зерно-торговля в центральных и приморских провинциях Китая. При значительной перенаселенности и соответственно весьма внушительном объеме внутреннего потребления рис и пшеница оставались основными предметами вывоза из большинства областей среднего и нижнего бассейна Янцзы. Объем зерновой торговли в последнем расширился с каждым годом, несмотря на то что в «открытых» портах росла конкуренция местному продовольствию со стороны импортных риса и муки. Прибыльность хлеботорговли особенно заметно увеличивалась в последнее десятилетие перед Синьхайской революцией. Важным фактором в данном плане стали растущие закупки зерна различными компаниями. Так, после создания мукомольных компаний во многих городах Цзянсу и Аньхоя цены на пшеницу повышались с каждым годом. Неуклонное вздорожание зерна в восточных приморских провинциях подстегивалось последствиями целой полосы разразившихся в те годы стихийных бедствий. Торгово-предпринимательская деятельность местной буржуазии, купечества и помещиков с попытками монополизировать эту торговлю еще более ускоряла рост цен.

Особое значение для развития хлеботорговли бассейна Янцзы имела отмена цинским правительством в 1901 г. системы «водных перевозок зерна» по Великому каналу и окончательная коммутация зернового налога цаолян. Данная реформа позволила торгово-предпринимательским кругам этих провинций заметно увеличить объем рыночных оборотов зерна [426, с. 49, 54]. Ее проведение свидетельствовало о торжестве товарных тенденций в экономике страны над стремлением цинского режима сохранить старые институты, опиравшиеся на натуральное хозяйство.

Выше отмечалось, что в Китае конца 80-х годов уровень товарности зерновых в целом составлял около 38% (см. Прил., табл. 37). С учетом технических культур, сои и батата, занимавших в целом около 20% пахотных площадей (см. Прил., табл. 18) и в основном поступававших на рынок, общий уровень товарности

сельского хозяйства в начале XX в. достигал примерно 50%. Иначе говоря, средневековое господство натурального хозяйства ушло в прошлое. В последующем эта тенденция упрочилась. Так, по данным обследований 1921—1925 гг. целого ряда районов Северного, Центрального и Восточного Китая, крестьяне продавали в среднем до 53% своей сельскохозяйственной продукции и за счет рынка обеспечивали 34% необходимых им средств потребления (см. [26, с. 301—302; 389а, с. 71—85, 392—399]).

В результате отмеченных выше процессов в отдельных частях Цинской империи (в приморских областях, в Маньчжурии, в долинах Янцзы, Хуанхэ и их притоков — Ханьшуй, Вэйхэ, Фэньхэ, в низовьях Сицзяна, в некоторых областях вдоль Хуайхэ и Великого канала, в уездах и округах вокруг крупных городов) торговое земледелие в начале XX в. стало прочно доминировать. В то же время во многих районах страны, особенно в северных и западных провинциях, еще сохранялось преобладание натурального хозяйства. В бассейне же Янцзы и в южных районах груз феодальных платежей, высокая степень перенаселенности и измелчание крестьянского землевладения сдерживали рост покупательной способности сельского населения.

Рост мелкотоварного уклада, втягивание крестьянского хозяйства в рыночные связи, укрепление промысловых тенденций в земледелии оставались в предреволюционные годы главным восходящим процессом в деревне. Эти экономические тенденции вели к заметному расширению внутреннего рынка Китая и наряду с другими факторами обусловили определенные социальные сдвиги в помещичьей и крестьянской среде.

Неуклонное в принципе в первом десятилетии XX в. повышение цен на сельскохозяйственные продукты создавало более благоприятные условия накопления для деревни в целом. Давление же демографического фактора и «земельной тесноты» в плане натурального потребления зерна и прочих продовольственных продуктов существенно уменьшали для верхушки крестьянства и среднего собственнического слоя возможности производственного накопления. Тем не менее в условиях и такого рода «революции цен» наблюдалось известное укрепление деревенских богатеев. Эти явления были более заметны в районах технических культур, где крестьянская верхушка, используя наемный труд и рыночные отношения, росла быстрее и заметнее.

Иначе обстояло дело с арендаторской и полуарендаторской частью крестьянства. От «революции цен» выиграли держатели земли на условиях «вечной» и длительной (10—20 лет) аренды. Твердая и неизменная в любых конъюнктурных колебаниях фиксация их арендных обязательств, установленных 100, 200 и более лет тому назад, и связанность землевладельцев «обычаем», т. е. нормами феодального права, давали «вечным» арендаторам и держателям земли на условиях долгосрочной аренды возможность делать какие-то накопления в том случае, если они не сводились на нет отмеченными выше факторами.

Что же касается сферы кабальной краткосрочной аренды, условия которой каждые 1—3 года корректировались землевладельцем в соответствии с рыночной и иной конъюнктурой, то в ее рамках имело место неуклонное повышение ренты вслед за ростом цен — в приморских и южных провинциях более быстрое, а во внутренних и окраинных ханьских районах менее заметное. В итоге в целом по стране землевладельцы присваивали все или почти все выгоды от вздорожания сельскохозяйственных продуктов, делясь, однако, по необходимости этой прибылью с купеческим капиталом, реализовавшим массу изъятых продуктов.

Незакрепленность прав подавляющей массы арендаторов передавала возможности производственного накопления в руки помещиков, шэньши, торгового капитала, чиновников и др. Именно эти слои, связанные с вынужденной товаризацией, стали основными фаворитами накопления. Однако, снимая сливки с «революции цен», они к концу XIX в. и особенно в начале XX в. давали лишь части этого накопления производственное применение, и то лишь потому, что с «пересадкой» фабрично-заводского производства на китайскую почву промышленность, наконец, хоть в какой-то мере смогла сравняться по норме «прибыли» с сельским хозяйством. В целом же рентные накопления все еще более охотно направлялись в торговлю, ростовщичество, транспорт, не говоря о самой доходной, прочной и массовой сфере приложения капитала — о покупке земли с последующей сдачей ее в краткосрочную аренду.

Глава 2

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В КРЕСТЬЯНСКОЙ И ПОМЕЩИЧЬЕЙ СРЕДЕ

Рост в многомиллионной толще сельского населения мелкотоварного уклада стал во второй половине XIX — начале XX в. питательной средой хозяйственных и социальных изменений в крестьянстве, успевших к началу первой мировой войны наложить отпечаток на внутренний строй китайской деревни. Сдвиги в целом были не столь велики: имущественная неоднородность крестьян, наличие в их среде различных групп и категорий в первое десятилетие XX в. все еще определялись в основном формами и методами феодальной эксплуатации и местными особенностями различных областей и провинций Цинской империи. Однако деление крестьян на традиционные категории — богатые (*фунун*) и бедные (*пиньху*), собственники (*цзыгэн*, *цзычжун*) и арендаторы (*дяньху*) — к 1914 г. уже не отражало полностью всей сложности деревенской социально-хозяйственной иерархии.

Товарное земледелие и доходные промыслы в новых условиях все более ставили имущественный статус крестьянских, в первую очередь податных, семей в зависимость от рынка. Его конъюнктурные колебания для одних хозяйств оборачивались улучшением, а для других — значительным ухудшением их положения. Первым

рынок давал средства, использовавшиеся для разного рода эксплуатации вторых.

Черты нового социального расслоения, связанного с рынком, отмечаются источниками конца XIX — начала XX в. в обеих составных частях деревенского комплекса — и в земледелии, и в крестьянских промыслах. Наиболее рельефно подобные явления, однако, к 1914 г. прослеживаются в промыслах, особенно в текстильных. Почва для этого была подготовлена массовым отделением прядения и ткачества от земледелия во второй половине XIX в., а также ростом в данной сфере мелкотоварного уклада (см. [225, с. 144—152]).

В конце XIX в. с развитием товарно-денежных отношений усилилось подчинение мелких местных рынков более широкому рынку с оптовым сбытом и спросом (иногда в масштабах нескольких областей). В таких условиях для основной массы деревенских кустарей самостоятельный выход на рынок в качестве продавца своей продукции становился все более затрудненным. Разрыв же между растущим оптовым сбытом сырья (машинная пряжа) и мелким разрозненным сельским хлопкоткачеством создал к 80—90-м годам условия для изоляции торговым капиталом крестьян-кустарей и от рынка сырья (см. [213, с. 219—228]).

Определенные слои купечества, преимущественно городского, во всевозрастающих масштабах специализировались на оптовой покупке фабричной пряжи и мелкой розничной продаже ее по деревням. Переход сельских ткачей на покупную машинную пряжу создал дополнительные условия для устремления торгового капитала в хлопкоткачество и подчинения им деревенских кустарей.

Заметную роль сыграли также улучшение техники и рост производительности труда в дофабричном ткачестве, вызванные товаризацией мелкого производства и влиянием мирового рынка. В конце XIX в. ткачи (*чжиху*, *цзиху*), особенно в городах, стали переходить от старых, «низких» (*айцзи*) к новым, «высоким» станкам (*гаоцзи*). Производительность при этом увеличилась с 1,5—1,6 кв. м до 2,1 кв. м в день на человека. Стал шире применяться станок с протягиваемым челноком (*ласоцзи*). Его производительность была вдвое выше старого деревянного станка с бросаемым челноком (*тоусоцзи*). В начале XX в. в северных провинциях стал распространяться японский ножной ткацкий станок с металлическим колесом (*телунцзи*) с дневной производительностью 18—22,5 кв. м ткани (см. [178, с. 78—81]).

Внедрение более совершенных станков и машинной пряжи заметно увеличило потребность в сырье. Для непрерывной работы ткачу стала необходима постоянная покупка пряжи, требовавшая, в свою очередь, наличных денег. В результате в китайском деревенском хлопкоткачестве, как свидетельствуют источники того времени, резко возросли значение денег и потребность в них.

Даже удачно реализовав свою продукцию, сельский кустарь далеко не всегда мог самостоятельно обеспечить себя сырьем, так как для этого в городе нужно было покупать целиком тук фаб-

ричной пряжи, стоивший 60 тыс. вэней. Приходилось брать пряжу в долг мелкими партиями у местного торговца, расплачиваясь готовой тканью (см. [58, т. 2, с. 417, 421]).

Таким образом, между источником сырья и крестьянами-ткачами все чаще вставал торговый капитал (различной величины и происхождения). В подобной обстановке авансирование или предоставление займа в целом ряде промыслов становились распространенными средствами подчинения деревенских кустарей торговцам, скупщикам (*бушан*) и ростовщикам. Причем внедрение в сельское ремесло раздаточной системы шло параллельно распространению новых или обновленных крестьянских промыслов. На этой базе появились многочисленные «фирмы» (*хао*, *хан*), «ткацкие конторы» (*бучжуан*) и т. д., которые, отрезая сельских ткачей от рынка сырья, превращали определенную их часть в надомных рабочих (*юнгун*). В результате к концу XIX в. капиталистическая раздаточная система складывается в хлопкоткачестве целого ряда районов.

В Чжили, например, ее возникновение и развитие связано было с внедрением ножных ткацких станков. Подчинявший на этой базе деревенских ремесленников торговый капитал выступал отчасти в лице богатых крестьян, местных торговцев и ростовщиков — поручителей и заимодавцев, но главным образом в виде «торговых союзов», «ткацких контор» и т. п. Для обучения сельских ткачей работе на ножном станке ими до революции 1911—1913 гг. были организованы свыше 60 «ремесленных бюро» (*гунцзицзюй*), ряд опытных ткацких фабрик (*шиси гунчан*), в частности в Баоди и Гаояне, многочисленные специальные школы и т. п. Рассылаемые по деревням освоившие новую технику «ученики» (*гунту*), распространяя приобретенные навыки по округе, служили костяком широкой сети наемной работы на дому. Особой активностью отличался «торговый союз» Тяньцзиня, основанный (в 1902 и 1906 гг.) две опытные ткацкие фабрики и большое число «ремесленных бюро», специальных школ и т. п. (см. [58, т. 2, с. 412—416; 213, с. 233—234]).

В небольших городах и торговых местечках центральной части Чжили учреждались отделения ткацких контор (*фэньхао*) уездного и более крупного масштаба, ведавшие раздачей по окрестным деревням сырья и скупкой готовых тканей. Возникали и носившие «посреднический» характер торговые фирмы (*шанхао*), скупавшие оптом пряжу у ткацких контор и торговцев сырьем для раздачи местным сельским ремесленникам (см. [58, т. 2, с. 417]). В подобной системе «фирмы» являлись низовой ступенью, тесно связанной с деревней.

Обследование 1912—1913 гг. уезда Гаоян (Чжили) показало, что к указанному времени более трети крестьян-ткачей, использовавших новое сырье и станки, превратились в получающих заработную плату подчиненных торговым капиталом рабочих на дому (*чжишоугун*, *сацзицза*). Одновременно с развитием самого промысла падал удельный вес самостоятельных мелких произво-

дителей (*чжимайхо*). Соответственно рос удельный вес капиталистически эксплуатируемых ткачей. Так, за 1912—1913 гг. доля первых снизилась с 65,5 до 61,7%, а доля вторых поднялась с 34,5 до 38,3% [58, т. 2, с. 423].

В Чжили перед Синьхайской революцией на несколько десятков ткацких «фирм» и «контор» по деревням работало около 20 тыс. станков, или приблизительно около 30—40 тыс. ткачей типа чжишоугун. Из уезда Гаоян в 1908 г. на рынок Тяньцзиня поступило 122 тыс. штук ткани, произведенной на станках телунци, в 1909 г. — 135 тыс., а в 1910 г. — 242 тыс. штук [58, т. 2, с. 413, 422].

Аналогичным образом к 90-м годам торговцы подчинили себе часть ткачей и прядильщиков в северо-западных районах Хубэя, превратив их в надомных рабочих на сдельной заработной плате.

В Фучжоу и в уезде Миньцин (Фуцзянь) создание местными шэньши «ткацкого бюро» (*чжибуцзюй*), подготовка более сотни «учеников» и отправка их по деревням для обучения крестьян ткацкому промыслу в 90-х годах заложили основу для организации во многих волостях раздаточной системы. С ростом последней в уезде Миньцин открылись многочисленные «ткацкие бюро», использовавшие — за заработную плату — надомный труд сельских ткачей [213, с. 237].

Из массовых производств вторым после хлопкоткачества по степени затронутости процессом развития раздаточной системы был плетельный промысел. Изготовление соломенных шляп получило в последней четверти XIX — начале XX в. широкое распространение в Северном Китае. Особенно быстро этот промысел развивался в Шаньдуне в 80—90-х годах и перед революцией 1911—1913 гг., когда в нем получила распространение работа на скупщика. Уже в 80-е годы крестьяне в некоторых районах Шаньдуна забрасывали хлопкопрядение по найму и переходили к плетению, где заработная плата была вдвое выше.

Районом наибольшего распространения данного промысла были области Лайчжоу, Цинчжоу, Цзинань, Удин и Яньчжоу. Производство ориентировалось на экспорт, и почти вся продукция поступала в приморские города, прежде всего Яньтай и Циндао. Особенностью соломоплетения было то, что в конце длинной цепи скупщиков стояли иностранные компании, организовавшие рассеянное по деревням производство через местных посредников. Иностранные экспортеры в «открытых» портах Шаньдуна давали заказ китайским «фирмам», те, в свою очередь, адресовались во внутренние районы провинции, к местным «плетельным фирмам» (*цаобяньхан*) и «конторам» (*цаобяньчжуан*), занятым непосредственным наймом и сбором готовой продукции (см. [213, с. 237—238]). В плетельном промысле Шаньдуна скупщик зачастую играл роль связующего звена между различными стадиями изготовления изделия. Принимая от крестьян полуфабрикаты (неотбеленные шляпы), скупщики продавали их так называемым «фабрикантам» (*гунчанчжэ*) — владельцам мелких мастерских.

Последние производили сортировку, отбеливание, навязывание лент и составление связок [58, т. 2, с. 404]. Основная масса крестьян-плетельщиков Шаньдуна к концу XIX в. уже работала по заказу отделений (*фэньхао*) «плетельных фирм» или же «плетельных контор», сдавая продукцию их разъездным приказчикам или прямо на ближайшие склады.

В развитии раздаточной системы в рамках плетельного промысла (как и хлопкоткачества) большую роль сыграло «ученичество» — практика подготовки в специальных заведениях и рассылки по деревням квалифицированных работников¹.

Аналогичные формы надомной работы возникали в ряде других промыслов. В 90-е годы в уезде Вэйсянь в Шаньдуне, например, было основано 20 щетинных «фирм» (*хан*). На них по найму работало около тысячи местных крестьян-надомников [58, т. 2, с. 62]. Разъездные торговцы подряжали крестьян на сдельную работу в прядильном промысле. Раздаточная система действовала и в деревенском шелкопрядении Гуандуна.

Иногда превращение крестьян в надомников, перерабатывавших чужое сырье за сдельную заработную плату и имевших дело с одним и тем же скупщиком, облекалось в форму «равноправных» отношений, характерных для предшествовавшего периода: сохранялись самостоятельная продажа ткани, покупка пряжи, традиционный, как и в прошлом, приход для этого в город. Так, в Цзянсу еще до японо-китайской войны 1894—1895 гг. в Шэнцзэчжэне действовали крупные «шелковые конторы» (*чоучжюан*), скупавшие шелковую ткань, сотканную деревенскими ремесленниками, которые, в свою очередь, тут же покупали у «конторы» необходимый им для ткачества сырой шелк. Подобной системой взаимоотношений в округе Шэнцзэчжэня были охвачены работники, владевшие примерно 8 тыс. ткацких станков. За каждую сотканную штуку материи определенной длины ткач получал соответствующую заработную плату [109, с. 79, 80].

Распространение в деревне ряда новых промыслов, построенных на предпринимательских началах, определялось прежде всего дешевизной рабочих рук. Данный момент был наиболее характерен для сновального и кружевного промыслов в Цзянсу и Шаньдуне, а также мотального промысла в Гуандуне (см. [337, с. 303—304]). Расширение системы надомной работы сопровождалось интенсивным вовлечением в нее детского и женского труда, как наиболее дешевого и особенно широко применявшегося при простейших операциях — намотке, размотке, сортировке и т. д. [109 с. 79].

Подчинение в конце XIX — начале XX в. торговому капиталом как улучшенного (переход на импортную и местную фабричную пряжу), так и обновленного (новая техника и новое сырье) хлопкоткачества, а также других «новых» промыслов (плетение, кружевной промысел и др.) вело к возникновению предпринимательских отношений, порождаемых самим хозяйственным строем мелкобуржуазной крестьянской промышленности.

В то же время в деревенской промышленности к 1914 г. в це-

лом наблюдалась гипертрофия низших форм надомной капиталистической работы. Работа на скупщика возникала, как правило, в простейших, чисто «крестьянских» промыслах со слабым разделением труда. Мануфактурное разделение труда в данной сфере развивалось крайне медленно. Переход надомной работы из самостоятельного явления в рассеянную мануфактуру или же в приток централизованной мануфактуры встречался в значительно меньших масштабах, нежели это имело место в Европе в свое время. Сложные же промыслы, требующие высокого мастерства и специальной организации, сосредоточивались в городах (цеховое ремесло и мануфактура).

Распространение работы на дому как самостоятельного явления представляло специфическую особенность Китая конца XIX — начала XX в., т. е. периода начального развития национального капитализма. Связь крестьян с землей, невозможность для них в сложившихся социально-экономических условиях уйти из деревни искусственно расширяли сферу раздаточной системы. Ее росту способствовало отсутствие в деревенских промыслах цехового духа и регламентации, характерных для городского ремесла. Кроме того, использование раздаточного метода найма позволяло скупщикам избегать обложения налогами, ряда формальных ограничений, а главное, во многом избавляло их от произвола цинских властей. Общая для китайской промышленной буржуазии нехватка капитала делала подобный метод эксплуатации выгодным предприятием: отпадала необходимость в тратах на постройку помещения, на оборудование, надзор; связь с земледелием и распыленность деревенских кустарей позволяли торговому капиталу покупать необычайно дешевую рабочую силу. Все это вело к распространению отсталых, низших форм предпринимательства.

Судя по источникам конца XIX — начала XX в., мануфактурное производство в деревне было в то время явлением редким. Однако развитие надомной работы как придатка или внешнего отделения мануфактуры (*цзифан*) было уже характерно для целого ряда провинций, главным образом приморских. Деревенское ткачество такого рода получило распространение более всего в Цзянсу, где оно зародилось еще до «опиумных» войн. Многие сельские ткачи в Цзянсу работали на «счетные конторы» (*чжунфан*), представлявшие собой приемно-раздаточные центры как рассеянных, так и смешанных шелкоткацких мануфактур (см. [178, с. 58—60]). Широко осуществляли раздачу работы на дом и подчиненные им мастерские. Подобная форма организации (*дайчжи*) все более теснила самостоятельное мелотоварное ткачество (*цзычжи*). Крупные и мелкие «счетные конторы» с разветвленной сетью отделений, филиалов (*фэньчжуан*) и скупочных лавок во все растущих масштабах выступали организаторами ткацкого производства преимущественно в сельской местности.

Шелкоткацкие мануфактуры Сучжоу широко практиковали раздачу сырья по окрестным деревням. Сельские ткачи становились их «наемными мастерами» (*гуцзян*), получавшими от «счет-

ных контор» пряжу и уток. В деревнях на них работало также большое число женщин и детей (их использовали для мотания пряжи, наматывания утка и т. д.). Заработок, даваемый мануфактурами, играл заметную роль в бюджете окрестного крестьянства (см. [58, т. 2, с. 426—430]).

Аналогичный метод практиковался в 90-е годы и рядом крестьянско-ткацких мануфактур в районе Нинбо (Чжэцзян). Так, крестьянки волости Цзисян уезда Инсян, получая от мануфактур пряжу, сдавали им готовые ткани. В организации такого производства большую роль играли мелкие посредники — разъездные торговцы, хорошо знакомые с крестьянским промыслом. В ряде случаев крупные мануфактуры сами организовывали работу на дому, посылая в деревню своих приказчиков-«комиссионеров» (*цзинцзи*), действовавших через деревенскую верхушку [337, с. 303].

Использование мануфактурами надомников началось в Шаньдуне в 90-е годы. К 1914 г. подобная практика получила там широкое распространение. Так, многочисленные шелкопрядильни (*сычан*) в районе Яньтая организовали практически в деревне свои внешние отделения, где производилась начальная обработка сырья и подготовительные операции (*вайкуан*). Следует отметить, что аналогичная работа — размотка шелка — производилась и на самих мануфактурах (*нэйкуан*).

На такой основе строился сновальный промысел приморских районов Фуцзяни. От мастерских (*цзифан*) надомники-крестьяне, ради дополнительного заработка работавшие за сдельную плату, получали сырую пряжу и крахмал на основание. Остальные операции скупщик производил в своей мастерской силами наемных ткачей [337, с. 303—304].

Рассеянные мануфактуры возникали лишь в некоторых районах, да и то в отдельных сложных промыслах. Примером такой организации производства может служить производство хлопущек в области Наньнин на юге Гуанси. В рамках этого промысла была достигнута чрезвычайно высокая степень разделения труда. Изделие проходило через 20 различных операций, от одного работника к другому. Организатором производства выступал торговый капитал — «лавки». Крестьяне работали у себя на дому «по поручению», получая от них необходимое сырье. В данном промысле были заняты многие тысячи крестьян, в том числе женщины и дети [70, т. 2, с. 320].

С последней четверти XIX в. все большие масштабы приобретала практика привлечения крестьян-отходников на сезонные городские мануфактуры. Особенно много рабочих рук требовалось «чайным фирмам» (*чачжуан*) и «чайным складам» (*чачжань*). С 80-х годов (а в некоторых местах, например в Нинбо, с 70-х годов) подобные заведения нанимали на сезон сушки и сортировки чайного листа от нескольких десятков до 2 тыс. пришлых крестьян и крестьянок каждое. Общее число нанимаемых чайными «фирмами» и «складами» в Нинбо или Цзюцзяне, в уезде Пинцзян

(Хунань) или в отдельных районах Хубэя (где чайные мануфактуры были основаны шаньским купечеством) и Цзянсу достигало за сезон 10—20 тыс. Аналогичная картина наблюдалась на Тайване, в Юньнани и некоторых других районах (см. [55, с. 522, 921—933; 78, с. 140]).

Определенное распространение сезонные мануфактуры получили и в других отраслях. Нанимавшиеся на них крестьяне сохраняли тесные связи с земледелием, после окончания работ они возвращались в свои деревни.

Сельская гольтыба находила себе заработок и на создававшихся в деревне обуржуазившимися шэньши и помещиками разного рода мануфактурах и в мастерских. На предприятиях такого типа работа также носила сезонный характер. В наиболее напряженные периоды сельскохозяйственного цикла многие «рабочие» временно уходили в окрестные помещичьи и кулацкие хозяйства, так как там за поденную работу они получали больше, нежели на мануфактуре (см. [348, с. 74—75, 94—95]). Социальная связь таких «рабочих» с деревней проявлялась в сохранении некоторыми из них клочка земли, в постоянных контактах с проживавшими в деревне родственниками (в первую очередь — со своей семьей), а также частично в периодическом переходе на работу в земледелие.

Распространенной формой вовлечения крестьян в сферу капиталистической эксплуатации (в области промыслов) была в конце XIX — начале XX в. сельская мастерская, построенная по принципу простой кооперации. Не порывая в целом связи с землей и сельским хозяйством, часть деревенской бедноты работала в мелких деревенских мастерских, находя в работе на них основной источник средств к существованию. Так, обследование шелковой промышленности восточной части Фэнтяни показало, что с 80-х годов в каждой более или менее крупной деревне функционировали одна-две шелкомотальные мастерские. На каждой из них трудилось (за сдельную оплату) около 20 человек, размотка производилась в трех-четырех фанзах [109, с. 191].

Подъем в 90-х годах маслостроительного промысла в Цзянсу и Чжэцзяне привел к возникновению в деревнях большого количества мелких и средних маслостроительных (некоторые из них, возможно, представляли собой мелкие мануфактуры), называвшихся «крестьянскими маслостроительными» (*нунъюфан*), поскольку они начинали действовать, когда кончались полевые работы и освобождались тягловый скот и крестьянские руки [58, т. 2, с. 342]².

Схожей была картина в текстильном промысле в приморских районах Фуцзяни. В области Фучжоу, например, к началу XX в. большинство из примерно 500 ткацких мастерских (*цзифан*) было рассеяно по деревням, главным образом вокруг самого Фучжоу и в волости Шангань, в 40 ли от города. Наиболее крупные из них были оснащены двумя-тремя десятками станков; ткачи работали на сдельщине³. Часть указанных мастерских находилась в зависимости от крупных фучжоуских «ткацких контор» (*ханчжуан*), по-

ставлявших им сырье и принимавших изготовленную ткань. Ханчжуаны передавали ее на крашение в особые мастерские, а затем пускали в продажу [337, с. 304].

Организаторы раздаточного производства в деревне, как правило, были выходцами из среды среднего и крупного городского купечества, а не из среды непосредственных производителей — крестьян. Деревня, особенно ее верхушка, порождала главным образом низших представителей торгового капитала. Они в основном играли роль агентов-посредников городских скупщиков и чаще всего превращались в мелких хозяйчиков, от себя нанимавших соседних крестьян или подчинявших их другими средствами (скупка, долги).

Развитие деревенского хлопчаткачества на новых началах и его растущая прибыльность привели к тому, что перед революцией 1911—1913 гг. в этот промысел устремился денежный капитал, ранее занятый в сфере обращения. Владельцы меняльных лавок (*цянъчжуан*), торговцы иностранными товарами и «зерновые фирмы» (*лянхан*, *михан*), совмещавшие торговлю с ростовщическими операциями, переводили свои средства в сельский ткацкий промысел, создавая приемно-раздаточные пункты (*бусаьнхан*, *бусаьнчжуан*), связанные с сетью надомников. В одном уезде Гаоян, например, к 1910 г. было создано свыше 80 подобных «контор» (см. [58, т. 2, с. 418—422]).

Торговцы тканями (*бушан*) развитых текстильных районов расширяли сферы операций за счет соседних уездов, либо открывая там филиалы своих «ткацких контор», либо используя торговцев-посредников, специализировавшихся на раздаче работы по домам. Так, крупные «конторы» Гаояна, привлекая посредников и создавая свои филиалы, поставили под свой контроль сельское ткачество в уездах Аньсин, Лисян, Жэньцзю и Цинфан, где местный торговый капитал не был столь активен.

Распространение «новых» и обновленных промыслов в деревнях вызвало в начале XX в. не только рост торгового капитала вширь (открытие новых «фирм»), но и складывание сложной организации его различных слоев и видов. Отчетливее всего данный момент прослеживается в плетельном промысле Шаньдуна. Ключевую роль в нем, как уже отмечалось, играли «плетельные фирмы» (*цаобяньхан*) с разветвленной сетью складов, отделений и разъездных приказчиков, раздававших заказы по деревням и скупавших продукцию непосредственно у крестьян. Заказы эти «фирмы» получали от «плетельных контор» (*цаобяньчжуан*), которые заранее устанавливали объем производства и цены, или же от иностранных компаний. Иногда цаобяньчжуаны сами непосредственно организовывали производство, посылая в деревню своих специальных агентов. В свою очередь, данные «конторы» зависели от крупных купцов-экспортеров и иностранных компаний. Таким образом, в начале XX в. в Шаньдуне возникла настоящая иерархия скупщиков. Изделия от крестьян попадали в руки «фирм», от них — к «конторам», далее — к иностранным компаниям и, нако-

нец, к крупным купцам-экспортерам (иностранцам и отчасти китайцам) в Яньтае и Циндао.

В первое время существования раздаточной системы городской капитал не мог организовать эксплуатацию сельских ремесленников, не прибегая к помощи низших слоев торговцев и их агентов (местных скупщиков, богатых крестьян). Так, в Шаньдуне иностранные компании перед революцией 1911—1913 гг. пытались самостоятельно, минуя услуги «плетельных контор» и «фирм», организовать раздачу заказов и скупку непосредственно в деревнях [58, т. 2, с. 407]. Однако отсутствие доверенных лиц на местах и незнание местных условий привели эту попытку к полной неудаче. Экспортерам пришлось снова вести дело через местные «конторы», опиравшиеся на своих многочисленных представителей в деревне.

Аналогичным образом крупный торговый капитал в Чжили, осуществлявший оптовые сбыт и закупки в сфере хлопкоткачества, не был в состоянии сам организовать мелкое, распыленное производство на местах. Он также был вынужден действовать через представителей среднего купечества — «торговые фирмы» (*шанхао*). Беря у оптовых скупщиков (*бушан*) пряжу в кредит, эти посредники, используя свою близость к окрестной деревне, знание местных условий и непосредственное общение с крестьянскими ткачами, сумели наладить там надомное производство (*дайчи*).

В свою очередь, *шанхао* на первых порах перепоручали связь с деревенскими ткачами различного рода посредникам, допуская их более или менее самостоятельную деятельность. После же того как производство было налажено, торговый капитал в Чжили, создавая «ткацкие конторы» (*бусяньчжуан*), превратил указанных посредников из полусамостоятельных хозяйчиков в своих агентов и приказчиков на местах. В уезде Гаоян, например, этот процесс вытеснения *шанхао* мелких торговцев-посредников завершился к 1912—1914 гг.

Такая же судьба постигла и самый низовой слой посредников — «ткачей-раздатчиков» из числа крестьян, возникший вместе с раздаточной системой. Первое время они были необходимым связующим звеном между торговцами-посредниками и сельскими ремесленниками. Остальные деревенские ткачи-надомники находились в зависимости от «ткачей-раздатчиков», получая от них пряжу и сдавая им готовую ткань. Затем «ткачи-раздатчики» попали в полную зависимость от *шанхао*. Какая-то часть их, разбогатев, вошла в число мелких торговцев, обслуживавших раздаточную систему. Деятельность остальной части «ткачей-раздатчиков» потеряла «самостоятельный» характер. К 1914 г. они превратились в агентов «ткацких контор» [58, т. 2, с. 423].

В районах развитого хлопкоткачества деятельность торговых и ткацких «фирм» с 90-х годов XIX в. вызвала, кроме того, появление целой сети мелких контрагентов-посредников из богатых крестьян, занимавшихся скупкой тканей у самостоятельных ткачей.

Такие посредники скупали ткань в данной местности и продавали ее затем разъездным торговцам и приказчикам. В такой роли, как правило, выступали кулаки-промышленники, для которых скупка тканей была лишь одним из источников дохода. Наряду с ними существовали еще более мелкие деревенские скупщики из крестьян, занимавшихся самостоятельной торговлей и вывозивших местные ткани на своих повозках на окрестные рынки. Подобный тип кулака-скупщика выделился в начале XX в. из среды зажиточного крестьянства как на севере, так и в южных провинциях (см. [58, т. 2, с. 255—256; 374, с. 35]).

Перестройка хлопкоткацкого промысла на новых началах (использование иностранной пряжи и японских ножных станков), а также его усилившаяся прибыльность вызвали в деревне оживление торгово-предпринимательской деятельности крестьянской верхушки. С 90-х годов, по свидетельству очевидцев, «сбыт тканей был очень хороший; крестьянские семьи, занимавшиеся ткачеством, получали большую выгоду; ввоз станков (*телунци*. — О. Н.) и иностранной пряжи рос с каждым днем; все, кто имел возможность для этого, стремились купить станок» [58, т. 2, с. 416]. Самостоятельно приобрести японский станок, стоивший 50 юаней и более, могли только богатые крестьяне. Рядовые ткачи вынуждены были обращаться к заимодавцам, попадая в подчинение к кулакам (*фунун*), разъездным торговцам-скупщикам и ростовщикам (см. [58, т. 2, с. 412, 415, 423]). Деревенские богатеи, приобретая *телунци*, набирали «учеников», что вело к расширению их промысла.

В первые годы XX в. зажиточное крестьянство в Хубэе, Цзянси и ряде других провинций в большом количестве покупало японские хлопкоочистительные станки, применение которых делало весьма доходной первичную обработку хлопка.

Распространение в деревне новых прибыльных промыслов вело к дифференциации крестьян-кустарей. Так, развитие мотального промысла в районе Шаньтоу в Гуандуне уже через несколько лет привело к обогащению части крестьян, в том числе первых «учеников». Они превратились в скупщиков, открывавших свои «мотальные лавки», а также в хозяев мелких мастерских, основанных на труде деревенской бедноты, главным образом женщин. Основная же масса крестьян-мотальщиков вынуждена была работать на скупщика по домам за заработную плату [71, т. 2, с. 178—179].

Аналогичное расслоение мелких товаропроизводителей шло и в традиционном шелкоткацком промысле Цзянсу и Чжэцзяна. Одни ткачи разорялись и опускались до положения наемных надомников, другие — расширяли свое «дело», применяя наемный труд и раздавая сырье для обработки (см. [109, с. 77; 178, с. 56—58]). Иногда (в частности, в плетельном промысле Шаньдуна) деревенская верхушка, сама работая на скупщиков, в свою очередь, превращала бедноту в наемных работников, используя их труд в мелкой простой кооперации, основанной на семейной кооперации.

Таким образом, в сфере крестьянских промыслов к 1914 г. на-

блюдалось выделение крайне узкого слоя богатых крестьян нового типа. Это были крестьяне-торговцы, «ткачи-раздатчики», посредники, мелкие скупщики, хозяйчики, применявшие наемный труд, зажиточные крестьяне, покупавшие новую технику для себя или прибыльно передававшие ее другим, «ученики», выбившиеся в скупщики, и прочие разновидности сельских кулаков. Они становились низшими представителями, главным образом агентами и посредниками, торгового капитала городского происхождения; в значительной меньшей степени они выступали в качестве самостоятельных эксплуататоров бедноты, занятой в промыслах. Это накладывало отпечаток известной пассивности и слабости на зарождавшееся торгово-предпринимательское начало в крестьянских промыслах.

В деревенской промышленности Китая конца XIX — начала XX в. как правило, не производитель становился купцом и предпринимателем, а торговец постепенно подчинял себе производство. Первый, «действительно революционный путь» был в большинстве случаев закрыт для китайского кулака-кустаря. Развитие здесь пошло по менее прогрессивному и более мучительному для крестьянства варианту, когда «купец непосредственно подчиняет себе производство» [3, с. 367].

Тем не менее с рассматриваемого времени начался переходный период в истории крестьянских промыслов Китая, наметились первые признаки их буржуазной эволюции. Отмеченные выше явления были одной из сторон начавшейся социальной раннебуржуазной дифференциации китайского крестьянства, процесса, затронувшего и сферу земледелия.

Наличие в китайской деревне богатых хозяйств и кабального найма батраков прослеживается на протяжении многих столетий. Подобный в массе своей непредпринимательский и зачастую эпизодический наем в условиях господства натурального быта до вторжения иностранного капитала не вел, как правило, к прочному превращению рабочей силы в товар. К концу XIX в. в новой хозяйственной обстановке положение заметно изменилось. Влияние мировой торговли, становление капиталистического уклада и рост рыночной экономики создали основу для перехода к использованию во всевозрастающих масштабах покупной рабочей силы.

Параллельно с заметным увеличением применения наемной рабочей силы в земледелии шел процесс (особенно на Севере и в Маньчжурии) постепенного «очищения» найма батраков (*чангун*) от его прежнего кабального характера. Сезонный (*мангун*) и поденный (*дуаньгун*) наем все более становился простой товарной сделкой, хотя и сочетавшейся зачастую с отработками (см. [213, с. 162—174]).

Наряду с распространением местного найма росло отходничество крестьян. Все большая часть деревенской бедноты вынуждена была уходить из родных деревень в поисках заработка. К концу XIX в. уже четко прослеживались районы выхода, районы прихода и направления движения отходников. Земледельческий отход

шел с запада на восток — в наиболее развитые приморские районы, особенно в Цзянсу, т. е. в область торгового земледелия, где спрос на рабочую силу был наибольшим и соответственно был более высоким уровень заработной платы (по сравнению с внутренними провинциями). Наиболее интенсивно наемный труд применялся в северной части Цзянсу, низовьях Янцзы и некоторых районах Чжэцзяна. Так, в уездах Жэньхэ и Шаосин этой провинции в конце XIX в. за счет труда батраков обрабатывалось около 20% пахотной земли; в уезде Чжансин на страду нанимали несколько тысяч поденщиков (см. [213, с. 164—169]).

Вторым основным направлением движения отходников были малозаселенные колонизируемые районы Маньчжурии и юга Внутренней Монголии. В конце 90-х годов из Шаньдуна только одним водным транспортом (на парусных и паровых судах) в Фэнтянь и Цзилинь на период полевых работ ежегодно приезжали около 30 тыс. человек [429, с. 173]. В Северную Маньчжурию в начале XX в. ежегодно приходили около 300 тыс. отходников [179, с. 13].

Со второй половины XIX в. отходничество развивалось и в отдельных областях внутренних провинций. В Хунани, например, за пределы уезда Чэнбу на заработки уходило несколько тысяч крестьян. Каждую весну из уезда Балин в уезды Цзяньли, Мянъян, Цзянлун и Цяньцзян пров. Хубэй приходили на заработки не менее 10 тыс. человек. В район Цимыня до наступления сезона «хлебных дождей» на сбор чайного листа собирались 10 тыс. отходников. Кроме того, там был распространен наем на переноску и сортировку чая (см. [55, с. 260, 688, 944]).

Не менее распространенной была практика и более ограниченного, локального отхода, не выходящего за пределы данной волости или уезда.

В двух основных сельскохозяйственных зонах Китая — в области мелкокрестьянского землевладения («пшеничный пояс») и области арендаторских хозяйств («рисовый пояс») — в целом раннебуржуазное расслоение деревни протекало с различной интенсивностью. Наиболее заметными первыми его шагами в конце XIX — начале XX в. были на «крестьянском Севере», в колонизируемых районах и наименее ощутимыми — на «помещичьем Юге». Для «крестьянско-собственнических» провинций (Чжили, Шаньдун, Шаньси, Шэньси и Хэнань) были характерны более свободные и «чистые» формы батрацкого найма, не говоря уже о поденной и сезонной работе. Эти же черты были особенно свойственны для Фэнтяни, Цзилини, Хэйлунцзяна, а также для восточных приморских районов товарно-промыслового земледелия (Цзянсу, Чжэцзян). В «арендных» же провинциях (Гуандун, Сычуань, Фуцзянь, Хунань, Цзянси, Гуанси, Хубэй), напротив, дольше сохранялись кабальные формы эксплуатации батраков, а отработка долга соперничала с вольным поденным и сезонным наймом. Там наряду с господством феодального землевладения действовал такой мощный фактор, как крайняя демографическая перенаселенность. Сильнейшая перенаселенность, чрезмерное давление лю-

ского потенциала на землю деформировали, а в ряде случаев делали просто невозможными процессы раннебуржуазной дифференциации крестьянства, резко сужая сферу применения наемного труда в земледелии вообще. Отмеченные различия между «пшеничным» и «рисовым» поясами свидетельствовали, что, чем свободнее было крестьянство от земельной тесноты, от помещичьего гнета, от кабалы, тем сильнее проявлялась его социальная мобильность.

Нормальные демографические параметры, преобладание крестьянской собственности на землю и развитие рыночного производства были основными условиями нового расслоения. Действие их не всегда совпадало, но там, где такое соединение имело место (колонизируемая Маньчжурия, хлопкосеющие районы Чжили и Шаньдуна, а также Цзянсу и север Чжэцзяна), земледельческий наем становился распространенным явлением. В конце XIX в. в области Лайчжоу (Шаньдун), например, трудом наемных работников обрабатывалось около 50%, а в уезде Уцин (Чжили) — 15% пахотной земли; в уезде Ванду (той же провинции) в некоторых деревнях до половины крестьян продавали свою рабочую силу (см. [213, с. 164—167]).

Характерной чертой применения наемного труда в начале XX в. был заметный рост именно крестьянского найма в отличие от помещичьего. Данный момент был особенно характерен для сезонного и поденного найма на уборку основного, осеннего урожая.

Наем рабочих рук (*гунун*, *гунун*, *юнгун*) кулаками (*фунун*) и зажиточными хозяевами был, как правило, вызван тем, что размеры их хозяйств (в первую очередь пахотная площадь) превышали рабочую норму семьи. В тех случаях, когда подобное превышение было незначительным, потребность в наемной рабочей силе возникала только в самые напряженные периоды сельскохозяйственного цикла (высадка позднего риса, уборка осеннего урожая, молотьба, обдирка риса).

В то же время обследование 28 тыс. дворов 197 деревень в 42 уездах Шаньдуна показало, что даже в наиболее связанных с рынком деревнях удельный вес крестьянских хозяйств, практикующих наем батраков, в среднем составлял лишь 4% всех дворов [348, Прил., табл. 1]. Узость и слабость слоя кулаков также составляла одну из особенностей китайского крестьянства. Основные причины этого заключались, на наш взгляд, в сохранении феодального землевладения, перенаселенности деревни. От помещичьих земель кулакам доставались крохи, в основном через покупку по высоким ценам; им оставалось лишь прихватывать путем покупки или изъятия за долги крестьянские земли, что и определяло узость сферы предпринимательства и ограниченность поля деятельности этого слоя.

Слабость китайского полуфеодалного кулачества, худшего варианта деревенской буржуазии, обуславливалась преимущественно арендной системы над батрачной и отсутствием твердых сословных и иных границ между верхами богатого крестьянства и низ-

шими слоями мелких помещиков. Проходимость этой границы в ту и другую сторону приводила к тому, что верхи кулачества выбивались в число дичжу-рентополучателей, а мелкие дичжу из-за отсутствия майората и вследствие периодических имущественных семейных разделов в условиях перенаселенности деревни опускались в ряды богатых и даже средних крестьян. В той же мере дробилась и кулацкая собственность. В результате всего этого ослаблялись позиции крестьянской раннебуржуазной среды. Наиболее богатые кулаки как бы уходили из собственно крестьянской среды — в помещики, в торговцы.

Характерным спутником слоя кулаков к началу XX в. являлась прослойка батрацких хозяйств. Батраки (*юнгун*, *чангун*) стали одним из распространенных типов сельского населения: деревенская голытьба, в значительной мере лишенная средств производства (*учжэжэ*, *учаньчжэ*), была вынуждена либо «свободно» наниматься на длительный срок (год и более), либо идти в кабалу в хозяйства соседних кулаков, зажиточных крестьян и помещиков. Обследование 141 деревни из 47 уездов Шаньдуна показало, что в 75% деревень батрацкие семьи жили в основном за счет продажи рабочей силы. В целом из 28 тыс. обследованных семей батрацких дворов насчитывалось 4,5 тыс., или 16% [348, Прил., табл. 1]. Остальные 80%⁴ представляли собой семьи арендаторов и крестьян-собственников.

Это уже были явные черты социального расслоения китайской деревни, проступавшие на фоне традиционного имущественного неравенства. Следует отметить при этом, что, с одной стороны, удельный вес хозяйств, затронутых социальным расслоением, в действительности был более высоким, поскольку в ходе обследования не учитывался сезонный и поденный наем, а, с другой стороны, какая-то часть батраков была связана с традиционным кабальным наймом и лишь отчасти втягивалась в новые формы расслоения.

(Сопоставление удельного веса батрацких и кулацких дворов (20—30%) и прочих категорий крестьянства (70—80%) свидетельствует о том, что даже на Севере Китая накануне революции 1911—1913 гг. социальная дифференциация деревни находилась на своем начальном этапе. Основная масса крестьян (арендаторов и собственников) еще находилась вне полярных групп, включавших в свой состав абсолютное меньшинство хозяйств. С примерным учетом сезонников, поденщиков, крестьян, занятых в различных промыслах, оно не превышало 30% [213, с. 186]. Причем данный расчет относится к деревням со значительным расслоением. Для средней же, обычной шаньдунской и иной деревни указанный показатель был значительно ниже, не говоря уже о южных провинциях с прочным господством арендных отношений и кабальных форм эксплуатации батраков.

Особенностью обследованных деревень Шаньдуна были весьма сильные позиции крестьянской земельной собственности. Семьи, ведшие самостоятельное хозяйство на своей земле, там, как прави-

ло, преобладали над арендаторами. В «рисовом» же поясе рассматриваемая дифференциация шла в еще более скромных масштабах или даже вообще не начиналась (само по себе наличие там богатых хозяйств и батраков отнюдь не обязательно являлось признаком раннебуржуазного расслоения).

(Начальный этап дифференциации крестьянства в целом соответствовал общему уровню развития капитализма в Китае. От перехода к более высокой стадии разложения китайская деревня северных провинций, Цзянсу и Маньчжурии в конце XIX — начале XX в. была еще очень далека. Новые отношения в земледелии бассейна Хуанхэ оставались слабыми, и противоположность интересов нарождавшихся социальных групп в северном крестьянстве была явлением второстепенным. Раннебуржуазная эволюция деревни основной части бассейна Янцзы и южных провинций шла еще медленнее в силу сохранения господства феодальной арендной эксплуатации и демографической перенапряженности. Данные факторы создавали специфические условия для деятельности представителей торгового капитала из числа богатых крестьян.)

Складывание хозяйств, использовавших наемную рабочую силу, в целом по Китаю намного отставало от пролетаризации и особенно пауперизации крестьянских низов. Их рабочая сила не могла стать товаром в тех же масштабах, в которых происходило лишение их земли и других средств производства. В результате беднота вынуждена была вновь соединяться с землей на условиях кабальной феодальной аренды либо покидать деревню, становясь рабочими, солдатами, бандитами или бродягами (*юминь, люминь*).

Социальная дифференциация буржуазного типа на почве товарно-денежных отношений и найма не только на Юге, но и в бассейне Хуанхэ все еще уступала преобладающему традиционному расслоению феодального типа. Последнее происходило на почве движения крестьянской земельной собственности под влиянием феодальной эксплуатации — частной (аренда, ростовщичество) и государственной (налоги, повинности), а также под воздействием стихийных бедствий и перенаселенности. Над современной пролетаризацией деревенских низов полностью преобладала средневековая пауперизация, особенно в бассейне Янцзы и южных провинциях «рисового» пояса. Наличие промежуточного слоя — многомиллионной деклассированной среды — и увеличение его более быстрыми темпами, нежели продуктов раннебуржуазного расслоения, являлись специфической особенностью Китая конца XIX — начала XX в. В параллельности старого и нового расслоения, в сочетании пролетаризации с пауперизацией проявлялся сложный, двойственный характер эволюции китайского крестьянства. При всем том развитие капиталистических форм в земледелии и промыслах стало к 1914 г. одним из постоянных компонентов многоукладности китайского общества.

Одна из особенностей социально-экономической эволюции Китая тех лет состояла в резком преобладании над новыми явлениями продуктов распада старого строя, еще не втянутых в ткань

возникавшего капиталистического уклада. Сам переходный характер этого периода накладывал отпечаток как на традиционные, так и особенно на новые социально-экономические явления, лишая их чистоты и законченности зрелых форм и создавая смешанные, переходные.

Черты переходности прослеживались и в особой природе китайского кулака. Последний эксплуатировал бедноту как путем найма и скупки ремесленных изделий, так и через аренду и ростовщичество. Полуфеодальная-полубуржуазная природа китайского кулака проявилась весьма отчетливо, когда в начале XX в. с развитием капиталистического уклада в стране богатые крестьяне стали обуржуазиваться преимущественно «по-помещичьи».

В новых условиях данный процесс в значительной мере шел за счет рыночной ориентации и предпринимательских тенденций производственной ячейки типа «крестьянин — крестьянин», когда арендодателем выступал нарождающийся кулак. К 1914—1915 гг. насчитывалось примерно 2,8 млн. таких хозяйств с общей пахотной площадью свыше 46 млн. му. На этих рентополучателей работали, считая с членами семей, более 14 млн. безземельных и малоземельных крестьян. Только в качестве ренты сельские богатеи получали до 2,8 млн. т зерна, не считая поступлений от собственного хозяйства (рассчитано по Прил., табл. 15, 26, 28). Данная товарная масса служила важным фактором социальной трансформации богатых крестьян. Они не только нанимали соседскую и пришлою бедноту, но и прикупали землю для сдачи ее в аренду, давали мелкие ссуды зерном, заводили лишний рабочий скот для выгодной сдачи его внаем.

В начале XX в. кулаки ежегодно оперировали «натуральным» ростовщическим фондом примерно в 2 млн. т зерна, получая в качестве процентов за ссуды продовольствием и семенами доход размером около 1 млн. т зерна (см. Прил., табл. 35). Их богатство росло и за счет удачной рыночной и промысловой деятельности, а также разного рода кабальных отработок долга соседями за зерновые и денежные ссуды, за пользование рабочим скотом и т. д. При этом в новых условиях сама кабала становилась одним из русел возникновения либо капиталистической, либо близких к ней форм эксплуатации (см. [248, с. 35—37, 56]).

Старая форма деревенской взаимопомощи (*бангун, банцзо*) все более превращалась в прикрытие таких явлений, как наем, отработка долга и иные виды экономической зависимости одного крестьянина от другого. Возникали сложные промежуточные формы — между отрицающей взаимопомощью и растущим наймом. Сама слабость новых явлений в деревне лишь подчеркивала начало переходного периода.

К началу XX в. завершилась чисто феодальная эпоха истории китайской деревни и наступила сложная переходная полоса. Внешне оставаясь в традиционной системе средневековых и клановых связей, крестьянство в обстановке рыночного хозяйства и роста капиталистического уклада медленно и частично приобрета-

ло черты мелкобуржуазного слоя. В новых условиях оно, деградируя как средневековый «класс-сословие» (*нун*), стало подспудно накапливать буржуазно-демократические потенции. Не в последнюю очередь это было связано с его ролью в рыночной экономике. Крестьянство являлось ведущим товаровладельцем при первичной продаже зерна. В конце XIX в. оно поставляло на рынок до 34 млн. т, или около 74% всего товарного зерна. Свыше 18 млн. т из них продавалось для уплаты налогов, денежной ренты и долгов (принудительная товаризация). Все это, естественно, влияло на переход от имущественной к социальной дифференциации в крестьянской среде (см. Прил., табл. 38). Последнее, однако, не означает, что именно крестьянство стало главным носителем раннекапиталистических тенденций. Напротив, в начавшемся развитии слабых и отсталых форм деревенского капитализма в Китае прочно возобладал «помещичий», «реакционный» вариант эволюции, и именно шэньши, даху, туба и иные дичжу стали «фаворитами» этой трансформации.

Начавшаяся буржуазная эволюция части помещичьей среды также являлась признаком переходности в деревенской жизни. Наряду с собственным крестьянским наймом в конце XIX — начале XX в. росло использование труда батраков, сезонников и поденщиков в помещичьих хозяйствах. При сохранении в целом по стране прочного господства арендных форм эксплуатации крестьян небольшая часть землевладельцев в провинциях бассейна Хуанхэ и в Маньчжурии переходила к ведению своего собственного хозяйства. Рост этого узкого слоя «хозяйствующих» помещиков (*цзиньин дичжу*) стал характерной чертой предреволюционных десятилетий (см. [213, с. 145—155]).

Источники содержат разрозненные сведения о «хозяйствующих» помещиках в Цзянсу, Чжили, Маньчжурии, Шаньси, Шэньси и других провинциях. Так, в Южной Маньчжурии на значительной части земель местные дичжу сами вели хозяйство при помощи наемной рабочей силы. Исследование 53 крупных (3 тыс. му и выше) имений в Фэнтяни, проведенное в 1908 г., показало, что в среднем на 13% своих земель (около 50 тыс. му) их владельцы вели хозяйство с помощью батраков и поденщиков [55, с. 682]. Лишь по Шаньдуну собран сравнительно полный и комплексный материал. Специальному исследованию подверглись 134 хозяйства *цзиньин дичжу* в 43 уездах указанной провинции (см. [348]). Результаты данной работы дают возможность более или менее подробно проследить основные особенности узкого слоя землевладельцев, перешедших к ведению собственного хозяйства.

К подобной системе хозяйствования прежде всего стали переходить мелкие и средние дичжу — выходцы из числа торговцев (49%), а также богатых и средних крестьян (46%)⁵. Третьим источником формирования *цзиньин дичжу* была чиновничья среда (6%) [348, с. 112—113].

Значительные масштабы эксплуатации, как правило, свободных наемных работников являлись основным характерным при-

знаком «имений-хозяйств» *цзиньин дичжу*. В 134 обследованных имениях свыше 48 тыс. му обрабатывалось более 6 тыс. батраков, сезонников и поденщиков. Значительное число наемных работников было занято также в торговых и промышленных заведениях [213, с. 146].

Собственное хозяйство *цзиньин дичжу* вели на землях, лежащих одним массивом (как правило, 100—500 му) в той деревне, где находилась их усадьба. Земли, разбросанные по другим деревням, волостям и уездам, по-прежнему сдавались в аренду. Из общего числа обследованных только около 40% вели собственное хозяйство на всей земле [348, с. 112, Прил., табл. 2].

Иными словами, слой *цзиньин дичжу* в массе своей сохранил ряд черт старого, средневекового порядка. Основной из них была связь с арендной системой. Более 60% обследованных соединяли наем батраков с арендой при усилении рыночного характера той части их хозяйства, которая была построена по типу «дичжу — дянху». Другим серьезным признаком старого у «хозяйствующих» помещиков была широкая ростовщическая деятельность. Дача ссуд зерном, деньгами, открытие меняльных лавок (*цянчжуан*), ломбардов (*данпу*) были повсеместным и обычным для них явлением. Подобной деятельностью занимались почти 68% обследованных, 27% имели свои меняльные лавки и ломбарды. Доходы от ростовщичества ежегодно составляли от 30 до 50% пускаемого в дело денежного капитала. Ссуды продовольствием приносили ежегодно от 50 до 100% прибыли [348, с. 161, Прил., табл. 2].

К сохранившимся чертам средневековья в деятельности «хозяйствующих» помещиков следует отнести и известный элемент натуральности. Следуя конфуцианским традициям, женская половина их семей часто занималась текстильным промыслом для нужд семьи (пряжение, ткачество, изготовление одежды). Наличие всех этих «пережитков» старого свидетельствовало о сложности и переходности социально-экономической природы рассматриваемого слоя, о сочетании в нем черт раннебуржуазного и феодального порядка. Тем не менее становление *цзиньин дичжу* представляло собой, несмотря на его скромные размеры, важный симптом, свидетельствующий о том, что время перемен затронуло и помещичью среду.

Вплоть до конца XIX в. класс землевладельцев, и прежде всего шэньшиская и чиновная среда, оставался основным хранителем традиционной, конфуцианской экономической концепции абсолютного морального превосходства земледелия над остальными видами хозяйственной деятельности. Многовековая конфуцианская традиция культивировала пренебрежение ко всему, что выходило за пределы сельского хозяйства — единственно достойного занятия для истинного конфуцианца. Торговля, промышленность и предпринимательство считались подходящими лишь для простого люда.

Тем более знаменательным было появление в начале XX в.

прослойки (численно, правда, незначительной) обуржуазившихся помещиков и шэньши, стремившихся именно к таким источникам дохода. Для подобных землевладельцев было характерно приспособление к новым условиям, созданным вторжением в Китай иностранного капитала, активизацией торгово-предпринимательских начал и ростом капиталистического уклада, особенно в «открытых» портах. Обуржуазившиеся дичжу приморских провинций и бассейна Янцзы стремились к получению доходов не только за счет традиционной эксплуатации крестьянства через аренду земли, но и новыми путями — через торгово-предпринимательскую деятельность как в самой деревне, так и в сфере городской экономики.

В конце XIX — начале XX в. обуржуазившиеся землевладельцы при своих усадьбах все активнее налаживали первичную обработку сельскохозяйственного сырья, создавая мелкие, кустарные предприятия, на которых использовалась наемная рабочая сила. Часть из них являлась мануфактурами с несколькими десятками, а иногда и сотнями рабочих. Помещики открывали преимущественно мелкие винокуренные, маслобойные и мукомольные предприятия. Кроме того, ими создавались ткацкие, красильные, войлочные, шелкомотальные и хлопкоочистительные мастерские и мануфактуры [348, Прил., табл. 2]. Этот слой дичжу владел множеством сельских винных лавок (*цзюдянь*), лавок мелочного товара (*цзахопу*) и тканей (*буну*). Богатые землевладельцы (даху) открывали свои магазины в городах, конторы по скупке у кустарей готовых тканей, а также меняльные лавки и ломбарды в больших деревнях.

Все чаще крупные и средние помещики, сдававшие свою землю в аренду, совмещали традиционные методы хозяйствования с промышленным и торговым предпринимательством. В связи с тем, что земледелие все активней принимало рыночно-промысловый характер, арендная эксплуатация крестьян и буржуазная активность землевладельцев все более сочетались между собой. Под влиянием развития товарного хозяйства в деревне и капитализма в городе росла рыночная ориентация хозяйства типа «помещик — арендатор». Для таких рентополучателей стали характерны повышенный интерес к товарным, в том числе техническим, культурам и потребность в рыночном продукте (см. [368, с. 283, 288]). Аналогичная устремленность наблюдалась и у землевладельцев в районах зернового хозяйства. Рост цен на продовольствие, сельскохозяйственное сырье и увеличение доходности земледелия были стимулом для расширения торгово-предпринимательской деятельности обуржуазившихся даху. Отправляемые ими на рынок продукты производственной ячейки «землевладелец — держатель» они получали от крестьян в качестве арендной платы и погашения долгов. Как арендная система, так и наем батраков служили получению максимально большего количества продукции для рынка и извлечения торговой прибыли.

При этом отдаваемое такими землевладельцами предпочтение

натуральным формам расчета с держателями их земель несколько не умаляло товарного характера производственного комплекса «дичжу — дянху» при продаже помещикам арендного зерна. Более того, натуральная рента в условиях интернационализации экономики Китая и роста капиталистического уклада в стране стала все более служить предпринимательским целям крупных землевладельцев и кулаков. Внешне «старая» аренда у торгующих и обуржуазивающихся помещиков на деле чем дальше, тем больше несла в себе новую, рыночно-буржуазную сущность, а ее новая природа удобно уживалась со старой, традиционной формой. Такого рода «обновленная» рента являлась шагом в сторону начавшейся буржуазной трансформации данной части арендодателей.

Медленное и внутренне противоречивое перерождение как самого китайского помещика, так и производственного комплекса «землевладелец — держатель земли» стало важнейшим компонентом складывавшегося в начале XX в. переходного общества в Китае. Рыночно-предпринимательское «обновление» традиционной экономической ячейки «помещик — арендатор» создавало гигантский по масштабам охвата, но низкий по своему качественному уровню потенциал буржуазной эволюции в деревне. При нынешнем состоянии разработки данного вопроса невозможно определить, какой процент от почти 16-миллионного слоя землевладельцев подвергся обуржуазиванию и в какой степени, какая часть из примерно 32 млн. хозяйств типа «помещик — арендатор» оказалась к 1914—1915 гг. втянутой целиком или частично в систему рыночного хозяйства. Тем не менее уже то, что речь идет о «судьбах» почти 540 млн. му пашни и около 158 млн. работавших на ней крестьян, о производстве свыше 65 млн. т и использовании почти 32 млн. т (после уплаты налогов — 26 млн. т) зерна в качестве земельной ренты, достаточно впечатляет (рассчитано по Прил., табл. 1, 15, 26, 28). Сам факт капитализации даже небольшой части указанного гигантского экономического потенциала был, без сомнения, явлением весьма значимым.

Часть обуржуазившихся дичжу и богатых шэньши усвоила не только новые формы ведения своего хозяйства в деревне, но и буржуазные методы помещения значительных денежных средств за его пределы — в деревенскую и городскую промышленность, торговлю, кредит и транспорт. В начале XX в., особенно в период промышленного подъема 1905—1908 гг., резко активизировалось участие помещиков, в том числе богатых шэньши (фушэнь), в городском буржуазном предпринимательстве. Они вкладывали деньги в торгово-промышленные фирмы, фабричные предприятия, пароходные компании, банки и страховые общества. Сельские шэньши и другие рентополучатели активно участвовали в разного рода акционерных компаниях и товариществах на паях.

К 1914 г. подобные инвестиции (преимущественно в провинциях бассейна Янцзы и в южных приморских районах) обуржуазившихся землевладельцев (в первую очередь шэньши) составили

несколько десятков миллионов юаней. Накануне революции 1911—1913 гг. буржуазно-помещичья среда Южного Китая была охвачена железнодорожным ажиотажем. Участвуя в кампании «охраны железных дорог», крупные землевладельцы (особенно шэньши) Юга (Сычуань, Хубэй, Гуандун, Хунань) вложили большие средства в покупку железнодорожных акций Хугуанских железных дорог⁶.

Специфически аграрным видом капиталовложений обуржуазившихся помещиков стали компании по подъему пустошей. Этот вид предпринимательства привлекал не только землевладельцев, шэньши и чиновников, но и торговцев и предпринимателей. Из 22 таких компаний, возникших с 1901 по 1909 г., 9 были основаны шэньши, 5 — выходцами из чиновничьей среды и 8 — купцами и фабрикантами [55, с. 229—230]. Среди их учредителей были такие крупные представители китайского капитала, как Чжан Цзянь, Чжан Чжэньсюнь, Шэнь Юньпэй. Ли Хоую и др. Чжан Цзянь был основателем четырех компаний, в том числе «образцовой» Тунхайской компании в Цзянсу.

Акционерный капитал использовался для скупки казенных и частных пустошей, целины и обрабатываемых участков. На этих землях компании проводили ирригационные работы и лесопосадки, развивали туководство, животноводство, хлопководство и садоводство с улучшением агрикультуры и некоторыми нововведениями. Создавались и специальные животноводческие и ирригационные компании. Все эти компании были крупными землевладельцами. Так, группа компаний в Цзянсу располагала земельной собственностью в 700 тыс. му, акционерное общество «Синьхуа» в Фэнтяни — 72 тыс. му, Тунхайская компания — 30 тыс. му, анхойское объединение «Аньфу» — 20 тыс. му и т. д. (см. [55, с. 695—705]). Большая часть земель сдавалась в аренду «обновленного», переходного, полукапиталистического типа, а на остальной велось хозяйство за счет найма батраков.

Начало XX в. было временем интенсивного роста подобных компаний. Основной приток инвестиций в эти предприятия приходился на 1905—1909 гг. — период общего взлета буржуазного предпринимательства в Китае. За указанные 5 лет было основано 35 таких компаний с суммарным капиталом около 7 млн. юаней. Общее же их число к 1912 г. возросло до 171. 112 из них были акционерными обществами, 35 — товариществами на паях. Подавляющее их большинство — 80% — приходилось на бассейн Янцзы и Южный Китай (108 — в Цзянсу, Гуандуне, Гуанси и Хунани) (см. [55, с. 694—697]).

В среде пайщиков компаний — обуржуазившихся помещиков, крупных купцов, богатых шэньши и разного рода предпринимателей — рос интерес к нововведениям в сельском хозяйстве, к зарубежному агротехническому опыту. Начиная с 90-х годов XIX в. и до 1911 г. было переведено на китайский язык и издано около 120 иностранных (преимущественно японских) справочников и книг по сельскому хозяйству (см. [55, с. 868—870]). Начальное

обуржуазивание части класса землевладельцев (шэньши, чиновников и рядовых дичжу), растущее совпадение их позиций с интересами буржуазии, укрепление связей между ними к концу предсинхайского десятилетия (1901—1911) приняли конкретные очертания.

Учитывая эти новые веяния и требования реформ, а главное — стремясь увеличить налоговые поступления за счет растущей товарности земледелия (особенно за счет расширения посадок тутовника и хлопчатника), цинское правительство предприняло ряд демонстративных шагов в рамках «новой политики». Были открыты сельскохозяйственные училища в Нанкине, Баодине, Чэнду, Цзинани и ряде других городов, в отдельных провинциях созданы опытные станции, пропагандировались западная агротехника и усовершенствованные земледельческие орудия, поощрялось внедрение более продуктивных иностранных сортов хлопчатника, арахиса и других культур. Уступая требованиям держав и китайской общественности, правительство в 1906 г. было вынуждено издать указ о запрещении производства опиума.

В результате к 1914 г. сложился целый комплекс позитивных явлений, которых не знала вторая половина XIX в. Начавшееся влияние городского капитализма (фабрик, железных дорог и т. п.) на деревенское производство, появление капиталистических отношений в деревне лишней раз свидетельствовали о вступлении китайского феодализма в завершающую фазу. При этом рост переходных черт и новых явлений наиболее рельефно прослеживался не в земледелии, а в крестьянских промыслах и «городской» деятельности обуржуазившихся помещиков в условиях постепенного расширения внутреннего рынка.

Недоучет данной специфики, сведение всей проблемы лишь к чисто земледельческой сфере, а последней, в свою очередь, только к батрацкому найму ведет к абсолютизации роли, во-первых, кабального найма части батраков и, во-вторых, отработок, к подведению под эти две категории всего деревенского найма, в том числе поденного, сезонного, промыслового, в торговле, на транспорте и т. д. Подобный подход фактически равнозначен игнорированию раннекапиталистической трансформации кабалы, отработок и иных традиционных социально-экономических форм в связи с вовлечением Китая в единую систему «мировой рынок — полуколония» и представлению о том, что китайская деревня конца XIX — начала XX в. оставалась точно такой же, какой она была в периоды Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) или Мин (1368—1644)⁷.

Начавшаяся частичная эволюция деревенского общества шла по различным направлениям, на разных уровнях и с существенными качественными особенностями. Данный процесс шел как «сверху» (обуржуазивание помещиков), так и «снизу» (народное кулачество, появление сельского пролетариата), как в земледелии, так и в промыслах (низовое предпринимательство, наемные ремесленники, надомники). Такого рода трансформация

приходила в деревню и «извне» — через принятие старыми институтами и формами (издольщина, кабала, отработка, скупка и т. д.) нового содержания. В результате такой многофакторности возникала ткань не органически-системного, т. е. целостного, а конгломеративного и мозаичного капитализма, задавленного массой феодальной экономики. К этому добавлялись значительные региональные и провинциальные различия: в Маньчжурии указанный процесс шел иначе, чем на юге Цзянсу, а в Шаньдуне по-иному, нежели в Гуандуне.

За этой хаотичностью тенденций явственно прослеживались два различных типа раннебуржуазной эволюции, что обуславливалось наличием двух подсистем в феодальном укладе Китая — государственно-феодальной и частнофеодальной. Бюрократический сектор создавал чисто «крестьянский» вариант эволюции. В первую очередь именно среди податных дворов крестьян-собственников (как крупно- и среднеземельных, так и малоземельных) происходило возникновение мелкобуржуазной среды мелких товаро-производителей с их начавшейся социальной дифференциацией на кулачество, полупролетарские и пролетарские слои. По-иному шло развитие в частнофеодальном секторе, где основной фигурой начавшегося обуржуазивания стал помещик, тогда как участие арендатора в рассматриваемом процессе было в значительной мере косвенным и опосредствованным. В новых условиях XX в. производственная ячейка «арендодатель — держатель земли» все более становилась компонентом рыночного хозяйства — поставщиком товарной массы и источником получения денег, превращавшихся затем в капитал (деревенские и особенно городские вложения в сферу промышленности, торговли, кредита, транспорта и т. д.). Иначе говоря, арендный сектор порождал «помещичий» вариант эволюции — обуржуазивание дичжу как крупного товаровладельца. Промысловое же звено развития деревенского капитализма служило составной частью обоих вариантов трансформации.

Китайские материалы начала XX в. подтверждают ту известную истину, что ранние формы капитализма, как правило, не «ждут» вызревания идеальных условий, а развиваются на реально существующей, чаще всего плохо подготовленной почве, отчего сами видоизменяются в худшую сторону (средневековый капитализм). Так, первые стадии капиталистической эволюции китайской деревни наметились в условиях преобладания товаризации продукта, а не самого крестьянского хозяйства, т. е. в обстановке доминирования вынужденной, принудительной товарности. Возникший в китайской деревне капитализм не стал ждать исчезновения кабальных форм найма батраков и отработок за долги, отмирания клановых устоев, ликвидации разного рода средневековых препон на пути превращения частной земельной собственности в буржуазную, не говоря уже о радикальной чистке сферы землевладения и землепользования от всех элементов феодализма.

Ведущим стимулом начавшейся медленной и противоречивой трансформации сельского общества Китая начала XX в. оставал-

ся фактор вовлеченности деревни в единую систему «полуколония — мировой рынок», «мировая империалистическая система — Китай». Практика Китая начала XX в. подтверждала собой ту истину, что «империализм вечно снова порождает капитализм (из натурального хозяйства колоний и отсталых стран), снова порождает переходы от мелкого капитализма к крупному, от слабого товарообмена к развитому и т. д. и т. п.» [17, с. 91]. Все эти процессы вели к росту товарного начала, платежно-денежного потребления и расширению внутреннего рынка страны.

Глава 3

СОСТОЯНИЕ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА

В эволюции внутренней торговли Китая конца XIX — начала XX в., как и в недрах деревенской экономики, наблюдалось сложное, противоречивое переплетение новых тенденций с доминирующим грузом старого. Интернационализация экономических связей Цинской империи в целом привела к частичному ослаблению порайонной раздробленности внутреннего рынка страны. Мировая торговля своим влиянием постепенно разрушала замкнутый, локальный характер экономики многих частей Китая, местами ломая средневековую пестроту рыночных связей и прежнюю замедленность товарного развития.

Впрочем, в ряде случаев воздействие международных связей давало и обратные результаты, приводя к развитию внешних рыночных связей в ущерб внутренним. Так, Гуандун имел более тесные экономические сношения с Вьетнамом и остальным французским Индокитаем, британской Индией, Гонконгом и рядом стран Юго-Восточной Азии, чем с остальными провинциями Китая. Юньнань была более связана с Индокитаем, нежели с Гуандуном. Южный Китай торговал с Севером и центральными областями через Гонконг. Маньчжурия была связана с внешним рынком, и особенно с Японией, больше, чем с Шанхаем.

Разная степень экономического проникновения иностранного капитала в известной мере усилила неравномерность развития отдельных районов Цинской империи, хотя интернационализация хозяйственных связей Китая с середины XIX в. в целом ускоряла складывание единого национального рынка (при явной незавершенности этого процесса к 1914 г.). Различная степень вовлеченности как города, так и деревни в мировую торговлю не только в различных частях Китая, но и в разных областях и уездах одной и той же провинции, крайне узкий, местный охват экономики влиянием новых факторов (фабрики, железные дороги и т. п.) отчасти даже усилили мозаичность рыночной сети Цинской империи (см. [213, с. 127—138]).

К Синьхайской революции единый национальный рынок окончательно не сложился даже в рамках собственно китайских про-

винций, не говоря уже о Синьцзяне, Монголии и Маньчжурии. Унаследованной от средневековья экономической раздробленности страны соответствовала система региональных рынков. Крупнейшими центрами последних были Шанхай, Ханькоу и Гуанчжоу. К каждому из них тяготел ряд второстепенных звеньев, в основном провинциального масштаба, служивших, в свою очередь, центрами областных, окружных и уездных ячеек.

В целом складывалась достаточно противоречивая картина с явными чертами переходности. Несомненным фактом являлось то, что составные части собственно Китая в большинстве своем уже были в той или иной мере втянуты в сферу мирового рынка, составляя периферию последнего (см. [26, с. 85—86]). В то же время если ведущие торговые центры, и в первую очередь «открытые» порты, отчасти равнялись на мировую конъюнктуру, то над массой деревенских и волостных базаров, уездных и окружных постоянных рынков и периодических ярмарок довели местные, часто мало зависящие друг от друга торговые связи.

Внутренний рынок Цинской империи накануне революции 1911—1913 гг. характеризовался прежде всего своим районным характером. Образование цен на основные продукты внутренней торговли (зерно и ряд других важнейших товаров массового потребления) происходило в разных местах на огромной территории страны в значительной мере самостоятельно. Даже в таких ведущих центрах зерноторговли, как Шанхай, Гуанчжоу, Ханькоу и Уху, цены на рис и пшеницу формировались более или менее независимо друг от друга. Поскольку импорт риса, пшеницы и муки составлял незначительную часть внутреннего потребления, мировая конъюнктура цен оказывала слабое влияние на ценообразование в зерноторговле. В данной сложной и неразвитой системе местных рынков продолжали существовать не только замкнутые, самообеспечивающиеся территориальные комплексы, но и целые области с все еще сохранявшимся преобладанием натурального хозяйства. В первую очередь это было характерно для Северо-Запада (Ганьсу, Шэньси, отчасти Шаньси и Хэнань) и Юго-Запада (Юньнань, Гуйчжоу, отчасти Сычуань и Гуанси).

Средневековая тенденция региональной, провинциальной и иной разобщенности в сильнейшей степени поддерживалась экономической политикой государства. Рост внутренней торговли продолжала сковывать унаследованная от предшествовавшего периода огромная внутритаможенная паутина. Одна система лицензия насчитывала более 600 «бюро» и свыше 10 тыс. их отделений и застав. Кроме того, в стране действовали не менее 800 застав по сбору чангуаньшуа — чангуань (лаогуань, цюгуань), их филиалов (фэньгуань), отделений (фэньцзюй) и постов (фэньця) [368, с. 271]. Особенно густой была эта сеть на оживленных торговых-транспортных путях. Так, на 250-километровом участке Великого канала от Суцзяня до Чжэньцзяна (Цзянсу) располагалось свыше 20 чангуань и лицензионных застав, каждая из которых взимала свою пошлину [335, с. 71, 78]. Наиболее плотная сеть застав покрыва-

ла экономически развитые районы Центрального и Южного Китая, особенно в приморской полосе и вдоль судоходных рек. Больше всего лицензионных пунктов было в Цзянсу, где функционировали 430 «бюро» и застав [366, с. 1166].

С конца XIX в. лицензная система была распространена и на железные дороги. При этом на разных линиях она действовала по-разному (взимался либо определенный процент от стоимости груза, либо сбор по числу перегонов). На водных путях и грунтовых дорогах она не только не сокращалась, но, наоборот, после войны 1894—1895 гг. расширилась. Создавались новые «бюро» и заставы. Обложению подлежал практически весь внутренний частный товарооборот (15 категорий грузов). Кроме того, существовали семь специальных видов лицензия — соляной (яньли), чайный (чали), винный (цзюли), на табак и опиум (яньли), на сахар (танли), на шелк и на домашний скот. Как и всякий налог в Цинской империи, лицензия имел дополнительные надбавки, иногда превышавшие его основную часть. Среди них были сборы на содержание войск (бинсян) и береговой службы на Хуанхэ (хэфанфэй), сборы на проведение ирригационных работ (тангунцзюань, хэгуанфэй), благотворительные взносы (чжэньцзюань) и многие другие, зачастую произвольные поборы.

К концу XIX в. первоначальная официальная ставка лицензия (менее 1% от стоимости товара) была давно нарушена. В начале XX в. она повысилась до 2—3%, а в ряде случаев — до 5 и даже 10%. Особенно заметно ставки лицензия возросли после Ихэтуаньского движения. Каждая провинция должна была значительно увеличить свои ежегодные денежные переводы в Пекин (в первую очередь — для уплаты очередных взносов «боксерской» контрибуции 1901 г. и для погашения других статей внешнего долга цинского правительства). При этом лицензионные сборы росли не только в связи с одновременным ростом внутреннего товарооборота и инфляции, но и благодаря ретивости сборщиков, вынужденных в большей мере, чем прежде, делиться добычей с центральной казной. В итоге реальная тяжесть обложения серьезно возросла. Так, в Цзянси купцу достаточно было пройти четыре заставы, чтобы потерять 10%, а на пути в соседнюю Цзянсу после десяти застав — до 30% стоимости груза [53, с. 1148]. Лицензионные сборы увеличивались из года в год. Если в 1894 г. по всей стране они составляли несколько более 14 млн. лян, то в 1904 г. — свыше 18 млн., а в 1912 г. — уже около 26 млн. лян [335, с. 74; 368, с. 272].

При отсутствии буржуазного правопорядка сбор лицензия отдавался на произвол местной администрации. Торговцы жестоко страдали от злоупотреблений со стороны лицензионных приставов (дуниши), которые регулярно наживались за счет повышения сборов при переводе одного платежного средства в другое по произвольно устанавливаемому курсу. Подобные пересчеты являлись обычной практикой, поскольку лицензия сдавался в провинциальное казначейство в серебре, а взимался зачастую медной монетой или натурой. Сборы увеличивались также за счет пересортицы

(низкосортные изделия облагались как высококачественные). Лицинные чиновники (*вэйюань*) создавали незаконные («частные») заставы, поступления от которых шли целиком в их карман. По обвинению в сокрытии части товара купцу полагалось телесное наказание (50 ударов бамбуковой палкой) с конфискацией половины груза, что создавало простор для произвола, шантажа и вымогательства дунши (см. [275, с. 93—94]). Особенно опасным в указанном плане был провоз товаров, отнесенных к казенной монополии, поскольку часть откупной соли или чая (*гуань-янь*, *гуаньча*) могла всегда быть объявлена «частной», т. е. незаконно приобретенной (*сянь*, *сыча*).

Лицин ставил китайскую торговую и промышленную буржуазию в крайне невыгодные конкурентные условия, так как импортные товары, закупки иностранцев и казенные грузы освобождались от внутренних пошлин. Грабительский характер лицинного обложения препятствовал росту общенациональных рыночных связей. Местами лицин вел к ограничению сбыта рамками той области или провинции, где производился данный продукт. Особо тяжелый урон лицин наносил торговле продуктами, испытывавшей иностранную конкуренцию как внутри Китая, так и вне его (например, чаеоторговле). Лицин вызывал не только особую ненависть национальной буржуазии и обуржуазившихся помещиков, но и протесты иностранных коммерсантов. Последние также требовали его отмены, поскольку из-за внутренних пошлин дорожали скупаемые ими товары и сырье, снижалась покупательная способность китайских фирм, скрывалась торговля в целом.

Не менее отрицательно на состояние внутреннего рынка Китая влияла и система чангуань. На этих заставах наряду с чангуаньшум с грузов взимался целый ряд побочных сборов. Среди них наиболее важными были судовой сбор (*чуаньшуй*), налоги с торговых помещений (*фанцзюань*), с упряжного скота (*шэнчжуншуй*), с поклажи повозок (*чэтошуй*), на аренду джонок (*чуаньцишуй*), на торговое посредничество (*яшуй*) и соляной налог (*янькэ*). Обложению чангуаньшум с указанными дополнениями не подлежали лишь пароходы и пароходные грузы, казенный и иностранный транзит, а также продовольствие и товары, шедшие в районы, пострадавшие от стихийных бедствий. На заставах чангуань царил такой же произвол, как и в системе лицина. Следует, впрочем, оговориться, что среди внутренних пошлин последний играл ведущую роль, превосходя чангуаньшуй не только по количеству застав, но и по общим сборам. Так, в 1894 г. система чангуань дала казне менее 3 млн. лянов, т. е. значительно меньше, чем лицинные сборы в одной лишь пров. Цзянсу [335, с. 81—82].

Влияние государства на национальный товарооборот отнюдь не ограничивалось только сохранением архаичной системы внутритаможенного ограбления. Часть товарооборота (чугун, железо, сталь, металлические руды, некоторые сорта шелка) все еще была подчинена казенной монополии в сочетании с практикой от-

купов и особым положением купцов-откупщиков (*гуаньшан*). Такие же средневековые порядки сохранялись и в сфере солеторговли, где все еще действовали различные системы «чиновного контроля над сбытом» (*гуаньду шансяо*, *гуаньду миньсяо*) и постепенного отмирания «казенных перевозок» (*гуаньюнь гуаньсяо*, *гуаньюнь шансяо*).

Как правило, торговец солью (*яньшан*) мог скупить у солеваров (*цзаоху*) строго лимитированное количество их продукта согласно полученным у казны за большие деньги лицензиям (*яньинь*) и свидетельствам (*яньляо*) (см. [335, с. 47—53]). Эти побочные затраты, включая уплату соляного налога (*янькэ*), откупщик (*иньшан*, *няошан*) окупал за счет произвольного ограбления потребителя, более всего страдавшего от государственных монополий. Торговля чаем также велась по казенным лицензиям (*чаинь*) и облагалась особым налогом (*чашуй*) (см. [225, с. 90—91]). Росту внутреннего рынка серьезно вредила и практика предоставления отдельным предприятиям и компаниям (как правило, казенным или смешанным) монопольных прав на продажу в том или ином районе некоторых видов сырья и изделий (олово, сурьма, цинк, уголь, спички, стекло и др.) (см. [275, с. 95—96]).

Рост внутреннего товарооборота сдерживался отвратительным состоянием грунтовых дорог и небезопасностью передвижения по ним. Для защиты от разбойников (*туфэй*, *мацзэй*) купечество и в XX в. все еще было вынуждено нанимать дорогостоящую вооруженную охрану (*баобяо*) у специальных «фирм» (*бяоцзюй*). Высокие транспортные издержки сами по себе (помимо налогового ограбления) оказывали сильнейшее тормозящее влияние на формирование всекитайского рынка. Современники отмечали, что «при крайне плохом состоянии путей сообщения и широко развитом кустарном производстве тканей... жителям тех внутренних провинций, где нет или почему-либо не хватает своего хлопка, зачастую оказывается более выгодным покупать заграничные мануфактурные изделия или иностранную пряжу, чем выписывать хлопок из других, хотя бы и соседних областей» [188, с. 26].

Трудность формирования единого рынка во многом объяснялась и резким различием провинциальных диалектов (пекинский, гуандунский, фуцзяньский, диалект у нижнего течения Янцзы и др.), влиянием местного своеобразия цеховых и гильдейских правил, традиций и т. д., отсутствием единой системы мер и весов. В Цинской империи существовало множество различных величин одних и тех же мер веса и объема (даня, доу, цзиня, шэна и ху). «Каждая провинция в своем внутреннем хозяйстве представляет почти автономный штат, — писал в 1907 г. один из иностранных наблюдателей, — обычаи сложились в провинциях разные, и приходится иметь дело не с одним государственным хозяйством, а с 18-ю или 20-ю. Монетная система в стране не одинаковая, обложение разное, торговые обычаи разные и т. д.» (цит. по [275, с. 96]).

В Китае начала XX в. не сложился и общенациональный де-

нежный рынок. Унитарная денежная система отсутствовала. Введение монет долларового типа в ходе реформы 1889 г. не покончило с хаотичностью господствовавшей ляновой системы обращения весового серебра. Единого ляна (по весу и пробе) также не существовало: насчитывалось несколько десятков (по разным подсчетам, от 77 до 91) его видов [266, с. 43]. Практически в каждой провинции, в каждом крупном городе имелся «свой» лян с рядом еще более мелких местных модификаций (иногда до 5—6 вариантов). Более широкое хождение получили лишь несколько типов ляна. Главными среди них были казначейский лян (*купин*), шанхайский, или торговый (*гуйюань*, *гуайпин*), гуандунский (*гуанпин*) и налоговый лян (*цаопин*).

Такой же хаос царил в формах серебряных слитков. Наименьший разноразный наблюдался в крупных слитках типа *юаньбао* (*баоинь*, *сисы*, *матиинь*), несколько больший — в средних (*чжундин*, *иньдин*) и полная неразбериха — в мелких отливках типа *сяодин* и ниже (*сяокэ*, *кэца*, *дичжу*, *фучжу*). Множественность местных стандартов вела к постоянным и многократным переплавкам серебра, осуществлявшимся как частными «плавильными дворами» (*луфан*, *иньлу*) и «денежными лавками» (*иньлу*), так и казенными учреждениями (*гуаньиньхао*), большая часть которых действовала при морских таможнях (*хайгуань иньхао*).

Экономическая разобщенность провинций приводила к серьезным различиям местных котировок ляна в медной монете. Так, в 1907 г. его курс колебался от 1,2 до 1,8 тыс. вэней. Полуофициальная цена ляна в том же году варьировала примерно от 1,5 до 1,7 тыс. вэней [313, с. 843]. Медноденежное обращение также находилось в бессистемном состоянии. Имели хождение четыре вида монет: старые литые чохи, «новые», или «тяжелые», неполноценные, в том числе железные монеты крупных номиналов (*дацян*), модернизированные (чеканенные) вэни и фэни (центы) юаневой системы, а также иностранная разменная монета. Каждая из указанных разновидностей имела свою котировку и обменный курс.

Денежная реформа 1889 г. отчасти даже усугубила путаницу, пустив в обращение наряду с весовым серебром деньги западного образца (юань, цзяо, фэнь) и увеличив тем самым необходимость постоянных разменов. Известное противостояние ляна юаню и старой меди фэням сохранялось на протяжении всего рассматриваемого в книге периода. Все это серьезно затрудняло коммерческую деятельность не только китайцев, но и иностранцев, поскольку переезд или перевоз товара из провинции в провинцию был зачастую невозможен без двух-трех разменных операций, каждая из которых была сопряжена с неизбежными потерями на обменный лаг.

Еще большая мозаичность наблюдалась в сфере бумажноденежного обращения. Почти каждая более или менее значительная ссудная контора (*иньцзюй*) или ломбард (*дяндан*, *данпу*), не говоря уже о меняльных лавках (*цяньюнчжуан*, *дуйчжуан*) и перевод-

ных конторах (*пяхао*, *хуэйдуйчжуан*, *пяхочжуан*), выпускали свои платежные обязательства. Среди этой пестрой бумажноденежной массы обращались частные банкноты (*чжуанпяо*, *сяопяо*, *чао*, *цяньюн*, *иньюн*), различные чеки (*пинтяо*, *чжипяо*), в том числе переводные (*хуэйпяо*), векселя (*те*, *ципяо*) и специальные обязательства (*цзецюань*, *гундань*). Функции этих бумаг постоянно менялись, выпускались они как в медном, так и в серебряном номинале с весьма ограниченными возможностями погашения. Крайняя пестрота и многообразие частных платежных обязательств, резкая ограниченность сферы обращения каждого из них (рамками данного города или даже квартала) соответствовали узколокальному характеру товарных рынков. Исключение составляли переводные чеки (*хуэйпяо*) шаньсиских переводных контор (*пяхоцзюй*, *хуэйхао*) (см. [313, с. 944, 957, 962]).

Дополнительную путаницу вносила эмиссионная деятельность правительства. В связи с финансовыми трудностями после поражения в войне 1894—1895 гг. и в особенности под влиянием ихтуаньской катастрофы 1900—1901 гг. казна приступила к усиленному печатанию ассигнаций (*гуаньпяо*) нового образца. Возрожденные после 1895 г. специальные казначейские управления (*гуаньиньцяньюнцзюй*) выпускали их как с медным (*цяньюн*), так и серебряным номиналом (*иньляньпяо*, *иньбаньпяо*). В зависимости от первоначальной специализации на изготовлении того или иного вида ассигнаций одни управления входили в категорию *гуаньцяньюнцзюй* (*гуаньцяньюнхао*), а другие — в состав существовавших еще с середины XIX в. *гуаньиньцзюй* (*гуаньиньхао*). Однако такое разделение сохранялось недолго. Управления наряду с выполнением банковско-казначейских функций стали одновременно выпускать оба вида бумажных денег, что отразилось на их названии (*гуаньиньцяньюнцзюй*, *гуаньиньцяньюнхао*). Кроме того, они печатали ассигнации и с юаневым номиналом, а некоторые из них (*гуаньтецзюй*) выпускали и кредитные разменные обязательства (*тецза*, *гуаньте*). Всего к 1911 г. было создано 22 *гуаньиньцяньюнхао*. Провинциальные управления помимо главных контор (*цзунхао*) создавали на местах свои отделения (*фэньхао*) (см. [313, с. 811—813, 957—958]). Выпуск провинциальных ассигнаций увеличивал множественность бумажноденежных знаков. После 1895 г. к ним прибавились первые современные банкноты китайских финансовых учреждений. Среди них были кредитные билеты различных управлений казенных железных дорог, а также обязательства первых национальных банков — Китайского коммерческого (основан в 1897 г.), «Хубу бэнк» (1905 г., с 1908 г. — Дайцинский банк) и Банка путей сообщения (1907) (см. [313, с. 810—812]).

В «открытых» портах быстро усиливалось обращение иностранных денежных знаков, что еще более увеличивало традиционную провинциальную мозаичность денежного рынка Китая вследствие его раздела на «сферы влияния». В каждой из них доминировала определенная иностранная валюта: в бассейне Янцзы преобладал фунт стерлингов, в Юньнани, Гуанси и Гуандуне наряду с ним

обращался франк, в Шаньдуне имела хождение марка, в Маньчжурии особую роль играли иена и рубль. Повсеместное обращение мексиканского и американского долларов лишь отчасти смягчало эту разобщающую тенденцию, не устраняя необходимость постоянных разменных операций. Сравнительно широкое хождение имели и другие серебряные доллары (гонконгский, испанский и филиппинский). Пестрота бумажноденежного обращения усиливалась эмиссионной деятельностью иностранных банков, чьи банкноты имели как собственный, так и китайский номинал (лян, юань).

Росту новых современных форм торговли, в частности иностранной коммерции, мешали традиционные гильдейские правила, пестрота местных торговых обычаев и отраслевой специфики. Практически в каждой отрасли торговли, включая деревенскую, сохранялась средневековая многоступенчатая товаропроводящая сеть, часто со своими особенностями, в том числе локального характера. Наиболее сложная иерархическая скупочно-сбытовая структура функционировала в торговле хлопчатобумажными тканями (*тубу, сябу*), где действовали «ткацкие фирмы» (*бухао*), их «представительства» (*чжучжуан*), оптовые магазины (*цзыхао*), филиалы последних (*фэньчжуан*), «ткацкие конторы» (*бучжуан*), их отделения (*чучжуан*) и разъездные приказчики (*сяоцинцзи*) [334, с. 61—62]. Все эти элементы общей системы в той или иной мере зависели друг от друга и служили передаточными звеньями (зачастую лишними). С каждым годом данная сеть все более переходила к операциям с фабричной пряжей (в первую очередь импортной и отчасти отечественной), а ее звенья служили центрами организации раздаточной системы.

Почти полностью сохранялось межгильдейское разделение различных стадий движения товара. По средневековой традиции, оптовая скупка или перепродажа того или иного продукта, особенно на вывоз в другой город или провинцию, все еще оставалась привилегией купцов определенного цеха (*хан*), землячества (*бан, хуэйгуань*) или гильдии (*гунсо*), что создавало массу лишних перепродаж, корпоративных барьеров, вело к удорожанию товара. Корпоративная монополизация тех или иных операций вела к разобщению местных рынков, уменьшала и замедляла внутренний грузопоток. Все эти негативные стороны еще более усиливались за счет традиционного торгового посредничества. Данный институт строго поддерживался и охранялся государством, так как казна наживалась на продаже комиссионерских лицензий (*яте*), дававших их владельцам особые права при организации оптовых и средних по величине сделок. Торговая деятельность цехов, землячеств и гильдий как бы контролировалась своими «внутренними» комиссионерами (*якуай, цзинцзи*) или особыми, «внешними» маклерскими корпорациями (*яхан*). Основной товарооборот между деревней и городом, между купцами различных провинций, а также внутригородская межцеховая оптовая торговля отягощалась вмешательством множества брскеров. В качестве последних выступали посреднические «фирмы», комиссионные «конторы»

(*яхан*), перекупочные магазины (*ядянь*) и разного рода маклеры (*яху, яшан*). Миновать их было почти невозможно не только иногороднему и инопровинциальному оптовику (*кэшан*), но и местным торговцам среднего и высшего звена.

Межгильдейское, земляческое, межпровинциальное разделение стадий движения товара, закрепленное институтом торгового посредничества, вело к весьма значительному (в 2—3 раза) увеличению денежного капитала, необходимого для проведения данной партии товара через каналы обращения, что вело к резкому и уродливому разбуханию сферы обращения. Последний момент нес в себе серьезный антибуржуазный эффект, ибо создавал гипертрофию торгового и ростовщического капитала в ущерб предпринимательскому и банковскому.

Если сама корпоративная структура торговли в 1894—1914 гг. почти не изменилась, то в соотношении сил различных провинциальных групп купечества в ее рамках продолжались серьезные сдвиги. Слабели позиции торговых банов Аньхоя и Цзянси. В Центральном и Южном Китае все более укреплялся приоритет купечества Цзянсу и Чжэцзяна. Их процветающие корпорации опирались на богатства крупных меняльных лавок Шанхая (*дагунхан, хуэйхуачжуан*) и Нинбо, на постепенно складывавшуюся на этой базе так называемую чжэцзянскую финансовую группу. Быстрому усилению восточных банов способствовала ведущая роль Шанхая и юга Цзянсу как во внешней, так и во внутренней торговле. Одновременно снижалось влияние торговых банов Гуандуна и Фуцзяни, все более ориентированных на заморскую торговлю. На Севере, в Маньчжурии и отчасти в бассейне Янцзы продолжало господствовать богатейшее купечество пров. Шаньси (*сишан, сикэ*) и их корпорации (*сибан*). Одна из групп шаньсисцев (*лотобан*) по-прежнему держала в своих руках караванную торговлю Внутренней и Внешней Монголии, Ганьсу и Синьцзяна, а другая (*лянчуаньбан*) обслуживала рынок собственными китайских провинций. Финансовой опорой обеих служила влиятельная каста шаньсиских банкиров-ростовщиков (*пяошан*) — владельцы разветвленной всекитайской сети переводных контор (*пяочжуан*), их отделений и филиалов (*фэньчжуан, фэньхао*) (см. [372, с. 20—22]). Разорение тесно связанных с казной пяошанов после краха цинского режима серьезно отразилось на последующем положении шаньсиского купечества.

В рассматриваемый период массовые низовые звенья городского рынка, все более переходя к операциям с импортными изделиями, устойчиво сохраняли средневековый облик. Торговцы, специализировавшиеся на продаже «заморских» товаров, зачастую объединялись в особые корпорации. Почти не претерпела изменений деревенская торговая сеть, обслуживаемая лавками мелочного товара (*цзахопу*), винными лавками (*цзюдянь*), бродячими торговцами и разъездными приказчиками (*сяоцинцзи*) городских торговых «фирм» и магазинов. Сохранялась и традиционная уездная торговая сеть, основой которой оставались периодические

волостные базары (*цаоши*, *сюньши*) и довольно редкие храмовые ярмарки (*цзиши*, *мяохуэй*) [225, с. 84—85].

Низовую основу рыночной системы традиционного Китая составляли деревенские (*цаоши*), а точнее волостные, базары (*сянши*). Влияние каждого из них сказывалось в округе радиусом 10—15 км (расстояние, которое мог пройти крестьянин с тяжелой заспинной поклажей или с грузом на коромысле за светлую часть суток). На такой рынок из округи стекалось зерно и иные продовольственные товары, продукты подсобных промыслов и местные ремесленные изделия, в том числе частично городские. Там велась как денежная, так и меновая торговля. За пределами влияния того или иного базара начинались аналогичные «зоны притяжения» соседних *цаоши*. Система в основном мало зависящих друг от друга рыночных ячеек покрывала практически всю страну. Доминирующая роль неконтактности между *сянши* не исключала возникновения регулярного товарообмена между некоторыми из них, особенно в районах специализированной вывозной или ввозной торговли (см. [462]). При этом во внутридеревенском, волостном и уездном товарообороте все более возрастала роль различных торговых заведений богатых *шэньши*, крупных землевладельцев, обуржуазившихся и «хозяйствующих» помещиков (см. [348, с. 112—118]).

Принимавший все более массовые масштабы отказ от натурального потребления и соответственно повышение покупательной активности крестьянской среды привели в начале XX в. к расширению как внутри-, так и внедеревенского рынка. С гибелью ручного прядения, в частности, земледельческо-ткацкий крестьянский комплекс все более превращался в покупателя импортного и местного машинного сырья для выработки хлопчатобумажной материи (см. [213, с. 210—218]). В то же время, несмотря на проникновение в деревню фабричных изделий, основные статьи крестьянского спроса на промышленные изделия (посуда, металлические части сельскохозяйственных орудий, оконная бумага, трубки, табак, свечи) все еще удовлетворялись за счет цехового ремесла и мануфактуры. Из фабрично-заводской продукции китайская деревня с конца XIX в. начала покупать главным образом пряжу, керосин, лампы, спички и иголки. Рост мелкотоварного уклада в земледелии и сельских промыслах в предсинхайский период заметно расширил спрос на эти товары.

Зерновая торговля бассейна Янцзы с разветвленной сетью рисовых лавок (*мидянь*, *мину*), хлебных лабазов и «зерновых фирм» (*лянхан*, *михан*), их отделений и разъездных агентов (*цзинцзи*) по-прежнему составляла костяк внутреннего товарооборота Цинской империи. Важнейшим звеном указанной системы являлись постоянные перепродажи крупных партий зерна местными хлеботорговцами (*мишан*) приезжим оптовикам из других провинций (*кэшан*).

Особое значение для зерновой торговли бассейна Янцзы имела отмена в 1901 г. системы «водных перевозок зерна» по Великому

каналу (юньцао), что привело к увеличению объема рыночных оборотов зерна в целом примерно на 2—3 млн. даней в год. Произведенная одновременно с этим окончательная коммутация *цаоляна* в Цзянсу, Чжэцзяне, Аньхое и Шаньдуне стала важным моментом в экономической жизни страны. В результате ежегодное производство зерна на рынок в названных провинциях возросло примерно на 4—5 млн. даней (около 3 млн. даней из них приходилось на бассейн Янцзы, дававший около 60% сбора указанного налога) (см. [426, с. 9а, 48, 49, 54, 105]). Крушение системы юньцао и коммутация *цаоляна* свидетельствовали о постепенном развитии товарных тенденций в экономике, о невозможности для Циннов сохранить все старые институты, опиравшиеся на натуральное хозяйство.

С отменой системы «водных перевозок зерна» и общим сокращением торговли и судоходства по Великому каналу упала роль Чжэньцзяна как перевалочного пункта. Потеряли свое прежнее значение и два крупных направления зерновой торговли бассейна Янцзы: резко сократились перевозки зерна по Великому каналу как в Шаньдун и Чжили, так и в южные области Цзянсу и северный Чжэцзян¹. Одновременно с повышением торгового обмена между провинциями и с развитием каботажного на современных судах возросла роль вывоза продовольствия из бассейна Янцзы морем. Практически система юньцао была заменена морскими его перевозками из Шанхая в Тяньцзинь. Причем в целом зерновой поток, идущий из бассейна Янцзы на север (в Чжили и Шаньдун), несколько уменьшился в связи с ростом аналогичного вывоза в указанный район из Маньчжурии, где складывался новый район товарного зернового хозяйства [213, с. 102].

Интернационализация экономической жизни Китая, развитие капиталистического уклада, приспособление традиционных хозяйственных форм к новым условиям при растущей смене натурального потребления использованием покупных товаров вели к заметному росту внутреннего рынка. Внешний фактор оставался наиболее сильным стимулятором данного процесса. За 1894—1913 гг. объем товарооборота между Китаем и мировым рынком возрос более чем в 3 раза [432, с. 22—23].

На рост внутреннего грузооборота все более влияло и развитие парового сообщения — как иностранного, так и китайского. Паровой флот Китая за 1894—1914 гг. увеличился со 140 до 1147 судов. Их тоннаж возрос более чем в 3 раза. Общий тоннаж иностранного внутриторгового судооборота с 1877 по 1913 г. увеличился в 9 раз (см. [26, с. 218; 432, с. 244—245]). С начала 90-х годов усилилось участие коммерческих пароходств в вывозе зерна из провинций среднего течения Янцзы в приморские города. Особенно значительным оно стало в предреволюционные годы. Росло влияние каботажных перевозок на современных судах на товарное земледелие в Цзилини и Фэнтяни, а также на обмен продукцией между Маньчжурией, Севером и восточными приморскими районами.

Число китайских и иностранных судов, посещавших порты Китая (с соответствующей регистрацией согласно Навигационному уставу), увеличилось с 1897 по 1916 г. в 3 раза, а их тоннаж — в 2,5 раза [252, с. 46, 91]. Неуклонно расширялась деятельность английских и японских пароходных компаний — речных (на Янцзы) и каботажных. Рос грузооборот пароходных перевозок и на малых реках (в частности, в Фуцзяни и Чжэцзяне, где они были организованы японским капиталом). Чиновный произвол, бездорожье, тяжесть лицензия и чангуаньшюа заставляли китайскую торговую буржуазию все шире пользоваться услугами иностранных пароходств, страховых, складских и транспортных компаний.

И все же к 1914 г. развитие пароходного сообщения лишь отчасти снизило значение флота традиционных джонок. Даже в каботажном судоходстве основной грузопоток осуществлялся специальными парусниками (*шачуань*). Их владельцы (*чуаньшан*) продолжали играть важную роль в торговле приморских провинций.

С конца 90-х годов стало сказываться влияние такого нового компонента внутреннего рынка Китая, как железные дороги. В ряде провинций (Маньчжурия) железнодорожное строительство сыграло не менее важную роль в оживлении межрайонного товарооборота, чем связи с мировым рынком. Уже к началу Синьхайской революции железные дороги стали действенным элементом экономической жизни Китая. Если средняя протяженность дорог, построенных за год, в 1877—1894 гг. составляла 20 км, то в 1895—1911 гг. данный показатель равнялся уже 544 км. За последний период было построено свыше 9,2 тыс. км путей, общая же их протяженность к 1911 г. составила 9,6 тыс. км. С 1907 по 1915 г. число товарных вагонов возросло примерно в 1,8 раза. В 1915 г. подвижной состав китайских железных дорог состоял из 629 паровозов, примерно 1,3 тыс. пассажирских и свыше 10 тыс. товарных вагонов общей грузоподъемностью 243 тыс. т [26, с. 176, 199, 200]. Основными грузами служили минеральное и сельскохозяйственное сырье.

К 1914 г. рельсовые пути в той или иной мере связали между собой 12 провинций, в том числе Цзянсу, Чжэцзян, Аньхой, Хунань, Хубэй, Хэнань, Шаньдун, Фэнтянь, Цзилинь и Хэйлунцзян. Однако эта связь оставалась в ряде случаев частичной, а железнодорожная сеть — неразветвленной. Впрочем, сеть ее можно было назвать — да и то весьма условно — лишь к северу от Янцзы. На долю же Южного Китая приходились отдельные, не связанные между собой линии. И тем не менее внедрение этого важнейшего элемента современной инфраструктуры вело к постепенному подрыву прежней замкнутости провинций в нижнем течении Янцзы, в Маньчжурии и Северном Китае. Особую роль в указанном плане играли магистрали Пекин — Ханькоу и Тяньцзинь — Пукоу, связавшие бассейн Янцзы с долиной Хуанхэ и столичным районом. Железные дороги Севера, Северо-Востока и Цзяннаня «приблизили» местную деревню к оптовым рынкам «открытых»

портов. В результате воздействие мирового рынка на китайскую «глубинку» стало более осязаемым.

Росту экономических связей внутри страны и ускорению темпов развития внутренней торговли способствовало учреждение в 1896 г. современной почты. С 1906 по 1916 г. число почтовых отделений увеличилось более чем в 4 раза, а сумма денежных переводов — более чем в 22 раза [196, с. 267]. С современной почтой, однако, конкурировала старая, частная посылная служба (*миньцзюй*, *синьцзюй*)², как и многие другие традиционные структуры и институты, частично сохранившая свои позиции, несмотря на то что с каждым годом возрастала роль почты, телеграфа, банков и других инструментов интернационализации и консолидации внутреннего рынка Китая.

В развитии внутреннего товарооборота в конце XIX — начале XX в. все явственнее ощущалось влияние местной машинной промышленности, возраставшее с каждым годом, особенно в период экономического подъема 1905—1908 гг. С 1895 по 1913 г. в Китае было построено 176 текстильных фабрик и 164 предприятия пищевой промышленности, включая иностранные [53, с. 3, 657]. Создание хлопкоочистительных, прядильных, ткацких, шелкомотальных и шелкоткацких фабрик, строительство мукомольных, маслодельных, табачных, чайных и иных предприятий означало появление нового потребителя сельскохозяйственного сырья и расширение внутреннего рынка для продуктов земледелия (см. [213, с. 127—131]). Так, под влиянием шанхайских хлопкоочистительных фирм и «Союза шелкомотальных фабрик Цзянсу, Чжэцзян-и Аньхой» расширялись старые и возникали новые районы технических культур в приморских провинциях, особенно перед Синьхайской революцией.

Рост рыночной экономики вызывался и дальнейшим развитием мануфактурной промышленности. Особенно интенсивным влияние последней было в Маньчжурии, для которой в конце XIX — начале XX в. было характерно появление большого числа мануфактур по переработке сельскохозяйственного сырья (маслобойные, винокурные и мукомольные предприятия). Общий объем промышленного потребления зерна и бобов в сфере маслоделия и винокурения Цзилини и Хэйлунцзяна к 1911 г. оценивался приблизительно в 2 млн. даней. Кроме того, значительной была и переработка пшеницы на местных мельницах. С учетом мукомольной промышленности удельный вес мануфактурной переработки зерна и бобов достигал на Северо-Востоке 15, а местами 20% общего сбора этих культур [213, с. 113].

С развитием капиталистического уклада характерной чертой конца XIX — начала XX в. стал рост неземледельческого населения. Урбанизация особенно явственно происходила в приморской полосе. Наиболее ярким являлся пример Шанхая. Из заштатного уездного города в период «опиумных» войн он превратился к началу XX в. в ведущий торгово-промышленный и финансовый центр, крупнейший порт Китая. Численность жителей Шанхая в

1880—1900 гг. возросла втрое. Аналогичные процессы происходили и в других городах. Население Гуанчжоу с 1891 по 1901 г. увеличилось на 600 тыс. человек, Яньтай вырос вдвое, резко возросло население Ханькоу, Ханчжоу и Фучжоу, быстро расширились Чжэньцзян, Уху и некоторые другие города (см. [53, с. 1172—1173; 63, с. 330]). В первое десятилетие XX в. темпы урбанизации усилились. Особенно быстро расширялись портовые города (Шанхай, Тяньцзинь, Циндао и Далянь). Росли фабричные центры — Таншань, Пинсян, Уси, Шуньдэ, Наньтун. Шел подъем ряда старых городов, превращавшихся в торгово-промышленные центры (Ухань, Гуанчжоу и Ханчжоу). Население Шанхая за предреволюционное десятилетие возросло почти в 4 раза — с 345 тыс. в 1900 г. до 1 млн. 250 тыс. человек в 1911 г. [53, с. 1173]. Урбанизация наряду с другими перечисленными выше факторами оказывала всевозрастающее влияние в плане расширения внутреннего рынка, что, в свою очередь, вело к усилению новых тенденций в деревне и эволюции городской ручной промышленности.

Глава 4

ЦЕХОВОЕ РЕМЕСЛО, МАНУФАКТУРА И ТРАДИЦИОННЫЙ КРЕДИТ

Несмотря на растущую конкуренцию иностранной импортной продукции и фабрик в самом Китае, ручная промышленность сохраняла свое господство в текстильных, пищевых и многих других отраслях. К 1911 г. ручным способом вырабатывалось около 80% необходимых населению тканей [416, с. 372]. Вместе с тем в начале XX в. на состоянии ремесленного производства стали острее сказываться его техническая отсталость (по сравнению с машинным производством), отсутствие протекционизма, произвол, чинимый цинской бюрократией, устанавливаемые ею преграды его развитию. Традиционное господство деревни над городом и превосходство земледелия над ремеслом в производительности труда продолжали тормозить развитие ручной промышленности. Все это способствовало сохранению в данной сфере и в 1894—1914 гг. отсталой техники, низкой эффективности труда, плохого качества изделий и больших издержек производства.

Иностранная конкуренция и развитие машинного капитализма в самом Китае нанесли серьезный урон горнодобывающим отраслям ручной промышленности, а также традиционной металлургии. Их позиции вследствие создания механизированных шахт и рудников, внедрения доменной плавки резко ослабели. В 1914 г. на долю ручной промышленности приходилось менее 44% всей добычи угля, около 50% — железной руды и примерно 57% выплавки чугуна [26, с. 113]. Сокращение общего объема производства характеризовало ситуацию в ручной металлообработке. Железодельные мануфактуры все чаще использовали в качестве сырья

импортный железный лом¹, отказываясь от местного чугуна, выплавленного традиционными методами. Дофабричная (туфа) угольная и железорудная промышленность, не выдерживая конкуренции современных форм производства, все более отступала в глухие районы — подальше от «открытых» портов, пароходных линий и железных дорог, — ориентируясь на местный рынок.

Влияние новых веяний сказывалось в первую очередь на мелких предприятиях и разработках, обслуживавшихся трудовыми артелями (*хо, хэхо, хобань*). В положении последних в начале XX в. происходили существенные изменения. Одни артели как при сбыте продукции, так и в организации самого дела все более попадали в зависимость от маклеров и комиссионеров (*яху, ядянь, цзинцзи*) из соответствующих отраслевых яханов, гунсо или «торговых фирм». Другие оказывались в подчинении владельцев месторождений или производственных сооружений (*яо*). С переходом на работу к этим хозяевам (*чжу, яочжу*) артельные старосты (*хотоу, баогун*) превращались в «старшинок» (*гунтоу*), а сами артельщики (*тунхо*) практически становились раннемануфактурными рабочими (*гугун, юнгун*) (см. [225, с. 65—68]).

Мало что менялось в организации частновладельческого сектора внегородских, в том числе горнодобывающих, отраслей. Правда, под воздействием новых факторов некоторые предприятия переходили в иностранный сектор, другие — вводили механизацию, третьи — разорялись. Однако основная их масса сохраняла прежний облик независимо от того, сдавалось ли предприятие в аренду (*дянь*), велось ли дело самим хозяином или группой пайщиков (*хэту, хэтуньжэнь*) с разделом прибыли по паям (*жи*), или же целой иерархией владельцев (*шаньчжу—гунбэнь—сыча*). В данной сфере зачастую сохранялась жесткая внеэкономическая эксплуатация шахтеров. В их среде наряду с вольнонаемными (*хогун, хо-боцза*) по-прежнему было много продавшихся в кабалу (*майшэнь-гун*), а также пожизненно продавших себя в рабство хозяину — так называемых «мертвых тружеников» (*сыгун, сыбоцза*) (см. [225, с. 67—69]).

Развитие горной промышленности и рост ее конкурентоспособности сковывались ограничительной и фискальной политикой государства. Первая попытка реформировать горное дело в 1898 г. не дала результатов. Средневековые методы взимания горного налога (*чоукэ, куаншуй*) в сочетании с разорительной практикой принудительных казенных закупок, включая систему *эрбашоукэ* [335, с. 117], просуществовали без изменений вплоть до 1902 г. В последующие пять лет Пекин под давлением держав вынужден был в русле «новой политики» несколько либерализовать и унифицировать горные правила, принявшие свой окончательный вид в Горном уставе, утвержденном в 1906 г. и введенном в 1907 г. Новыми узаконениями прежняя практика обложения заменялась двумя налогами: на добытую продукцию (*куанчаншуй*) и с участка разработок (*куанцюшуй*). Первый взимался в размере 0,1 лян с каждой тонны угля или железной руды, 10% стои-

мости добытого золота и серебра, 3% — медной и оловянной руды. Ежегодный размер второго составлял 3—4,5 лян плюс 0,2—0,3 лян с каждого му площади разработок, не считая обычного земельного налога и разного рода местных «дополнительных» поборов (см. [53, с. 1131; 275, с. 92]). В целом Горный устав 1907 г. явился довольно скромной уступкой капиталистическим веяниям. Тем более что местная бюрократия не всегда соблюдала его положения, особенно часто нарушая установленные нормы обложения.

В различных отраслях добывающей промышленности конъюнктура в 1894—1914 гг. складывалась не одинаково. Так, почти не испытывала конкуренции со стороны импорта добыча соли, наиболее развитая в Сычуани, где в начале XX в. функционировало свыше 8,6 тыс. скважин для выкачки соляного раствора [335, с. 49]. Оживление деловой активности наблюдалось в разработке цветных редких металлов (особенно сурьмы), шедших на мировой рынок. Разработка месторождений сурьмяной руды в Хунани началась в 1895 г. Непосредственным толчком к этому послужило истощение рудников в Японии. В 1909 г. товарищество на паях «Хуачан», организованное хунаньскими чиновниками и шэньши, получило монопольное право на выплавку сурьмы.

После японо-китайской войны 1894—1895 гг. казна в поисках средств стала активно создавать новые горнодобывающие предприятия. Особое внимание уделялось добыче золота и редких металлов. В 1907 г. Хунаньским горным бюро были открыты Шуйкоушаньские свинцово-цинковые рудники. В последующие годы возник ряд смешанных предприятий (*гуаньду шанбань*, *гуаньшан хэбань*), основанных на системе казенных закупок. Среди них выделялись золотой прииск Кумархэ (Гуанси), оловянные рудники Фухэ (Гуанси) и Цзянхуа (Хунань), а также Тунжэньские сурьмяные разработки (Гуйчжоу). Однако бедность месторождений, отсталость форм хозяйствования, неумелое чиновничье управление, а также конкуренция иностранных и частных рудников делали работу многих казенных горных предприятий нерентабельной. Большинство их так и не было механизировано. Убыточными были золотые прииски Хуаньцзиньдун (Хунань), Сиваньские угольные копи (Гуанси), шахты Юйгань (Цзянси). Казна вынуждена была закрывать такие разработки или в отдельных случаях передавать их частному капиталу. Из 50 нерентабельных объектов к 1911 г. были закрыты 31 и перешли в частный сектор 4 (см. [54, т. 1, с. 212—216]).

Влияние новых условий на обрабатывающие отрасли китайской ручной промышленности было достаточно противоречивым. В целом она постепенно теряла рынки сбыта внутри страны. С растущим вывозом сырья за границу для нее обострялась сырьевая проблема. В рассматриваемый нами период в ее рамках наметились и некоторые структурно-отраслевые изменения. Под влиянием импорта японских, английских и американских товаров, а также в связи с изменением спроса мирового рынка наметился серьезный кризис чисто китайских видов ремесла (в первую очередь

производства бумаги, кистей, фарфора, зонтов, циновок, курительных принадлежностей, резаного табака и осветительных масел). Ввоз индонезийского сахара, анилиновых красителей и других товаров из Европы, Америки и Японии вел к дальнейшему сокращению производства в соответствующих отраслях в Китае. Ухудшение конъюнктуры в указанных отраслях било не только по отдельным кустарям, но и по мастерским и мануфактурам.

Серьезнейший урон понесло мелкое семейное производство в ряде традиционных отраслей (чаеобработка, сахароварение, маслобойное и большинство текстильных производств).

Особенно пострадала хлопчатобумажная промышленность. По некоторым расчетам, доля хлопковой пряжи ручной выделки в общенациональном потреблении с 98% в 1871—1880 гг. упала до 42% в 1901—1910 гг. Удельный вес бумажных тканей мануфактурного изготовления за тот же период снизился с 81—89% до 73—83% [416, с. 372; 417, с. 28].

В то же время в 1894—1914 гг. возникали и росли новые отрасли, вызванные к жизни влиянием Запада или спросом мирового рынка (изготовление спичек, сигарет, яичного порошка и обработка щетины). Для них с самого начала было характерно преобладание мастерских, мануфактур и раздаточной системы. Росли также те стекольные, свечные, мыловаренные, ковровые и канатные предприятия, что перешли к выпуску изделий «заморского образца». Расширялось трикотажное производство. Эта новая для Китая отрасль возникла сначала в Гуанчжоу, затем в Шанхае и Ханькоу, позже ее предприятия постепенно появлялись и в других «открытых» портах.

Под влиянием внешнего спроса росло производство вееров (преимущественно в Фучжоу, Цзюцзяне, Ханчжоу и Сучжоу). Их вывоз за 1892—1902 гг. вырос с 11 млн. до 41 млн. шт. С 1905 г. началось производство на экспорт волосяных сеток. Их изготовлением были заняты десятки тысяч шаньдунских крестьянок, работавших на скупщиков. Спрос мирового рынка привел к насаждению в Китае кружевного промысла, чему во многом способствовали миссионеры, особенно итальянцы. В данной отрасли в Нанкине, Шаньтоу, Сямыне, Уси, Шанхае и многих других городах были заняты десятки тысяч женщин (см. [195, с. 66, 115; 196, с. 324]).

В целом же основной тенденцией в 1894—1914 гг. оставалось разрушение средневековых форм промышленности. Весьма уязвимыми оказались некоторые домашние промыслы, мелкотоварное цеховое ремесло и государственные мануфактуры с использованием принудительного труда (*гуи. хэгу, чжаогу*). Особенно резко в начале XX в. обозначился кризис разного рода казенных ремесленных «бюро» (*цзюй*). Одни из них (например, пороховые) пришли в упадок под влиянием более дешевых и качественных босприпасов заводского изготовления. Мануфактуры, производившие холодное оружие, закрывались в связи с переходом к новым видам вооружения. Другие (прежде всего текстильные предприятия)

ликвидировались в виду их нерентабельности. Третьи (в том числе монетные дворы) переходили к применению машин. Правительству уже не могло приостановить упадок казенных мануфактур, и они после революции 1911—1913 гг. практически сошли на нет (см. [58, т. 2, с. 502—504]).

В противовес этому корпоративная организация ремесла, торговли и самого городского населения продемонстрировала высокую устойчивость. Внутренняя структура цехогильдий различного типа (хан, бан, хуэйгуань, гунсо, яхан) в 1894—1914 гг. почти не претерпела изменений (см. [58, т. 2, с. 489—491; 142, с. 7]). Верхнее управленческое звено торгово-ремесленных корпораций по-прежнему состояло из главы цеха (*хантоу*, *бантоу*, *шоуши*, *чжиньянь шоуши*) и выборных старшин (*чжунань*), составлявших правление или совет (*чжуан*, *цзочжуан*). Его опорой служила богатая верхушка — владельцы мастерских и лавок (*чжунжэнь*, *пу-чжу*), подрядчики по найму рабочей силы (*лаобань*), а также наиболее искусные и старые мастера (*цзян*, *ши*), имевшие учеников. На следующей ступени стояла основная масса полноправных членов корпорации (*гунцзян*, *цзянху*). Их нижний слой составляли наемные ремесленники (*гугун*, *гунжэнь*) — постоянные и временные (*чангун*, *саньгун*). Обе эти группы имели право голоса на общих собраниях цеха. На последней ступени этой социальной лестницы находились неполноправные — подмастерья (*бан*, *банцзо*) и ученики (*ту*, *сюэту*). Очерченная выше принципиальная, или «типовая», структура цехогильдий отнюдь не исчерпывала огромного многообразия местных и профессионально-отраслевых модификаций корпоративного устройства, закрепленного в цеховых уставах (см. [255, с. 199—207]).

На тех же основах строилась структура торговых и ростовщических гильдий, но с несколько иной иерархией на средней и нижней ступени: владельцы «фирм» и лавок (*дунцзя*, *цайдун*), их управляющие (*чжангуй*, *цзинли*), приказчики (*хоцзи*) и ученики (*туди*) (см. [225, с. 58—62, 91—92]). Аналогичная система подчинения с различными модификациями действовала и внутри каждого отдельно взятого заведения, будь то торговая «фирма», «контора» (*хан*, *чжуан*, *цзюй*, *хао*), обычная лавка (*дянь*, *пу*), ломбард, мастерская или разменно-табачная лавка (*яньцяньпу*).

Резкое усиление экономической экспансии держав после японо-китайской войны 1894—1895 гг. сделало более тревожным положение цехогильдейской среды. Городское ремесленное население ненавидело «заморских дьяволов» как «виновников» конкуренции более добротных и дешевых фабричных товаров. Усиление иностранного импорта для многих ханов и банов означало сокращение производства и гильдейской торговли. Для некоторых корпораций (прежде всего для цехов хлопкопрядильщиков) стоял вопрос о самом их существовании. Неудивительно поэтому, что баны, ханы и гунсо активно участвовали во всех организованных буржуазией и шэньши антииностранных экономических движениях начала XX в. В борьбе с фабричной конкуренцией цехогильдии

охотнее всего пользовались таким средством, как антииностранный бойкот. Подобная форма проявления общественного мнения городской среды в условиях того времени представляла большую силу. Так, в 1905 г. городские корпорации Юга были одним из инициаторов антиамериканского бойкота. Они же явились активными участниками антияпонского бойкота 1907—1908 гг. на юге Китая (см. [58, т. 2, с. 497—501]).

Участие цехов и гильдий в указанных движениях возрастало по мере ухудшения для них общей конъюнктуры. Быстрее всего слабели те ханы и баны, чья торговля подрывалась растущим импортом или конкуренцией фабрик. Особенно заметно падало значение корпораций, торговавших хлопчатобумажными изделиями. Более устойчивое положение сохраняли гунсо, хуэйгуани и ханы, связанные с экспортной торговлей (чаеоторговцы, торговцы шелком).

В период либерально-конституционного движения (1906—1911) и особенно во время революции 1911—1913 гг. цехогильдии в противовес передовой части буржуазии выступали против слома экономической изоляции провинций. Корпорации были против введения единой национальной валюты, унификации системы мер и весов, централизации железных дорог и т. д., поскольку реформы такого рода пошли бы на пользу их основному конкуренту — современным формам капитализма. Выступая за сохранение хозяйственной разобщенности различных частей Китая, цехогильдии всех мастей стремились максимально сократить возможность свободной конкуренции, подрывавшей их средневековые привилегии на местном рынке. Против единой метрической и денежной системы выступал и ростовщический капитал (в лице своих корпораций). Переводным конторам, меняльным лавкам и ломбардам единый денежный рынок сулил опасность усиления конкуренции со стороны современных форм кредита. И тем не менее развитие капитализма в городах отчасти влияло на цеховую и гильдейскую верхушку. Приносившаяся к новым формам экономической жизни, корпорации начиная с 1903—1904 гг. стали вступать в торговые союзы (*шанхуэй*) на правах ассоциированных членов. Это позволяло им, помимо всего прочего, использовать указанные организации для отстаивания своих традиционных средневековых прав. Вместе с тем корпоративная система реагировала на рост своей внутренней дифференциации и по-средневековому. Так, в начале XX в. продолжалось выделение и отпочкование особых (часто называемых «восточными») корпораций (*дунхан*) предпринимателей и торговцев в противовес объединениям основной массы ремесленников данной профессии («западным» ханам) см. [255, с. 204—205]).

В предсинайское десятилетие (1901—1911) еще жестче обозначился перелом в судьбах мелкооварного ремесленного уклада, начавшийся в конце XIX в. Однако эволюция в данной области экономики в отличие от крестьянской промышленности приняла иное направление. В начале XX в. усилилось отставание деревни

от города вообще и в промысловой сфере в частности. С распадом старого, полунатурального быта в сельских промыслах шло быстрое расширение мелкотоварного уклада. Городские же цехи переживали с конца XIX в. более высокую стадию социально-экономического развития. Мелкотоварное производство здесь разрушалось, уступая шаг за шагом место разного рода раннебуржуазным формам.

При сохранении всех институтов цехогильдейской организации в 1894—1914 гг. происходило постепенное ослабление ее экономического базиса. Шел рост капиталистических отношений внутри самих корпораций, росло применение наемного труда. Простояние хозяев и работников постепенно выступало на поверхность. Сокращался объем мелкотоварного производства и мелкой торговли под влиянием предпринимательских форм производства как вне цеха, так и внутри его.

Первая промышленно-торговая перепись 1912 г.² показала, что резко сократившееся за вторую половину XIX в. мелкое городское производство охватывало свыше 2 млн. «ремесленных дворов» (*цзянху, цзиху, чжиху*) с 13 млн. занятых в производстве (см. [58, т. 2, с. 431—432]). Обычно в производстве среднего *цзянху* было занято до пяти членов семьи. Следовательно, общее число семейных работников в китайском городском ремесле в то время составляло примерно 10 млн. человек, остальные же 3 млн. были нанятыми работниками (*юнгун, гугун*). Иными словами, удельный вес наемного труда в цеховом ремесле тех лет, видимо, не превышал 23—25% общего числа занятых (в среднем 1—2 рабочих на двор).

В ряде отраслей масштабы применения «ремесленными дворами» наемного труда были более значительными. В сахароварении на *цзянху* приходилось в среднем по 52 работающих, в кирпично-черепичном производстве — по 14, в суконном и спичечном — по 12, в производстве лаковых и резных изделий этот показатель составлял 10—11, в обработке полудрагоценных камней и шелкохлопчаткачестве — 10, в шелкоткачестве — 9, в винокурении, хлопчаткачком, полотняном, фарфорово-керамическом и в производстве индиго — 7—8. В указанных отраслях многие «ремесленные дворы» уже представляли собой мелкие капиталистические мастерские, основанные на семейной кооперации, а иногда даже небольшие мануфактуры (например, сахароваренные или кирпично-черепичные). Об этом свидетельствовали и данные о годовой валовой продукции: в 1912 г. по 30 обследованным отраслям в среднем на *цзянху* она составляла более 2 тыс. юаней (см. [58, т. 2, с. 431—432]).

Сфера мелкотоварного уклада в китайских городах начала XX в. заметно сокращалась. Однако продукты его распада лишь частично поглощались мануфактурой и фабрикой, что усиливало перенаселенность городов. При общем сокращении объема ручного производства кризис его средневековой организации еще в конце XIX в. достиг такой стадии, когда дальнейшее существование,

а тем более частичное развитие дофабричной промышленности стало зачастую возможным только за счет предпринимательских форм. Во многих отраслях лишь раздаточная система, мастерская и мануфактура еще могли с трудом держаться против наплыва фабричных товаров. В сложившихся условиях переход к различным раннекапиталистическим формам стал императивом во всех отраслях ручного производства Китая 1894—1914 гг., особенно в приморских провинциях.

Этот переход в городе (как и в деревне) был связан с некоторым прогрессом отдельных видов мануфактурной техники, наметившимся еще в конце XIX в. Выше уже говорилось о последовательном распространении на Юге, Юго-Западе и Севере Китая более производительных хлопчаткачковых станков (*гаоцзи, ласоцзи и телуньцзи*). Аналогичный процесс шел и в шелкомотании. В Шаньдуне и Фэнтяни для размотки коконов дубового шелкопряда с 1902 г. стали применяться станки западного образца на ножном приводе, постепенно вытеснявшие старые деревянные устройства, приводившиеся в движение рукой [178, с. 82]. С 1906 г. началось использование японского железного хлопкоочистительного станка. После того как в Шанхае, Тяньцзине и Ханькоу было налажено его местное производство, он получил распространение в ряде районов, в том числе и в Хубэе, Шаньси и Хэнани. Технические улучшения наблюдались и в некоторых других отраслях. Все эти сдвиги отразились на организации производства, особенно в текстильных отраслях приморских районов и бассейна Янцзы.

Распространение в городах усовершенствованной и новой техники вкупе с переходом ткачей на покупную фабричную пряжу сделало хлопчаткачество (и сопутствующие ему промыслы — сновальный, мотальный, красильный) в начале XX в. выгодным полем деятельности. Вызванные этим социальные процессы (активизация разного рода скупщиков и постепенное подчинение непосредственных производителей торговому капиталу), рассмотренные выше применительно к деревенскому ремеслу, были характерны и для города, где они также подготовили почву для развития (с начала XX в.) раздаточной системы.

Организация последней не требовала крупных вложений, что делало подобный метод эксплуатации весьма привлекательным для только что нарождавшейся очень разнородной предпринимательской среды. Слабостью индивидуальных капиталов объяснялась и такая характерная черта того времени, как стремление предпринимателей к групповой деятельности путем создания разного рода торговых союзов (*шанхуэй*), «ткацких бюро» (*бучжун*), «торговых фирм» (*шанхао*) и т. д. Наибольшее распространение раздаточная система получила в хлопчаткачестве вокруг «открытых» портов (Шанхай, Нинбо, Фучжоу, Шаньтоу), особенно в их пригородах. Тысячи ткачей работали там на дому на скупщиков, в роли которых выступали «ткацкие фирмы» (*буньянхан*), «конторы» (*бучжуан*), «лавки» (*будянь*), получая от них сырье и сделанную заработную плату (см. [213, с. 230—236, 239]). Часть продук-

ции, а иногда окончательная ее отделка производилась в создаваемых торговым капиталом мастерских. Перед революцией 1911—1913 гг. торговые союзы и «конторы», прежде всего на Севере, закупали усовершенствованные станки и создавали в городах профессиональные школы различных типов, в которых ткачи осваивали новую технику.

К концу рассматриваемого в книге периода в массовых текстильных отраслях довольно явственно просматривались результаты буржуазной эволюции. Так, в среде «хлопкоткацких дворов» (*цзиху*) удельный вес наемных работников приближался к 30% всех занятых в производстве. Наиболее заметным социальное расслоение было в шелкоткачестве. На зарегистрированных в данной области в 1912 г. 24 тыс. «дворов» (*чжиху*) приходилось примерно около 100 тыс. наемных рабочих (около 40% всех занятых) [58, т. 2, с. 431]. Кроме того, многие тысячи надомников работали по городам (и деревням) Цзянсу, Чжэцзяна, Гуандуна, Фуцзяни на «шелковые фирмы» (*чоучжуан*, *чоухан*), «счетные конторы» (*чжанфан*)³ и «магазины» (*чоухао*, *чоудуань*). В шелкообработке, как и в других текстильных промыслах, внедрение раздаточной системы сопровождалось интенсивным использованием детского и женского труда как наиболее дешевого при простейших операциях (намотка, размотка, сортировка).

Параллельно с расширением раздаточной системы многие «шелковые фирмы» организовывали собственные предприятия. Так, действовавшие в Сучжоу «фирмы» в 1899 г. выступали лишь как центры раздаточной системы, но уже к 1911 г. 57 из них, продолжая эксплуатировать прежним методом приблизительно 1 тыс. «шелкоткацких дворов» с 3—4 тыс. занятых, создали и свои мастерские, оборудованные 1,5 тыс. станков и производившие 40 тыс. штук ткани ежегодно [58, т. 2, с. 428].

Подобное соединение мануфактуры и раздаточной системы, при котором наемный надомный труд часто выступал в качестве придатка мануфактурного производства, было довольно распространенным явлением в приморских провинциях (на данном принципе была построена, в частности, и система вайкуан в шелкопрядении Шаньдуна).

Аналогичным образом использовался труд наемных надомников и фабриками (как китайскими, так и иностранными), превращавшими ручную промышленность в поставщика полуфабрикатов, заготовок и тары. На подобной основе организовывалось, например, склеивание спичечных коробков, пачек для сигарет, изготовление шерстяной пряжи, шляпной соломки, деревянных строительных заготовок, мелких, несерийных слесарных деталей и др.

Можно констатировать, таким образом, что шел довольно широкий процесс изменения социального положения «ремесленных дворов» (в том числе и мелких семейных мастерских), вынужденных все чаще переходить от производства на рынок к работе на скупщика или же к наемному надомному труду (на сдельщине). Причем по степени распространенности наем в массовых текстиль-

ных промыслах все еще далеко уступал торгово-ростовщической эксплуатации скупщиками зависимых от них кустарей. К 1914 г. торговый капитал в дофабричном производстве все еще резко преобладал над промышленным. Авансирование, выдача займа, постоянная скупка изделий и продажа сырья оставались основными формами подчинения капиталом цеховых ремесленников.

Основными особенностями развития капитализма в ручной промышленности Цинской империи, довольно отчетливо выявившимися к концу первого десятилетия XX в., были замедленность перехода от низших форм к высшим (от надомной работы — к мануфактуре и от нее — к фабрике), преобладание раздаточной системы, низкий удельный вес централизованных предприятий, общая слабость мануфактурного капитала. Удельный вес рабочих мастерских и мануфактур по основным отраслям (шелкоткачество, шелкопрядение, хлопкоткачество, чайная, бумажная, фарфорогончарная промышленность и др.) в 1912—1913 гг. составлял менее 4% занятых в производстве, в большинстве же других отраслей он был значительно ниже [178, с. 76—77].

Наиболее показательной в данном отношении была самая массовая отрасль — хлопкоткачество. Переход от раздаточной системы к мануфактуре в этой сфере серьезно тормозился сильной конкуренцией импортных, в том числе японских, а также и местных машинных тканей. Фабричная конкуренция постоянно грозила разорением хозяевам кустарных предприятий, тогда как скупщики-раздатчики имели возможность при ухудшении конъюнктуры быстро изъять свои капиталы из производства, неся минимальные потери. Указанный фактор ставил значительные преграды превращению скупщика в мануфактура, что вело к закреплению в хлопкоткачестве господства своего рода «рассеянной кооперации» без радикальных изменений в самом процессе производства. На долю централизованной мануфактуры и мастерской в 1912 г. приходилось менее 1% всех занятых в этой отрасли, тогда как в гончарном, фарфоровом и хлопкопрядильном производстве аналогичный показатель был равен 12—13%, а в чаеобработке — 9% [178, с. 77]. Всего в стране к 1913 г. насчитывалось 974 хлопкоткацких мастерских и мануфактур, на которых было занято лишь 26 тыс. ткачей [58, т. 2, с. 432—433]. Среди них абсолютно преобладали мелкие заведения. Лишь у 142 мастерских и мануфактур средние показатели были относительно высокими: количество станков на одно заведение равнялось 89, число рабочих — 156, а размер капитала доходил до 10 тыс. юаней [416, с. 347; 417, с. 25].

В то же время следует подчеркнуть, что начало XX в. было для Китая периодом довольно интенсивного развития высших форм ручной промышленности. На волне промышленного подъема 1905—1908 гг. и антииностранных движений на средства шэньши, помещиков и торговцев было основано значительное количество хлопкоткацких мануфактур, в том числе оснащенных и ножными станками. По неполным данным, за предреволюционное десятилетие было создано до 300 таких предприятий [336, с. 111]. Однако

1909—1911 годы для данной отрасли, как и для большинства других, были временем ухудшения конъюнктуры и спада, особенно сильно ударившим по хлопкоткацким мануфактурам Цзянсу, переживавшим целую полосу банкротства.

Развитие предпринимательства и появление большого числа мануфактур с конца XIX в. (особенно в период промышленного подъема 1905—1908 гг.) были характерны вообще для большинства отраслей ручной промышленности. Наибольшим был подъем в маслоделии, текстильном и мукомольном производстве. Экспортные отрасли (шелкообработка, производство чая, маслоделие), где удельный вес мастерских и мануфактур был значительно выше среднего, с конца XIX в. испытывали усиливавшуюся конкуренцию. Ее воздействие вело к тем же результатам, что и в иных сферах экономики: гибло мелкое производство, выживали и развивались централизованные мануфактурные формы.

В шелкообработке свертывание производства «ткацких дворов» приняло массовый характер в начале XX в., когда сужение внешнего рынка в связи с сильной конкуренцией японских и отчасти итальянских шелковых тканей привело к ухудшению конъюнктуры. Разорение шелкоткачей в Китае ускорилось понижением цен на готовые ткани при вздорожании шелковой нити в связи с выкачкой сырья (коконов и пряжи) за границу. На развитии шелкомотания серьезно сказывались резкие колебания цен мирового рынка в связи с изменениями моды в Европе и Америке. Так, в 1906 г. цены на шелк поднялись на 35%, а в 1907 г. — на столько же упали [196, с. 290].

В китайском экспорте ручная шелковая пряжа постепенно вытеснялась пряжей фабричной размотки. Вывоз первой через Гуанчжоу за 1891—1901 гг. сократился более чем в 4 раза, а второй увеличился в 2,5 раза [69, т. 1, с. 177].

В результате воздействия всех указанных факторов в шелкообработке усилилась дифференциация мелких товаропроизводителей при укреплении позиций мастерских, мануфактур, раздаточной системы «шелковых фирм» и «счетных контор». Последние в отличие от простых чжиху были круглый год обеспечены сырьем и имели рынок сбыта продукции.

Разорение «шелкоткацких дворов» шло довольно интенсивно, в результате чего при росте предпринимательских форм общее количество занятых в данном производстве сокращалось. В Нанкине и его округе с 1880 по 1900 г. число действующих станков для изготовления атласа сократилось в 6 раз, а станков для выделки парчи — в 10 раз. В Сучжоу из 11—12 тыс. шелкоткацких станков, работавших в 1900 г., к 1912 г. осталось только 4 тыс. (см. [58, т. 2, с. 453; 69, т. 1, с. 429—430]). Тем самым создавалась резервная армия для работы на мануфактурах и фабриках. Общий подъем шелкообработки происходил уже в основном на предпринимательской основе.

Рост мануфактурного шелкопрядения, начавшийся в 90-х годах XIX в., резко ускорился в предреволюционное десятилетие. В дан-

ной отрасли развитие предпринимательских форм достигло наибольшего размаха. Только на отмеченных в источниках того времени шелкомотальных мануфактурах и мастерских (*сычан*) было занято около 150 тыс. работников, в основном женщин [178, с. 63].

Значительное падение цен на шелковые ткани сделало их к началу XX в. более доступными для средних слоев населения, особенно в городах, что амортизировало натиск внешней конкуренции. В результате мануфактурное производство упрочило свои позиции и в шелкоткачестве. Если в этой отрасли в конце XIX в. сравнительно крупные предприятия были немногочисленными, то в 1912 г. уже действовало свыше 2 тыс. разного масштаба мастерских и мануфактур, на которых работало до 88 тыс. ткачей. Примерно 26% всех занятых в ручном шелкоткачестве были мануфактурными рабочими (см. [58, т. 2, с. 431—434]).

Центрами наибольшего развития дофабричного капитализма в шелкообработке были юг Цзянсу (Шанхай, Нанкин и Уси), север Чжэцзяна (Ханчжоу и Хучжоу), юг Гуандуна (Гуанчжоу, Фошань и особенно Шуньдэ с его округой) и Яньтай в Шаньдуне. В 1910 г. в районе Гуанчжоу насчитывалось около 180 шелкомотален. На каждой из них работало по несколько сот человек [43, с. 109]. В 1903 г. в уезде Фошань действовало около 100 шелкопрядильных мастерских и мануфактур. На значительной их части было занято по 400—500, а на наиболее крупных — по 800—900 рабочих [58, т. 2, с. 356—357]. Кроме того, к 1908 г. там насчитывалось 20 крупных и 60—70 мелких шелкоткацких мастерских с 2 тыс. рабочих. Однако в период спада 1909—1911 г. большая часть этих предприятий закрылась.

Для шелкообработки Шаньдуна в рассматриваемый период был характерен процесс перемещения размотки коконов как в самих мастерских и мануфактурах (*нэйкуан*), так и вне их (*вайкуан*), т. е. в рамках раздаточной системы, из сельской местности в города. В Яньтае, например, действовало от 33 до 43 крупных шелкомотален. Вместе с тремя небольшими фабриками они нанимали 15—17 тыс. рабочих (см. [58, т. 2, с. 359—362]). Шелкомотальные предприятия организовывались также в Сычуани, Фэнтяни и ряде других провинций, где в период подъема 1905—1908 гг. возникло большое число в основном мелких мастерских (с числом занятых до 10 человек).

К мануфактурным формам производства переходили и другие текстильные отрасли. Так, к 1912 г. в стране насчитывалось 987 швейных мастерских и мануфактур с примерно 15 тыс. рабочих, функционировало 343 красильных, отбельных, трикотажных и вышивальных предприятия с 12 тыс. занятых [58, т. 2, с. 435—436].

В чаеобработке в рассматриваемые годы также заметно усилилась эволюция торгового капитала в промышленный. К концу XIX в. скупка готового чайного листа, а также раздача его для обработки на дом были почти полностью вытеснены переработкой на предприятиях «чайных фирм» (*чаичжуан*). Последние в целом

по стране нанимали сотни тысяч сезонных и постоянных рабочих. По данным переписи 1912 г., на долю чайной промышленности приходилось 30% всех рабочих мануфактур и мастерских. Наибольшее распространение эти предприятия получили в Хунани, Хубэе, Цзянси и Фуцзяни. По 11 провинциям насчитывалось 617 сравнительно крупных «чайных фирм» и «чайных складов» (*чацжань*), нанимавших около 146 тыс. рабочих [58, т. 2, с. 444]. Чаеобработка отличалась от других отраслей крупными размерами предприятий (свыше 200 человек на каждом). Вместе с тем их сезонный характер мешал установлению в данной сфере постоянных отношений найма.

После 1895 г. под влиянием спроса мирового рынка на растительные масла усилилось развитие мануфактурного капитализма и в маслоделении. В этой отрасли к 1912 г. насчитывалось 1,7 тыс. предприятий [58, т. 2, с. 438]. Много новых предприятий такого рода возникло в Гуандуне, Чжэцзяне, Хубэе и в Шаньдуне (в последнем — на базе переработки арахиса). В Шаньси в районе Датуня и Шэньчи работали сотни, а в Цзянсу только в уезде Учзин — около 90 маслобоен [336, с. 110].

Основная же масса предприятий указанного типа данной отрасли приходилась на Маньчжурию, для которой вообще было характерно широкое распространение мануфактурной переработки сельскохозяйственного сырья на вывоз (производство соевого масла, жмыха, водки, муки и вермишели). Большинство винокурен было сосредоточено в северной и западной части Цилини и южной части Хэйлунцзяна (бассейн среднего течения Сунцзяна). К 1910 г. общее количество таких мануфактур в обеих провинциях составляло примерно 240—250 предприятий [213, с. 111]. На первом месте среди них по числу заведений (к концу 90-х годов — 600—800 [154, с. 105—107; 165, с. 28]) и по массе промышленного потребления зерна стояли маслобойни. Они концентрировались в основном в районах среднего течения Сунцзяна. Начало XX в. в связи с расширением спроса на соевое масло и жмых со стороны Японии и ряда стран Европы ознаменовалось определенным подъемом данной отрасли. В Цилини обследование 1910 г. выявило 627 маслобоен, в Хэйлунцзяне — 376 (рассчитано по [20, Прил., табл. 5; 21, с. 96—225, 238—329]). Но уже в следующем году в некоторых районах Маньчжурии деятельность и количество маслобойных предприятий несколько сократились, поскольку вывоз сои в сыром виде на экспорт стал более выгодным, чем переработка ее на месте.

В Маньчжурии были очень распространены и мукомольни. По некоторым данным, в Цилини и Хэйлунцзяне к 1907 г. их насчитывалось около 1 тыс. (не считая тех, что в качестве подсобного производства входили в комплекс каждой винокуренной мануфактуры) [179, с. 10].

С ростом городов мукомольное производство развивалось и в собственно китайских провинциях, особенно в приморских городах и основных центрах зерновой торговли бассейна Янцзы. В Уху

число мукомолен за вторую половину XIX в. выросло с 20 до 100; в Чанша к 1911—1912 гг. оно превысило 600, в Ханькоу — 100 [336, с. 110].

Несмотря на серьезный урон, нанесенный местному производству импортом иностранного сахара, в 1912 г. в Китае насчитывалось 995 сахароваренных и кондитерских предприятий с более чем 11 тыс. рабочих [58, т. 2, с. 442, 444].

В целом в сфере мануфактурной переработки земледельческого сырья в рассматриваемые годы заметно возросла активность обуржуазившихся помещиков, создававших, как правило, мелкие винокуренные, маслобойные и мукомольные предприятия.

Рост новых видов производства, возникших под влиянием Запада или в связи со спросом мирового рынка, был особенно значительным в период промышленного подъема 1905—1908 гг., когда было основано много новых спичечных, мыловаренных, свечных, сигаретных, стекольных мануфактур и т. п. Применительно к концу первого десятилетия XX в. в источниках зафиксировано существование 996 сигаретных (18 тыс. рабочих), 80 спичечных (10 тыс. занятых), а также 80 мыловаренных и свечных предприятий, выпускавших продукцию европейских образцов. Значительной отраслью оставалось также фарфоровое и гончарное производство. В данной сфере насчитывалось свыше 2,2 тыс. мануфактур и мастерских (67 тыс. рабочих) (см. [58, т. 2, с. 437—443]). Основная их масса приходилась на Цзянси (732 к 1912 г.). В расположенном на ее территории «городе фарфора» Цзиндэчжэне в конце XIX в., по данным морских таможен, функционировали 120 печей для обжига, которые обслуживались 160 тыс. рабочих [69, т. 1, с. 333]. Довольно значительное число аналогичных предприятий действовало в Гуандуне, Чжэцзяне, а также в Хунани и Шаньдуне. Однако в целом вследствие иностранной конкуренции, цеховой организации производства, отсталости техники, высокого процента брака, дороговизны топлива и «нехватки капитала» происходило постепенное сокращение выпуска местного фарфора (особенно в Цзиндэчжэне, помимо всего прочего серьезнейшим образом пострадавшем от наводнения в 1904 г.).

В отличие от гончарно-керамического прочные позиции сохраняло бумажное производство (к 1912 г. около 3 тыс. бумагоделательных, бумагообрабатывающих и книгопечатных мануфактур с 43 тыс. рабочих). Следует также отметить наличие 427 кожевенных, 630 деревообделочных мануфактур и 264 предприятий по изготовлению свечей китайского образца (см. [58, т. 1, с. 437—446]).

Развитие капитализма в китайской фабричной промышленности перед революцией 1911—1913 гг. в целом значительно ускорилось. В 1912 г. в стране действовало свыше 16 тыс. мастерских и мануфактур, на которых было занято около 485 тыс. наемных рабочих [58, т. 2, с. 432—433]. Вместе с тем рост более передового машинного сектора усугубил слабость и отсталость мануфактурного производства, в ряде отраслей постепенно уступавшего

дорогу фабрике. Промышленно-торговая перепись 1912 г. выявила в сфере дофабричной промышленности крайнюю слабость крупных форм и полное преобладание мелких предприятий. Среднее число рабочих, нанимаемых мастерской или мануфактурой, составляло примерно 30, а без учета таких отраслей, как чаеобработка и шелкоткачество, — лишь 19 [178, с. 76]. В условиях экономического спада 1909—1913 гг. острее, чем прежде, сказывались техническая отсталость, «нехватка капитала», слабость в конкурентной борьбе с импортными, а также местными фабричными товарами. Следствием этого стали частые банкротства предприятий мануфактурного типа.

В хлопкоткачестве Цзянсу, маслоделии юга Фэнтяни, шелкоткачестве Гуандуна и в других отраслях и районах они не выдерживали фабричной конкуренции. Повышение требований рынка к качеству изделий, вздорожание сырья, снижение рыночных цен, ухудшение сбыта, медленность оборота капитала, необходимость выплачивать высокие проценты за ссуды — все указанные факторы привели в период промышленного спада 1909—1913 гг. к застою в ряде отраслей и закрытию многих мануфактур и мастерских.

Стадиальные сдвиги (от раннемануфактурной ступени к развитой мануфактуре и от нее к фабрике) затруднялись сохранявшимся господством деревни над городом и превосходством земледелия над ремеслом в плане производительности труда. С данным капитальным фактором так или иначе были связаны вялый приток капитала, слабость предпринимательского начала, трудность получения кредита, высокий ссудный процент и негативное воздействие государства. Все это затрудняло, а зачастую делало невозможным подъем на очередную ступень. Раннемануфактурная стадия далеко еще не была для Китая 1894—1914 гг. исторически и практически пройденным этапом. Мануфактура еще не стала производителем техники даже для самой себя. Детальное разделение труда развивалось довольно медленно. Даже в начале XX в. наблюдалось довольно прочное преобладание, гипертрофия низших, отсталых форм, прежде всего широкое распространение надомной работы как самостоятельного явления. Последняя с большим трудом перерастала в рассеянную мануфактуру или же становилась придатком крупных и средних предприятий.

Вместе с тем именно в начале XX в. встал вопрос об исторической смене в Китае мануфактуры фабрикой. Особенно острой данная проблема стала в 1914—1919 гг., практическое же ее решение затянулось еще на несколько десятилетий. Специфика предсиньхайского десятилетия (1901—1911) заключалась в том, что, будучи в ходе естественного развития еще не вполне втянутым в стадию развитой мануфактуры, Китай под воздействием внешних факторов уже оказался на пороге начального перехода к фабрике. В сложившейся коллизии (историческая необходимость и неизбежность замены ручной техники машинной в условиях, когда еще далеко не завершился переход китайской про-

мышленности в стадию развитой мануфактуры) остро проявлялась историческая неподготовленность к подобному скачку мануфактурного капитала Цинской империи.

В большинстве отраслей, в том числе и в шелкопрядении, перерастание мануфактуры в фабрику не играло заметной роли. Китайская мануфактура конца XIX — начала XX в. в целом не стала непосредственной базой машинного производства.

Исключение составляла пищевая промышленность, в рамках которой из мануфактур выросло около 30 фабрик (из числа основанных за 1895—1911 гг.) [178, с. 85]. Большинство их относилось к отраслям, где развитие капитализма началось поздно — в конце 90-х годов (в первую очередь производство соевого масла и бобового жмыха на юге Фэнтяни, а также мукомольная промышленность Цзянсу). Переход к машинам в указанных случаях был обусловлен спросом мирового рынка на соевые продукты и растущих портовых промышленных городов на муку.

В текстильных же отраслях к использованию машин переходили считанные мануфактуры (хлопкоочистительная, а позже прядильная фабрика «Тунцзююань», основанная группой чиновников и шэньши во главе с Янь Синьхоу в Нинбо, и две шелкомотальни — в Саньшэу и Яньтае). Крайне остро давали себя знать дороговизна импортного оборудования и недостаток квалифицированных техников.

Дофабричное предпринимательство к 1914 г. оставалось наиболее «массовым» звеном капиталистического уклада в Китае. На него приходилась основная часть прироста слоя наемных работников различных форм капиталистического производства. К концу рассматриваемого периода в его рамках были заняты несколько миллионов надомников в сфере раздаточной системы, около 3 млн. наемных тружеников из среды «ремесленных дворов» и примерно полмиллиона рабочих в мастерских и на мануфактурах (см. [222, с. 464—465]).

Полуколониальное положение Цинской империи и господство иностранного капитала в «верхних этажах» экономики Китая обусловили известную специфичность процесса формирования местной буржуазии на «нижнем уровне» — преимущественно за счет увеличения числа владельцев мелких и средних предприятий мануфактурного и домануфактурного типа. Хозяева мастерских и мануфактур, различного рода раздаточно-скупочных «фирм», «контор», «лавок», «магазинов» и т. п., комиссионеры и самостоятельные раздатчики, скупщики-посредники и разнообразные мелкие хозяйчики, использовавшие наемную рабочую силу, представляли собой наиболее «массовый» слой формировавшейся китайской «промышленной» буржуазии. Их общая численность к 1914 г. составляла, видимо, несколько десятков тысяч человек. В массе своей они были не столько промышленниками, сколько представителями торгового капитала.

По своему происхождению и социально-экономической природе эта часть буржуазии была теснейшим образом связана с са-

мым старым и наиболее многочисленным компонентом нового складывавшегося класса — торговой средой, и в первую очередь с ее средним звеном.

Представители крупного торгового капитала, в том числе компрადоры, в обстановке роста капиталистического уклада как в национальном, так и в иностранном секторе с конца XIX в. постепенно превращались из средневековых купцов в буржуазию нового времени. Частично перенимая у иностранцев современные методы торговли, помещения и хранения капиталов, формы организации своей деятельности и т. д., городское купечество тем не менее в известном смысле все еще оставалось предбуржуазией.

Спецификой китайского города XIX — начала XX в. оставалось наличие огромной армии мелких и мельчайших торговцев (помимо ремесленников, продававших свои изделия) и уличных менял (*цянчжоу*, *цянтань*). Значительная часть городских жителей была занята в разного рода торговле, как постоянно, так и какую-то часть года. В необлагаемой налогами мелочной торговле искала спасения масса разорвавшихся цеховых ремесленников. Гипертрофия розничной торговли (ручной, с тележек, в ларьках, разносной) в обстановке роста капиталистического уклада приобретала черты мелкобуржуазной переходности. В условиях буржуазной эволюции города в ходе антииностранных экономических движений 1905—1911 гг. и промышленных подъемов 1895—1898 и 1905—1908 гг. эта корпоративная среда постепенно эволюционировала в мелкую буржуазию.

Масса мелких товаропроизводителей, чьи условия жизни и сбыта продукции все более ухудшались в связи с растущей конкуренцией фабричных изделий и усилением фискального гнета, поочередно переносила свое недовольство на иностранцев или на цинскую династию. При возросшей в начале XX в. внешней конкуренции сохранение прежней практики чиновного произвола, ограничительных мер и налогового ограбления ремесла стало более непереносимым, чем прежде, что особенно проявилось в обстановке торгово-промышленного спада 1909—1913 гг.

По сравнению с ручной промышленностью значительно слабее происходили изменения в сфере традиционного кредита. Менее всего перемены коснулись самого многочисленного звена старого ростовщичества — ломбардов (*дяньдан*, *дяньба*, *дяньпу*) и «ссудных контор» (*иньцзюй*). Тех и других в целом по стране в конце XIX в. насчитывалось до 7,5 тыс. Собственный фонд каждого из них в среднем составлял около 20 тыс. лянгов, а их суммарный оборотный капитал (за вычетом налогов и иных отчислений) — 135 млн. лянгов. С учетом частных вкладов их общий кредитный фонд достигал 210 млн. лянгов, ежегодно принося в качестве ростовщического дохода владельцам ломбардов до 20 млн. лянгов, а их вкладчикам — около 9 млн. лянгов [397, с. 193]. В 1894—1914 гг. число как крупных (*дадянь*) и средних (*чжипу*, *данпу*), так и мелких (*чжуаньдан*, *сяояэр*, *ядянь*) заведений такого рода постоянно росло в связи с расширением рыночной экономики и

увеличением потребности в кредите. В то же время хозяева ломбардов (*даншан*, *дяньшан*) и их управляющие (*данцзя*) весьма слабо эволюционировали в буржуазном плане, откупаясь от местной бюрократии приобретением особых лицензий (*данте*), уплатой ломбардного налога (*даншуй*) и взятками.

Денежная реформа 1889 г. привела к медленному сужению сферы обращения весового серебра. С 90-х годов XIX в. и особенно в начале XX в. серебряный юань (с его различными долевыми модификациями) стал постепенно укореняться на денежном рынке страны, тесня лянковые слитки. С переходом к монете западного образца сереброплавильные мастерские (*луфан*, *иньлу*) начали понемногу терять прежнее значение. Серьезный урон нанесли им и различные катаклизмы⁴. Вследствие всего этого многие луфаны, как старые, солидные (*сылу*), так и недавно возникшие (*гуаньлу*), прекратили свое существование.

Система же меняльных лавок продолжала развиваться. В последние годы правления цинской династии в Шанхае насчитывалось свыше 100 цянчжуанов, в том числе 40 крупных (*хуэйхуачжуан*, *датунхан*), а в Гуанчжоу, по некоторым данным, — 273 аналогичных фирмы (*иньхао*) [313, с. 957; 388, с. 10]. В целом по стране в конце XIX в. действовало около 1,6 тыс. цянчжуанов, суммарный ростовщический доход которых ежегодно достигал 32 млн. лянгов [397, с. 193—194]. С конца XIX в. меняльные лавки, особенно Цзянсу и Чжэцзяна, стали испытывать на себе растущее влияние иностранных банков. Так, помимо расширения приемно-кредитных операций цянчжуаны переняли у европейцев дисконт (учет векселей с вычетом процентов за остающееся до срока время) — практику, доселе не применявшуюся в Китае. При кредитовании купцов и компрадоров шанхайские хуэйхуачжуаны все чаще оперировали заемными средствами, получаемыми от иностранных банков. Банковскими правилами, введенными цинским правительством в 1908 г., меняльные лавки были приравнены к современным банкам.

В новых условиях верхушка чжэцзянских ростовщических банов, срашиваясь с торгово-предпринимательской средой Шанхая и юга Цзянсу, становилась значительной силой. Основой постепенно складывавшейся на этой основе так называемой «чжэцзянской финансовой группировки» (*чжэцзянбан*) служили 9 богатейших семейно-родственных групп Шанхая — владельцев крупных меняльных контор (*датунхан*, *дацянхан*). Это были кланы Фан, Ли, Е, Чэн, Дун, Сюй, Янь, Вань и Цинь, происходившие из различных городов Цзянсу и Чжэцзяна. Они же практически контролировали фонды прочих меняльных лавок чжэцзянцев (*сяотунхан*) (см. [60, с. 2, 3, 730—751])⁵.

«Чжэцзянская финансовая группировка» (в просторечии — «Большой нинбоский бан») была второй после иностранного капитала экономической силой в Шанхае, возглавляя «Шанхай цянье гуносо», городскую гильдию менял. Могущество и значение данной группировки определялось не только гигантскими денеж-

ными активами ее меняльных контор (только лишь суммарный годовой доход последних составлял 2 млн. лянв), но и особой посреднической ролью «чжэцзянцев» и их цянъчжуанов, которую они играли в отношениях между иностранным и местным торговым капиталом приморских и центральных провинций Китая. Выполнение указанной компрадорской функции, т. е. кредитование массовых закупок отечественных изделий и сырья, производимых китайскими торговцами по заказу западных фирм или в расчете на их спрос, связь с иностранными банками, оперирование их краткосрочными ссудами, успешное приспособление к новым формам и веяниям экономической жизни «открытых» портов — все это придавало особую силу и значимость «чжэцзянской финансовой группировке». Она пользовалась почетом и вниманием со стороны властей и шэньши, ее расположения и кредитов искали местные купцы и предприниматели. Порождая из своей среды компрадоров, банкиров, фабрикантов и судовладельцев, «Большой нинбоский бан» постепенно срачивался с национальной буржуазией. Достаточно указать таких «чжэцзянцев», перешедших к капиталистическому грюндерству, как миллионеры Янь Синьхоу, Юй Сяцин, Чжу Баосань и др. (см. [205а, с. 156—157]).

Усиление роли чжэцзянских ростовщических банов и рост Шанхая в качестве нового центра кредитно-денежного рынка страны происходили в обстановке периодических деловых подъемов и спадов. Очередная крупная финансовая буря (так называемая «вексельная паника») вспыхнула в Шанхае в 1897 г. Кредитная крайне прибыльную торговлю опиумом и нуждаясь для этого в дополнительных средствах, шанхайские меняльные лавки (*цянъ-лу*) резко повысили процент за вклады, увеличив тем самым их приток. Этим воспользовались темные дельцы, создав для приема вкладов дутые конторы, не способные оплатить наличными свои векселя и особенно чеки (*тепяо*). Последнее вызвало панику среди держателей разного рода платежных обязательств (*ципяо*, *чжипяо*, *чжуанпяо*, *гундань*), в результате чего временно закрылось около 30 кредитных заведений [60, с. 56—57].

Перемещение кредитно-денежного центра страны из Пекина в Шанхай резко ускорило в начале XX в. Переломным моментом в длительном соперничестве Шанхая с Пекином явился ихэтуаньский кризис. Решающий удар финансовому лидерству района Пекин — Тяньцзинь был нанесен в 1900 г. В ходе движения ихэтуаней и интервенции восьми держав были опустошены и сожжены почти все из более чем 300 существовавших тогда в столице цянъчжуанов. То, что не успели забрать повстанцы, прихватили интервенты⁶. Одновременно было разграблено и разрушено множество ломбардов. Ихэтуаньская катастрофа вызвала небольшую панику и на кредитном рынке Шанхая.

Следующий финансовый кризис в Цзянсу разразился в июле 1910 г. Почва для него была подготовлена биржевой спекуляцией акциями иностранных каучуковых компаний. В поисках легкой наживы их раскупали многие представители торгово-денежных

кругов не только Цзянсу, но и других провинций, для чего брались специальные займы и изымались вклады у меняльных контор. Шанхайский «каучуковый» ажиотаж окончился разорением держателей акций и переводом ловко выкачанного капитала за границу. Общие потери и убытки китайских деловых кругов превысили 20 млн. лянв. В Шанхае обанкротились несколько десятков цянъчжуанов, в том числе известный банк Янь Синьхоу «Юаньфэнжунь» (см. [60, с. 74—84, 313, 956]. Волна банкротств в 1910—1913 гг. охватила торгово-финансовые круги Нанкина, Ханькоу, Тяньцзиня, Инкоу и ряда других городов. Ее второй пик был вызван паникой в связи с начавшейся революцией (подробнее см. гл. 2 четвертого раздела).

По-особому складывалась судьба шаньсиских ростовщических корпораций (бан). Понеся в 1900 г. большие убытки из-за разграбления принадлежавших им в Чжили переводных контор (пяохао), шаньсиские банкирские дома постепенно возместили потери и даже укрепили свое положение — за счет как предоставления крупных займов правительству, так и приема, хранения и переводов сумм, поступающих из провинций для погашения ихэтуаньской контрибуции. Подъем пяохао продолжался примерно до 1907 г. (в 1902—1906 гг. через руки пяошанов прошли наибольшие суммы «боксерской» контрибуции). Всего же с 1891 по 1911 г., по приблизительным подсчетам, центральной казной и провинциальными властями было переведено через финансовую сеть страны свыше 154 млн. лянв [372, с. 139]. В основном эти деньги прошли через руки шаньсисцев, так как доля казенных учреждений (гуаньиньхао) и современных банков в данных операциях была невелика.

На рубеже XIX и XX вв. в Китае, по оценкам японских специалистов, функционировало приблизительно 468 заведений пяошанов; 54 из них являлись главными конторами (*цзунхао*), а 414 представляли собой их отделения (*матюу*, *фэньхао*). Свыше 62% их общего числа приходилось на северные провинции, Маньчжурию, Монголию и Синьцзян. Среди провинций больше всего пяохао (120) было в Шаньси. Затем следовали Чжили, Цзянсу, Хубэй и Сычуань. Из городов основными центрами переводных контор были Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Ханькоу и Шаши, на долю которых приходилось 25% всех пяочжуанов (см. [372, с. 98—108]).

Годовые обороты наиболее крупных пяохао при хорошей конъюнктуре в среднем составляли свыше 10 млн. лянв, а в неудачные годы — несколько миллионов. Основную долю переводов при этом составляли казенные суммы. У средних и мелких контор (хуэйдуйчжуан) размеры операций были, естественно, значительно скромнее. Общие же годовые обороты касты шаньсиских банкиров в целом колебались от нескольких десятков до нескольких сотен миллионов лянв. В благоприятные годы чистая прибыль переводных контор трех шаньсиских землячеств (пинбан, цибан, тайбан) превышала 5 млн. лянв [372, с. 142—143]. Основная до-

ля этих дивидендов оседала у нескольких наиболее крупных хуэй-хао.

По оценкам японских экспертов, суммарный капитал 33 шаньсиских контор исчислялся в 30—40 млн. лян, не считая разного рода вкладов, превышавших собственные средства пяошанов в несколько раз и, по оценкам позднейших исследователей, составлявших около 150 млн. лян. С учетом же выпущенных банкнот и других обязательств (на сумму от 20 до 30 млн. лян) общие фонды указанных пяохао в целом приближались к 200 млн. лян [372, с. 141—142].

До создания современной почты в 1896 г. пяошаны осуществляли денежные переводы при помощи чеков или квитанций (*дуйтяо, хуэйцяоань*) в сочетании со специальными доверительными знаками (*фэйфу, фуцзэ*), представлявшими собой условный пароль (*цзунфу, фэньфу*). Несмотря на свой консерватизм, шаньсиские банкиры в первые годы функционирования современной почты активно использовали ее для расширения переводных операций. Однако неуклонное расширение с первых лет XX в. практики перевода денег по почте представителями буржуазно-помещичьих кругов привело к известному падению роли шаньсиских контор. С возрождением в 1894—1895 гг. казенных денежных управлений (*гуаньиньцзянхао*) к ним частично перешли хранение и перевод некоторых казенных сумм, что, в свою очередь, сказалось на доходах пяохао. В сфере переводов государственных средств шаньсисцы стали испытывать растущую конкуренцию со стороны шанхайских меняльных лавок, а также казенных, смешанных и частных банков современного типа, наиболее серьезно ощущавшуюся в Цзянсу, Чжэцзяне, Цзянси и Аньхое. Все большие суммы шли через «Хубу бэнк». Именно через него с 1907 г. в основном шли казенные переводы и погашение ихэтуаньской контрибуции. Росла активность двух новых банков — Китайского коммерческого и Банка путей сообщения.

Прежняя монополия шаньсиских контор на переводные операции уходила в прошлое. Роль пяохао снижалась вследствие роста телеграфных линий, железных дорог и парового сообщения. Перед революцией 1911—1913 гг. цинское правительство практически перешло к хранению казенных сумм в современных банках, что резко отразилось на положении трех шаньсиских банов. Сильнейший удар последним был нанесен свержением монархии в 1912 г. В последующие годы число и сеть пяохао, как и круг их клиентов, резко сократились, что привело к разорению многих пяошанов, а также их пайщиков (*иньгу*) и доверенных служащих (*шэньгу*) (см. [372, с. 56—60]).

Как и ослабление других архаических звеньев традиционной феодально-бюрократической системы Китая, закат шаньсиского ростовщичества был весьма показателен для 1894—1914 гг. — периода растущей интернационализации китайской экономики, усиления капиталистического уклада с его новой инфраструктурой и машинным производством.

Раздел четвертый

СОВРЕМЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ СЕКТОР

Глава 1

ФАБРИЧНОЕ ПРОИЗВОДСТВО.

ПРОМЫШЛЕННЫЕ ПОДЪЕМЫ 1895—1898 и 1905—1908 гг.
БОРЬБА «ЗА ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРАВ»

В истории экономики Китая период после японо-китайской войны 1894—1895 гг. характеризуется заметным ускорением темпов роста фабричного капитализма. В 1895—1898 гг. произошел первый подъем местного предпринимательства. Четырехлетний промышленный бум был вызван не только благоприятной общемировой конъюнктурой, но и в еще большей степени устранением (согласно положениям Симоносекского договора) последних преград для ввоза в Китай машинной техники и иностранных производственных капиталов. Взлет китайского машинного капитализма происходил параллельно резкому усилению иностранного сектора и первой «битве за концессии». Вместе с тем подъем 1895—1898 гг. был отчасти подготовлен всей суммой поступательных процессов второй половины XIX в. Прогрессировавший распад натурально-хозяйственных устоев отчасти освободил жизненные силы, способствовавшие развитию новых экономических форм. Рост мелкоотварного уклада в земледелии и в деревенских промыслах, а также сдвиги в цеховом ремесле расширили питательную среду для капитализма (см. [296]).

За 1895—1898 гг. число фабрик, шахт и рудников, ежегодно вводимых в строй, увеличилось вдвое¹. Всего было основано 80 новых предприятий (с суммарным капиталом примерно 18 млн. юаней), в том числе 62 частных (свыше 12 млн. юаней) [221, с. 495]. Именно с подъема 1895—1898 гг. началась промышленная деятельность таких лидеров национальной буржуазии, как Сун Вэйчэнь, Чжан Цзянь, Шэнь Юньпэй, Чжан Чжэньсюнь, Лю Жэньсян и Чжу Чжияо. Помимо Шанхая и Ханькоу хлопчатобумажные фабрики открывались в Ханчжоу, Нинбо и Сучжоу, шелкоткальные — в Шуньдэ и Яньтае. В Шанхае появились новые паровые мельницы, рисоочистительные, спичечные, бумажные и та-

бачные фабрики. В ряде городов строились альбуминовые, стекольные фабрики и предприятия других отраслей (см. [396]).

Общий подъем захватил также казенное и смешанное предпринимательство, в рамках которых было создано большинство крупных промышленных объектов. Однако именно в эти годы впервые сказалось отставание казенного сектора: на его долю приходилась лишь $\frac{1}{3}$ всех новых инвестиций [234, с. 104].

Всего с 1895 по 1900 г. было открыто 104 предприятия с начальным капиталом 23 млн. юаней. В указанный период развивалась преимущественно текстильная (59 фабрик), а также горнодобывающая промышленность (25 шахт и рудников) [53, с. 657]. Самыми значительными по капиталу были казенные угольные шахты «Наньпяо» в Жэхэ, «Хубэйское прядильное бюро» хугуанского² наместника Чжан Чжидуна и казенно-частные Пинсянские шахты в Цзянси. В частном секторе выделялись Бэйхайские угольные копи (Гуандун), текстильное предприятие видного шэньши и миллионера Чжан Цзяня «Дашэн» (Наньтун), винокуренная компания буржуа-резидента Чжан Чжэньсюня «Чжаньюй» (Яньтай) и ряд шелкоткацких фабрик в Шанхае и Сучжоу.

Благоприятная экономическая конъюнктура, рост прибылей и патриотические призывы к борьбе против наплыва иностранных товаров привели к значительному притоку капитала в текстильную промышленность. Если до японо-китайской войны местные фабриканты делали упор на хлопчаткачество, то в последующий период инвестиции устремлялись главным образом в машинное прядение. С 1893 по 1899 г. количество ткацких станков на национальных предприятиях увеличилось менее чем на $\frac{1}{3}$, тогда как число веретен — более чем в 4 раза [382, с. 368]. За 1896—1899 гг. были основаны 8 частных хлопкопрядильных фабрик (в том числе в Учане, Наньтуне и Уси), оснащенных 162 тыс. веретен. В результате общее количество веретен в национальном секторе промышленности возросло до 337 тыс. Из них 57% были сосредоточены в районе Шанхай — Уси — Наньтун (см. [368, с. 263—264; 382, с. 138—139]).

Подъем наблюдался и в шелкообработке. В Шанхае к 1901 г. действовали уже 28 механических шелкопрядильных, оснащенных примерно 8 тыс. механических мотовил (чэ), на них были заняты около 20 тыс. рабочих. 5 аналогичных предприятий функционировали в Шаосине, Чжэньцзяне и Сучжоу. Наибольший рост шелковой промышленности отмечался на юге Гуандуна. «Машинные шелкопрядильни процветают, и качество производимого ими шелка гораздо лучше, нежели у изготовляемого старым (т. е. ручным. — О. Н.) способом», — отмечали чиновники морских таможен [69, с. 196]. Всего в Гуандуне за 1895—1900 гг. было открыто 28 шелкообрабатывающих фабрик (см. [53, с. 896—898]).

Определенные сдвиги наметились также в пищевой промышленности. В 1899—1900 гг. шэньши Сунь Досэнь создал в Шанхае мукомольную компанию «Фуфэн». Одновременно там открылась паровая мельница «Хуасин» компрадора Чжу Дачуня. Быст-

ро росло национальное предпринимательство и во многих других отраслях.

Контрастировавшее с этим ослабление казенного сектора сказывалось не только в падении удельного веса инвестиций, но и в хозяйственной нежизнеспособности ряда предприятий. Наиболее ярким примером этого была работа Ханьянского металлургического завода. Разбросанность трех его основных объектов (собственно Ханьянский завод, железные рудники в Дае, Мааньшаньские, а затем Пинсянские угольные копи), чиновничья коррупция и хищения все более ухудшали состояние дел. «Доменные печи пустуют, — сообщал один из современников, — и вообще, как кажется, работы производится больше напроказ, дабы не останавливать совершенно завода» [169, с. 383].

В 1894 г. предприятие прекратило работу из-за финансовых трудностей. К 1896 г. казна израсходовала на него около 6 млн. лянгов, однако результаты были ничтожными [368, с. 267]. Чжан Чжидун считал невыгодным поддерживать свое детище и передал дело группе предпринимателей из чиновничьей среды во главе с Шэн Сюаньхуаем. В 1896 г. завод из казенного был преобразован в смешанное предприятие — частную компанию под контролем казны (гуаньду шанбань). Несмотря на то что с потерей правительственных дотаций завод стал испытывать большую потребность в средствах, Шэн Сюаньхуаю и акционерам удалось сдвинуть дело с мертвой точки. В последующие годы было собрано несколько миллионов лянгов акционерного капитала и заемных средств. В 1898 г. начали действовать угольные шахты в Пинсяне, что заметно облегчило работу завода. В 1899 г. был получен германский заем, а в следующем году — подписан первый контракт с заводами Явата на ежегодную поставку 50 тыс. т железной руды из Дае в Японию. В результате полученных через «Йокогама Спэши Бэнк» авансов дела компании наладились. В 1900 г. завод выплавил около 26 тыс. т чугуна, шедшего на изготовление рельсов (см. [407, с. 71—76]). Пинсянские шахты давали 100 тыс. т угля в год. Тем не менее разбросанность трех основных объектов Ханьпинского комплекса резко снижала его эффективность. Пинсянский уголь и даеская руда по железнодорожным веткам (Чжучжоу — Пинсян, Тиешань — Шихойяо) подвозились к пристаням, перегружались на баржи и доставлялись по Сянцзяну и Янцзы в Ханьян. Все это сказывалось на себестоимости выплавляемого металла (см. [471]). В целом успешно шли дела и у китайской до 1901 г. «Кайпинской горной компании», ежедневно добывавшей 2 тыс. т угля [393, с. 51].

Подъем 1895—1898 гг. стал важной вехой в истории китайского капитализма. Именно с данного времени практически началось развитие национальной фабричной промышленности. В 1899—1900 гг. подъем стал постепенно сходить на нет, но определенный перелом уже был достигнут. Всего в стране к началу XX в. действовало около 204 механизированных предприятий, принадлежавших китайцам. Постепенно росла местная буржуазия и околобур-

жуазная среда, в которую все более втягивались шэньши, чиновники, кандидаты на должности (*хоубу*) и отчасти новая интеллигенция.

В дальнейшем, несмотря на продолжавшийся рост мануфактурного предпринимательства, ведущая роль в пока еще очень слабом и непропорционально развитом капиталистическом укладе постепенно переходила к машинным формам промышленности и транспорта как в иностранном, так и в национальном секторе. В целом в рассматриваемый в книге период темпы развития китайской фабрики заметно ускорились. Если без малого за 30 лет (1872—1900) было создано 204 национальных предприятия, то за последующие 13 лет (1901—1913) — более чем вдвое больше — 445 фабрик, шахт и рудников [52, с. 1182; 53, с. 654].

Особенностью начала XX в. стало дальнейшее падение некогда ведущей роли правительственного и казенно-частного предпринимательства. По темпам развития казенная промышленность (гуаньбань) еще значительно, чем в 1895—1898 гг., отставала от частной (шанбань). С 1901 по 1913 г. в гражданских отраслях было основано только 36 государственных и 32 смешанных объекта, т. е. примерно в 5, а по сумме инвестиций — почти в 3 раза меньше, чем в частном секторе [234, с. 104]. В эти годы центральной казной и провинциальными властями было построено еще несколько военных заводов и арсеналов, в основном небольших. Кроме того, некоторые из основанных ранее арсеналов были расширены. В общей сложности в 1904—1913 гг. действовало 19 военных предприятий (вместе с построенными ранее) [53, с. 466—467]. Основу государственного сектора составляли предприятия, созданные в период «самоусиления», в первую очередь крупные военные заводы (Цзяннаньский и Хубэйский арсеналы, Мавэйские верфи, Тяньцзиньские механические мастерские), а также арсеналы средних размеров (Шаньдунский, Сычуаньский, Цилиньский). Несмотря на крупные капиталовложения правительства и принятые им меры по упорядочению деятельности военных предприятий, их рентабельность все более падала. Сам Пекин все более предпочитал закупать высококачественное оружие и боеприпасы за границей, прежде всего в Германии и Англии — у фирм Круппа и Армстронга.

Военная промышленность вынуждена была еще с конца XIX в. начать выпуск ряда изделий (в том числе потребительских) на продажу. Параллельно шло создание казенных предприятий в гражданских отраслях с производством на рынок. Известный подъем государственного сектора в 1905—1909 гг. (было открыто 29 предприятий) не изменил общей картины его постепенного упадка, хотя в указанный период казной были построены такие значительные объекты, как цементный завод в Гуанчжоу и Ханькоуская бумажная фабрика. Из вновь создаваемых наиболее крупными по своим фондам по-прежнему оставались смешанные предприятия и компании (гуаньду шанбань, гуаньшан хэбань), среди которых выделялись Таншаньский цементный завод «Ци-

синь» (основан в 1906 г.), суконно-кожевенная фабрика «Пули» в Пекине (1907) и Гуанчжоуская электрическая компания (1908)³.

До японо-китайской войны 1894—1895 гг. основу смешанного сектора (гуаньду шанбань) составляли две «империи» крупнейших сановников и цзунду — Ли Хунчжана и Чжан Чжидуна. Наместник Чжили Ли Хунчжан контролировал Китайскую коммерческую пароходную компанию («Чжаошанцзюй»), текстильную фабрику «Хуашэн», золотые прииски Мохэ и целый ряд других смешанных и казенных предприятий. В сферу влияния цзунду Хугуана Чжан Чжидуна в разное время входили «Хубэйское ткацкое бюро», Ханьянский металлургический завод, железные рудники в Дае, Пинсянские угольные копи и целая группа казенных объектов и компаний типа гуаньду шанбань. В начале XX в. обе эти «империи» отодвинулись на второй план и уменьшились. Значительная часть их владений («Чжаошанцзюй», Ханьянский завод, Пинсянские шахты и фабрика «Хуашэн») перешла под контроль восходящей звезды казенного и смешанного предпринимательства — уже упоминавшегося Шэн Сюаньхуая, остававшегося при всем том верным слугой Ли Хунчжана и Чжан Чжидуна. Шэн Сюаньхуай сделал головокружительную карьеру — от сююа до министра почт и путей сообщения. Ключевым моментом этой карьеры было назначение его на пост директора казенной «Главной железнодорожной компании» («Управление императорских железных дорог»). Один из ближайших помощников Ли Хунчжана, он совмещал множество должностей, был обладателем целого ряда официальных званий, управителем многих казенных учреждений, сановником, близким к трону, капиталистом-миллионером, крупным землевладельцем и т. д. Его личное состояние оценивалось в несколько десятков миллионов лян [414, с. 84—85, 275]. Он был кумиром бюрократов и дельцов из среды смешанного предпринимательства. К «империи» Шэн Сюаньхуая относились такие предприятия гуаньду шанбань, как Китайский коммерческий банк и Главное телеграфное управление, не считая целого ряда чисто казенных объектов. Сердцевиной его «империи» оставалась «Чжаошанцзюй», в той или иной мере связанная с остальными объектами, а залогом ее процветания — связь с казной и покровительство всемогущих патронов — Ли Хунчжана и Чжан Чжидуна (см. [414, с. 97—102, 189—241]).

На Севере особым вниманием Пекина и буржуазно-помещичьих кругов пользовалась смешанная «Луаньчжоуская угольная компания». Созданная, как уже отмечалось, в 1906—1907 гг. при поддержке тогдашнего наместника Чжили Юань Шикая в качестве противовеса английской «Чайниз Энжиниринг энд Майнинг К°» в Кайпине, она под руководством видного чиновника и капиталиста-миллионера Чжоу Сюэси первое время действовала достаточно успешно. Уже в 1908 г. ее капитал вырос с 2 млн. лян до 5 млн., считая и казенный пай [368, с. 266; 393, с. 112]. Однако в 1911 г. английскому капиталу, использовавшему жесткие прие-

мы конкурентной борьбы, удалось установить над ней свой контроль.

Сходная судьба постигла и Ханьянский металлургический завод. Управлявшая им компания⁴ с 1902 г. вынуждена была заключать с различными банками и фирмами Японии многочисленные соглашения о займах⁵ и поставках руды на японские заводы⁶ по заниженным ценам. В 1911 г., опасаясь национализации предприятия республиканским правительством, Шэн Сюаньхуай заключил с японскими банками соглашение о совместной эксплуатации комбината, которое впоследствии было аннулировано. Тем не менее в 1913 г. завод — гордость национальной промышленности — попал под полный контроль японского капитала.

В целом кризис казенных видов предпринимательства в первом десятилетии XX в. еще более обострился. Доля правительственных и смешанных капиталовложений в общей массе национальных фабричных инвестиций за 1895—1913 гг. составила лишь немногим более 24% (11% — казенные, 13% — смешанные) [234, с. 104]. Не спасали казенный сектор разного рода феодальные монопольные права на производство и сбыт определенных видов продукции, правительственные дотации, субсидии и прочие экстраординарные меры. Цементный завод в Гуанчжоу, например, испытывал сильную конкуренцию английского цемента, привозимого из Гонконга. Спичечные фабрики Цзюцзяна и Цзиньчжоу, созданные в системе казенномонопольных сбытовых компаний, страдали от наплыва дешевой японской продукции.

Почва под казенным сектором все более размывалась и общим развитием частного капитализма в Китае. Провинциальная бюрократия в ряде случаев была вынуждена закрывать казенные предприятия и распродавать их оборудование частным коммерсантам. Так, хугуанский наместник Чжан Чжидун продал чиновнику и капиталисту из Цзянсу Чжан Цзяню большую партию казенного текстильного оборудования (на 700 тыс. лянов) для его хлопкопрядильной компании «Дашэн».

Начало XX в. характеризовалось значительным расширением хозяйственной деятельности местной буржуазии. Объем частных инвестиций в машинное производство в 1901—1913 гг. увеличился почти в 3 раза по сравнению с минувшим тридцатилетием (1872—1900). За указанные 13 лет национальный частный капитал основал 377 фабрик, заводов, шахт, рудников с суммарным фондом около 75 млн. юаней⁷, что составляло 85% всех китайских предприятий, открытых в данный период, и свыше 76% новых капиталовложений [234, с. 104]. Частное предпринимательство стало ведущим началом в развитии национального фабричного капитализма во всех отраслях, за исключением военной и горнодобывающей промышленности, в которых сохранялось преобладание казенных и смешанных предприятий.

В развитии китайской фабрики, как частной, так и казенной, в начале XX в. прослеживаются три этапа: послеихэтуаньский спад (1901—1904), период промышленного подъема и движения «за

возвращение захваченных иностранцами прав» (1905—1908) и экономический кризис 1909—1913 гг.

Спад первых лет XX в. объяснялся мировым экономическим кризисом 1900—1903 гг., приведшим к усилению товарного натиска Запада на рынок Китая. Обусловленные этим сужение сбыта и падение прибылей приостановили национальное фабричное строительство. Сказалась и неустойчивость внутривластного положения Цинской империи в результате ихэтуаньского движения, интервенции восьми держав и опасности окончательного раздела страны (см. [205, с. 251—252]). В итоге за 5 лет (1900—1904) не было построено ни одной китайской хлопкопрядильной фабрики.

Всего в послеихэтуаньские годы, ставшие периодом крайне замедленного промышленного роста, в строй вступило лишь 64 предприятия, в том числе 51 частное. Инвестиции в машинное производство в казенном, смешанном и частном секторе составили лишь около 11 млн. юаней. В 1902 г. были зарегистрированы только 23 фабричные компании, возникшие в этот и предшествующие годы, а в 1903—1904 гг. — всего 11 (см. [53, с. 649, 729; 297, с. 67]).

Некоторое оживление наблюдалось лишь в горнодобывающей промышленности. В 1901—1904 гг. было открыто 7 новых угольных разработок, в том числе очень перспективные Фушунские копи, в 1905 г. захваченные японцами в ходе военных действий в Маньчжурии. Из основанных в указанные годы шанхайских частных предприятий выделялись шелкопрядильная фабрика посредника «Джардин, Мэзисон энд К^о» Чжу Дачуня «Юаньчан», судомеханический завод компрадора Чжу Чжияо «Цюйсинь», типография «Коммершэл пресс» («Шаньу») Ся Жуфана и Бао Сяньча-на, а также Шанхайский коммерческий водопровод («Водопровод китайской территории»). В 1901—1902 гг. будущий «король муки» Жун Цзунцзин основал в Уси и Шанхае две мукомольные компании — «Маосинь» и «Хуасинь».

Если послеихэтуаньский период характеризовался известной пассивностью местной предпринимательской среды, то 1905—1908 гг. прошли под знаком массовых антииностранных движений, развернутых шэньши, буржуазией и прослойкой обуржуазившихся помещиков в целях укрепления своих позиций в современных звеньях экономики (см. [297, с. 72—74]).

Главной причиной такой активности явилось резкое изменение хозяйственной конъюнктуры. С 1905 г. рынок Китая начал испытывать влияние общего экономического подъема, наступившего после мирового кризиса 1900—1903 гг. Существенный импульс к восстановлению благоприятной конъюнктуры дала и русско-японская война 1904—1905 гг., увеличившая спрос на целый ряд фабрикатов, в том числе на хлопчатобумажные ткани и муку. Сложившуюся благоприятную обстановку буржуазные слои Цинской империи использовали для наступления на внешних конкурентов и иностранный сектор в самом Китае [205, с. 252].

Для укрепления и расширения своих позиций в противоборстве с иностранным капиталом китайская буржуазия, шэньши и обуржуазившиеся помещики использовали сохранившуюся после ихэтуаньского кризиса ненависть широких народных масс к «заморским дьяволам». Возглавив патриотические и националистические движения 1905—1911 гг., эти слои сумели направить их в нужное для себя русло преимущественно экономической борьбы. Последняя проходила в форме антииностранных бойкотов и кампании «за возвращение захваченных иностранцами прав», а позже переросла в движение против новых иностранных железнодорожных займов и «в защиту железных дорог».

В 1905 г. в южных и юго-восточных провинциях был организован антиамериканский бойкот, в 1907—1908 гг. в Южном Китае — антияпонский, в 1908 г. в приморских провинциях — антинемецкий бойкот. Центральным моментом этих кампаний был отказ покупать товары соответствующей страны. Такой мерой китайская буржуазия пыталась несколько ослабить внешний натиск, улучшить свои позиции на отечественном рынке, поправить дела национальной промышленности.

Бойкоты и прочие экономические движения начала XX в., будучи защитной реакцией цехового ремесла, одновременно практически играли роль своеобразного «протекционизма» для национальной фабрики, «протекционизма», правда, самодеятельного, временного и, что не менее важно, фрагментарного (бойкоту и иным акциям в ходе конкретной кампании подвергались товары, суда, денежные знаки и т. д. лишь какой-либо одной капиталистической страны).

В ходе бойкотов выдвигался лозунг всемерной помощи китайским предприятиям, создания национальных фабрик, шахт и рудников путем частных вложений патриотов и сбора средств для этого по подписке. Еще более откровенно призыв к мобилизации новых капиталов для дополнительных инвестиций в сферу отечественной промышленности звучал в ходе борьбы «за возвращение прав».

В 1906—1907 гг. в Шаньси и Хэнане была проведена кампания против «Пекин Синдикат» и других иностранных горнорудных предприятий. В 1907 г. в Цзянсу и Чжэцзяне местные торгово-промышленные круги организовали широкое противодействие английскому займу на постройку железной дороги Шанхай — Ханчжоу — Нинбо. В 1908 г. в Аньхое было выдвинуто требование возвращения Тунгуаньшаньских рудников, в Сычуани — Цзянбэйтинских копей, в Шаньдуне — Маошаньских рудников и ряда других месторождений, а также выкупа германской доли в компании «Чжунсин», в Юньнани велась борьба за ликвидацию горной концессии англо-французского «Синдикат дю Юньнань» (подробнее см. [300; 441, с. 407]). Многочисленными были также выступления против новых иностранных концессий, займов и разного рода промышленных и железнодорожных проектов. Подобные массовые и более ограниченные движения имели место в боль-

шинстве провинций. Их важнейшим лозунгом было создание национальных предприятий. Используя патриотические и националистические настроения, шэньши, предприниматели и помещики широко проводили сбор пожертвований, распространяли промышленные и иные акции среди населения. Там, где это было возможно, шэньши через своих представителей и единомышленников из среды провинциальной администрации вводили специальные поборы с населения.

Подобные методы политической мобилизации средств принесли определенные плоды: результатом был довольно значительный приток инвестиций, исходивших из различных слоев общества (торговцев, эмигрантов, помещиков, шэньши, чиновников и т. д.). Наряду с хорошей рыночной конъюнктурой эти денежные вливания, в какой-то мере возмещавшие общую «нехватку капитала», предопределили небывалый промышленный подъем 1905—1908 гг., когда в национальный сектор были вложены десятки миллионов юаней. Инвестиции в машинное производство превысили 61 млн. юаней⁸ частного (более 45 млн.), казенного (5 млн.) и смешанного (свыше 10 млн.) капитала. Рекордным был 1906 год, на который пришлось около 23 млн. юаней капиталовложений (почти в 7 раз больше, чем в 1900 г.). В 1907 г. было инвестировано 14 млн., в 1908 г. — еще 16 млн. юаней [297, с. 68; 234, с. 104].

Экономический подъем 1905—1908 гг. занимает особое место в истории китайского капитализма. По сравнению с предшествующим пятилетием ввоз в Цинскую империю машинного оборудования и инструментов возрос более чем втрое. В 1908 г. он составил в денежном выражении свыше 6,7 млн. юаней (около 1,7% всей стоимости импорта) [53, с. 651].

Всего за указанные годы было создано 238 национальных предприятий, в том числе 202 частных (т. е. втрое больше, чем в предшествующее пятилетие). Ежегодно вступало в строй в среднем 50 частных фабрик, шахт и рудников [234, с. 104].

Антииностранные бойкоты и движение «за возвращение прав» крайне благотворно сказались на росте обрабатывающей промышленности, хотя в данной сфере по-прежнему создавались главным образом мелкие объекты. В 1905—1908 гг. открылись 20 хлопко-ткацких, 17 мукомольных 7 сигаретных, 11 спичечных, 10 мыловаренных и свечных, 9 бумагоделательных и 8 хлопкопрядильных фабрик, а также 16 маслобойных, 13 шелкопрядильных, 13 кирпично-черепичных и гончарно-фарфоровых предприятий. В коммунальном секторе было основано 20 электрических и водопроводных компаний (см. [53, с. 880—916]). Именно в эти годы в большинстве обрабатывающих отраслей возникли наиболее крупные частные предприятия. В их числе были Ханькоуская (даотая Ван Юйфана и купца Сун Вэйчэня) и Учанская (принадлежавшая коммерсанту Чжоу Бинчжуну) электростанции, спичечная фабрика «Даньхуа» в Тяньцзине и прядильная фабрика Чжан Цзяня «Дашэн-2» в Чунмине, суконная фабрика «Шихуэй» (Шанхай) и

основанный одним из управляющих «Империял Бэнк оф Чайна» и ревизором «Чжаошанцзюй» Гу Жуньчаном металлургический завод «Янцзы» (Ханькоу). Именно в эти годы в число крупных капиталистов выбились торговец Цзэн Чжу, Ли Хоую и ряд других дельцов.

В целом господство иностранного сектора к 1909 г. не было поколеблено. Тем не менее национальная промышленность улучшила свои позиции. Так, если в 1903 г. доля китайской машинной пряжи на внутреннем рынке страны составляла 11%, то в 1908 г. — уже 24% [53, с. 1157].

Движение «за возвращение прав» вынудило ряд западных и смешанных китайско-иностранных горных компаний пойти на уступки и согласиться на выкуп их концессий. Выкуп растянулся с 1907 по 1911 г. Он осуществлялся частично за счет как народных сборов и частных пожертвований, так и налоговых поступлений казны (массовый характер движения «за возвращение прав» был достаточно впечатляющим, и цинским властям в центре и на местах пришлось выделить значительные суммы на указанные цели). Всего в качестве выкупа иностранцам было выплачено свыше 9 млн. юаней (см. [53, с. 742, 761; 368, с. 265]).

В 1907—1908 гг. у англичан были выкуплены концессионные права «Пекин Синдикит» («Фугунсы») на копи Цзинси в Фэнтяни, а также на угольные шахты и железные рудники в Шаньси. В последнем случае решающую роль сыграла национальная компания «Баоцзинь» («Охрана Шаньси»), история которой весьма характерна для того времени. Специально созданная местными шэньши, чиновниками и торговцами в качестве противовеса «Пекин Синдикит», эта компания первое время была горной (как и некоторые другие) в значительной мере формально, поскольку главным направлением ее деятельности была не организация добычи угля и железной руды, а закрепление за собой «свободных» месторождений, с тем чтобы не допустить расширения английской концессии. С помощью губернатора провинции эта цель была достигнута. А в январе 1908 г. шаньсиские купцы, шэньши и помещики, собрав при помощи местного казначейства значительные средства, целиком выкупили концессию «Пекин Синдикит» со всеми ее участками (см. [300, с. 260—262; 407, с. 70, 71]).

В том же году была выкуплена и угольная компания «Чжунсин» (Шаньдун), до того контролируемая немецким капиталом.

На базе выкупленных у иностранцев объектов были созданы крупные национальные объединения. Капитал «Баоцзинь» превысил 2 млн. юаней, а «Чжунсин» — 1 млн. юаней, что составляло около четверти фондов китайских горнодобывающих объектов, возникших с 1895 по 1913 г. [53, с. 779].

В 1905—1908 гг. в развитии национального капитализма наступил кратковременный период грюндерства. Министерством земледелия, промышленности и торговли было зарегистрировано создание 93 промышленных компаний, в том числе 21 текстильной, 19 мукомольных, маслобойных и рисоочистительных, 11 сигарет-

ных и спичечных, 9 кирпично-черепичных, 5 мыловаренных и свечных [53, с. 729]. Основная масса их приходилась на бассейн Янцзы. В Цзянсу, где вновь созданных предприятий было особенно много, преобладали текстильные и по производству продовольственных товаров, в других провинциях в долине Янцзы — такие же, а также керамические, в Северном Китае — сигаретные, мыловаренные и свечные.

В сфере горной промышленности за указанный период было основано 18 угле- и 13 рудодобывающих предприятий и компаний (см. [53, с. 870—876]).

Движение «за возвращение прав» в 1906—1908 гг. сопровождалось настойчивыми призывами к населению покупать акции отечественных предприятий (фабричных, горнорудных и железнодорожных) и делать в них вложения. Результатом этого явилось возникновение многочисленных акционерных обществ и товариществ на паях, в том числе с участием казны. Число первых к 1909 г. достигло 154, вторых — 72 [53, с. 738]. С учетом казенного сектора за 1903—1908 гг. (в основном за 1905—1908 гг.) было создано 310 фабричных, горнорудных, торговых, транспортных, страховых и сельскохозяйственных компаний, банков и кредитных обществ с суммарным фондом около 164 млн. юаней. Общий объем промышленных инвестиций в смешанные китайско-иностраные предприятия за период подъема приближался к 16 млн. юаней [26, с. 104; 53, с. 738, 835].

В последующий период (1909—1913) подъем сошел на нет. Наблюдалось снижение деловой активности буржуазии, шэньши и помещиков.

В указанные годы более или менее развивалась горнодобывающая промышленность, главным образом за счет реализации уступок, вырванных у иностранцев в ходе борьбы «за возвращение прав». В 1909 г. были выкуплены у англичан концессионные права на Тунгуаньшаньские угольные шахты и железные рудники в Аньхое. Перешли в национальный сектор Цзянбэйтинские копи в Сычуани. Германские дельцы отказались от своих прав на Маошаньские рудники в Шаньдуне. Вслед за этим в 1911 г. за выкуп к китайцам перешли горная концессия англо-французской компании «Синдикат дю Юньнань» («Лунсин»), часть немецких предприятий «Шаньдун Бергбау Гезельшафт» и Таньшаньваньские угольные копи в Хубэе, до этого принадлежавшие французскому капиталу (см. [384, с. 157—159; 297, с. 72—73]). Подобная результативность движения «за возвращение прав» прежде всего объяснялась участием в выкупе казны, что, в свою очередь, предопределялось повышенной активностью шэньши и чиновников, составлявших основу горнозаводчиков и доминирующую силу в этой отрасли.

В 1909—1912 гг. было создано также 6 угле- и 9 рудодобывающих китайских компаний и предприятий со значительным участием казны (гуаньшан хэбань) [53, с. 872, 876]. На волне движения «за возвращение прав» продолжали возникать довольно мно-

гочисленные мелкие горные разработки. Национальные компании создавались, как на «чистом месте», так и на базе «возвращенных» концессий (например, копи Цзянхэ в Сычуани и «Датунская горная компания» в Аньхое). Окрепшая в борьбе с «Синдикат дю Юньнань» и реорганизованная в 1909 г. смешанная (гуаньшан хэбань) «Оловянная компания Гэцзю» увеличила добычу руды и построила свой плавильный завод. Ее общий капитал приближался к 3 млн. юаней (на долю частных вложений из них приходилось около $\frac{1}{4}$ [54, т. 1, с. 212]). Следует отметить, впрочем, что лишь на очень немногих из выкупленных китайцами концессиях сразу же начались добыча или подготовительные работы. Большинство же их оставались законсервированными или находились в стадии реорганизации.

* * *

Несмотря на трудности последних лет, вызванные отмеченным выше спадом и политическими бурями Синьхайской революции, китайское фабричное предпринимательство за рассматриваемый в книге период стало заметным экономическим фактором, начавшим в какой-то мере влиять на социальное развитие китайского общества. Без малого за два десятилетия (1895—1913) в национальную машинную промышленность было вложено свыше 120 млн. юаней (в том числе 90 млн. юаней частного капитала), не считая участия в смешанных предприятиях иностранного сектора. К 1914 г. было основано 685 фабрик, шахт, рудников и т. д. (549 сравнительно крупных национальных с начальным фондом свыше 10 тыс. юаней и 136 иностранных и смешанных). С учетом же основанных до 1895 г. фабричный сектор насчитывал около 865 предприятий (649 в отечественном и 216 в иностранном секторе)⁹ [221, с. 496; 234, с. 104].

Как и во всякой полукOLONиальной стране, развитие капитализма в Цинской империи шло в первую очередь за счет легкой промышленности. С 1895 по 1913 г. были построены 175 текстильных фабрик (из них китайскому капиталу принадлежали 160) и 164 предприятия пищевой промышленности (125) [53, с. 3, 657].

Наиболее заметно машинный капитализм рос в хлопкопрядении (следует оговориться, что впечатляющее увеличение ряда соответствующих показателей в целом определялось крайне низким исходным уровнем, достигнутым к 90-м годам XIX в.). За указанные годы общее число веретен на китайских фабриках возросло почти втрое — со 174 до 484 тыс. Из них на Шанхай приходилось 142 тыс. (свыше $\frac{1}{2}$), на юг Цзянсу и север Чжэцзяна — еще 138 тыс. В данном районе было создано 19 прядильных предприятий с суммарным капиталом 10 млн. юаней [382, с. 141].

В рассматриваемый период в отличие от 1864—1894 гг. хлопчатобумажные фабрики строились главным образом вне Шанхая, в хлопкосеющих районах юга Цзянсу — севера Чжэцзяна, т. е. ближе к источникам сырья. Неудивительно поэтому, что станоч-

ный парк увеличился там на отечественных фабриках на 238 тыс. веретен, тогда как в Шанхае — лишь на 7 тыс. веретен. В целом же число их на частных предприятиях Шанхая, Уханя, Уси и Наньтуна возросло в 14 раз. Наиболее преуспевавшей компанией была «Дашэн», руководимая Чжан Цзянем. С 1899 по 1913 г. число веретен на ее двух фабриках в Наньтуне и Чунмине возросло более чем втрое, а чистая прибыль превысила 3 млн. лянвов (см. [26, с. 117; 382, с. 140, 142, 152]). Как уже отмечалось, одной из особенностей рассматриваемого периода был поворот предпринимателей от машинного ткачества к прядению. Фабричная пряжа китайского производства находила сбыт главным образом в Центральном и Северном Китае. Перед Синьхайской революцией на долю национального сектора приходилось 28% всего сбыта пряжи в городах верхнего и среднего течения Янцзы, а на рынках северных портов — лишь около 20% [382, с. 145].

Весьма важной для китайской текстильной промышленности была сырьевая проблема. Превращение Цинской империи в сырьевой придаток мирового рынка, конкретнее — вывоз коротковолокнистого хлопка-сырца, особенно в Японию, создавало серьезные трудности в обеспечении сырьем национальных предприятий. Кроме того, китайские и иностранные фабрики в «открытых» портах все шире переходили к выработке пряжи высоких номеров, что требовало длинноволокнистого хлопка. Поставлять же его в необходимых количествах деревня не могла, так как только начала осваивать возделывание соответствующих сортов. Вследствие этого фабрики Шанхая, Уханя, Уси и Наньтуна были вынуждены закупать дорогой импортный хлопок из Индии и Америки.

Большое распространение машинный капитализм получил также в шелкомотальном производстве, где полностью господствовал частный капитал. С 1895 по 1913 г. капиталовложения в данную отрасль превысили 11 млн. юаней, за счет чего было построено 97 в основном мелких фабрик. Более половины их находилось на юге Гуандуна, остальные — преимущественно в Шанхае. К 1914 г. 49 шанхайских фабрик располагали 13 тыс. «бассейнов» с механическими мотами (чэ). Весьма широкое распространение получили и мелкие шелкомотальни (с начальным капиталом менее 10 тыс. юаней)¹⁰. Только в Яньтае к 1912 г. действовали 37 подобных предприятий, оснащенных более чем 12 тыс. мотами [53, с. 656, 853, 902].

За указанный период в текстильных отраслях было основано, кроме того, 27 красильных, шелко- и хлопкоткацких, а также 17 суконных, полотняных, хлопкоочистительных и тому подобных фабрик [53, с. 894, 902—904]. При этом в хлопкопрядении ведущую роль играли дельцы Цзянсу и Чжэцзяна. Их лидером был Чжан Цзянь (предприятия в Чунмине и Наньтуне). Крупные вложения в эту отрасль имели кандидат на должность даотая Чжу Юхун (фабрики в Шанхае и Чаншу), Янь Синьхоу и секретарь государственной канцелярии Гу Юаньчэнь (Нинбо). Видными фигурами здесь были также Пан Юаньцзи (Ханчжоу) и придворный

церемониймейстер Лу Жуньсян (Сучжоу). В шелкопрядении выделялись шанхайские предприятия Чжу Дачуня («Юаньчан») и торговца шелком Тан Синъюя («Жэньчан»).

В пищевую промышленность за 1895—1913 гг. было инвестировано около 19 млн. юаней частного капитала [234, с. 107], преобладали в ней мукомольные, маслобойные и табачные фабрики. Большая их часть возникла в городах долины Янцзы, в первую очередь в Шанхае. Вторым после Цзянсу районом развития пищевой промышленности оставалась центральная и южная часть Маньчжурии (целый ряд маслобойных предприятий в Даляне и Инкоу, 11 паровых мукомолов в Харбине, Нингуте, Чанчуне и Фуцзяне и т. п.) [368, с. 264].

Третьей по значению после текстильной и пищевой была горнодобывающая промышленность. Здесь с 1895 по 1913 г. было основано свыше 80 китайских шахт, рудников, приисков и плавильных заводов (в том числе 41 угольная копь, сумма инвестиций в которые превысила 14 млн. юаней). К 1912 г. китайским и иностранным капиталом разрабатывалось механизированным способом 31 значительное месторождение, в том числе 17 угольных (см. [53, с. 779, 870—876; 54, т. 1, с. 227]).

В частной угольной промышленности ведущую роль в качестве основателей и главных акционеров играли Чжоу Сюэси (Луаньчжоуская компания), Чжан Ляньфэнь (компания «Чжунсин»), даотай Лю Дуцзин и цзюйжэнь Лю Моушан (компания «Баоцинъ»), а также хоусюаньдао Ма Цзисэнь (копи Люхэгоу) [53, с. 922—923]. В металлообработке выделялись капиталы Чжу Чжияо (завод «Цюйсинь») и одного из управляющих Китайского коммерческого банка, Гу Жуньчжана (завод «Янцзы» в Ханькоу).

В остальных отраслях и коммунальном хозяйстве городов частным капиталом за рассматриваемый период было открыто 15 металлообрабатывающих предприятий, 46 электростанций и водопроводов, 26 спичечных фабрик, 22 кирпичных, керамических и цементных заводов, 28 стекольных, свечных и мыловаренных фабрик, 11 кожевенных, 20 бумагоделательных и типографских предприятий (см. [53, с. 870—891, 917—919]). В сфере коммунального хозяйства крупнейшие объекты принадлежали Чжоу Сюэси и Чжоу Бинчжуну. В эту отрасль были вложены также значительные средства компраторов Тан Цзэчэня, Чжу Дачуня и купца Сун Вэйчэня. В кожевенном деле видную роль играл капиталист Лю Жэньсян, а в полиграфии лидировали выходцы из низов Ся Жифан и Бао Сяньчан.

Для частного предпринимательства в Китае было характерно полное преобладание мелких и отчасти средних заведений, что отражало экономическую слабость национального капитала. Многие крупные предприятия принадлежали в основном буржуазной элите — обуржуазившимся шэньши и помещикам, чиновникам и компраторам, использовавшим свои связи с казной и с иностранным сектором.

Из крупных частных объектов с начальным капиталом более

1 млн. юаней каждый выделялись уже упоминавшаяся прядильня Чжан Цзяня «Дашэн-2» в Чунмине, суконная фабрика «Шихуэй», типография «Шанъу» («Коммершэл пресс») и «Водопровод китайской территории» в Шанхае, Ханькоуская и Учанская электростанции, а также кожевенное предприятие «Пужунь» компратора Лю Жэньсяна в Ухане, спичечная фабрика «Даньхуа» в Тяньцзине, «Столичный водопровод» Чжоу Сюэси в Пекине, винокуренная компания «Чжанъюй» Чжан Чжэньсюня в Яньтае.

Слабость промышленного развития Китая в начале XX в. проявлялась и в крайней неравномерности размещения машинного производства. Основными его очагами были «открытые» порты Восточного Китая и долины Янцзы. В большинстве же внутренних провинций, не говоря уже об огромных национальных окраинах империи (Синьцзян, Внутренняя и Внешняя Монголия), современных предприятий либо не было вообще, либо имелись считанные единицы их (преимущественно горнодобывающие).

Развитие фабричного капитализма почти не затронуло Северо-Запад (Шаньси, Шэньси и Ганьсу), а также Юго-Запад (Юньнань, Гуйчжоу и Гуанси). Отсталой в промышленном отношении оставалась Сычуань. Ряд центральных районов (Хунань, Хэнань, юг Цзянси) также сохранили чисто аграрный характер. Даже в наиболее развитых частях империи (Цзянсу, Чжэцзян, Хубэй) встречались значительные области, практически не имевшие механизированных предприятий.

Цзяннань (юг Цзянсу — север Чжэцзяна и примыкавшие к нему с запада районы Аньхоя и Цзянси) в начале XX в. серьезно опередила остальные части страны в экономическом отношении. Восточные приморские области по уровню развития капиталистических отношений в промышленности, на транспорте, в торговле и отчасти в сельском хозяйстве намного обогнали даже такой развитой район, как Гуандун. На Цзянсу к 1910 г. приходилось $\frac{2}{3}$ всех значительных¹¹ фабрик, шахт и рудников. В целом по стране более половины их (82 из 156) располагались в городах долины Янцзы, включая Цзянсу, 44 — в Чжэцзяне, Фуцзяни и Гуандуне, 26 — в северных районах (Чжили, Шаньдун и Фэнтянь) [53, с. 1183].

Юг Цзянсу по числу фабрик занимал первое место в Китае. В 1910 г. там действовали 66 значительных предприятий (48 — китайских и 18 — иностранных). В Шанхае с 1895 по 1913 г. были созданы 83 национальных предприятия с суммарным капиталом до 24 млн. юаней. К 1914 г. в нем насчитывалось 49 шелкопрядильных, 20 хлопкопрядильных, мукомольных и сигаретных фабрик [53, с. 654, 656, 1183—1184, 1190]. На его долю в 1914 г. приходилось около 30% хлопкопрядильных веретен всех китайских частных предприятий [381, с. 86, 116—117]. Шанхай постепенно становился «столицей» буржуазного уклада и основным центром иностранного сектора в Китае, городом капиталистических и колониальных контрастов. На разных правовых уровнях находились, с одной стороны, китайская часть города, в том числе старый

район (Наньши), и, с другой стороны, международный селтлмент с французской концессией. Роскошному Банду с его банками и конторами, оживленной Наньцзиньлу с богатыми магазинами противостояли фабричные и портовые районы (Пудун, Чжабэй, Янцзыпу и другие) с ужасающей нищетой рабочих окраин.

Промышленный район юга Цзянсу кроме Шанхая включал в себя Нанкин, Уси, Сучжоу, Хаймынь и Наньтун. В Уси, например, за 1895—1913 гг. были открыты 12 различных предприятий. В основном промышленном центре Чжэцзяна — Ханчжоу — за указанный период были введены в строй 13 национальных фабрик. В результате на Цзянсу (без Шанхая) и Чжэцзян в 1914 г. приходилось 49% хлопкопрядильных веретен всех китайских частных фабрик (в том числе на Уси и Наньтун — 15%) [26, с. 117; 53, с. 654; 382, с. 141].

Юг Гуандуна все более отставал в своем развитии от южной части Цзянсу. В 1910 г. там, не считая Гонконга, действовали 38 значительных отечественных предприятий. 36 из них находились в Шуньдэ — крупном шелкопрядильном центре. В Гуанчжоу с 1895 по 1913 г. местной буржуазией построено 16 различных предприятий с суммарным капиталом около 6 млн. юаней [53, с. 654, 1183, 1189]. Промышленный район Гуанчжоу — Шуньдэ занимал в Китае того времени второе место после юга Цзянсу, однако периферийность положения снижала его роль в экономической жизни страны.

На третьем месте стоял Ухань (трехградье: Ханькоу, Учан и Ханьян). В 1910 г. в нем действовали 12 значительных предприятий. Всего же там с 1895 по 1913 г. было открыто 28 китайских фабрик, заводов и электростанций, суммарный капитал которых превышал 17 млн. юаней. Сердцем Уханьского промышленного района был Ханьянский металлургический завод со своей «периферией» (Пинсян, Даяе). В Ханькоу в 1908 г. впервые на китайских предприятиях были внедрены жаккардовские станки. На долю Уханя приходилось в 1914 г. 16% хлопкопрядильных веретен всех частных фабрик (см. [53, с. 654, 1183, 1187, 1191; 381, с. 86, 116—117]). В предреволюционное десятилетие район Уханя интенсивно развивался, заметно возросла его роль в народном хозяйстве Китая.

На Севере Китая важным промышленным центром стал Тяньцзинь, где за 1895—1913 гг. были основаны 17 национальных предприятий [53, с. 654]. В «фабричные» города постепенно превращались Далай, Инкоу и Яньтай.

Однако все перечисленные выше районы и города в начале XX в. представляли собой лишь крохотные островки в бескрайнем море деревенской экономики Цинской империи, остававшейся крайне отсталой аграрной страной.

Сохранение феодального землевладения в сельском хозяйстве и средневекового цинского режима тормозило рост внутреннего национального рынка, сковывало развитие жизненных сил китайского общества, способствуя общей слабости местного капитализ-

ма. В наиболее развитой отрасли — хлопкопрядении — по числу веретен Китай стоял в 1913 г. на 17 месте в мире (0,3% мирового парка веретен) [221, с. 514].

Местная фабричная промышленность росла в нем на нищенской технической базе. По данным министерства земледелия, промышленности и торговли, в 1912 г. на китайских предприятиях насчитывалось всего лишь 379 паровых машин, 144 электромотора и 214 других двигателей разного рода. Годовое потребление угля предприятиями страны, включая мануфактуры, составляло лишь немногим более 0,5 млн. т [54, т. 1, с. 15]. Промышленная отсталость Китая была разительной даже среди стран Азии. Цинская империя, по численности населения значительно превосходившая Индию и Японию, вместе взятые, по оснащенности же ведущей индустриальной отрасли — хлопкообработки — значительно им уступала. В Китае хлопкопрядильных веретен было в 7 раз, а хлопкоткацких станков в 6 раз меньше, чем в колониальной Индии; Япония по данным показателям превосходила его соответственно в 2,5 и 3 раза [221, с. 514].

Общая слабость капиталистического уклада в Китае проявлялась в малочисленности крупных предприятий. Из 549 отечественных фабрик, шахт и рудников, основанных за 1895—1913 гг., у 303 (55%) первоначальный капитал не превышал 100 тыс. юаней (50 тыс. у 214 из них). В период подъема 1905—1908 гг. отмечалось некоторое увеличение средних размеров указанного показателя. Если в 1901—1904 гг. он составлял около 130 тыс., а в 1909—1913 гг. — 160 тыс. юаней, то в 1905—1908 гг. превышал 250 тыс. юаней. Однако такими средствами располагало всего 18% всех предприятий, и только 10% обладали фондом свыше 0,5 млн. юаней. С 1895 по 1913 г. было основано лишь 17 предприятий с капиталом более 1 млн. юаней каждое (12 из них возникли в 1905—1908 гг.) [53, с. 1041—1042]. Наиболее значительные промышленные объекты были казенными или смешанными. Крупные отечественные предприятия в частном секторе были редки и в основном принадлежали элите — компрадорам, шэньши или видным чиновникам.

Слабость местного капитала в целом проявлялась и в невозможности производить амортизационные отчисления для замены устаревшего оборудования более современным. Одряхлевшая техника десятилетиями использовалась на предприятиях Китая, работая до полного износа, что порождало частые аварии и массовые увечья рабочих. Техническую базу китайской фабрики целиком составляло иностранное, в большинстве случаев уже устаревшее оборудование. В силу «импорта» фабричной стадии в Китай с самого начала возник глубокий разрыв между употреблением машин и их производством, оставшийся непреодолимым, несмотря на рост местного капитализма, и к концу рассматриваемого периода. Своего машиностроения, за исключением небольших судостроительных верфей и судоремонтных доков, Китай не имел. Среди функционировавших более 20 механосборочных предприятий

преобладали мелкие мастерские, производившие ремонт и сборку некоторых видов машин и механизмов. В оснащении местных фабрик оборудованием они заметной роли не играли. Возникновению национального машиностроения препятствовал иностранный капитал.

Зависимость фабрикантов-китайцев от иностранных компаний и банков складывалась в ходе приобретения импортного оборудования, приглашения технических специалистов, а также получения займов и кредитов. Это давало иностранному сектору возможность направлять развитие местной промышленности в безопасном для своих интересов направлении (преобладание текстильной и пищевой отраслей при ничтожном развитии металлургии и машиностроения). Положение усугублялось слабостью энергетической базы китайской фабрики (крупнейшие шахты и электростанции принадлежали или контролировались иностранцами).

С ростом капиталистического уклада как в национальном, так и в иностранном секторах в начале XX в. ускорилось формирование местного пролетариата. Однако рабочий класс Китая еще не стал серьезным фактором социально-политического развития страны, хотя темпы его роста в силу низкого исходного уровня были довольно значительными.

Из расчета по средним размерам инвестиций, необходимых для создания одного рабочего места в промышленности¹², следует, что с 1895 по 1904 г. в Китае всего было создано около 94 тыс. новых рабочих мест. В 1904 г. численность фабричного пролетариата и горняков национального и иностранного секторов в целом составляла примерно 200 тыс., а вместе с транспортными и иными рабочими — около 250 тыс. (см. [53, с. 896—919, 1184—1192; 225, с. 197]). За 1895—1913 гг. количество фабричных рабочих и горняков возросло в 5—6 раз. Всего к началу Синьхайской революции в Цинской империи их насчитывалось около 500—600 тыс. [234, с. 114]. Иначе говоря, рабочая среда за 1904—1913 гг. численно выросла вдвое. Рост нового класса шел за счет притока в города крестьян и разорения ремесленников.

Наиболее многочисленным отрядом китайского пролетариата были горняки. На национальных предприятиях в 1912 г. насчитывалось 152 тыс. одних только шахтеров-угольщиков. Основная их масса приходилась на Хунань (47 тыс.), Сычуань (18 тыс.), Фэньтянь (18 тыс.) и Цзянси (16 тыс.). По официальным данным, на отечественных предприятиях работали 92 тыс. текстильщиков (42 тыс. — в Гуандуне, 36 тыс. — в Цзянсу и 11 тыс. — в Хубэе). Провинцией наибольшего сосредоточения рабочей силы была Цзянсу. Здесь только на значительных предприятиях (включая иностранный сектор) трудились 102 тыс. рабочих [53, с. 1180, 1183].

В начале XX в. усилилась концентрация пролетариата в отдельных городах и на отдельных объектах. К 1911 г. количество значительных предприятий и число занятых на них по сравнению с 1894 г. возросли в 4 раза. Перед Синьхайской революцией в Ки-

тае насчитывалось 156 таких предприятий (в том числе 116 — национальных); на них были заняты 240 тыс. человек, т. е. не менее 40—50% всех фабрично-заводских рабочих страны [234, с. 115; 53, с. 1183].

Примерно половина из них приходилась на иностранный сектор. В нем наиболее крупными предприятиями по числу занятых были даляньская судостроительная «Кавасаки» (15 тыс.). Кайпинские угольные копи (10 тыс.), копи «Пекин Синдикит» в Хэнане (более 8 тыс.), фабрики «Бритиш-Америкэн Тобэко К^о» в Шанхае (7,5 тыс.) и Фушунские копи (более 6 тыс. человек).

Из китайских предприятий самым значительным в указанном плане был Ханьпинский комбинат (10 тыс.; из них на Ханьпинском металлургическом заводе — 3,4 тыс., в Пинсянских угольных копях — 3,6 тыс. и на железных рудниках Дае — 3 тыс.) (см. [53, с. 1187—1192]). Выделялись также шанхайская прядильня «Цзинчэн» (6,5 тыс.), ткацкая фабрика «Баосин» в Хаймыне (4,5 тыс.) и Мавэйская судостроительная в Фучжоу (3,4 тыс.), шахты компании «Чжунсин» в Шаньдуне, сучжоуская прядильная фабрика «Сунь» и Цзяннаньский механический завод-арсенал (по 3 тыс.) (см. [53, с. 1184—1189]).

Аграрное перенаселение и разорение цехового ремесла создавали огромную резервную армию труда. Ее давление обуславливало чрезвычайно низкий уровень оплаты труда (особенно женщин и подростков) на промышленных предприятиях Китая. Степень эксплуатации как на иностранных, так и на национальных предприятиях была крайне высокой. Работа шла днем и ночью. Смена (*бань*) длилась от 12 до 16 часов в сутки, т. е. больше, чем в любой другой стране мира. Выходные дни (за исключением праздников) были редкостью. Техника безопасности отсутствовала, что вело к многочисленным производственным травмам, часто со смертельным исходом¹³. Люди работали и жили в тяжелых, антисанитарных условиях.

Прохождение Китаем ранних стадий капитализма и полукOLONиальный характер экономики обусловили широкое применение женского и детского труда. В сфере наемной эксплуатации сохранялись серьезные пережитки средневековья. Наиболее рельефно они проявлялись в способах комплектования рабочей силы. Вольный наем без посредника был развит довольно слабо. Наиболее распространенной оставалась унаследованная от ремесленных цехов и гильдий подрядная система (*баогун*), в рамках которой наем осуществлялся не администрацией фабрики или рудника, а подрядчиком-старшиной (*баогунтоу*, *лаобань*, *баотоу*). Через него выплачивалась заработная плата нанятым, он отвечал за их работу перед владельцем предприятия. Несколько реже встречалась контрактация малолетних на длительные сроки (*баошэньгун*). Она обычно оформлялась как ученичество (*сюэту*) при посредстве поручителя (*баожэнь*) и служила средством обеспечения производства даровой рабочей силой.

Довольно часто рабочие делились на две категории (внутрен-

ние и внешние). К первой (*лигун*) относились постоянные рабочие, непосредственно нанятые администрацией предприятия. Вторая (*вайгун*, *баогун*) состояла из подсобных, зачастую временных работников, нанятых через агента-вербовщика или подрядчика-старшинку и получавших заработную плату от него [151, с. 232—233]. Лигун были в более «привилегированном» положении и оплачивались выше, нежели вайгун.

Все эти пережитки органически вплетались в ткань капиталистической эксплуатации и ложились дополнительным бременем на пролетариат. Перед революцией 1911—1913 гг. отсутствовало какое-либо рабочее законодательство. Цинское законодательство рассценивало забастовку как уголовное преступление.

Тяжесть эксплуатации и тенденции к снижению реальной заработной платы в связи с ростом цен в начале XX в. привели к некоторому усилению экономической борьбы рабочих против хозяев, старшинок и мастеров (*гунтоу*) как на китайских, так и на иностранных предприятиях. За 1895—1913 гг. в источниках зафиксировано 70 забастовок (45 в национальном и 25 в иностранном секторе). Как правило, они носили стихийный характер, сопровождались разрушением машин и порчей оборудования. Наиболее крупные волнения произошли дважды в 1905 г. на шанхайской прядильной фабрике «Цзичэн». В первой стачке приняло участие более 2 тыс., а во второй — 4,6 тыс. рабочих, поднявшихся против притеснений со стороны старшинок (см. [53, с. 1299—1301]).

Основным мотивом забастовок предреволюционного десятилетия было требование сохранения (или повышения) заработной платы. Основным методом борьбы оставались порча и разрушение машин, оборудования и помещений. Ряды бастующих ослаблялись рознью между лигун и вайгун, а также между земляческими группировками (*бан*), неорганизованностью и сохранением предубеждений мелких производителей. Рабочий класс Китая в массе своей был еще пролетариатом первого поколения. Для него были характерны почти поголовная неграмотность, низкая квалификация и текучесть состава. Все это обусловило крайне скромную роль фабричного пролетариата в социально-политическом развитии Цинской империи перед Синьхайской революцией и в ходе ее.

Глава 2

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1909—1913 гг. *

В развитии капиталистического уклада в Китае в конце XIX—начале XX в. наметилась характерная для капиталистической экономики цикличность — смена подъемов (1895—1898, 1905—1908 гг.) серьезными кризисами (1900—1903, 1909—1913 гг.)¹. Возникновение первого из них было обусловлено влиянием миро-

вого экономического кризиса, бушевавшего в те же годы. Причины же и суть второго отнюдь не столь очевидны и однозначны².

Объяснить его прямым влиянием состояния конъюнктуры в мировом капиталистическом хозяйстве (как кризис 1900—1903 гг.) невозможно: удачно «миновав» мировой экономический кризис 1907 г.³ Китай вступил в полосу спада на фоне оживления экономики Запада.

Не был, судя по всему, основной причиной рассматриваемого кризиса и рост торговой экспансии развитых капиталистических держав. Динамика импорта Китая через «открытые» порты за 1902—1911 гг. характеризуется следующими данными⁴ (рассчитано по [70, с. 328]):

Год	Объем ввоза, тыс. лянгов	Соотношение с предыдущим годом, %
1902	335 602	100,0
1903	343 300	102,3
1904	348 603	101,5
1905	458 341	131,5
1906	414 184	90,4
1907	422 839	102,1
1908	396 262	93,7
1909	417 586	105,4
1910	462 437	110,7
1911	473 518	102,4

Несложный расчет показывает, что средний ежегодный прирост объема импорта за указанные годы составил 4,6%, а за кризисные 1909—1911 гг. — 6,5%. Таким образом, среднее ежегодное увеличение ввоза в период спада превышало соответствующий показатель за 1902—1911 гг. на 1,9%, т. е. примерно на 10,4 млн. лянгов. Вряд ли подобная достаточно умеренная интенсификация торгового натиска Запада сама по себе смогла бы вызвать кризисные явления в экономике Китая, тем более что увеличение общей стоимости импорта в значительной мере было следствием не его реального расширения, а серьезного роста цен⁵.

Приведенные соображения, таким образом, исключают из числа основных причин возникновения спада 1909—1913 гг. непосредственное воздействие на современный сектор в экономике Китая внешнего фактора — мировой капиталистической системы.

Попробуем обратиться к фактору внутреннего порядка — саморазвитию капиталистического уклада в Цинской империи.

В принципе оно, естественно, определялось общими закономерностями становления капитализма. Казалось бы, на этом основании — по аналогии с Западной Европой — можно охарактеризовать спад 1909—1913 гг. как один из ранних кризисов перепроизводства, свойственных начальной стадии эволюции капитализма. Однако даже беглое сравнение указанного спада с первыми циклическими кризисами в Европе (точнее, в Англии) заставляет усомниться в правомерности подобной аналогии.

Все ранние экономические кризисы в Англии (1788, 1793, 1797,

* Глава написана В. Б. Меньшиковым.

1810, 1815, 1819 гг.) носили частичный, локальный характер, поражали лишь отдельные, вначале весьма немногочисленные отрасли⁶. Понадобилось четыре десятилетия (с середины 80-х годов XVIII в., когда началось интенсивное фабричное строительство и внедрение в производство паровых двигателей), и шесть упомянутых кризисов (с последующими подъемами), чтобы Англия, ставшая к тому времени промышленной страной⁷, «доросла» до первого *общего* кризиса перепроизводства 1825 г.

Спад 1909—1913 гг. в приведенную «классическую» схему никак не укладывается. Он был общим⁸, хотя по всем признакам⁹ китайский капитализм в то время в своем развитии еще не вышел из начальной стадии, для которой характерны только частичные кризисы. К тому же этот спад был лишен некоторых «обязательных» компонентов «обычного» экономического кризиса периода свободной конкуренции: он не привел, в частности, к снижению цен и соответственно стоимости жизни.

Указанные «аномалии» в некоторой мере объясняются влиянием на развитие делавшего свои первые шаги молодого китайского капитализма намного его обогнавшего капитализма Европы, США, Японии, уже вступившего в империалистическую стадию. Под воздействием последнего происходило не ускорение становления капитализма в Китае, а как бы смещение, накладывание одной на другую различных фаз, которые при развитии европейского капитализма были разделены довольно длительными временными промежутками. Этим моментом в какой-то степени было обусловлено наличие у спада 1909—1913 гг. ряда признаков, характерных для кризисов более поздних, нежели переживавшийся тогда Китаем, этапов капиталистической эволюции (включая даже империалистическую стадию).

И тем не менее полностью выявить причины и характер спада 1909—1913 гг., не выходя за рамки капиталистической сферы и ее закономерностей, невозможно. Главные истоки данного кризиса лежали, судя по всему, в иных плоскостях: в своеобразии положения капиталистического уклада в Китае начала XX в., когда он развивался в рамках переходного общества при сохранении в последнем преобладания элементов арендно-бюрократического феодализма, и в том влиянии, которое оказывала на это общество (а не только на современный сектор) мировая капиталистическая система (определенную роль сыграли, по-видимому, и уже упоминавшиеся факторы: торговая экспансия Запада и явления циклического характера).

«Нечистота» картины кризиса, пестрое разнообразие и сложное переплетение факторов, сил и влияний, вызвавших к жизни спад 1909—1913 гг. и обусловивших его своеобразие, — все это, на наш взгляд, определялось в конечном итоге переходной сущностью тогдашнего китайского общества.

Рассматриваемый спад начался в обстановке постепенно усиливавшейся политической напряженности. Неспособность и нежелание цинского режима обеспечить внутри страны условия для бес-

препятственного развития национального капитала, оградить его от империалистического натиска извне вызвали растущее недовольство буржуазных и околобуржуазных кругов, либерально настроенных шэньши и чиновников. Оппозиция все настойчивее требовала от Пекина проведения последовательно протекционистской политики, широкого использования казенных средств для экономического развития страны, отмены лицензия, унификации системы мер и весов, обуздания произвола и коррупции бюрократии, введения своих представителей в правительство и т. п.¹⁰. Практически полное игнорирование этих призывов и благих пожеланий создавало в деловых кругах атмосферу неуверенности, бесперспективности.

Обострение противоречий в верхних этажах общественной пирамиды сопровождалось (и в какой-то мере определялось) усилением брожения среди широких народных масс города и главным образом деревни. По данным, собранным А. С. Костяевой (см. [185, с. 123—140]), волна открытых выступлений, стихийных «голодных» и иных бунтов, отказов от уплаты налогов, разгромов правительственных учреждений и т. п. высшей своей точки в тот период достигла в 1910 г. (112 случаев¹¹, в 1907—1909 гг. — 99). Чувствуя колебания почвы у себя под ногами, многие сельские шэньши предпочитали перебираться в город под защиту гарнизонов.

Весьма важным компонентом общей кризисной ситуации была нараставшая все первое десятилетие XX в. инфляция, приведшая к общему расстройству финансов страны, создававшая «неестественные» условия для развития национального капитала¹² и во многом обусловившая небывалый рост стоимости жизни.

Основной причиной инфляции стала чрезвычайно широко практиковавшаяся эмиссия бумажных и медных (нового образца) денег¹³, усилившаяся после потери Пекином контроля над деятельностью провинциальных казначейств¹⁴. В результате, несмотря на то что каналы обращения были перенасыщены вэнями старого образца (литыми), к 1910 г. монетные дворы выпустили медные фэни (чеканные) на сумму примерно 140 млн. юаней. В указанном году находившаяся в обращении общая масса денег нового образца возросла в 8 раз по сравнению с 1905 г., что привело к падению обменного курса медной монеты по отношению к серебряному юаню более чем в 2 раза (см. [247, с. 140; 276, с. 75]).

Бесконтрольный выпуск разного рода бумажных платежных средств широко практиковали и частные финансовые заведения — меняльные лавки и банки современного типа, особенно мелкие и слабые, стремившиеся таким образом увеличить свои фонды.

Инфляция в итоге привела к расстройству не только финансов, но и торговли, промышленного предпринимательства и кредита. В целом хаос на денежном рынке и последовавший затем финансовый кризис являлись проявлением неспособности традиционной финансово-кредитной системы (включая казну) приспособиться к новой экономической обстановке. Иными словами, они были

следствием прямого или опосредствованного воздействия на Китай мировой капиталистической системы.

С инфляцией (но не только с ней) был связан другой существенный момент в общей конъюнктуре тех лет — быстрый рост цен на предметы первой необходимости, главным образом продовольствие, расходы на которое съедали львиную долю бюджета городских низов. Наибольшее увеличение цен наблюдалось в городах Цзянсу, Хубэя, Шаньдуна, Фуцзяни, Гуанси, Маньчжурии. К 1911 г. рис, пшеница, бобы и другие продукты питания продавались там почти вдвое дороже, нежели в 1901—1902 гг. В ряде городов (в Нанкине, например) стоимость жизни поднялась втрое. Основательно вздорожало и топливо (см. [184, с. 152—153]). Зарплата же рабочих фабрик и мануфактур, надомников, транспортников, кули и чернорабочих росла значительно медленнее цен, что вело к серьезному снижению их жизненного уровня. Обстановка еще более обострилась в 1910—1912 гг., когда из охваченных голодом (вследствие стихийных бедствий) районов (в долинах рек Янцзы и Хань, вдоль Великого канала и т. д.) в города хлынул поток беженцев, согласных на любую работу за самое ничтожное вознаграждение (см. [70, т. 2, с. 406]). Все это обусловило падение покупательной способности горожан — основного контингента потребителей промышленной продукции — и усиление социальной напряженности в стране.

Подобная нездоровая обстановка не могла не привести к промышленному спаду, ставшему органической составной частью кризисной ситуации в обществе. Нарастание политической и социальной нестабильности, ужесточение условий конкурентной борьбы с каждым новым шагом капиталистического развития (поскольку оно жестко ограничивалось, с одной стороны, господством традиционных порядков, с другой — неуклонно усиливавшимся натиском мирового капитализма), разгул инфляции, падение покупательной способности населения — все это обусловило резкое снижение предпринимательской активности.

Объем частных инвестиций в фабричную промышленность в 1909—1911 гг. по сравнению с периодом подъема (1905—1908) сократился более чем в 3 раза. Ежегодно открывалось лишь немногим более 20 предприятий [234, с. 104]. В производстве за указанные годы было вложено только 16 млн. юаней частного, казенного и смешанного капитала. В 1909—1910 гг. средний уровень ежегодных инвестиций составлял 6—7 млн. юаней, а в 1911 г. он упал до 2 млн. [53, с. 649]. В 1909 г. в обрабатывающих отраслях было создано лишь восемь компаний с суммарным капиталом 707 тыс. юаней, тогда как с прошлого года — последнего из периода подъема — остались незарегистрированными 18 компаний, общий фонд которых превышал 8 млн. юаней [53, с. 835—836]. Не изменил положения и довольно интенсивный ввоз машин и оборудования (за 1909—1913 гг. — на 36 млн. юаней с лишним [53, с. 651]): в основном эта импортная техника стала использоваться только после Синьхайской революции.

За 1909—1911 гг. в хлопко- и металлообработке, стекольном и бумажном производстве было открыто менее десяти предприятий, а в таких отраслях, как сигаретная, кирпично-черепичная и гончарно-фарфоровая, новое промышленное строительство прекратилось вовсе. В ряде отраслей застой привел к закрытию ранее действовавших предприятий. Спад не захватил лишь шелкопрядание Цзянсу и Гуандуна, работавшее на экспорт [53, с. 900].

Наиболее серьезно наступивший кризис затронул самое незрелое (и самое массовое) звено китайского капитализма — дофабричную промышленность. За годы подъема (1905—1908) ей удалось несколько расширить свои позиции, в обстановке же спада в полной мере сказались ее слабости — незначительный размер предприятий, техническая отсталость, «нехватка капитала». В условиях ослабления традиционности потребительского спроса на местных рынках, повышения требований к качеству изделий, роста цен на сырье, прежде всего сельскохозяйственное, мануфактурная продукция не выдерживала обострявшейся конкуренции импортных и местных фабричных изделий. Усилилось воздействие и других неблагоприятных факторов — медленности оборота капитала, крайней дороговизны кредита. В результате в дофабричной сфере произошло серьезное падение производства. Хлопкоткацкие мануфактуры Цзянсу, например, закрывались одна за другой [178, с. 87—88]. Не лучше положение было в маслоделии юга Фэнтяни и в ряде иных отраслей в других районах страны.

В целом, однако, уменьшение объема промышленного производства по своим масштабам намного уступало падению притока инвестиций.

Особую роль в общеэкономическом спаде 1909—1913 гг. сыграл финансовый кризис в Шанхае и других «открытых» портах, разразившийся в 1910 г.

Спад предпринимательской активности с самого начала сопровождался и усиливался вакханалией рискованных спекулятивных операций денежного капитала, действовавшего в сфере как традиционного кредита (меняльные лавки, ломбарды), так и современных китайских банков. Развернулась бешеная спекуляция земельной собственностью, недвижимостью, акциями иностранных компаний. Особый ажиотаж возник вокруг акций каучуковых плантаций, расположенных в Юго-Восточной Азии¹⁵.

Для спекулятивной игры на этих акциях современные китайские банки шли на заклад главных средств обеспечения — недвижимости и товаров, использовали основную часть капитала. В тех же целях многочисленными искателями легкой наживы из среды буржуа, шэньши, помещиков снимались со счетов в меняльных лавках и бросались в биржевую игру огромные суммы лянового серебра. В целом деловые круги Китая вложили в «каучуковые» акции 25—30 млн. лянов (см. [313, с. 956; 388, с. 2]).

Широкое изъятие серебра резко ослабило цяньюань (продолжавшие, как правило, при кредитовании использовать традиционную практику «займов доверия» — *синьон фанкуан*¹⁶), обес-

ценило их банкноты (чжуанпяо) и соответственно поставило под угрозу всю сложившуюся систему кредитования ими массовой оптовой компраторской и полупосреднической торговли, обеспечивавшей связь между китайскими производителями и покупателями, местным купечеством и иностранными экспортно-импортными фирмами в «открытых» портах.

Неизбежный в подобной ситуации финансовый кризис прошел в 1910 г. две стадии. Первая была вызвана крупной аферой иностранных дельцов. В результате начавшейся паники обанкротились 3 крупных цяньюаня — «Чжэньюань», «Цяньюй» и «Чжаокан», а позднее — еще 5 связанных с ними меняльных лавок (см. [60, с. 75—79; 448, с. 105]). Понесли убытки и предоставившие краткосрочные ссуды закрывшимся цяньюаням иностранные банки. В связи с этим они на время прекратили кредитование меняльных лавок и предъявили имевшиеся у них на руках чжуанпяо к оплате наличными или товарами, что привело к банкротству еще ряда цяньюаней. В условиях растущей паники возник острый конфликт между иностранными и китайскими дельцами из-за приоритета в оплате необеспеченных чжуанпяо. Вовлеченные в разбирательство власти Шанхая и Цзянсу поначалу решили дело в пользу иностранцев, что еще более усилило чувство неуверенности в китайских деловых кругах.

Вторая (и высшая) фаза кризиса наступила в конце октября, когда обанкротился известный на всю страну, связанный с морскими таможнями и казной один из крупнейших китайских частных банков — «Юаньфэнжунь», принадлежавший столпу делового и чиновного мира Шанхая Янь Синьхоу (см. [60, с. 30; 448, с. 110]). Последовавшее затем закрытие 20 филиалов этого банка и связанных с ним цяньюаней вызвало вторую волну отказа иностранных банков иметь дело с меняльными лавками и попыток отделаться от их банкнот. В итоге банкротства цяньюаней приобрели массовый характер: к началу революции в 1911 г. их оставалось в Шанхае около 50¹⁷ из 100, функционировавших в 1909 г. [388, с. 10]. Дезорганизация денежного рынка подорвала престиж «чжэцзянской финансовой группировки».

Финансовый кризис в Шанхае вызвал цепную реакцию по всему Восточному Китаю. Одно за другим закрывались отделения шанхайских цяньюаней и связанные с ними местные меняльные лавки. В начале октября финансовая паника перекинулась в Пекин, где обанкротилось 16 кредитных учреждений. Для прекращения волнений среди населения столицы были введены в действие войска. В Гуанчжоу закрылось 50 меняльных лавок, в Фучжоу — более 10, в Сямыне — 7. Паника охватила Шаньтоу, Нанкин, Сучжоу и ряд других крупных городов [388, с. 7; 448, с. 110]. Повсеместно изымались вклады, наличные деньги «стали редкими», бумажные средства платежа и обращения обесценивались. Кредит стремительно сокращался, что отрицательно влияло на торговый обмен между «открытыми» портами и глубинными районами Китая.

Ситуация обострялась обычным осенним отливом заемных денег во внутренние области страны, где торговые посредники из Шанхая и других «открытых» портов скупали в оптовом порядке зерно осеннего урожая. Кредитный голод, в свою очередь, резко отрицательно сказался на ходе подобных операций и в 1910, и в 1911 г., что каждый раз вызывало волну банкротств среди торговых фирм, связанных с закупками в китайской глубинке. Дезорганизация коммерческого механизма, державшегося на краткосрочных ссудах меняльных лавок, сказалась не только на зерноторговцах, но и на других отраслевых группах купечества, а также на поставщиках сельскохозяйственной продукции, прежде всего на помещиках (в том числе шэньши) внутренних районов.

В равной мере пострадали мелкие и средние компраторы, перекупщики, а также просто торговцы импортными товарами, опиравшиеся в своей деятельности на краткосрочные займы цяньюаней и оперировавшие в «открытых» портах их чеками. В сложившихся условиях меняльные лавки уже не могли в прежней мере выполнять роль кредитора китайских торговых фирм и приводного ремня между иностранным сектором и местной коммерческой средой. Резко упало доверие европейских, американских и японских банков и компаний к крупным цяньюаням (датунханам) как гарантам оптового сбыта иностранных товаров и доставки в «открытые» порты заказанного экспортерами местного сырья и изделий. В итоге вся система китайско-иностранной торговли стала давать перебои. Был нарушен товарообмен между внутренним Китаем и приморскими центрами торговли. В той или иной степени это сказалось на экспортно-импортных операциях практически всех «открытых» портов. Серьезнейшие затруднения в сфере закупок, сбыта и проталкивания товарных масс через каналы обращения отмечались, в частности, в Фучжоу, Ханькоу, Цзюцзяне, Ханчжоу, Цзяочжоу.

Огромные трудности с получением кредита и его крайняя дороговизна, затоваривание или, наоборот, невозможность произвести необходимые закупки поставили в 1910—1911 гг. китайскую коммерческую среду в тяжелое положение, привели к банкротству многих торговых фирм. Seriously пострадали, например, торговые и финансовые круги Ханькоу и Тяньцзиня [274, с. 140]. Отказ цяньюаней кредитовать мастерские и мануфактуры привел к массовому закрытию наиболее слабых из них. Только в Шанхае в результате потеряли работу 300 тыс. человек [448, с. 111]. Угроза разорения нависла над хозяевами многих хлопкопрядильных, мукомольных и других предприятий.

Напряженность ситуации заставила как казну, так и иностранные банки прийти на помощь крупным цяньюаням (см. [448, с. 112—113]). Это сняло угрозу всеобщей катастрофы, но не восстановило прежнюю устойчивость и доверие в деловом мире китайских городов. Потеряли свои деньги держатели «каучуковых» акций, которые финансовым кризисом были превращены в макулатуру. Общие же убытки китайских деловых кругов на бирже, в

торговле и ручном производстве исчислялись десятками миллионов лянгов.

Кризис, в природе которого причудливо переплелись черты традиционности и современности, серьезно активизировал борьбу национальной буржуазии и связанных с нею кругов за наведение порядка в стране, против капитулянтской политики цинского режима, приносившего в жертву иностранному капиталу интересы отечественных купцов и предпринимателей. В итоге экономическая буря 1909—1911 гг. стала важным компонентом революционной ситуации.

Последняя родилась из охватившего китайское общество общего кризиса. Различные его составные части взаимно усиливали друг друга (скажем, стремление потенциальных инвесторов попридержать деньги в условиях политической и социальной неустойчивости резко сократило приток капиталовложений в производственную сферу, спад в которой, в свою очередь, серьезно обострял общую обстановку). Только в таком контексте может быть, на наш взгляд, правильно понята природа предсинхайского экономического спада, представлявшего собой органический компонент комплексного общественно-политического и социально-экономического кризиса.

Развитие национального капитала, жестко лимитированное давлением феодально-бюрократического цинского режима и мировой империалистической системы, в данных условиях, по-видимому, практически исчерпало свои возможности. Выше уже отмечалось, что для промышленной сферы в годы кризиса было более характерно снижение уровня инвестирования, а не производства. Этот факт лишний раз свидетельствует, что предсинхайский спад был скорее кризисом «перепроизводства» самого капитализма, а не промышленной продукции. Поэтому типологически он, по нашему мнению, должен быть отнесен к выделенной К. Марксом категории общих экономических кризисов, предшествовавших буржуазным революциям, в частности революциям 1789 и 1848 гг. во Франции (см. [2а, с. 104])¹⁸.

Революция, начавшаяся осенью 1911 г., придала хозяйственному спаду в Китае новые черты.

Свержение монархии вызвало двойственную реакцию буржуазной среды. С одной стороны, победа революции породила надежды на ускоренный рост национальной экономики, на установление буржуазного правопорядка, на переход новой власти к политике протекционистской помощи отечественному предпринимательству. Подобные настроения нашли свое выражение в организационном оживлении буржуазных кругов, в создании многочисленных промышленных и коммерческих ассоциаций, обществ поощрения торговли, индустрии и т. п. С другой стороны, революционные потрясения и связанная с ними неустойчивость рыночной и финансовой конъюнктуры (с периодически возникавшими явлениями паники) отрицательно сказались на предпринимательской активности (в частности, на уровне инвестиций в промышленность). В условиях

неизжитого экономического спада дельцы выжидали конца «беспорядков и смуты».

Иначе говоря, промышленный, торговый и финансовый кризис отнюдь не завершился с падением монархии — в значительной мере за счет резкого усиления воздействия факторов политического порядка (военные действия, отделение ряда провинций, неустойчивость общей обстановки, страх имущих за свою собственность). Все это предопределило продолжение спада вплоть до 1914 г. Лишь за год до начала мировой войны обозначились некоторые робкие признаки оживления в сфере производства.

В результате частные инвестиции в фабричную промышленность в 1912—1913 гг. были даже ниже, нежели в 1910—1911 гг. За два года революции они не достигли и 5 млн. юаней. Создание предприятий в казенном секторе прекратилось, в смешанном же появился лишь один мелкий объект [234, с. 104]. Более чем в 10 отраслях (включая хлопкоткачество, маслоделие и размотку шелка) открылось по одному-два частных предприятия, по меньшей мере в 10 других (в том числе угольной, хлопкопрядильной и сигаретной) — ни одного. Исключение составляли 3 отрасли. Приток населения в города и резкий рост цен на муку привели к появлению 14 новых мукомолов. Благодаря иностранным займам и наплыву в города состоятельных лиц одна за другой возникали электростанции (9), что отчасти способствовало росту числа механосборочных мастерских (9) (см. [53, с. 872—920]).

Начавшаяся революция сразу же вызвала третью волну финансового и торгового кризиса. Паника среди дельцов и вообще богатых китайцев уже в октябре 1911 г. привела к массовому конвертированию чжуанпяо и иных отечественных бумажных средств платежа в серебро. Огромные массы последнего были переправлены на территорию иностранных селтльментов — в подвалы иностранных банков. Резко возрос курс иностранных банкнот. На шанхайском и иных рынках серебро изымалось из обращения, кредит еще более подорожал, свертывалась коммерческая и финансовая деятельность местных дельцов. Иностранные банки и компании вновь в большинстве случаев отказывались предоставлять краткосрочные ссуды меняльным лавкам. Чжуанпяо еще более обесценивались. Все новые и новые цяньжуаны закрывались. На февраль 1912 г. в Шанхае продолжали функционировать лишь 24 меняльные лавки, потом их число возросло до 28 [60, с. 98]. Аналогичная волна банкротств традиционных финансовых заведений прошла по всему Китаю — от Пекина и Тяньцзиня до Уху, Цзюцзяна и Чэнду, захватив как крупные, так и мелкие города [448, с. 122]. Кроме того, начавшийся в годы революции перевод экспортно-импортных таможенных сборов прямо на счета иностранных «гарантийных» банков снизил авторитет цяньжуанов в глазах отечественных дельцов и вкладчиков. Лишь к 1914 г. появились признаки некоторой стабилизации денежного рынка, в том числе за счет притока в Шанхай средств из сферы опиумной торговли.

Кризис 1909—1913 гг. ярко продемонстрировал наличие не только взаимосвязи, но и противоречий между современными и традиционными формами капитала, а также обусловленную этим сложность формирования китайской буржуазии в особый класс переходного общества тогдашнего Китая.

Глава 3

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В НОВЫХ ЗВЕНЬЯХ ЭКОНОМИКИ

Начало XX в. было для Цинской империи периодом заметного роста новых городских слоев. Наряду с контингентом наемных рабочих формировалась буржуазная среда. Из амальгамы обуржуазившихся чиновников, шэньши, землевладельцев и торговцев постепенно складывались и росли верхи местной буржуазии, оброставшей первой порослью новой интеллигенции. Промышленная буржуазия Китая к 1914 г. заметно отличалась от предпринимательской среды периода «ста дней» реформ 1898 г., когда определяющим слоем оставалась старая торговая и мануфактурная буржуазия при крайней слабости фабричного капитала. Экономический подъем и борьба за «возвращение прав» 1905—1908 гг. в известной мере вывели вперед новый слой предпринимателей — дельцов, связанных с машинными промышленностью и транспортом, с современными формами организации и функционирования денежного и торгового капитала.

Подъем 1905—1908 гг. явился важнейшим этапом роста китайской буржуазии. Если до 1903 г. в сфере производства и обращения было отмечено создание всего лишь 59 разного рода фирм и компаний с общим фондом 38 млн. юаней, то с 1903 по 1908 г. возникло 251 частное объединение с объявленным суммарным капиталом около 126 млн. юаней (включая 45 компаний и фирм с фондом 26 млн. юаней, которые были основаны в 1908 г., а зарегистрированы¹ только в 1909 г.) [53, с. 738, 835]. Иными словами, указанные 6 лет по числу официально зафиксированных фирм превзошли весь предшествующий период в 4 раза, а по капиталовложениям — в 3 раза.

Рост буржуазии происходил во всех сферах приложения капитала. Из компаний и фирм, зарегистрированных к 1908 г., 127 приходилось на обрабатывающую² и 11 на горнодобывающую промышленность, примерно 48 — на сферу торговли, 40 — банковско-кредитного дела, 17 — транспорта, 17 — сельского хозяйства, 5 — страхового и складского дела. Всего до 1910 г. было зарегистрировано 327 компаний и фирм³ (в том числе 168 были промышленными, 68 торговыми, 52 банковско-кредитными и 22 транспортными) с объявленным капиталом 172 млн. юаней [53, с. 738, 835—836].

Наибольшего размаха предпринимательская активность достигла в городах бассейна Янцзы, особенно в Цзянсу. На Централь-

ный Китай приходилось около 70% компаний и фирм, зарегистрированных до 1908 г. в обрабатывающей промышленности, а на Юг — лишь 7% [53, с. 728].

К 1913 г. значительно увеличились вложения обуржуазившихся помещиков, шэньши и чиновников, причем не только в промышленности, но и в земледелии. Число фирм и компаний в данных областях возросло до 362 (191 из них действовала в сфере промышленности [54, т. 1, с. 657], 171 — сельского хозяйства) с суммарным фондом, превышавшим 94 млн. юаней [53, с. 730; 55, с. 697].

Однако все промышленные капиталовложения китайской буржуазии не шли ни в какое сравнение с аккумуляцией баснословных сумм фаворитами «первоначального накопления» в Китае (компрадорами, чиновниками), не говоря уже о богатстве высшей бюрократии и лидеров «самоусиления». Достаточно указать, что состояние Ли Хунчжана оценивалось в 40 млн. лянгов, а наследство, оставленное Шэн Сюаньхуаем, исчислялось в несколько десятков миллионов лянгов. То же можно сказать и о средствах Чжан Чжидуна. Накопления же слоя компрадоров исчислялись сотнями миллионов лянгов [414, с. 275; 265, с. 235; 382, с. 155].

Капитализм в Китае XIX — начала XX в. развивался не за счет ломки средневековой структуры общества и старых производственных отношений, а путем приспособления к ним. Данный момент предопределил специфику и внутреннюю сложность генезиса местной буржуазии. Одна из его особенностей состояла в широком рекрутировании верхушечного слоя шэньшиско-чиновнической среды. Политические факторы, затруднявшие превращение китайской мануфактуры в фабрику и торгового капитала в промышленный, открывали дорогу обуржуазиванию части бюрократии, землевладельцев и шэньши.

К 1914 г. часть чиновно-помещичьего класса уже втянулась в той или иной мере в предпринимательскую деятельность — торговую, финансовую или промышленную. Эта обуржуазившаяся помещичье-шэньшиская прослойка отчасти примыкала к верхним слоям буржуазии из среды купечества. Подобная амальгама наблюдалась в первую очередь в восточных и южных приморских провинциях, а также в наиболее развитых областях бассейна Янцзы.

В обстановке засилья средневековых порядков и конкуренции иностранного капитала наиболее успешно заниматься фабричным предпринимательством могли лишь те, кто находился в привилегированном положении или пользовался покровительством местных властей. Благодаря этому на начальной стадии генезиса китайской буржуазии ведущую роль в нем играли крупные и средние чиновники, именитые землевладельцы, богатые шэньши, т. е. лица, непосредственно связанные с центральной или провинциальной администрацией.

Среди нарождавшейся буржуазии в начале XX в. мы видим представителей всего спектра бюрократии и шэньши Китая — от придворных и членов Академии Ханьлинь⁴ до рядовых сюаев

(шэньюань) и цзюйжэней. В ней была представлена и провинциальная бюрократия — начальники области (*чжифу*), округа (*чжичжоу*, *даотай*) и уезда (*чжисянь*), а также их помощники (*тунчжи*) и другие подчиненные и чиновники различных министерств и ведомств, в том числе таможенные даотай (*даюань*) и управляющие (инспектора) казенными предприятиями (*цзунбань*, *юньши*, *дубань*). Среди фабрикантов, горнозаводчиков и судовладельцев встречались инспектора соляных промыслов, судебные чиновники, советники и секретари различных учреждений и ведомств. В числе основателей и акционеров крупных предприятий наряду с наместниками (*цзунду*, *чжитай*) и военными губернаторами провинций (*сюньфу*, *футай*) числились «уважаемые» местные цзиньши и цзюйжэни.

Особую и притом многочисленную категорию предпринимателей (особенно среди горнозаводчиков и шахтовладельцев) составляли кандидаты на замещение различных должностных вакансий (*хоусюань*, *хоубу*), в том числе ожидавшие назначения на пост начальника (*хоубу чжисянь*) и помощника начальника уезда (*хоусюань тунчжи*), начальника области (*хоубу чжифу*), секретаря и советника различных канцелярий, даотая (*хоубудао*, *хоусюань-дао*) различного профиля — начальника округа, инспектора, таможенного комиссара (*хайгуаньдао*) и т. д.

Наиболее крупными фигурами в этой среде буржуа-бюрократов были миллионеры Янь Синьхоу. Чжоу Сюэси, Чжан Цзянь, Чжу Юхун, Чжан Ляньфэнь и Ян Цзунлянь, а также финансовые тузы и предприниматели Пан Юаньцзи, Шэнь Юньпэй и Сюй Динлинь. Они были хозяевами или совладельцами нескольких десятков фабрик, заводов, коммунальных и горнодобывающих предприятий, в том числе ряда казенно-частных, выступали в качестве председателей правлений или ведущих акционеров целого ряда торговых, транспортных и страховых компаний, банков и обществ.

Инспектор (*юньши*) соляных промыслов Чжоу Сюэси был основателем, главой и одним из ведущих пайщиков крупнейшей смешанных предприятий — Луаньчжоуской угольной компании (капитал которой составлял около 5 млн. юаней), Таншаньского цементного завода «Цисинь» (1,5 млн. юаней) — и владельцем «Столичного водопровода» в Пекине (3 млн. юаней) (см. [394, с. 110—118]). Видный цзиньши и член Академии Ханьлинь Чжан Цзянь основал 11 промышленных, преимущественно мелких, предприятий (в том числе две текстильные, маслوبيдную, мукомольную, мыловаренную и карандашную фабрики, металлообрабатывающий и винокуренный заводы), 7 транспортных и сельскохозяйственных компаний (в частности, известные в то время «Тунхайскую компанию по поднятию залежи» и пароходную компанию «Дада»). Кроме того, он имел вложения еще в 9 акционерных и паевых объединениях Цзянсу. Общий капитал 18 основанных самим Чжан Цзянем компаний и предприятий к 1912 г. вырос до 5,5 млн. юаней [53, с. 1069]. Крупный чиновник двух министерств, цзиньши и член Академии Ханьлинь Шэнь Юньпэй основал или

имел вложения в 7 промышленных объектах. Советник всемогущего Ли Хунчжана, хоубудао, а затем чиновник ряда таможенных гуаньиньхао, в прошлом чиновник соляных промыслов Янь Синьхоу владел или контролировал 9 предприятий. Он был создателем текстильной фабрики «Тунцзюань», владельцем крупного частного банка (иньхао) и директором Китайского коммерческого банка, пайщиком, а затем директором «Китайской коммерческой пароходной компании» («Чжаошанцзюй»), одним из основателей банка «Сымин», страховой компании «Хуасин» и ряда фабрик [414, с. 21]. Чжэцзянец, кандидат на должность даотая Сюй Динлинь контролировал 6, а чиновник Пан Юаньцзи — 5 предприятий. Видным человеком в этой среде был и Чжэн Гуаньинь. Будучи в прошлом компратором английских фирм «Дэнт энд К°» и «Баттерфилд, Суайр энд К°», он впоследствии стал чиновником и в то же время был одним из управляющих «Китайской коммерческой пароходной компании», Ханьянского металлургического завода (затем — Ханьепинского комбината) и главой гуандунской секции «Гуанчжоу-Ханькоуской железнодорожной компании» [414, с. 116—117].

Для фабрикантов из чиновной среды (как функционеров, так и хоубу) была характерна непосредственная связь с казенным или смешанным предпринимательством. Чжоу Сюэси, например, был одновременно инспектором казенных соляных промыслов в Чанлу, управляющим государственными механическими мастерскими в Тяньцзине и руководителем ряда смешанных компаний. Многие из полубуржуа-полубюрократов были тесно связаны с «империями» Шэн Сюаньхуая, Ли Хунчжана и Чжан Чжидуна. Капиталы чиновников-предпринимателей создавались в первую очередь за счет использования их положения в бюрократическом аппарате — путем хищений, взяточничества, произвола и т. п. Это в разной степени было характерно и для придворного, секретаря императорской канцелярии (*Нэйгэ*) Сунь Цзяня и для соляных инспекторов Ян Цзунляня и Чжан Ляньфэня.

Тем не менее даже для среды буржуа-бюрократов, особенно хоубу, были характерны нехватка индивидуальных капиталов и преобладание совместных, паевых и отчасти акционерных промышленных фирм и компаний. По средним размерам последних чиновно-шэньшинское частное грюндерство несколько уступало компраторскому, хотя значительно превосходило его по количеству объектов. Только в частном секторе основателями около 100 предприятий, возникших с 1895 по 1913 г., были чиновники и кандидаты на различные должности (см. [53, с. 870—919]). Кроме того, несколько десятков фабрик, шахт и рудников было создано шэньши и крупными землевладельцами.

Преобладание этой прослойки особенно сказывалось в горнодобывающей промышленности, где к 1914 г. владельцами большинства шахт и рудников были шэньши, чиновники, кандидаты на должности и богатые помещики (см. [53, с. 921—923]). Их капиталы, их представители доминировали в ведущих угольных

компаниях — «Чжунсин», «Баоцзинь», в Луаньчжоуской, в компании Таншаньваньских копей и др. Растущая капитализация средств, полученных в сфере налоговой и арендной эксплуатации, отражала специфичность развития капитализма в Цинской империи конца XIX — начала XX в., усиливая тем не менее поступательный характер всего процесса в целом.

Специфической чертой происхождения крупной буржуазии Китая, как и других полукOLONиальных стран, был значительный удельный вес в ее рядах компрадоров (майбань). Для них связь с иностранным сектором и его поддержка означали то же, что для чиновно-шэньшиской группы буржуа связь с казной. Наиболее крупными фигурами среди фабрикантов-компрадоров были миллионеры Чжу Дачунь, Чжу Баосань и Лю Жэньсян. Несколько уступали им Чжу Чжияо и Тан Цзэчэнь. Заметную роль играли также У Шаоцин, Су Баошэн, Лао Цзинсю, Ван Итин и Е Минчжай.

Чжу Дачунь и Тан Цзэчэнь были посредниками крупнейшей английской фирмы в Китае «Джардин, Мэзисон энд К°». Английскому капиталу служили также Лао Цзинсю и У Шаоцин. Лю Жэньсян и Чжу Чжияо являлись агентами французского «Банк дэ л'Эндошин». Чжу Баосань был компрадором и пайщиком ряда американских и английских фирм, Ван Итин — майбанем японских «Осакской паровой компании» и «Японо-китайской паровой компании». Среди китайских фабрикантов начала XX в. мы видим доверенных лиц «Баттерфилд, Суайр энд К°», «Гонконг энд Шанхай Бэнкинг Корпорэйшн», «Дэнт энд К°», служащих «Бритиш-Америкэн Тобэко К°» и «Йокогама Спэши Бэнк».

Активность компрадоров в области промышленного предпринимательства опиралась на их капиталы, созданные в сфере посреднической торговли. Общая для китайской буржуазии XIX—XX вв. «нехватка капитала» менее всего ощущалась в среде майбаней, располагавших огромными средствами. По некоторым оценкам, общая сумма их накоплений в сфере посреднической торговли за 1890—1913 гг. приближалась к 620 млн. лянгов [382, с. 155]. В связи с этим фабриканты-компрадоры, как правило, создавали собственные (а не акционерные, паевые и т. п.) фирмы с довольно значительными фондами.

Крайне важной для майбаней была и связь с иностранным сектором, дававшая им возможность пользоваться привилегиями, предоставленными чужеземным коммерсантам, а также защищая их от произвола цинской бюрократии, которая боялась трогать компрадоров, опасаясь вмешательства торговых консулов и дипломатов держав.

Майбани, наконец, выделялись среди остальной буржуазии и знанием современных форм и методов ведения дел за счет опыта, полученного на службе у европейцев.

С 1896 по 1913 г. ими были основаны (или сделаны крупные инвестиции) 53 фабрики, шахты и коммунальные предприятия. 10 из них имели начальный капитал более полумиллиона юаней каж-

дое (см. [53, с. 979—981]). Компрадорам принадлежали такие крупные промышленные объекты, как ханькоуская суконно-кожевенная фабрика «Пужунь» (Лю Жэньсян) с фондом 1,4 млн. юаней, судомеханический завод «Цюйсинь» (Чжу Чжияо), шелкопрядильня «Юаньчан» и хлопкопрядильня «Гунъи» (обе Чжу Дачуня) в Шанхае. Всего к 1914 г. Чжу Дачунем были основаны 11 предприятий, Чжу Чжияо — 8, Лю Жэньсяном — 4, Чжу Баосань имел вложения в 7, Ван Итин — в 3 предприятиях. К 1913 г. капиталовложения Чжу Дачуня в торговлю, промышленность, пароходства, банки и недвижимость достигли 2,2 млн. лянгов, а инвестиции Чжу Чжияо в сфере промышленности и в пароходстве составили 2,6 млн. лянгов [425, с. 134—135].

Компрадоры были также крупными акционерами многих более значительных компаний (с фондом свыше 1 млн. юаней каждая): Ханькоуской электростанции, суконно-кожевенной фабрики «Пули» (Пекин), водопроводных компаний в Шанхае и Гуанчжоу и т. д. Начальный капитал 43 предприятий, основанных или финансируемых майбанями за 1881—1913 гг., достигал 20 млн. юаней (см. [53, с. 979—981]). Общая сумма их инвестиций в машиностроение, текстиль и разного рода смешанные китайско-иностраннне фирмы, к началу Синьхайской революции достигла примерно 20 млн. юаней.

Третьим важнейшим компонентом слоя китайской промышленной буржуазии был местный торгово-ростовщический капитал. В его среде преобладали выходцы из старого купечества, владельцы меняльных лавок, торговцы, не связанные с компрадорскими функциями. Из данной прослойки выдвинулся ряд довольно значительных промышленников — Сун Вэйчэнь, Чжоу Тинби, Хуан Цзоцин, Чжоу Бинчжун, Цзэн Чжу и Жун Цзунцзин. Купеческое предпринимательство уступало по размаху чиновно-шэньшискому. Так, к 1914 г. Сун Вэйчэнем и Чжоу Тинби было основано (или в крупных масштабах финансировано) только по 8 различных предприятий, а Цзэн Чжу — лишь 3. Из крупных промышленных объектов, созданных представителями торгово-ростовщических кругов, можно отметить лишь Учанскую электростанцию Чжоу Бинчжуна (с капиталом около 3 млн. юаней). Расцвет предпринимательской деятельности будущих «королей муки», владельцев цяньчжуана братьев Жун Цзунцзина и Жун Дэшэна, к 1913 г. еще не наступил.

Промышленникам из рассматриваемой прослойки принадлежали, как правило, мелкие, реже — средние предприятия. Они наиболее остро ощущали характерную для Китая «нехватку капитала». Неудивительно поэтому, что в данной среде преобладали небольшие акционерные компании или товарищества на паях.

Для этой части буржуазии был наиболее характерен семейно-земляческий подход при формировании предпринимательского капитала, когда общий фонд фабрики или шахты складывался из паевых или акционерных вложений узкой группы лиц — родных, друзей, знакомых и земляков. Доступ в их круг для чужаков был

крайне затруднен, что существенно замедляло процесс концентрации и централизации национального капитала вообще, а для данной прослойки в особенности.

Именно этот наиболее многочисленный слой со всеми своими слабостями и трудностями в значительной мере определял к 1914 г. лицо китайского фабричного капитализма и национальной буржуазии в целом.

Несколько особняком стояла реэмигрантская торговая буржуазия, активно помещавшая нажитые за рубежом (в основном в Юго-Восточной Азии) капиталы наряду с другими сферами экономики в отечественную промышленность. Денежные переводы эмигрантов (*хуацяо*) играли большую роль в платежном балансе Китая: за 1902—1913 гг. они ежегодно составляли в среднем около 150 млн. юаней [459, с. 187—188]. С начала XX в. значение эмигрантской среды в становлении национального капитала заметно возросло. Ее влияние было наиболее ощутимым в Южном Китае. В Фуцзянь и Гуандун шел основной приток денежных переводов из-за границы. Эти провинции были тесно связаны с Гонконгом, Макао и Сингапуром. Оживленные связи поддерживались с Филиппинами, Малайей, голландской Ост-Индией и особенно с французским Индокитаем. Капиталы притекали также из Японии, с Гавайев, из США, Латинской Америки, особенно Вест-Индии — района значительной китайской эмиграции.

Ведущее место в среде реэмигрантской буржуазии занимал торговый капитал Фуцзяни. Вывоз его в страны ЮВА с лихвой перекрывался обратным притоком весьма значительных средств. В кругах реэмигрантов Юга выделялись фабриканты и финансовые воротилы миллионеры Ху Голянь, Чжан Чжэньсюнь, братья Цзян Чжаонань и Цзян Юйцзэ. Не испытывая, как правило, недостатка в денежных средствах, промышленники из среды реэмигрантов предпочитали обычно тем не менее совместное ведение дел, но не на акционерных, а на крупнопаевых началах. Стоит отметить еще одну характерную черту данной прослойки. Возвращаясь в Китай, реэмигранты приносили с собой дух свободного предпринимательства и стремление к буржуазному правопорядку, что не мешало им, однако, идти на службу к Циннам, получать должности и покупать звания шэньши и хоубудао.

В период грюндерства 1905—1908 гг. приток реэмигрантских инвестиций подстегнул развитие ряда отраслей, прежде всего горнодобывающую и пищевую промышленность. Так, уже упоминавшийся фуцзяньский делец Ху Голянь совместно с Чэнь Баочэном, Оу Чжаожэнем, У Цзыцаем и другими толстосумами в указанные годы вложил около 8,5 млн. юаней в различные горнорудные предприятия Юга и в «Фуцзяньскую коммерческую железнодорожную компанию» [53, с. 986]. Значительные инвестиции в добывающую промышленность сделали реэмигранты Лу Найсян, Шэнь, Лян Тинфан и Лю Ижэнь.

В обрабатывающие отрасли были вложены крупные капиталы целого ряда хуацяо. Среди них выделялся бывший генеральный

консул в Сингапуре Чжан Чжэньсюнь. Крупный гуанчжоуский спекулянт земельной продукцией, он в разное время был главой торгового союза (шанхуэй) Гуанчжоу, одним из помощников Шэн Сюаньхуа в руководстве «Гуанчжоу-Ханькоуской железнодорожной компанией» и членом совета директоров «Китайского коммерческого банка» [414, с. 234—235]. Кроме того, он был чиновником министерства земледелия, промышленности и торговли и его доверенным лицом в Южном Китае. Ставший миллионером еще в 1895 г., Чжан Чжэньсюнь в 1907 г. превратил свою винокуренную компанию «Чжанъюй» (Яньтай) в акционерное общество (фонд 1,6 млн. юаней) и открыл еще 3 предприятия. Из реэмигрантской среды вышли и табачные фабриканты братья Цзян. В 1905 г. они основали в Гонконге сигаретную компанию «Наньян», ставшую впоследствии одной из крупнейших в этой отрасли («Наньян сунди»).

Некоторое, конечно весьма относительное, представление об удельном весе трех основных структурообразующих компонентов крупной китайской буржуазии (бюрократия, компрадоры, купцы) в новых секторах экономики дают приводимые ниже данные. Из 26 хлопкопрядильных и прядильно-ткацких фабрик, введенных в строй за 1890—1910 гг., 16 были основаны чиновниками (в том числе отставными и хоубудао), среди которых были представители знатных родов и наследственных бюрократических семей (Лу Жуньсян, Сунь Цзянай, Чжан Цзянь, Ян Цзунлянь). Кроме того, совместно с купцами чиновники и шэньши открыли 3 фабрики. Основателями 5 предприятий были компрадоры (в том числе Чжу Дачунь, Чжу Чжияо, У Сянлин и Чжан Жоцзюнь) ⁵ [382, с. 152, 155—156].

В фондах 27 хлопчатобумажных компаний, основанных с 1890 по 1910 г., на долю чиновников и шэньши приходилось около 34%, компрадоров — 23, купцов и прочих предпринимателей — около 22, казенные инвестиции составляли почти 21%. Капиталовложения чиновничье-шэньшиской, компрадорской и купеческой прослойки в 16 металлургических, металлообрабатывающих, механических и тому подобных компаний были примерно равны (более чем по 27%), инвестиции казны несколько превышали 17% (см. [425, с. 129—130, 132]).

К 1914 г. отчетливо проявилась сложность внутренней структуры крупной китайской буржуазии — одновременная взаимосвязь и разнородность интересов составлявших ее компонентов. По сравнению с концом XIX в. соотношение различных слоев в фабричном предпринимательстве несколько изменилось. В плане удельного веса капиталовложений и контроля над предприятиями бюрократические и отчасти компрадорские слои в общем сохраняли свои позиции. Тем не менее роль «империй» крупных сановников и компрадоров периода «самоусиления» (Чжан Чжидун, Ли Хунжан, Шэн Сюаньхуа) перед революцией 1911—1913 гг. заметно упала в связи с широким притоком среднего чиновно-шэньшиского и особенно торгово-предпринимательского, в том числе

реэмигрантского, капитала. В целом же органическое слияние различных групп не закончилось, и сам процесс складывания буржуазии в единый класс в полном смысле еще не завершился.

Тот факт, что фабричное предпринимательство в Китае переживало раннюю стадию своего развития, предопределил и отсутствие более или менее четкой отраслевой специализации индивидуальных капиталов. Ни в одной отрасли промышленности к 1914 г. не было ничего похожего на монополию того или иного дельца. Для китайских фабрикантов была характерна разбросанность инвестиций по нескольким далеко не смежным отраслям. Почти все лидеры промышленной буржуазии Китая соединяли фабричное предпринимательство с широкой финансовой и торговой активностью. Так, сфера влияния Чжан Цзяня включала в себя 27 различных компаний и предприятий, Шэнь Юньпэя и Янь Синьхоу — по 13—14 фабрик, различных компаний и банков, Чжу Дачуна и Чжан Чжэньсюня — по 11 предприятий и компаний, Сюй Динлиня — 10, Сун Вэйчэня и Чжоу Тинби — 8 фабрик, банков, обществ и фирм (см. [53, с. 1091—1095]).

Общая слабость китайского капитализма сделала характерным для конца XIX — начала XX в. сращивание буржуазного предпринимательства с одной из частей цинской бюрократии для предотвращения грабежа и произвола со стороны другой. Фабриканты из среды крупных торговцев и ростовщиков подарками и взятками добивались расположения влиятельных бюрократов. Денежными пожертвованиями в казну предприниматели покупали чиновничьи должности, почетные звания и ученые степени. Защиты и содействия у крупных сановников искали и буржуа из чиновничьего круга, идя с ними на совместные вложения, используя для предпринимательства часть средств, награбленных ими через налоговый аппарат.

У данной части буржуазии (чиновников и выходцев из их среды, шэньши, именитых землевладельцев и в некоторой мере компрадоров-бюрократов) были особенно тесные связи с казной. Положение шэньши, хоубудао и чиновника, покровительство наместников и создаваемый этим вес в обществе давали им такие привилегии, которых не могли добиться (даже за деньги) рядовые предприниматели из купцов, ростовщиков и мануфактуристов. Подобный «особый климат» помогал завоевывать доверие вкладчиков, манил рядовых пайщиков (средних помещиков, торговцев, мелких чиновников). Даже став крупными фабрикантами, многие промышленники из чиновничье-шэньшиской среды не только не порывали связей с бюрократией, но, наоборот, всячески использовали выгоды предпринимательства для получения новых званий, почетных должностей и чинов, для укрепления личных связей с крупными сановниками.

Экономический рост буржуазии Цзянсу, Чжэцзяна и Гуандуна, а также городов долины Янцзы во многом зависел от наместников Лянцзяна, Лянгуана⁶ и Хугуана, в первую очередь от лидеров хунаньской и хуайской клики (Чжан Чжидун, Ли Хунчжан, Лю

Кунь). В целях укрепления своего могущества эти и другие цзунду поощряли предпринимательство преданных им лично представителей чиновной буржуазии, компрадоров и обуржуазившихся помещиков. В начале XX в. лидеры торгово-промышленных кругов Цзянсу и Чжэцзяна поддерживали теснейшую связь с наместником (*чжитаем*) Лянцзяна Лю Кунь, пользуясь его особым покровительством. Протекция верхов цинской бюрократии была столь же характерна и для буржуа-северян. Такие фабриканты, как Чжоу Сюэси, Янь Синьхоу, Чжан Цзянь, Ян Цзунлянь, Ван Юйфан и другие, при создании фабрик использовали в первую очередь личные связи с высшими чиновниками империи, в том числе Юань Шикаем и Шэн Сюаньхуаем (см. [394, с. 50—55, 92—118]).

Видный деятель бэйянской клики Чжоу Сюэси, в разное время занимавший посты даотая Тяньцзиня и инспектора Чжили был доверенным лицом Юань Шикая. Чиновник личной канцелярии Ли Хунчжана и его протеже Янь Синьхоу за время службы соляным чиновником сколотил миллионное состояние. Чжан Цзянь и Ян Цзунлянь входили в окружение Чжан Чжидуна и Лю Кунь. Один из двух ведущих основателей Ханькоуской электростанции даотай Ван Юйфан был секретарем личной канцелярии Чжан Чжидуна, пользовался его покровительством, распространявшимся и на данное предприятие. Связанный через совместные вложения и интересы с Юань Шикаем и Чжоу Сюэси, императорский секретарь и фабрикант Сунь Цзянай, в свою очередь, выступал патронатором для других буржуа, в том числе для Ма Сиюаня. В ряде предприятий бюрократической буржуазии имелись личные вклады или пай Ли Хунчжана, Шэн Сюаньхуа, а также казенные вложения [53, с. 1043]. Кандидат в даотай Сюй Динлинь основал ряд фабрик на паях с наместником Лянцзяна Дуань Фаном. Покровительство цзунду освободило продукцию этих предприятий от разорительного обложения лицензией [53, с. 1046]. Содействие Пекина и провинциальной администрации чиновному предпринимательству носило самые разнообразные формы: отмена налогов с предприятия и гарантирование государством определенного уровня дивидендов акционерам («Столичная водопроводная компания» Чжоу Сюэси), продажа казенного оборудования (Чжан Цзяню), правительственные дотации (кандидату в даотай Сюн Силину) и казенные инвестиции. Впрочем, вся эта «помощь» была в целом более чем скромной в сравнении с огромными подачками и уступками лидерам смешанного (гуаньду шанбань) подсектора (Чжан Чжидун, Ли Хунчжан, Шэн Сюаньхуай).

Фабриканты из шэньшиской среды свои связи с чиновным миром использовали и для получения разного рода привилегий старого, феодально-монопольного типа. Так, Чжан Цзянь добился монопольного права на производство пряжи в богатейшем хлопководческом районе Наньтун — Хаймынь. Другим предпринимателям в течение 20 лет запрещалось открывать прядильные фабрики в радиусе 50 км от его предприятия «Дашэн» в Наньтуне.

Эту привилегию Чжан Цзянь эффективно использовал для ограждения своего дела от конкуренции. Так, неудачей кончились настоячивые попытки, предпринимавшиеся в 1903—1904 гг. богатым фабрикантом, шэньши и хоубудао Чжу Чоу, построить в том же районе свою прядильню. К 1911 г. Чжан Цзянь монополизировал также распашку залежей и добычу соли в округе Тунчжоу, а также взял под свой контроль ряд других предприятий в Цзянсу [274, с. 86—87].

Значительная часть крупной буржуазии Китая была органически связана не только с чиновной бюрократией, но и с традиционной деревенской экономикой, сочетая капиталистическое предпринимательство с получением земельной ренты. Чиновники, хоусюань, хоубудао и простые шэньши, открывая фабрики, шахты и рудники, создавая разного рода компании, сохраняли в своих руках земельную собственность, дававшую доход от эксплуатации крестьян через арендную систему. Например, семейство шанхайского текстильного фабриканта Сюэ Наньмина, сына крупного чиновника и помещика, владело 40 тыс. му. Чжан Цзяню лично принадлежало свыше 3 тыс. му. Кроме того, он распоряжался землей ряда компаний по подъему залежи общей площадью 700 тыс. му [274, с. 88; 53, с. 1023].

Господствовавшая на землях компаний и фабрикантов аренда уже не может быть в полной мере охарактеризована как старая, феодальная, ибо она функционировала в общественной системе капиталистического предпринимательства. По отношению к держателям земли она оставалась такой же кабальной, как и во владениях традиционных дичжу, однако получаемая за ее счет рента шла не столько на удовлетворение натуральных и индивидуальных потребностей землевладельцев, сколько на разного рода коммерческие операции и буржуазные инвестиции. Подключенная к капиталистическому укладу и мировому рынку, в известном смысле «обновленная», «переходная» аренда на землях капиталистов, как и обуржуазившихся помещиков, была первым шагом на пути к переходу к аренде и ренте капиталистического типа.

Конкуренция иностранных товаров, чрезмерное налогообложение, беззащитность перед лицом произвола местных властей — все это заставляло мелких и средних предпринимателей в известной мере страховать свои капиталы путем помещения части их в земельную собственность. Землю старались покупать даже крупные фабриканты. Так, Не Цигуй, шанхайский таможенный инспектор (даотай), близкий к Ли Хунчжану и Шэн Сюаньхуаю, завладел большой пахотной площадью, следуя в этом плане примеру обоих своих патронов. Чжоу Сюэси приобрел более 2 тыс. му, Ян Цзунлянь — более 1 тыс. му [53, с. 1020—1021].

Земля давала им высокий и гарантированный доход. Часть средств, полученных за счет арендной эксплуатации крестьян, буржуазия переводила в фабричную сферу, особенно в годы благоприятной конъюнктуры (1895—1898, 1905—1908). Связь с деревенской экономикой, с шэньши и бюрократией способствовала сра-

щиванию городских предпринимателей с прослойкой обуржуазившихся помещиков.

Закономерность последнего была вызвана тем, что деятельность китайских фабрикантов в начале XX в. проходила в атмосфере, унаследованной от конфуцианского средневековья. Сохранявшееся экономическое и политическое преобладание деревни и земледелия над городом и промышленностью подкреплялось особой демографической ситуацией в стране. В этих условиях внутренняя слабость капиталистических потенций Китая сочеталась с крайне замедленной трансформацией непроизводительных форм капитала в промышленный. Обилие свободных рабочих рук в городах сочеталось с острой нехваткой у большинства предпринимателей не только собственного, но и ссудного капитала, за пользование которым приходилось платить огромные ростовщические проценты. Годовая норма ссудного процента в современных банках была в среднем очень высока. Если в Шанхае, Тяньцзине, Ханькоу, Нинбо и Яньтае она не превышала 7—9%, то уже в Нанкине, Пекине, Шаньтоу, Уху и Чунцине поднималась до 11—12%, в Цзюцзяне, Ичане и Фучжоу — до 18—20, а в южных городах (Гуанчжоу и Сямынь) — 20—30% [53, с. 1016; 382, с. 158].

Впрочем, современный банковский кредит не играл значительной роли в финансировании национальной промышленности. Основную часть ссудного капитала буржуазия Китая получала в меняльных лавках и ломбардах самое меньшее под 20—30% годовых, тогда как в Англии, Франции и Германии годовой процент не превышал 5% [382, с. 160]. Столь высокий уровень процентной ставки свидетельствовал об отсталости кредитного рынка Китая, остававшегося докапиталистическим по своему характеру, так как уровень ростовщического процента обычно превышал прибыли в производящих отраслях, ссудный процент не был составной частью прибыли на капитал, уровень заемного процента определялся в самой сфере ростовщичества, а не средней нормой предпринимательской прибыли, которая еще не сложилась в рамках всей страны. Иными словами, национальный капитализм в Китае развивался при полном засилье торгового и ростовщического капитала. Личностный кредит по-прежнему оставался господствующей формой. Преобладали так называемые займы доверия (*синь-юн фанкуань*). Только с начала XX в., да и то лишь в приморских городах, начал постепенно развиваться кредит под обеспечение, главным образом, под недвижимое имущество.

Замедленность перехода непроизводительных видов капитала в промышленный обусловила крайнюю слабость последнего перед лицом ростовщичества, дававшего более высокий доход в сфере традиционного кредита переводных контор, меняльных лавок и ломбардов. Средства только зарегистрированных переписью 1912 г. цянчжуанов и дяньданов в среднем по стране в 3 раза превышали промышленный капитал. В отдельных, как правило, сравнительно отсталых провинциях это преобладание было еще более разительным: в Гуанси — в 70 раз, Шэньси — в 53, Фэнтя-

ни — в 51, Цзянси и Хунани — в 13 и Гуйчжоу — в 11 раз [53, с. 1017].

Острая «нехватка капитала» заставляла фабрикантов и основателей разного рода компаний прибегать к системе *гуаньли* (*гуаньси*, *чжэнси*), представлявшей собой переходную форму между старым ростовщичеством и акционерным началом. Эта система гарантировала «акционерам» ежегодную выплату от 7 до 10% на их инвестиции независимо от сроков открытия предприятия и его рентабельности (см. [274, с. 86; 382, с. 158—159]). Остатки прибыли после выплаты *гуаньли* (если они были) распределялись уже как предпринимательские дивиденды. Таким образом, значительная часть акций компаний и предприятий, вынужденных прибегать к системе *гуаньли*, в действительности являлась долговыми расписками-векселями с обязательством регулярной уплаты процентов за пользование ссудой. И тем не менее китайская буржуазия вынуждена была прибегать к столь рискованной для себя системе привлечения «акционерного» капитала (главным образом из среды помещиков, рядовых *шэньши*, чиновников, *хоусюань* и *хоубудао*).

Данные о результатах подобной практики по «Хубэйскому ткацкому бюро», сучжоуской прядельной фабрике «Сулунь», компании «Дашэн» и ряду других предприятий красноречиво свидетельствовали о слабости нового предпринимательства. Так, администрация фабрики Чжан Цзяня «Дашэн» в Наньтуне еще до вступления в строй вынуждена была выплачивать *гуаньли* в размере 8% [414, с. 18]. Поскольку на тогдашнем денежном рынке уровень ссудного процента был значительно выше, правление компании после четырех лет работы предприятия вынуждено было возратить акционерам их пай и набирать новые. Сама фабрика все это время находилась под угрозой закрытия. Из общей суммы прибыли в 5 с лишним млн. лянгов, полученной за 15 лет (1899—1913), компании «Дашэн» пришлось выплатить в качестве *гуаньли* около 2 млн. лянгов [368, с. 273; 382, с. 142—143].

Денежный капитал, создававшийся в сфере арендной эксплуатации крестьянства, также в явно недостаточных масштабах притекал в машинное производство. Тяжелые условия иностранной конкуренции, высокий и гарантированный доход от землевладения, а также другие причины заставляли владельцев свободных денежных средств помещать их преимущественно в покупку земли, чинов, почетных званий, в ростовщичество, торговлю, в сферы банковского кредита, транспорта и лишь в последнюю очередь, притом с очень большой оглядкой, в фабричное производство.

Частая потребность в крупных займах и кредитах определяла финансовую зависимость верхов национальной буржуазии от иностранного сектора. В подобном положении находились почти все китайские железорудные и чугунолитейные механизированные предприятия [26, с. 136—137]. С 1910 по 1913 г. японские займы, в том числе оборудование, получили 6 китайских электростанций (Ханькоуская, Наньчанская, Учанская, Шаньтоуская и две

шанхайские — Чжабэйская и Наньшиская). В те же годы финансовую помощь из Японии приняли свыше 10 других предприятий, в том числе наньтунская фабрика Чжан Цзяня «Дашэн», завод Гу Жуньчжана «Янцзы» и Тунгуаньшаньская горная компания. Основными кредиторами выступали «То-А Когэ Кайся», «Йокогама Спэши Бэнк», концерн «Окура», «Бэнк оф Тайвань» и «Мицуи Буссан Кайся». Займы китайским предприятиям предоставляли также «Мицубиси» и «Асахи Коси» [53, с. 1063]. Японские субсидии в 1909—1910 гг. были получены Бодунскими угольными копями (Шаньдун) и Цзинтунской горной компанией (Аньхой). Задолженность коммерсантов Тяньцзиня иностранным фирмам составляла в 1908 г. около 20 млн. юаней [274, с. 31].

В ряде случаев даже казенные и смешанные предприятия, нуждаясь в технической помощи, прибегали к содействию иностранных банков и компаний. Так, «Хубэйское ткацкое бюро» Чжан Чжидуна в 1901 г. было вынуждено взять заем на сумму более 0,5 млн. юаней у одной иностранной фирмы [53, с. 1052].

Кроме того, часть крупной буржуазии Китая зависела от иностранного сектора в плане создания смешанных компаний, владения акциями иностранных предприятий и других форм участия.

Для того чтобы пользоваться всеми привилегиями иностранцев в Цинской империи, китайские дельцы, если это удавалось, действовали под иностранной вывеской или другими средствами скрывали местное происхождение вложенного в дело капитала.

Более крупные буржуа (в первую очередь компрадоры) добились возможности инвестировать свои деньги в иностранный сектор, становясь пайщиками европейских, американских и японских компаний. По крайне отрывочным данным за 1896—1910 гг. пайщиками 17 иностранных предприятий состояли свыше 70 китайских предпринимателей и фирм. В их числе были такие крупные майбани, как Чжу Дачунь, Тан Цзэчэнь, Чжу Баосань, У Шаоцин и фабрикант из купцов Хуан Цзоцин [53, с. 1065]. Китайские капиталы были помещены в доки «Фанхэм, Бойд энд К°», железодельный завод «Вулкан» («Ваньлун») и «Вэйхайвэй Голд Майнинг К°». Китайцы имели пай в целом ряде принадлежавших иностранцам мукомольных и пряделен Шанхая — «Эво Коттон Спиннинг энд Вивинг К°», «Хунъюань», «Лаогунмоу», «Жуйцзи» и «Селун» [382, с. 149].

Слабость местной буржуазии заставляла ее искать новые пути к сотрудничеству с иностранцами. Среди торгово-промышленных кругов Цзянсу и Чжэцзяна была очень популярна идея сотрудничества с капиталом США. В 1910 г. лидер этих кругов Чжан Цзянь предложил проект создания американо-китайского банка и объединенной компании.

Связь с иностранным сектором была особенно характерной для компрадорской части крупной буржуазии. Последняя открывала свои предприятия под европейскими вывесками, на территориях концессий и селтльментов, в качестве дочерних предприятий иностранных фирм. Так, Чжу Дачунь, компрадор фирмы «Джар-

дин, Мэзисон энд К^о», в 1910 г. создал в Шанхае хлопкопрядильную фабрику «Гунъи» (с капиталом 1,3 млн. юаней) в качестве дочернего предприятия этой фирмы [26, с. 111]. Не только конкураторы, но и крупные чиновники старались основывать свои предприятия под защитой иностранного сектора. Шэн Сюаньхуай, например, зарегистрировал свою хлопкопрядильную фабрику в Гонконге как иностранное предприятие [443, с. 52].

Вследствие слабости буржуазии Китая ее собственность довольно часто становилась добычей иностранного сектора. Выше уже говорилось о постепенном захвате японским капиталом Ханьпинского комбината. Случай этот был отнюдь не единичным. В 1902 и 1906 гг. хлопкопрядильня «Синьтай» и фабрика «Дачунь» в Шанхае были куплены «Мицуй Буссан Кайся». В 1908 г. компания «Ниппон Мэнка» полностью овладела фабрикой «Цзючэн», созданной на паях с местным капиталом [382, с. 150]. Аналогичное поглощение китайских предприятий иностранным капиталом шло и в ряде других отраслей (шелкопрядение, цементная, бумажная и мукомольная промышленность).

Частные китайские фабрики перед лицом сильнейшей внешней конкуренции испытывали серьезные трудности. Многие мелкие заведения не выдерживали этого соперничества и закрывались. В борьбе между национальным и иностранным секторами за местный рынок с самого начала огромный перевес имела импортная и производившаяся на иностранных предприятиях в самом Китае продукция. На рынках важнейших «открытых» портов верхнего и среднего течения Янцзы доля отечественной машинной пряжи составляла в 1909—1913 гг. всего 28%, а в городах Северного Китая — только 20% [382, с. 145]. В хлопкопрядении чужеземному капиталу в 1913 г. принадлежал 41% веретен, а в хлопкоткачестве — около 50% станков [26, с. 142—143].

Импортные товары и продукция иностранных предприятий в «открытых» портах были в годы промышленного подъема 1905—1908 гг. несколько потеснены китайскими фабрикатами. Тем не менее они продолжали прочно господствовать на внутреннем рынке Цинской империи. В 1908 г. на долю иностранной хлопковой пряжи приходилось 76% сбыта, в 1913 г. на долю угля — 60% (из них 49% падало на добытый в самом Китае) [53, с. 1157].

Неустойчивость позиций национального предпринимательства при соприкосновении с внешней средой (иностраный сектор и мировой рынок) заставляла его устремляться прежде всего в те отрасли, где для основания предприятий необходимы были относительно не крупные средства, а органический состав капитала низок, т. е. прежде всего в текстильную и пищевую промышленность. Среди возникавших предприятий, фирм и компаний полностью преобладали мелкие акционерные общества и товарищества на паях. Из 138 промышленных и 127 торговых, кредитных, транспортных, сельскохозяйственных, страховых и других фирм, зарегистрированных за 1903—1908 гг., соответственно 106 и 48 были мелкими акционерными обществами, 21 и 51 — товариществами

нами на паях и лишь 11 и 28 имели индивидуальных владельцев [53, с. 738].

Многие предприятия после вступления в строй меняли свою организацию, владельцы или правление, по нескольку раз сдавались в аренду, продавались, попадали в руки иностранцев или же закрывались. Частый переход фабрик из одних рук в другие был особенно характерен для шелковой и в меньшей мере — для хлопчатобумажной промышленности. За 17 лет (1896—1913) только среди хлопчатобумажных фабрик было отмечено 29 реорганизаций, продаж, передач в аренду и т. п. [382, с. 143]. Многие предприятия временно прекращали работу. Чередование промышленных подъемов и спадов, начавшееся с середины 90-х годов, усиливало эту неустойчивость.

Перечисленные выше признаки слабости промышленной буржуазии Китая в известной мере определялись спецификой ее классового образования. Особенность генезиса фабричного буржуа в Цинской империи конца XIX — начала XX в. состояла в том, что формирование верхушки этого слоя в 1894—1914 гг. шло главным образом за счет обуржуазивания небольшой части чиновно-помещичьего класса, а не путем преимущественной трансформации торгового и мануфактурного капитала в фабричный. Факторы, тормозившие развитие китайского капитализма в целом, затрудняли прежде всего превращение мануфактурного предпринимательства в машинный капитализм. Конкретный ход социально-экономического развития Китая указанного периода почти исключал эту, классическую для капитализма, историко-генетическую последовательность рекрутирования промышленного капитала, что обусловило известную неполноценность крупной национальной буржуазии — весьма распространенное и длительное сочетание в одном лице капиталиста, шэньши, чиновника (или хоубу) и помещика. Такого рода амальгама укреплялась тем, что капитализм в стране развивался в описываемые годы не путем революционной ломки старого феодального строя, а путем приспособления к нему.

Наряду с активностью в промышленной сфере постепенно рос интерес местного капитала, в том числе обуржуазившихся помещиков и шэньши, к железнодорожному предпринимательству. В среде национальной буржуазии крепло стремление вести свои дела в данной области без иностранного участия и даже без европейских инженеров. В 1903 г. фуцзяньский резидент, кандидат на чиновничью должность Чжан Юйнань получил концессию на постройку линии Шаньтоу — Чаочжоу. Промышленный подъем 1905—1908 гг. и движение «за возвращение прав» дали новый импульс национальному железнодорожному грондерству. Южный и Центральный Китай являлись главными очагами железнодорожного ажиотажа. В ходе борьбы буржуазных слоев Китая за эту новую прибыльную сферу приложения капитала возникли и их первые объединения. Так, в 1905 г. в Фуцзяни была создана «Компания железной дороги Гуанчжоу — Сямынь» с фондом, превышавшим 1 млн. юаней. В следующем году на юге Гуандуна воз-

никла акционерная компания с капиталом около 3 млн. юаней (большая часть его была вложена реэмигрантской буржуазией) для прокладки линии Цзянмынь — Суньнин. В Цзянси в 1908 г. для строительства дороги Наньчан — Цзюцзян была образована компания с объявленным капиталом 2,8 млн. лянгов [182, с. 37]. В том же году в Сямыне была основана «Фуцзяньская коммерческая железнодорожная компания» с фондом 6 млн. юаней. В железнодорожное предпринимательство были сделаны крупные вложения такими видными представителями реэмигрантской среды, как Ху Голянь, Чэнь Баочэн и Чжан Чжэньсюнь. Паи в железнодорожных компаниях имели Чжан Цзянь, Сюй Динлинь и другие лидеры чиновно-шэньшиской группы китайской буржуазии.

Создание первых железнодорожных компаний происходило в обстановке борьбы «за возвращение прав» и массового противодействия иностранному капиталу. В Аньхое происходил сбор средств на постройку линии Уху — Гуандэ. Особой остроты борьба достигла в Чжэцзяне и Цзянсу, где решался вопрос о строительстве дороги Шанхай — Ханчжоу — Нинбо. Для этого в 1905—1906 гг. были организованы две национальные компании: одна в Цзянсу, другая — в Чжэцзяне. Начальный акционерный капитал был собран по подписке среди шэньши, чиновников, хоубу, буржуазии, землевладельцев и иных слоев населения (см. [394, с. 142—146]). «Чжэцзянская железнодорожная компания» с начальным капиталом 5 млн. юаней приступила к строительству в сентябре 1906 г. Вслед за этим в мае 1907 г. начала земляные работы Цзянсуская железнодорожная компания, собравшая в свой фонд 3 млн. юаней (см. [433, с. 95—98]). Однако под нажимом Англии над строящейся линией был установлен правительственный контроль. Пекин в 1907 г. формально взял в свои руки начавшееся строительство, а вслед за этим в 1908 г. был вынужден подключить к нему английскую компанию «Бритиш энд Чайнииз Корпорэйшн», за спиной которой стояли «Гонконг энд Шанхай Бэнкинг Корпорэйшн» и «Джардин, Мэзисон энд К°».

Подобное решение вызвало массовое движение протеста населения Цзянсу и Чжэцзяна, грозившего отказаться платить налоги, против займа 1908 г., обусловившего допуск англичан к строительству указанной дороги. В крупных городах происходили многочисленные митинги, на которых выдвигалось требование расторгнуть соглашение о займе с «Бритиш энд Чайнииз Корпорэйшн». Одновременно распространялись подписные листы для покупки дополнительных акций на строительство этой важнейшей линии национальными силами (см. [149, с. 84; 182, с. 37—38]). В результате 40—50 тыс. человек из различных слоев общества внесли свои деньги в фонд обеих китайских компаний. Общая сумма, собранная по подписке, составила почти 30 млн. лянгов [364, с. 53—56]. Оказавшись между двух огней и боясь обострить ситуацию, цинское правительство пошло на компромисс. Оставив строительство в руках провинциальных компаний, оно в то же время не посмело отказаться от английского займа и связанных с ним обя-

зательств. В итоге китайский капитал завершил постройку всей линии к концу 1912 г. (см. [240, с. 123—126]).

В 1907—1908 гг., используя опыт движения «за возвращение прав», буржуазно-шэньшиские круги и других провинций организовали аналогичные массовые компании — «в защиту железных дорог», за выкуп дорог, построенных «заморскими дьяволами», за расторжение соглашений и за отказ впредь от внешних займов на эти цели.

Местные провинциальные круги, возглавляемые шэньши и торговцами, требовали от Пекина предоставления железнодорожных концессий национальным компаниям. Для их создания проводился сбор средств среди населения путем подписки. Учитывая эти настроения, цинское правительство в 1908 г. несколько ослабило всевластие англичан на дороге Шанхай—Нанкин и выкупило у франко-бельгийского капитала право эксплуатации Пекин-Ханькоуской магистрали, оставив в его руках лишь управление службой движения.

Одновременно национальные частные компании приступили к прокладке железных дорог собственными силами. Уже в 1906 г. в Фуцзяни началось строительство линии Сямынь—Чжанчжоу, вступившей в строй в 1910 г. Большая часть из затраченных на это 1,8 млн. юаней была вложена реэмигрантской буржуазией. В Маньчжурии в 1907 г. была проложена узкоколейка Цицикар—Ананци. В том же году началось строительство дороги Наньчан—Цзюцзян (Цзянси). На ее трассе (128 км) движение началось в 1916 г. В 1908 г. были завершены работы на линии Шаньтоу—Чаочжоу протяженностью 42 км, на ее создание было затрачено 3,5 млн. юаней. Шло строительство дороги Цзянмынь—Синьнин с веткой Тайшань—Байша в Гуандуне. В 1910 г. в Хэнане начались работы на трассе Тунгуань—Хэнаньфу [433, с. 91].

Большинство из перечисленных линий имело незначительные размеры. Общая длина частных дорог, построенных к началу Синьхайской революции в Фуцзяни и Гуандуне, составила всего лишь 210 км. Остро чувствовалась все та же «нехватка капитала». Так, «Компания Шаньтоу-Чаочжоуской железной дороги», возглавляемая Чжан Юйнанем, была вынуждена пригласить японских акционеров. Строившая линию Наньчан—Цзюцзян «Цзянсийская железнодорожная компания» в конце 1906 г. получила японский заем в 1 млн. лянгов, причем кредиторы на всю сумму займа получили акции компании. В 1912 г. последовал второй заем (свыше 5 млн. юаней). Строительству частных дорог мешали отсутствие опыта, плохая организация, различные махинации и аферы, а также давление цинских властей.

В перспективе же буржуазия Юга, следовавшая за шэньши, хоубу, чиновниками и помещиками, стремилась к более значительным масштабам строительства за счет местных налогов и мобилизации средств патриотически и националистически настроенного населения. Когда наместник Хугуана Чжан Чжидун и другие сановники обратились в Пекин с проектом строительства Хугуан-

ских железных дорог (Хубэй — Сычуань и Хубэй — Хунань — Гуандун), буржуазно-шэньшиские круги Юга встретили эту инициативу с восторгом. В проекте их особенно привлекала предполагаемая временная отмена внутренних пошлин на вывозимые из перечисленных провинций товары и привлечение казенных средств в качестве акционерного капитала.

Хугуанские дороги должны были пройти через богатейшие провинции Центра и Юга, связать Ухань — экономический центр среднего течения Янцзы — с южными морскими воротами Китая (Гуанчжоу, Гонконг) и с глубинной Сычуанью. Поскольку получившая в 1898 г. права на постройку магистрали Гуанчжоу — Учан «Америкэн Чайна Дивелопмент К°» так и не приступила к реализации основного проекта⁷, Пекин в августе 1905 выкупил права американцев и аннулировал соглашение, объявив будущую дорогу казенным объектом. В данном случае, с одной стороны, сказалось давление могущественных английских банков и компаний, рассчитывавших со временем получить в свои руки эту важнейшую концессию, с другой же — подействовал нажим местных шэньшиско-буржуазных и чиновных слоев, стремившихся погреть руки на крайне доходном деле и предотвратить вмешательство иностранцев.

Строительство Хугуанских железных дорог было начато казной в 1905 г., для чего были созданы сычуаньская и гуандунская компании с общим объявленным капиталом 40 млн. юаней [436, с. 120]. Первая должна была проложить линию Ханькоу — Чэнду, вторая — магистраль Ханькоу — Гуанчжоу. Недостаточность средств местных казначейств очень скоро принудила Пекин выпустить специальный внутренний железнодорожный заем, облигации которого получили широкое распространение. Одновременно был организован сбор средств по подписке среди чиновников, хоусюань, хоубудао, шэньши, землевладельцев и буржуазии Сычуани, Хубэя, Гуандуна и Хунани. В результате обе компании в том же году превратились в смешанные акционерные предприятия со значительным участием казны.

Работы должны были вестись главным образом на средства, поступающие от дополнительного налогообложения. Для этого частично использовались надбавки, введенные в русле «новой политики», а также ряд специально предназначенных для железнодорожного строительства начислений. Среди первых были надбавки к поземельному обложению (*муцзюань*), к налогам на соль (*яньцзюань*), аренду помещений (*фанцзюань*), к различным видам лицензия и т. д. Среди вторых ведущую роль играли специальные отчисления от арендных поступлений землевладельцев или налог на земельную ренту (*чоуцзю*). В разных провинциях соотношение двух указанных видов налогообложения было различным. Общим было то, что все поступления оформлялись в виде «паевых взносов». При уплате таких сборов населению выдавались специальные квитанции, которые обменивались на особые «налоговые» акции упомянутых железнодорожных компаний — «рисовые» или

«арендные» (*цзугу*), «соляные» (*яньгу*), «подворные» (*фангу*) и т. п. (см. [42, с. 35—36, 178—181]).

В результате «пайщиками» Хугуанских дорог в 1905—1911 гг. стали не только акционеры-предприниматели, но и множество налогоплательщиков четырех провинций Центра и Юга. При такой системе мобилизации средств вольными или невольными участниками нового гигантского предприятия оказались сотни тысяч людей — торговцы, помещики, крестьяне, ремесленники и др. Одновременно держателями предпринимательских железнодорожных акций (*шангу*) в 1906—1909 гг. стало значительное число чиновников, хоубу, шэньши, землевладельцев, купцов и буржуа.

Главой созданной в 1905 г. в Гуанчжоу для строительства Хугуанских дорог смешанной «Гуанчжоу-Ханькоуской железнодорожной компании» вплоть до 1908 г. был Шэн Сюаньхуай. Деятельность компании с самого начала была парализована коррупцией ее чиновничьего руководства. В 1906 г. под давлением буржуазно-шэньшиских кругов Гуандуна вместо нее была учреждена частная акционерная компания Гуанчжоу-Ханькоуской железной дороги. В 1909 г. было основано ее хунаньское отделение, а в следующем году — филиал в Хубэе (см. [145, с. 100; 394, с. 131—142]).

Рост фондов данной компании происходил в Гуандуне преимущественно за счет свободной продажи акций (*шангу*). В Хунани и Хубэе большую роль играли обязательные паевые надбавки к лицензии, налогам на рис, соль, аренду земли и жилых помещений. К 1911 г. в Гуандуне было собрано в целом свыше 14 млн. юаней, а в Хунани — более 5 млн. юаней [42, с. 180].

Параллельно гуанчжоуской в 1905 г. в Чэнду была основана смешанная «Сычуань-Ханькоуская железнодорожная компания». В Сычуани при комплектовании ее капитала особое значение имел обязательный паевой взнос с землевладельцев в виде налога с арендного сбора (*цзугу*). Все семьи, получавшие более 10 даней зерна в качестве арендной платы, были обязаны вносить 3% от нес. Налоговые квитанции затем обменивались на железнодорожные «рисовые» акции. Сбор арендного налога контролировали местные шэньши, начальники туаньяней и уездные власти. За счет цзугу в Сычуани было составлено свыше 2/3, а в Хунани за счет налогово-паевой мобилизации средств — около 80% акционерного фонда (см. [42, с. 35—36, 181; 145, с. 101]).

Местная буржуазия сначала была отторгнута от руководства «Сычуань-Ханькоуской железнодорожной компанией», в которой царил засилье бюрократии и воровство. Собранный капитал использовался для биржевых спекуляций и рискованных операций, кончившихся крахом. В итоге чиновники пустили на ветер и прикарманили около 2 млн. лянгов [145, с. 102]. Близившееся банкротство компании заставило власти пойти в 1907 г. на превращение ее в частное предприятие (при сохранении за ней казенных вложений), после чего руководство ею перешло в руки местных шэньши, обуржуазившихся помещиков и торгово-предпринимательских кругов. Новое правление, возглавляемое крупными сы-

чуаньскими капиталистами Янь Каем и Дэн Сяокэ, улучшило дело компании. Ее акционерный капитал в 1911 г. составил около 11 млн. лянгов [479, с. 472]. Главным инженером строительства в 1908 г. был назначен образованный и талантливый специалист Чжан Тянью. По его планам начались строительные работы на участке Ичан — Ваньсянь.

В целом же дела обеих компаний ко времени Синьхайской революции обстояли далеко не блестяще. В их правлениях продолжали процветать воровство, расточительство и коррупция, правда в меньших масштабах. Деятельности компаний сильно мешал произвол местной администрации, ощущалась нехватка капитала, строительных материалов и квалифицированных специалистов. Тем не менее строительные работы начались как на гуандунской, так и на сычуаньской линии. Шло возведение насыпи на участке Ичан — Ханькоу. К 1911 г. на гуандунской линии были построены отрезки Гуанчжоу — Лидун (105 км) и Чанша — Чжучжоу (150 км). На первом из них уже ходили поезда. Шли строительные работы на участке Учан — Чжучжоу (см. [26, с. 170; 433, с. 91]).

Буржуазно-шэньшиская среда Южного и Центрального Китая связывала с реализацией Хугуанского проекта особые надежды. Тем болезненней оказался удар, нанесенный экономическим интересам этих кругов цинским правительством летом 1911 г. В мае — июне новый министр почт и путей сообщения, Шэн Сюаньхуай, заключил с международным банковским консорциумом соглашение о так называемом Хугуанском займе. Данная сделка повлекла за собой императорский указ о «национализации», т. е. изъятии в казну, Хугуанских железных дорог. Все права на постройку магистральных линий передавались иностранным банкам и компаниям.

За китайским частным капиталом оставалось лишь право строительства подъездных путей и веток. «Национализация» предполагала возвращение владельцам железнодорожных акций лишь части их стоимости. Так, в Гуандуне акционерам выплачивалось наличными только 60% номинальной стоимости их ценных бумаг. На остальные 40% правительство выпускало беспроцентные облигации. Их оно обязывалось выкупить в течение 10 лет со дня постройки дороги. В Хунани и Хубэе предпринимательские акции (шангу) полностью выкупались за наличные. На налоговые же — «рисовые» и иные — акции выпускались шестипроцентные облигации с полным погашением в течение более 20 лет. За тот же срок государство обещало оплатить облигации «Сычуань-Ханькоуской железнодорожной компании». Иначе говоря, все 11 млн. лянгов (из них 7 млн. наличными), собранных населением Сычуани, казна «на время» забирала себе. Особенно ощутимые потери понесли владельцы шангу (см. [42, с. 180—181; 143, с. 113, 117]). В целом вся «национализация» Хугуанских дорог была тяжелым ударом по карману буржуазно-шэньшиской среды Юга.

Параллельно с железнодорожным грюндерством постепенно

оформлялись интересы китайской буржуазии в сфере речного и каботажного пароходства. За 1895—1900 гг. о национальных пароходствах сведений нет. С 1901 по 1914 г. было создано 27 пароходных компаний с суммарным капиталом около 13 млн. юаней. Как правило, преобладали небольшие компании с весьма скромными фондами. Некоторые из них имели всего по 1—2 парохода. В 5 из таких обществ имелись казенные или иностранные пай. Весьма заметным было участие капитала местной бюрократии, близкого к казенному. Так, в числе основателей пароходств выделялись наместник Сычуани Чжао Эрфэн и военный губернатор (сюньфу) Цилини Чэнь Чжаочан. В среде судовладельцев помимо шэньши, чиновников и кандидатов на чиновничьи должности был весьма высок процент купцов и предпринимателей, в том числе компрадоров, эмигрантов и реэмигрантов (см. [26, с. 219—221]).

Среди наиболее значительных пароходных компаний (с начальным капиталом 1 млн. юаней и выше) следует отметить созданное в 1906 г. пароходство «Линго» (4 млн. юаней). В 1909 г. купечество Нючжуана основало пароходное общество «Нэйган». В том же году компрадор Юй Сяцин, обслуживавший голландский и русский банковский капитал, организовал в Шанхае «Нинбо-Шяосинскую пароходную компанию». Примерно в 1912—1913 гг. в Чанша возникло «Китайское пароходное общество». Его создателем был купец Цзо Няньи. Вслед за тем возникла «Гуанчжоуская пароходная компания». Значительным пароходством стало и шанхайское «Дада», созданное Чжан Цзянем совместно с чиновником и предпринимателем Тан Шоуцянем. Кроме того, в Гонконге было основано в данной сфере несколько смешанных обществ с сильным участием английского капитала.

На деятельности китайских пароходств сказывалась сильнейшая конкуренция ведущих английских и японских компаний («Ихэ», «Тайгу» и др.). В силу этого национальные пароходства вынуждены были довольствоваться обслуживанием коротких линий, выполняя второстепенные рейсы, в том числе речные, с заходом в пункты, не обслуживаемые иностранными судами.

Уже упоминавшаяся «Китайская коммерческая пароходная компания» к концу рассматриваемого периода расширила свои операции. Перед революцией 1911—1913 гг. она имела около 30 пароходов и буксиров общим тоннажем около 50 тыс. т. Однако в связи с более быстрым ростом английских и японских компаний роль ее падала. К 1914 г. на долю «Китайской коммерческой пароходной компании» приходилась только четвертая часть судов, курсировавших по Янцзы, и лишь 23% их водоизмещения [26, с. 239; 414, с. 183].

Всего за 1903—1910 гг. была зарегистрирована 21 новая транспортная, преимущественно пароходная, компания с общим начальным капиталом около 70 млн. юаней [53, с. 738, 835—836]. Значительная его часть (свыше 30 млн. юаней) приходилась на долю двух компаний Хугуанских железных дорог. Огромные масштабы

предстоявшего строительства и ожидание соответствующих при-былей сделали Хугуанский проект с 1911 г. основным предприя-тием китайской буржуазии, шэньши, землевладельцев, чиновников и торговцев в сфере транспорта. Передача его банковскому кон-сорциуму отбросила назад национальное грюндерство, резко сни-зив его позиции в новых звеньях экономики. Этот удар в услови-ях «фискального взрыва» и хозяйственного кризиса 1909—1913 гг. привел к резкой политической активизации буржуазно-шэньши-ских кругов Китая.

В 1894—1914 гг. рост национальной буржуазии помимо машин-ного производства происходил в сфере обращения (торговля, фи-нансы, страховое дело). Верхушка торгово-ростовщической среды приморских провинций и городов бассейна Янцзы в обстановке роста буржуазного уклада перенимала у иностранцев новые ме-тоды помещения и хранения капитала, современные формы орга-низации оптовой коммерции и кредитного дела. Часть старого купечества и ростовщичества, особенно в «открытых» портах, по-степенно трансформировалась в буржуазию нового типа. В этой среде не ощущалось так остро, как у фабрикантов, «нехватки ка-питала». К 1910 г. было зарегистрировано 68 торговых фирм и компаний, среди которых значительную роль играло индивидуаль-ное предпринимательство. Из 48 объединений, зафиксированных в 1903—1908 гг., 20 имели индивидуальных владельцев [53, с. 738, 835—836]. Значительные позиции в данной сфере имела реэми-грантская среда, представителями которой были открыты крупней-шие магазины в Шанхае и ряде других «открытых» портов.

Китайская национальная буржуазия постепенно стягивалась в деятельность и в сфере современного кредита. Возникший ки-тайский банковский капитал, так же как и фабричный, начал с участия в смешанных предприятиях совместно с казной (гуаньшан хэбань, гуаньду шанбань). Первые шаги в данном направлении были сделаны после японо-китайской войны 1894—1895 гг. По-требность в современном национальном банке ощущалась уже дав-но. Непосредственным толчком к его созданию послужила необ-ходимость в современном оформлении финансовых дел возникшей в 1896 г. под управлением Шэн Сюаньхуа смешанной «Лухань-ской железнодорожной компании». По инициативе того же Шэн Сюаньхуа в 1896—1897 гг. в Шанхае был создан государствен-но-частный Китайский коммерческий банк («Империял Бэнк оф Чайна») с капиталом 3,5 млн. лянгов. Кроме казенных вложений (1,5 млн. лянгов) часть его фондов (1 млн.) составляли инвести-ции «империи» Шэн Сюаньхуа (в первую очередь «Чжаошань-цзюй»). Еще 1 млн. приходился на личные пай самого Шэн Сюаньхуа и его доверенных лиц. Среди них выделялся чиновник, купец и фаб-рикант Янь Синьхоу. Он являлся, помимо всего прочего, основа-телем практически первого в Китае частного банка «Юаньфэн» («Юаньфэнжунь»), сохранившего, правда, облик крупной меняль-ной конторы (иньхао). Китайский коммерческий банк включил в свою систему казенные меняльные лавки (гуаньиньхао), действо-

вавшие при морских таможнях в целом ряде открытых портов. Кроме Янь Синьхоу, ставшего директором банка, его акционерами были чиновники, шэньши, купцы и хоубудао, связанные с «импе-рией» Шэн Сюаньхуа, таможенной службой и гуаньиньхао. Но-вый банк получил право денежной эмиссии и иные привилегии [414, с. 69, 233—234].

Частный капитал принял участие и в создании правительствен-ного «Хубу бэнк». Он был основан в Пекине в 1905—1906 гг. и являлся частью налогового ведомства. Половину фондов (2 млн. лянгов) этого смешанного предприятия (гуаньшан хэбань) состав-ляли частные вложения. Доля последних постоянно возрастала. В связи с преобразованием налогового ведомства (Хубу) в со-временное министерство финансов (Дучжибу) банк был в 1908 г. переименован в Дайцинский банк. Его общий фонд к тому вре-мени возрос с 4 до 6 млн. лянгов. С 1912 г. он стал называться «Банк Китая» [368, с. 276; 361, с. 25].

В 1908 г. в Пекине правительством был создан смешанный Банк путей сообщения. Его задачами были деятельность в сфере межвалютных курсов в Китае и объединение под общим контро-лем казенных железных дорог, почты, телеграфа и парохозяйства. Начальный капитал банка составлял 5 млн. лянгов, 60% из кото-рых приходилось на частные вклады [361, с. 26]. С самого нача-ла банк попал в руки обычно именуемой «кликлой путей сообщения» (цзяотунфа) группы влиятельных бюрократов и финансистов, кото-рая руководила не только банком, но и самим министерством почт и путей сообщения. Главой банка с 1908 г. по хода-тайству Юань Шикая был назначен лидер этой группировки, круп-нейший финансист Лян Шии, получивший прозвище «бог богат-ства». После падения монархии в Китае он стал секретарем пре-зидента республики при Юань Шикае.

В ходе «новой политики» после ихэтуаньской катастрофы на-чалось постепенное преобразование казначейских управлений (гуаньиньцяньцзюй) в провинциальные банки нового типа. В 1902 г. в Чжили был открыт первый такой банк. Затем, начи-ная с 1906 г., провинциальные банки нового типа создавались один за другим (в Чжэцзяне, Фуцзяни, Сычуани). Чаще всего они возникали на базе старых финансовых учреждений (гуаньцянь-цзюй, гуаньиньхао), но в отличие от казенных денежных управле-ний (гуаньиньцяньцзюй) в большинстве случаев были смешанными предприятиями, в которых властям принадлежала лишь часть фон-дов. Несмотря на постоянную внутреннюю борьбу казенного и частного начала, эти учреждения быстро росли, а их значение уве-личивалось. Однако к 1912 г. частным пайщикам в целом так и не удалось потеснить позиции местной бюрократии. Последняя все более скатывалась к безграничной денежной эмиссии на официа-льные нужды, что мешало банкам успешно вести свои дела.

Вместе с тем с начала XX в. началось широкое участие бюро-кратии в разного рода кредитных операциях. Местные чиновники, и особенно провинциальные казначей, используя налоговые по-

ступления, сами стали заниматься банковским делом. Вплоть до свержения династии Цин в 1912 г. губернаторы, казначеи и начальники уездов ссужали казенные суммы меняльным лавкам, ломбардам и новым банкам без всякого обеспечения.

Наконец, в период промышленного подъема 1905—1908 гг. и борьбы «за возвращение прав» было создано 40 небольших самостоятельных (*шанбань*) частных банков и мелких кредитных обществ, включая некоторое число меняльных лавок и ломбардов (27 паевых, 7 акционерных обществ и 6 заведений, имевших индивидуальных владельцев). Их общий начальный капитал превышал 12 млн. юаней [53, с. 738].

Важной вехой в данном плане стал 1906 год, когда буржуа и хуобудан Чжоу Тинби открыл коммерческо-сберегательный банк «Синьчэн» с центральной конторой в Шанхае. Одновременно в Чжэньцзяне был основан частный банк «Синьи». В следующем году «Чжэцзянская железнодорожная компания» создала «Чжэцзянский промышленный банк» с центром в Ханчжоу. Впоследствии он стал опорой «чжэцзянской финансовой группировки» китайской буржуазии. В 1907 г. начал действовать торговый банк «Сымин» с главной конторой в Шанхае. Из видных коммерческих банков следует отметить также сямыньский «Синъюн» и шанхайский «Юйшан». По сравнению с иностранными банками они были крайне слабы. Достаточно указать, что общий фонд отмеченных выше 6 предприятий составлял лишь 7 млн. юаней. В них инвестировали значительные средства Янь Синьхоу, Чжоу Тинби, Сун Вэйчэнь и Ли Хоую. Большую роль в создании национальных частных банков играл цзянсу-чжэцзянский ростовщический капитал. Так, «Чжэцзянский промышленный банк» и «Сымин» возникли на базе крупных меняльных лавок нинбоского и иных банов. В создании обоих банков особую роль играл глава шанхайского торгового союза и представитель нинбоского бана Юй Сяцин, являвшийся компрадором банка «Недерландше Хандель-Маатсхаппий» и «Русско-Китайского банка» [414, с. 20].

Всего за 1903—1910 гг. было зарегистрировано 52 банковско-кредитных компании и фирмы (включая некоторые крупные цянчжуаны, ломбарды и пяхоао), суммарный капитал которых превышал 15 млн. юаней. Более же или менее крупных банков (включая провинциальные) к 1912 г. было создано лишь 17 [361, с. 26—27].

Значительные средства стали помещаться и в страховое дело. В годы второго промышленного подъема в Шанхае были открыты такие крупные для своего времени страховые компании, как «Хуасин» (основатель Янь Синьхоу), «Хэчжун» и «Хуатун» (суммарный фонд свыше 4 млн. юаней), в которые были помещены солидные вклады Пан Юаньцзи, Ли Хоую, Цзэн Чжу и ряда других буржуа и чиновников.

Следует подчеркнуть в то же время, что общее состояние денежного рынка страны мало способствовало развитию китайских частных банков. Начиная с 90-х годов почти беспрерывно усили-

вался выпуск бумажных денег — сначала казенными управлениями (гуаньиньцянцзюй), а с 1909 г. провинциальными банками. Вслед за правительственными учреждениями бесконтрольную бумажно-денежную эмиссию развернули наиболее неустойчивые из меняльных лавок и частные банки современного типа, пытавшиеся таким способом пополнить свой скудный капитал. Именно это привело в 1909 г. к краху банка «Синьи» [361, с. 25—26].

Перед Синьхайской революцией, как уже отмечалось, разыгралась полоса активной биржевой спекуляции со стороны современных банков и меняльных лавок, прежде всего в Шанхае. В значительной степени это объяснялось их стремлением поправить свои дела в условиях экономического спада 1909—1913 гг. Неокрепшие китайские банки бросились в спекулятивную игру земельной собственностью, недвижимостью и иностранными акциями. Ажиотаж 1908—1909 гг. на биржах Гонконга и Шанхая вокруг акций каучуковых плантаций, сопровождавшийся массовыми закладами недвижимости и товаров в деловых кругах Шанхая, привел в 1910 г. к массовым банкротствам меняльных лавок и банков, многие из которых оказались не в состоянии погасить задолженность иностранным фирмам и другим кредиторам (см. [60, с. 74—88; 274, с. 140]).

Не успел денежный и вообще деловой мир Шанхая оправиться от «каучуковой катастрофы», как с конца октября 1911 г. началась новая биржевая паника, вызванная началом Синьхайской революции. Лихорадочное состояние шанхайской биржи отрицательно сказалось также на финансовых кругах Пекина, Тяньцзиня и других городов. Среди прочих прекратили свою деятельность банк «Синьчэн» и Пекинский сберегательный банк.

Широкий размах всевозможных биржевых спекуляций, финансовых афер, предпринимательских махинаций и откровенного жульничества в целом был одной из специфических черт ранней стадии развития нового уклада в Китае. Наряду с представителями торгового и промышленного капитала существовала значительная прослойка и темных дельцов, которая может быть охарактеризована как спекулятивная буржуазия. Такого рода специфический компонент был в генетическом плане весьма характерен для того пестрого конгломерата слоев и групп, в виде которого в начале XX в. выступала вся китайская буржуазия в целом.

Глава 4

СТРУКТУРА КИТАЙСКОЙ БУРЖУАЗИИ. ЕЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ГОСУДАРСТВОМ

Из проблем, связанных с генезисом местной буржуазии, крайне важен вопрос об уровне ее органической целостности, о степени социальной общности¹. Что представляла собой китайская буржуазия к 1914 г. — уже сформировавшийся (хотя и слабый)

класс или же незавершенное социальное образование? О численности китайской буржуазии периода Синьхайской революции можно судить лишь приблизительно, в основном по количеству членов торговых союзов (шанхуэй): в 1912 г. по всей стране в более чем 790 таких объединений предпринимателей насчитывалось 196 тыс., включая купцов и ростовщиков старой формации.

Рост буржуазии был связан с успехами капиталистического уклада в Китае начала XX в. К 1910 г. отмечено появление 327 компаний и фирм (168 промышленных, 68 торговых, 52 банковско-кредитных, 22 транспортных, остальные — страховые, складские и пр.) с объявленным капиталом 172 млн. юаней. За 1895—1913 гг. в частную машинную и механизированную промышленность было инвестировано свыше 90 млн. юаней, не считая разного рода смешанных вложений. Всего к 1911 г. было основано 607 китайских фабричных предприятий с фондами от 10 тыс. до нескольких миллионов юаней [221, с. 503—504]. «Нижний слой» промышленности составляли, по данным переписи 1912 г., свыше 16 тыс. мануфактур и мастерских [58, т. 2, с. 432—433]. В целом слой разного рода предпринимателей в дофабричной сфере охватывал, по-видимому, несколько десятков тысяч человек.

Буржуазия Китая была привязана к различным и в той или иной мере противостоящим друг другу экономическим секторам, подкладам и видам предпринимательства (фабричное—дофабричное, национальное—иностранное, частное—казенно-частное и т. д.) и в известной мере разобщена их множественностью. При этом определяющим являлось наличие в капиталистическом укладе Китая двух уровней, неравнозначных в количественном отношении, а также разных по степени зрелости экономических форм. На верхнем уровне сосредоточивались современные высшие, прежде всего машинные, формы, привнесенные в страну извне. Для нижнего были свойственны отсталые виды производства спонтанного происхождения, в большинстве своем основанные на соединении ручного труда и капитала скупщика. Подобное различие между соответствующими социальными типами наблюдалось почти по всем профессионально-отраслевым группам буржуа (см. [178, с. 72—88; 234, с. 111—113]).

Для выяснения степени зрелости социальной общности китайской буржуазии важно выяснить, имела ли эта экономическая раздвоенность буржуазии по вертикали свое продолжение в общественном статусе предпринимателя. Представляла ли буржуазия Китая единое целое в правовом отношении? Ответ на этот вопрос может быть дан лишь с учетом специфики положения основных ее генетических групп (прежде всего составлявших ее «верхние этажи»). С переходом шэньши и чиновников к предпринимательству их сословная привилегированность, особенно обусловленное бюрократическим статусом влияние, сохранялась и переносилась в среду буржуазной верхушки. Уже сама по себе принадлежность фабриканта к сословию ши (шэньши) служила гарантией от произвола полицейских властей, налоговых чиновников и т. д. При этом

для высших страт буржуа-шэньши, а именно для крупных чиновников-предпринимателей (Янь Синьхоу, Чжоу Сюэси, Сунь Цзянай, Чжу Юхун, Ян Цзунлянь, Чжан Ляньфэн), имела место не просто привилегированность, а настоящая исключительность социального статуса и деловых возможностей. Одни из таких предпринимателей пользовались помощью казны, другие получали монопольные права в той или иной сфере, третьи — возможно избегали обложения лицзином. Шэньши и чиновники (включая хоубу, хоусюань), как влиятельные лица, пользовались особым кредитом у владельцев меняльных лавок (цяньчжуан) и переводных контор (пяохао), ибо, как уже отмечалось, в Китае начала XX в. господствовал личностный кредит, а не под обеспечение. С шэньши охотно вступали в пай предприниматели из непривилегированных сословий (см. [221, с. 506—507; 274, с. 23, 87]). Огромную роль играла протекция видных сановников и наместников провинций (Лю Куньшань, Юань Шикай, Шэн Сюаньхуай, Дуань Фан). Данный момент весьма характерен для крупной буржуазии Цзянсу (Чжан Цзянь, Сюй Динлинь и др.).

Таким образом, группу буржуа-шэньши особой кастой делали не столько размеры индивидуальных вложений, сколько иные возможности предпринимательства, недоступные рядовому буржуа из низших сословий (гун, шан). Такого рода непривилегированные капиталисты (нешэньши и неманьчжуры) в личностно-ценностной системе Цинской империи все еще оставались «людьми второго сорта». При отсутствии в Китае буржуазного правопорядка нижние, «массовые» слои буржуа были париями местного капитализма.

Выросшая в обстановке средневековых привилегий и органически связанная с ними чиновно-шэньшиская группа может быть охарактеризована как буржуазия феодального происхождения. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что буржуазный статус этих избранных определялся в первую очередь их положением как небуржуа. В силу этого для них было крайне характерно совмещение сразу нескольких социальных ролей. Так, состав промышленников (фабрикантов и горнозаводчиков), т. е. наиболее зрелой в плане буржуазных признаков профессиональной группы, свидетельствует именно о такой функциональной многоликости ее представителей. Последние, как правило, выступали сразу в нескольких ипостасях (чиновник, шэньши, помещик, капиталист), причем последняя (буржуа) зачастую не являлась для данного лица главной. Так, один из крупнейших капиталистов Севера, видный шэньши Чжоу Сюэси, был одновременно чиновником (инспектор соляных промыслов), землевладельцем (более 2 тыс. му) и фабрикантом (3 млн. юаней собственных и более 6 млн. юаней контролируемых вложений) (см. [221, с. 505; 394, с. 110—118]). Признанный лидер буржуазно-шэньшиских кругов Цзянсу Чжан Цзянь совмещал в своем лице шэньши (цзиньши, имел высшее в Китае ученое звание чжуаньюань), буржуа (основал 18 компаний и предприятий с общим фондом свыше 5 млн. юаней),

чиновника (советник двух министерств, член Академии Ханьлинь) и помещика (владел более 3 тыс. му) (см. [53, с. 1069; 274, с. 85—88]). Текстильный фабрикант шэньши Ян Цзунлянь был соляным инспектором и землевладельцем. Подобных примеров, когда фабрикант или горнозаводчик выступал по крайней мере в трех лицах, можно привести несколько десятков.

Практически чиновно-шэньшиская группа капиталистов формировалась за счет двоякой эволюции. С одной стороны, шэньши, в том числе чиновники и хоубу, становились буржуа. С другой стороны, купцы и предприниматели превращались в шэньши и носителей по преимуществу купленных за деньги почетных чиновных рангов и званий. Между обуржуазиванием шэньши и обюрокращиванием крупных дельцов принципиальной разницы не было, по сути дела это был двуединый процесс. Он оказывал весьма противоречивое воздействие на развитие капитализма и становление класса буржуазии в Китае. Приход шэньши, чиновников и помещиков в сферу предпринимательства значительно ускорил созревание крупного капитала и предпринимательской элиты, но за счет ослабления и ценой качественного ухудшения ее буржуазной природы и капиталистических свойств. В том же направлении влияло обюрокращивание купеческих и ростовщических верхов. Уже сам факт наличия у данной элитной среды трех-четырех различных (и притом противоречивых) ипостасей снимал для нее необходимость защищать свое буржуазное дело так же яростно и последовательно, как если бы они были «чистыми» капиталистами, т. е. только предпринимателями. Возможность получать доходы, притом более обильные, нежели капиталистическая прибыль, из традиционных источников (налоги, рента) делала эту группу элиты в известном смысле неполноценными буржуа и непосредственными защитниками интересов национальной буржуазии.

Говоря о нечиновном большинстве шэньшиской группы, следует подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, в данной среде ведущую роль играли не низовые шэньши (сюцай, линьшэн), а представители узких верхних групп (цзюйжэнь, цзиньши), особенно кандидаты на занятие вакантных должностей (хоубудао, хоусюань). Во-вторых, основателями предприятий была главным образом верхушка указанного сословия — богачи (фушэнь), преимущественно крупные землевладельцы. В этой связи шэньшиско-чиновная группа может быть определена как привилегированная помещичья буржуазия.

Носителем привилегированности, правда иного происхождения и свойства, являлась также вторая группа крупной буржуазии Китая начала XX в. — компрадоры (Юй Сяцин, Чэнь Ляньбо, У Шаоцин, Чжу Баосань). Для этой категории характерно использование особых прав, полученных иностранными коммерсантами и предпринимателями по неравноправным договорам (1842—1844, 1858, 1860, 1876, 1902—1903 гг.). Действуя под защитой «своих» фирм, банков и торговых консулов, компрадоры в отличие от основной массы непривилегированной буржуазии Китая

были тем самым в значительной мере гарантированы от произвола и лихоимства властей. Их товары освобождались от грабительских внутренних пошлин (чангуаньшуй, лицзинь). Все это создавало исключительные (по меркам Цинской империи) условия для предпринимательства. При этом многие компрадоры, покупая чины и звания, пользовались сословными правами и авторитетом шэньши (Тан Тиншу, Чжэн Гуаньин, Сюй Юйчжи и др.). Иными словами, наблюдалась амальгама феодальной и полукOLONиальной привилегированности. Фактор правовой и иной исключительности в известной мере служил сближению и даже взаимопроникновению обеих групп в плане укрепления горизонтальных связей. Однако сам дуализм ситуации в итоге лишал верхушку китайской буржуазии органической целостности.

Таким образом, для Китая начала XX в. характерно наличие двух источников (феодальная надстройка и иностранный сектор) и соответственно двух видов буржуазной привилегированности (чиновно-шэньшиская и компрадорская). Важным компонентом этой «исключительности» являлись наилучшие условия не только буржуазного помещения капитала, но и создания денежного богатства вне крайне слабого капиталистического уклада. В условиях Цинской империи конца XIX — начала XX в. именно чиновники, шэньши и компрадоры были фаворитами первоначального накопления. Так, по оценке американского синоведа Хао Яньпина, общие накопления одних только компрадоров к 1894 г. превышали 530 млн. лянгов [425, с. 105].

С учетом всего сказанного выше буржуазная верхушка Китая начала XX в. может быть с полным основанием квалифицирована как элитное образование. Привилегированность (как феодальная, так и полукOLONиальная) этой элиты создавала серьезный разрыв и служила фактором оторванности между нею и нижними, «массовыми» слоями предпринимателей. Китайская буржуазия накануне революции 1911—1913 гг. развивалась как бы на двух различных уровнях с особым для каждого из них правовым и хозяйственным климатом. Причем сама элита выступала носителем противоположных начал — высших для Китая того периода форм капитализма и средневековых сословных привилегий.

Ключевым моментом в определении целостности той или иной социальной общности (в том числе и связи верхних и нижних ее звеньев) является вопрос о средних слоях². Судя по имеющимся материалам, факт обособления элиты и наличия «массовых» слоев предпринимателей в Китае того времени сомнений не вызывает, а с вычленением среднего звена возникают серьезные трудности, вызванные не столько отсутствием статистики и другими серьезными пороками источниковедческой базы, сколько самой реальной спецификой генезиса китайской буржуазии в различных сферах функционирования капитала. В промышленности импорт машинных форм капитализма в Китай извне, насаждение фабрики «сверху» обусловили создание ее на «голом месте» при ничтожной генетической связи с отечественной мануфактурой. Достаточ-

но отметить, что из 607 национальных фабричных предприятий, основанных в Китае к 1911 г., менее 40 выросло из мануфактур [178, с. 84—85]. Подобное перерастание достигло более или менее значительных масштабов лишь в период «золотого времени» китайской буржуазии (1915—1919) (см. [215; 218]). На рубеже XIX и XX вв. сам комплекс капиталистических форм спонтанного происхождения не только не дорос до уровня развитой мануфактуры, но и вхождение его в раннемануфактурную стадию еще не было чем-то завершенным. Отсюда существенный разрыв между обоими уровнями промышленности и социальными типами буржуа, персонифицировавшими оба вида капитала. Последнее вовсе не означало полного отсутствия между ними каких-либо промежуточных звеньев.

Логически вполне допустимо, что таким связующим элементом были фабриканты из низших сословий, преимущественно торговцы. Однако как сама эта второстепенная генетическая группа крупной буржуазии, так и ее специфическая фракция резмигрантов в правовом отношении не представляли собой чего-то целого. Для ее верхних страт была характерна та или иная степень принадлежности к элите (Гу Синьшан, Сун Вэйчэнь, Цзэн Чжу, Чжан Чжэньсюнь). Так, например, Цзэн Чжу, Сун Вэйчэнь, Чжоу Тинби и некоторые другие являлись хоубудао. Представители этой прослойки также проявляли усиленную заботу об укреплении своего статуса как небуржуа. Вхождение в привилегированную среду достигалось различными средствами (покупка ученых званий и почетных должностей, приглашение шэньши и компрадоров в качестве компаньонов, налаживание особых связей с чиновничеством и иностранным сектором) (см. [53, с. 952—958, 994—995]). Однако возможности «присоединения» к элите лимитировались индивидуальными размерами капитала. Последнее создавало соответствующий оппозиционный настрой в слабых, непривилегированных стратах рассматриваемой группы. Особенно трудно приходилось мелким фабрикантам (хозяева механизированных мануфактур, владельцы шелкомотальных фабрик в районе Шуньдэ и в Шанхае, основатели небольших предприятий в других отраслях и т. д.). Такие буржуа находились как бы в социально-правовом вакууме (вне сословной привилегированности и вне защиты традиционных корпораций). Примерно в таком же положении находилась верхушка мануфактуристов, что делает весьма спорным отнесение ее к «массовым» слоям низового слоя буржуазии. В то же время «низшие» фабриканты и «высшие» мануфактуристы принадлежали к разным типам капитализма: первые представляли его «импортированные», современные формы, а вторые — традиционные формы «доопиумной» эпохи, что создавало между ними стадийный разрыв. Стремление же механически свести их в нечто единое, стоящее между элитой и традиционными группами, а тем более сама потребность в конструировании среднего звена лишены раз свидетельствуют если не об его отсутствии, то по крайней мере о его слабости и неоформленности в промышленной сфере.

Можно предположить, далее, что в китайской модели буржуазии функцию недостающего среднего звена отчасти восполняло купечество, особенно его верхушка. Однако, поскольку характер экономики Китая не определялся господством в ней капитала, неправомерно причисление всех представителей крупного и среднего купечества к торговой буржуазии. Прежде всего это относится к специфически средневековым категориям высшего звена, связанным с казной и государственными монополиями (гуаньшан, иньшан). Еще встречающееся отнесение основной их массы — торговцев солью и чаем (яньшан, чашан) — в разряд буржуа (см. [53, с. 947]) правомерно лишь в случае принятия ими новых форм помещения капитала, что само по себе было в начале XX в. редким явлением. Вместе с тем для наиболее зрелых в буржуазном плане групп купечества помимо компрадоров была характерной та или иная связь с элитой и коммерческая деятельность на «привилегированном» уровне. Такое сотрудничество все более оформляло альянсы шэньши и купечества (шэньшан) [387, с. 32—33]. Столь же проблематично отнесение к среднему звену массы гильдейских торговцев в системе старых корпораций (бан, гунсо, хуэйгуань, яхан). Низкий уровень буржуазного статуса и незавершенность их эволюции в этом направлении обуславливались суровостью экономического и социально-правового климата Цинской империи. Кроме того, функционирование их капитала преимущественно на уровне традиционных форм делает более обоснованным отнесение данного типа торговцев к «массовым» слоям предпринимателей.

Более очевидно прослеживается отсутствие средних групп в сфере денежного капитала. Современный кредит был представлен исключительно элитными буржуа (первые банкиры). Весь остальной денежный рынок находился в руках ростовщиков старого типа — владельцы ломбардов — (дяньдан), меняльных лавок (цяньчжуан) и переводных контор (пяохао). За исключением членов той же «чжэцзянской финансовой группировки» (чжэцзянбан) — 9 «кланов» хозяев крупнейших цяньчжуанов в Шанхае и ведущих кредиторов торговли в Гуанчжоу — этот социальный тип не имел прямого отношения к собственно буржуазии (см. [60, с. 53—61, 730—751]).

Поиски среднего звена буржуазии в деревенских сферах хозяйства приводят к аналогичным выводам. Начальная стадия обуржуазивания небольшой части землевладельческого класса, в том числе шэньши, протекала как на элитарном, так и на традиционном, «массовом» уровне. «Городские» инвестиции даху и фушэнь в предприятия машинного типа, в «привилегированные» и непривилегированные компании (фабричные, горнозаводские, паровозные, железнодорожные и др.) сочетались с созданием «низовых» предприятий (деревенских и уездных лавок, магазинов, мастерских и мануфактур по переработке сельскохозяйственного сырья), не говоря уже о традиционном ростовщичестве. На той же ступени стояли немногочисленные поместья с наймом рабочей си-

лы у «хозяйствующих» помещиков (цзингун дичжу) (см. [213, с. 141—161; 348, с. 172—173]).

Вне помещичьей среды средний слой также не обнаруживается. Развитие низших, особенно децентрализованных, форм капитализма в сельских промыслах порождало в первую очередь «массовых» — мануфактурных и домануфактурных (среди которых большинство составляли скупщики и раздатчики с различным масштабом операций) — предпринимателей (с явным преобладанием последних). На еще более низком социальном горизонте находилась собственно крестьянская раннебуржуазная среда, нарождавшаяся в промыслах и земледелии (см. [213]). Часть богатого крестьянства (фунун) превращалась в кулачество с его потенциями старого и нового порядка — т. е. в сложное, полуфеодалное-полубуржуазное социальное образование. Будучи самым многочисленным в системе разобщенной «буржуазной пирамиды», этот лишь наполовину предпринимательский слой не вполне принадлежал к собственно буржуазии. Кулачество было не просто самой низшей и периферийной, но и самой «небуржуазной» ее группой. Формально будучи антиподом элиты, оно в плане небуржуазности в чем-то было родственно ей. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что как наиболее крупные буржуа в наиболее зрелых звеньях новой экономики, так и самые низовые страты в традиционных сферах (в земледелии больше, чем в промыслах) оставались в строгом смысле слова полубуржуа или даже небуржуа.

Таким образом, имеющиеся данные по всем четырем сферам (промышленность, торговля, кредит, земледелие) свидетельствуют если не об отсутствии, то, во всяком случае, о крайней слабости среднего слоя. В условиях Китая начала XX в. происходило постоянное вымывание средних страт. Вынужденные покупать звание шэньши, мелкие чины и землю, наиболее зрелые в буржуазном отношении «средние» предприниматели тем самым поднимались в элиту, постоянно ослабляя промежуточное звено. Неразвитость этого связующего элемента обусловила слабость вертикальных связей в структуре буржуазии. Иначе говоря, ее формирование происходило только на двух уровнях (элита — «массовые» слои), практически оторванных и мало зависящих друг от друга.

В известном смысле в Китае начала XX в. существовала не буржуазия вообще, а как бы две буржуазии: узкая привилегированная верхушка, связанная с привнесенными извне современными формами капитализма, и не огражденное от социальных, экономических и правовых трудностей большинство — организаторы низших и худших видов предпринимательства спонтанного происхождения (мануфактурного и особенно домануфактурного). Предприниматели этого уровня в какой-то мере еще оставались предбуржуазией «доопиумного» периода. При этом господствующая в Китае конца XIX — начала XX в. тенденция развития капитализма «сверху» в ее консервативном, помещичьем варианте содействовала неразвитости средних слоев. Рост же последних

«снизу» — из среды мелких производителей — был блокирован всей суммой социально-экономических условий Цинской империи. Даже на уровне «массовых» слоев преобладала тенденция консервативного капитализма при становлении буржуа «сверху» — доминировало подчинение ручного производства торговому капиталом, а не вырастание предпринимателя «снизу» — из среды мелких товаропроизводителей [213, с. 259—260]. В силу этого действие демократической, радикальной тенденции приводило лишь к численному росту «массовых» слоев, точнее, их низших страт, не восполняя разрыва между обоими уровнями за счет создания достаточно прочного среднего звена.

Позднее появление банкира, фактически отсутствие собственной базы современного кредита, поиски ссуд в чужеродной среде (ломбарды, иностранный сектор) также служат показателями уровня экономической и социальной зрелости китайской буржуазии начала XX в. В кредитной сфере наблюдался тот же разрыв между элитой и «массовыми» слоями. Если первая имела какое-то возмещение банковского кредита под сравнительно низкую, по китайским понятиям того времени, плату (в Шанхае и Тяньцзине до 7—9% годовых), то «низовая» буржуазия чаще всего имела дело с ростовщическими ссудами под грабительские проценты (самое меньшее — под 20—30% годовых) [53, с. 1016; 382, с. 158, 160]. Даже элитные буржуа (в том числе сам Чжан Цзянь) для финансирования своих предприятий были вынуждены иногда прибегать к полуростовщической системе гуаньли (подробнее см. [382, с. 158—160; 414, с. 18]). Преобладание при этом на обоих уровнях личного кредита опять-таки свидетельствует не в пользу буржуазной общности.

Наличие как бы «двух буржуазий» прослеживается и в плане воздействия мирового рынка, а также иностранного сектора на их буржуазный статус. Если основной тенденцией элитных групп было в целом поступательное развитие их буржуазной сущности, то на уровне «массовых» слоев реальность Китая конца XIX — начала XX в. дает целый спектр результативности. Наряду с явным прогрессом в одних профессионально-отраслевых группах в других имела место стагнация и прямая деструкция социального статуса «низовых» буржуа (см. [178; 225]). Противоречивость внешнего воздействия на разных уровнях отнюдь не вела к органическому социальному сближению «верхов» и «низов» китайской буржуазии. То же самое можно сказать и о влиянии средневековой надстройки. Антиправительственный и антииностраный настрой «массовых» слоев торговой и мануфактурной буржуазии, а также мелких фабрикантов — выходцев из этой среды был прямо пропорционален степени их непривилегированности, незащищенности от средневекового налогообложения, произвола властей и иностранной конкуренции.

Отсюда вытекала разность подхода «верхнего» и «нижнего» слоя буржуа к «общим врагам». Если «массовая» буржуазия была настроена крайне резко против казны в целом и против все-

го иностранного сектора, то позиция «верхов» была сложнее. Последние, исключая компрадоров, выступали не столько против иностранного капитала вообще, сколько против его чрезмерного усиления и соответствующих уступок ему со стороны официального Пекина. У элитарных групп до лета 1911 г. практически не было, да и не могло быть, серьезных или же неразрешимых противоречий с государственным комплексом, как таковым. Привилегированные группы имели претензии не к казне в целом, а к данной форме правления, и даже еще уже — прежде всего к конкретной политике режима. При этом они стремились к мирному урегулированию разногласий. В обострении оппозиционных настроений элиты в значительной мере было «повинно» само цинское правительство, точнее серия его последних внутри- и внешнеэкономических акций (см. [273; 275]).

Раздвоенность буржуазии в политическом плане наблюдалась отчетливо. Известной консервативности и умеренности элиты противопоставляли активность и демократизм «массовых» слоев. Первую представляли реформаторы и конституционалисты (Кан Ювэй, Лян Цичао, Чжан Цзянь, Тан Шоуцянь), вторых — что отчасти и косвенно — буржуазные революционеры.

Как уже отмечалось, специфика внутренней структуры буржуазии Китая накануне революции 1911—1913 гг. заключалась не только в разрыве по вертикали (между верхушечными и низовыми звеньями), но и в неоднородности самой элиты. Выше уже говорилось о наличии в ней двух ведущих групп (чиновно-шэньшиской и компрадорской), а также о тяготении к ним крупных буржуа из торгово-ростовщической среды, включая быстро растущую реэмигрантскую фракцию (Ху Голянь, Чжан Чжэньсюнь, Цзян Чжаонань, Лу Найсян, У Цыцай) (см. [193, с. 132, 136] ³).

Предпринимательская верхушка Китая в специфических условиях полукolonии с самого начала имела два центра притяжения (государственный аппарат и иностранный сектор) и в последующем развивалась в условиях подобного дуализма. Фактор двойственной зависимости, как бы известной разорванности элиты отличает китайскую модель от «цементирующих» условий, существовавших, например, в Индии, Вьетнаме и Корее, где был лишь один хозяин положения, колониальный капитал.

Наиболее осязаемым звеном этой раздвоенности элиты было тяготение одной ее части к казне, другой — к иностранному капиталу. Совместные с казной вложения (гуаньду шанбань, гуаньшан хэбань) были в первую очередь характерны для «старшего поколения» чиновно-шэньшиской группы (Шэн Сюаньхуай, Тан Сунъянь, Чжу Хунду, Не Цигуй и др.), выросшего в обстановке проведения политики «самоусиления» (70-е годы — 1894 г.). Для «молодого поколения» (Пан Юаньцзи, Шэнь Юньпэй, чиновники и предприниматель Сюй Динлинь), выдвинувшегося в ходе экономических подъемов 1895—1898 и 1905—1908 гг., связь с казной была не столь значительной [53, с. 1043]. Что касается совместных с иностранцами инвестиций, то они были характерны преимущест-

венно для компрадорской группы (Чжу Дачунь, Тан Цзэчэнь, Чжу Баосань, У Шаоцин, Хуан Цзоцин) [53, с. 1065].

Подчеркивание и зачастую преувеличение дуализма китайской буржуазии (национальная — компрадорская) стало общим местом многих работ, особенно китайских. Некоторые историки КНР (в том числе Хуан Ифэн) практически выделяют компрадоров в самостоятельный «класс» (*майбань цзецзи*), отличный от «национальной буржуазии» (см. [342; 343]). В итоге буржуазия Китая рассматривается как комплекс двух классов. Между тем сведение этого социального образования только к данным категориям неадекватно всей сложности его внутренней структуры. В действительности членение буржуазии на национальную и компрадорскую происходило лишь на самом верхнем уровне (элита), не затрагивая «массового» основания всего социального комплекса в целом. Компрадоры не представляли собой самостоятельного слоя или прослойки всей буржуазии, а были лишь довольно узкой, хотя и весьма влиятельной фракцией элиты [425, с. 129—135; 53, с. 979—981]. Последний момент весьма важен, поскольку иногда имеет место тенденция относить к компрадорам всякого буржуа, так или иначе связанного с иностранным сектором (под такое определение подпадает практически чуть ли не вся элита), в результате чего создается гипертрофированное представление о компрадорской буржуазии как о целом подклассе⁴. Столь же спорно, на наш взгляд, усиленное противопоставление друг другу обеих групп элиты в политическом и экономическом планах.

Тем не менее сам факт раздвоенности верхнего звена, а также наличие в нем реэмигрантского начала увеличивали, несомненно, рыхлость внутренней структуры буржуазии в целом, хотя фактор двойственной зависимости практически не ощущался на втором уровне — в «низших», наиболее многочисленных стратах.

Анализ внутренней структуры элиты будет неполным, если обойти факт существования в ее среде разного рода узких группировок, замкнутых «клик», прежде всего в сфере финансов и кредита.

На Севере наиболее влиятельной была «клика путей сообщения» (*цзяотунфа*), возникшая в 1908 г. в Пекине в связи с созданием казенно-частного Банка путей сообщения. Во главе ее, как уже отмечалось, стоял связанный с Юань Шикаем крупный финансист Лян Шин [276, с. 136]. Она объединяла в себе как ведущих вкладчиков, так и правительственных чиновников, что было крайне характерно для Севера. Вокруг Чжоу Сюэси, будущего министра финансов бэйянского правительства (1912—1915), постепенно складывалась своя группировка — промышленников (см. [394, с. 110—118]).

В буржуазном направлении эволюционировал Большой нинбо-ский бан — тесно спаянная группа владельцев датунханов (крупнейших цянчжуанов) Шанхая. Данная группировка (по преимуществу выходцы из ростовщических банов Нинбо и Шаосина) контролировала в Шанхае практически всю сеть меняльных ла-

вок. Широкое кредитование ею к 1911 г. внешней торговли и различных видов предпринимательства позволяет вычленить ее из среды старого ростовщичества. Уже на этой стадии формирования знаменитой «чжэцзянской финансовой группировки» ее можно с рядом серьезных оговорок отнести к денежной буржуазии Китая (см. [338; 448; 469, с. 79—91]).

Существенной чертой Китая начала XX в. была не только структурная, но и региональная разобщенность буржуазии — наличие нескольких основных и ряда второстепенных центров ее концентрации и притяжения (Шанхай, Гуанчжоу, район Пекин — Тяньцзинь, Ухань и др.). При этом наряду с географической удаленностью и экономической оторванностью очагов капитализма друг от друга (отсутствие всекитайского рынка) в формировании слоя буржуа (во всяком случае, на уровне элиты) не последнюю роль играли местные особенности соответствующих локальных групп. Так, на Севере (Пекин — Тяньцзинь) основным фактором в указанном плане были «внутренние» силы (казна и государственный аппарат). В Гуанчжоу и особенно Шанхае, напротив, преобладало внешнее влияние (мировой рынок и иностранный сектор). Соответственно в Чжили и тяготевшем к ней Шаньдуне резко преобладали группы одного типа первоначального накопления (чиновники, шеньши, землевладельцы), на юге же Цзянсу — север Чжэцзяна, а также в районе Гуанчжоу — другого (торгово-ростовщические слои)⁵. Различия такого же рода имелись и в среде торговой буржуазии. Для Шанхая, например, наиболее репрезентативными фигурами были компрадор и оптовик, связанный с внутренним рынком, а для Гуанчжоу наряду с компрадорами (их лидером был посредник «Гонконг энд Шанхай Бэнкинг Корпорейшн» Чэнь Ляньбо) — реэмигранты и контрагенты китайских фирм, действовавших во Вьетнаме и других странах Юго-Восточной Азии.

Для определения уровня буржуазной общности крайне важно установить, сложились ли единый национальный денежный рынок и целостная система кредита. В связи с этим следует отметить, что финансово-кредитная база ведущих центров существенно различалась. На Севере преобладающую роль в сфере кредита играла связанная с казной могущественная каста шаньсиских пяханов — владельцев обширной сети переводных контор (пяхао)⁶, а в низовьях Янцзы и в Гуандуне — хозяева менальных лавок (цянчжуан) из чжэцзянских и цзянсуских ростовщических банов. Последние были связаны с внешней торговлей и отчасти с иностранными банками. Наличие двух кредитных «столиц» (Пекин и Шанхай) с различными формами и уровнем развития денежного капитала закрепляло отчужденность между северной и цзянсу-чжэцзянской группами. При этом внутри самих локальных очагов существовали свои различия. Так, в Тяньцзине в отличие от Пекина значительную роль играл кредит иностранного сектора. Задолженность тяньцзиньской буржуазии западным фирмам составляла в 1908 г. около 20 млн. юаней [274, с. 31]. Если в Нинбо и

Ханчжоу функционировал лишь местный денежный капитал (цянчжуаны и ломбарды), то в Шанхае иностранные банки и фирмы кредитовали не только китайских коммерсантов и предпринимателей — непосредственно или через Главный торговый союз Шанхая («Шаньху цзунхуэй»), но и саму «чжэцзянскую финансовую группировку» в лице владельцев крупных цянчжуанов. Только в 1911—1912 гг. потрепанная экономическим спадом, «каучуковой катастрофой» и революционными потрясениями шанхайская буржуазия получила 19 иностранных займов [149, с. 110].

Имели место и профессионально-отраслевые особенности локальных групп буржуазии. Так, для элиты Чжили и Шаньдуна были очень характерны фигуры финансиста и горнозаводчика. Шанхайская группа в большей мере была представлена компрадором-компрадором и фабрикантом. В гуанчжоуской же группе промышленные буржуа играли значительно меньшую роль.

Кроме того, между региональными группами были и серьезные количественные различия, причем на обоих уровнях (элита — «массовые» слои). В силу более высокого экономического развития Цзяннани и Гуандуна буржуазия в шанхайском и гуанчжоуском центрах была значительно многочисленней и активней (в том числе и в политическом плане), чем на отсталом Севере. Иначе говоря, имели место не только серьезные отличия в формировании ведущих локальных групп, но и известное противостояние их друг другу (Север — Цзянсу). Не случайно в бэйянских правительствах после 1914 г. экономические посты были поделены между лидерами обеих групп (Чжоу Сюэси — министр финансов, Чжан Цзянь — министр земледелия и торговли). В разнородности чжилийской и цзянсу-чжэцзянской групп, помимо всего прочего, наиболее наглядно прослеживается фактор двойственной зависимости китайской буржуазии.

Определенные особенности наблюдались и у буржуазии второстепенных центров. Для уханьской группы были характерны меньшая по сравнению с Шанхаем и Гуанчжоу роль компрадоров и соответственно большая значимость торговцев, связанных с внутренним рынком, особенно зерновым. В фуцзянской группе ведущими фигурами постепенно становились предприниматели-реэмигранты и представители богатых эмигрантских фамилий.

В целом же в разобщенности локальных групп проявлялась слабость горизонтальных связей в среде формирующейся буржуазии. Независитость их на уровне элиты лишала новое классовое образование существенных свойств всекитайской общности.

Поскольку становление последней затруднено в наиболее зрелых социальных стратах (в первую очередь у промышленных буржуа), сама проблема единства может быть решена на более низкой ступени, на базе «массовых» слоев. В сущности это вопрос об уровне социального единства основной массы торговой и практически — всей мануфактурной буржуазии. Логически можно предположить, что в данном случае имела место большая степень общности, хотя бы в генетическом плане: сближающим моментом

служила общность происхождения — преимущественно «сверху», из торговой городской среды. Однако на практике на пути слияния локальных групп на базе «массовых» слоев стояли такие определяющие факторы, как отсутствие единого всекитайского рынка и приоритет региональных хозяйственных связей над общенациональными. При этом немалую роль играла неразвитость инфраструктуры. Прокладка железных дорог Пекин — Ханькоу и Тяньцзинь — Пукоу не ликвидировала полностью разобщенность бассейнов Янцзы и Хуанхэ, сохранялась изоляция бассейна Сицзяна от центральных провинций и т. д. Экономическая раздробленность Китая делала каждую из указанных выше локальных групп в известном смысле буржуазией данного регионального рынка, который к тому же иногда был больше связан с внешним рынком, чем с соседним региональным. Такой характер рыночной экономики мешал укреплению горизонтальных связей на уровне «массовых» слоев. В том же направлении влиял раздел Китая на «сферы влияния». Сохранение густой внутритаможенной сети (по сбору лицензий, чангуаньшуя) и ослабление ею товаропотока способствовали известной разобщенности локальных групп практически на всех уровнях. Незавершенность процесса формирования китайской нации, значительность этнодиалектных и земляческих различий, множественность мер, весов и денежных единиц (в том числе иностранных) также весьма существенно препятствовали органическому слиянию буржуазии в одно целое (см. [245, с. 392—394; 313, с. 769—818]).

Проблема социальной общности буржуазии Китая начала XX в. помимо чисто экономического имеет и более узкий, «организационный» аспект. Главным здесь является вопрос о том, насколько указанное новое социальное образование освободилось от средневековых пут городских корпораций (цехи, гильдии, землячества). При этом однозначный ответ практически исключен в силу резкого разрыва в уровне буржуазной зрелости по вертикали. Неподвластность верхушечных групп корпоративной системе бесспорна. Определяющим в данном случае был тот же генетический момент — элита вырастала не «снизу», из цехогильдий, а формировалась над ними «сверху», из социального материала других систем (государственный аппарат, землевладение, отчасти иностранный сектор). В этом плане у выходцев из чиновно-шэньшинской среды, землевладельцев и компрадоров теоретически были большие возможности к восприятию новой общности. То же самое можно сказать и о крупных буржуа, выходцах из торгово-ростовщической среды (Сун Вэйчэнь, Чжоу Тинби, Хуан Цзоцин и др.), для которых корпоративные узы практически потеряли свою силу.

Иная картина наблюдалась на низшем уровне. «Массовые» слои к 1914 г. в целом остались в системе корпоративной микрообщности. Основная часть торговой и практически вся мануфактурная буржуазия организационно были распылены по многим тысячам подобных ячеек (в масштабах всего Китая) в условиях преобладания горизонтальных связей. При этом отношения такого

«заземленного» предпринимателя со «своей» корпорацией определялись как размерами его индивидуального капитала, так и суммой местных условий, варьируя в довольно широком диапазоне (связь — зависимость, формальные — реальные, экономические — организационные и т. д.). Наиболее органичной такая связь была в чисто предпринимательских «восточных» цехо-гильдиях (дунхан), отделившихся от «западных» объединений простых ремесленников (сихан, сибан).

В условиях Цинской империи начала XX в. (несложившийся общенациональный рынок, в том числе денежный, зачастую локальный характер экономических связей, отсутствие буржуазного правопорядка, иностранная конкуренция) для буржуа низших страт оставалось весьма заманчивым и практически полезным использование в своих целях производственных, сбытовых и защитных функций корпорации, к которой они принадлежали. Землячество (бан, хуэйгуань), цех (хан) или гильдия (гунсо, яхан) наряду с отрицательными моментами (регламентация, соблюдение устава) оказывали реальную помощь, в том числе обеспечивали определенную защиту от лихоимства бюрократии и от внешней конкуренции (бойкоты иностранных товаров). Этим во многом объясняется сложность вопроса о том, что в большей мере определяло социальное самосознание внеэлитных слоев буржуазии Китая к 1914 г.: ощущение себя членами новой общности или принадлежность к той или иной старой ячейке? Разноплановость общей ситуации наглядно проявилась уже в экономических движениях начала XX в. — антииностранных бойкотах (1905—1908), борьбе «за возвращение прав» (1906—1910), против иностранных железнодорожных займов и за выкуп концессий (1907—1908). Практически во всех указанных случаях элитарные группы занимали в целом самостоятельные позиции, тогда как «массовые» слои буржуазии все еще выступали в корпоративных рядах (как в составе торговых союзов, так и вне их).

Повсеместное начиная с 1903—1904 гг. создание торговых союзов (шанхуэй) явилось важной вехой на пути к консолидации буржуазии (см. [387, с. 35—36, 131—132]). Тем не менее оно не изменило кардинальным образом связи низших слоев предпринимателей с цехо-гильдиями. Последнее объяснялось тем, что торговые баны, хуэйгуани, гунсо и яханы вступали в шанхуэй в полном составе, чаще всего на правах ассоциированных членов. Причем сами корпорации, за редким исключением, не только не ликвидировались, но и практически не растворялись в торговых союзах, сохраняя свою внутреннюю организацию и дисциплину. Тем самым большинство членов новых объединений было поставлено в условия двойного подчинения. В итоге основная масса буржуазии к 1911 г. еще не до конца преодолела цеховую, гильдейскую и земляческую разобщенность, что достаточно четко характеризует уровень ее классовой зрелости в целом.

Как это ни парадоксально, китайская буржуазия, еще не консолидировавшись у себя на родине, в начале XX в. уже стала

благодаря развитой эмиграции международным фактором. Особенно сильные позиции эмигрантская буржуазия создала себе в странах Юго-Восточной Азии. В ряде случаев, в том числе во Вьетнаме, буржуа-хуацяо выступали в роли одного из компонентов колониального капитала. Все это в сочетании с растущей ре-эмиграцией китайских капиталов на родину создавало призрачное впечатление общности и иллюзию широты охвата.

Все сказанное выше позволяет вопрос о социальных и политических потенциях буржуазии Китая начала XX в. поставить в прямую связь не только с генетическими пороками, но и в немалой степени с рыхлостью ее внутренней структуры. Неразвитость цементирующих тенденций (слабость как вертикальных, так и горизонтальных связей) заставляет видеть в буржуазии кануна революции 1911—1913 гг. не органическое целое, а довольно пестрое механическое соединение слабо связанных между собой частей. К данному комплексу слоев, групп и группировок с различными генетическими, типовыми, локальными, корпоративными, правовыми и иными особенностями понятие «класс» применимо лишь условно. Перед нами не сложившаяся общность, а еще не завершенное социальное образование.

Этим определялась и повышенная роль внешних факторов не только в социально-экономической, но и в политической сфере. Причем воздействие двух основных внешних сил (государство и иностранный сектор), будучи одним из источников известной разобщенности элиты и отрыва ее от «массовых» слоев, имело и вторую существенную сторону — цементирующую. Наступление иностранного капитала, капитуляция перед ним Цинов, их неспособность ликвидировать внутренние препоны на пути национального предпринимательства активизировали не только «массовые» слои и мелкую буржуазию. Ведущая группа элиты (чиновно-шэньшиская) и тяготевшие к ней буржуа из торговой и реэмигрантской среды периодически приходили в 1905—1911 гг. в движение для защиты своих интересов (при пассивности компрадорской фракции). Внешняя опасность, наличие «общего врага» служили своего рода скрепами, вели к временному сближению большей части элиты с «низами» для совместных действий.

В этом узком плане антииностранные экономические движения 1905—1911 гг. были как бы подготовкой, репетициями Синьхайской революции. В ходе их складывались и «отрабатывались» контакты и «сыгранность» ведущей группы элиты с «массовыми» слоями, а также буржуазии — с местной бюрократией. В известном смысле революция 1911—1913 гг. была бы невозможна без опыта совместных действий периода бойкотов, борьбы за «возвращение прав» и движения «охраны железных дорог». При этом существование «двух буржуазий» делало проблему вертикальных связей решающим моментом в укреплении временного социально-политического единства буржуазной оппозиции цинскому режиму накануне Синьхайской революции. Тем более что генетические пороки обеих «буржуазий» (органическая разнородность и разоб-

щенность по вертикали) лишали буржуазную среду «штурмовых» качеств (инициативы, решимости и готовности к углублению революции). Буржуазия Китая тех лет не была революционным классом в полном смысле этого слова.

По указанным причинам сила и эффективность объединенного натиска (как на иностранный сектор, так и на правительство) определялись не потенциями самой буржуазии и обуржуазившихся помещиков, а массой шэньши (небуржуа), втянутых по целому ряду причин в патриотические кампании и либерально-конституционное движение. Такого рода шэньши своим влиянием не только восполняли слабость буржуазно-помещичьей оппозиции, но и были в значительной мере выразителями требований буржуазии, не имевшей к тому же своей собственной политической партии. Победа революции 1911—1913 гг. также меньше всего связана или объясняется свойствами буржуазии как составной части антицинских сил. Известная легкость свержения монархии Цин объяснялась не только силой натиска оппозиции и народных масс, но и крайней степенью внутреннего одряхления, прогрессирувавшим «самораспадом» цинского режима [147, с. 244].

Его модернизация была начата с большим опозданием и проводилась в значительной мере в декоративном плане, причем ход верхушечных реформ обгонялся процессом ослабления и деградации старой политической системы. Никто так много не сделал для приближения революции, как сам режим, большинство крупномасштабных акций которого — от фискального натиска на помещиков, в том числе шэньши после 1901 г., до «хугуанского» кризиса 1911 г., завершившегося восстанием в Сычуани, не говоря уже о «соляном» конфликте с провинциальной бюрократией — лишь накаляли обстановку и подрывали его социальную базу. В известном смысле Цины сами ускоренно шли навстречу своей гибели.

Внутренняя слабость буржуазии Китая начала XX в. позволяет полнее понять не только своеобразие революции 1911—1913 гг. (особенно ее исход), но и целый ряд последующих процессов, в том числе распространение в китайском обществе после движения «4 мая» социалистических идей.

Органическая незрелость и структурная рыхлость буржуазии Китая предопределили ее приниженный и умеренный тон в диалоге с государственной властью с конца XIX в. до «хугуанского» кризиса. Взаимоотношения предпринимательской среды с Цинами прошли через ряд стадий, на которых заметно менялись как политика казны по отношению к деловым кругам, так и характер поведения последних. До 1898 г. диалога между ними, как такового, не было, поскольку династия считала основную массу буржуазии лишь объектом налогообложения, а ее элиту — второстепенной деталью в системе гуаньду шанбань, но отнюдь не политической силой. До японо-китайской войны 1894—1895 гг. цинский режим в своей политике по отношению к капиталистическому укладу в конечном счете исходил из экономической концепции кон-

фуцианского средневековья «земледелие — ствол (основа), торговля и ремесло — ветви (второстепенное)». До 1902—1903 гг. промышленность и коммерция в высших сферах все еще отчасти считались позорным делом, о котором неприлично было даже говорить в обществе истинных конфуцианцев [340, с. 7]. Маньчжурам же вообще законом запрещались занятия такого рода. Это презрение к «низменным» сферам деятельности, естественно, не распространялось на буржуазную чиновно-шэньшискую элиту, поскольку та выступала прежде всего как носитель бюрократической привилегированности и конфуцианской респектабельности с ее учеными степенями, почетными званиями и особым положением в обществе. Что же касалось «неблагородной» массы буржуа, то к ним в целом сохранялось такое же, как и в XVIII в., пренебрежение — как к торговцам (шан) и ремесленникам (гун), стоящим ниже ученых (ши) и земледельцев (нун) на средневековой сословной лестнице (сыминь) (см. [394]). В связи с этим притеснение и ограбление «массовых» слоев буржуа, игнорирование их интересов все еще считались в порядке вещей⁷.

Между тем одним из кардинальных вопросов развития крайне слабой буржуазии Китая было отношение к ней надстройки — дряхлеющего бюрократического государства Цин. Неприязненный чиновный контроль за частным предпринимательством сохранялся вплоть до 1902—1903 гг. Однако уже поражение в войне 1894—1895 гг. и связанные с необходимостью выплачивать контрибуцию финансовые трудности вынудили Пекин начать частичный пересмотр традиционной экономической доктрины в сторону ее смягчения и модернизации.

Важным моментом в данном плане явилось движение за реформы 1895—1898 гг. Выразителями интересов национальной, в том числе эмигрантской, буржуазии, в первую очередь шэньшиской элиты и обуржуазившихся помещиков Южного и Центрального Китая, выступили прогрессивные шэньши (главным образом цзюйжэни и цзиньши) во главе с Кан Ювэем, Лян Цичао и Тань Сытуном. Эта среда выдвинула целый ряд умеренно-буржуазных требований, попытавшись осуществить некоторые из них в период «ста дней реформ» (11 июня — 21 сентября 1898 г.). Помимо некоторых политических новшеств буржуазно-шэньшиские круги требовали изъять железнодорожное и фабрично-заводское строительство из ведения государства, дабы оградить частный капитал от ограбления и произвола со стороны бюрократии, в частности в рамках системы гуаньду шанбань. Реформаторы стремились защитить китайских предпринимателей от внешней конкуренции и ввести протекционистские тарифы. Сторонники Кан Ювэя призывали начать борьбу с засильем иностранного сектора в новых звеньях экономики. Государство, по их мнению, должно было оказывать отечественному предпринимательству всемерную поддержку. Они ставили своей задачей модернизацию и интенсификацию сельского хозяйства Китая, создание собственного машиностроения и судостроения, основание новых фабрик и строительство

железных дорог. Реформаторы ратовали за открытие новых шахт и рудников, улучшение денежного обращения и организацию современной почты. Кроме того, сторонники Кан Ювэя стремились открыть буржуазно-помещичьей интеллигенции свободный доступ к административным должностям.

В течение «ста дней реформ» (*усюй бяньфа*) был издан ряд императорских указов, направленных на поощрение предпринимательства, развитие земледелия, торговли, промышленности, горнорудного дела, железнодорожного строительства и т. д. (см. [259]). Большинство этих начинаний было отменено после реакционного дворцового переворота Цыси, но некоторые все же были воплощены в жизнь. Так, уже в 1898 г. был открыт в Шанхае казенно-частный Китайский коммерческий банк с отделениями в ряде других городов. В провинциях начали действовать управления торговли (шаньцзюй) (см. [394, с. 199—201]). Было опубликовано первое «Положение о поощрении развития промышленности», содержавшее уступки частным дельцам.

Ихэгуаньская катастрофа резко подхлестнула процесс проведения ограниченных реформ. Так, принятый Пекином курс на «поощрение промышленности и торговли» (*чжэньсин ши*) в русле «новой политики» осуществлялся в течение десятилетия (1901—1911). Он включал в себя модернизацию части государственного аппарата, ведавшей вопросами экономики. Кроме того, правительство предприняло ряд шагов (в основном демонстративных) по стимулированию частного предпринимательства в целях «обогащения и усиления государства» (имелось в виду использование растущих налоговых поступлений от буржуазного сектора для укрепления цинского режима.) В сущности это был вариант курса на «достижение богатства» (*чжифу, цюфу*) периода проведения политики «самоусиления» (*цзыцян*) и «усвоения заморских дел» (*иу, янзу*). В новых условиях Цины несколько видоизменили прежние методы, декларировав отказ от традиционного ограничения и подавления частного предпринимательства. Не желая ничем серьезно поступиться в пользу буржуазии, они намеревались инкорпорировать ее в систему своего господства как чисто служебный и доходный компонент.

«Новая политика» в области экономики обрела реальные очертания лишь с 1903 г. До этого все вопросы промышленности и коммерции находились в ведении двух специальных сановников по делам торговли на Севере и на Юге (*бэйян дацзнь, наньян дацзнь*), чьи должности обычно совмещались с постами наместников Чжили и Лянцзяна. С 1903 г. указанные функции перешли к вновь созданному министерству торговли (*Шанбу*). Помимо всего прочего, в его компетенцию входили выработка разного рода коммерческих уставов и правил, выдача разрешений на организацию компаний и открытие предприятий, а также их регистрация. Для этого при министерстве было учреждено специальное регистрационное бюро (*чжуцзюй*). В провинциях министерством создавались ремесленные, горные и сельскохозяйственные управ-

ления. В 1906 г. Шанбу было реорганизовано в министерство земледелия, промышленности и торговли (*Нунгуншанбу*), а сфера его деятельности соответственно расширена (см. [394; с. 161—170; 275]).

В результате наступила полоса усиленного экономического законотворчества. За 1902—1911 гг. было опубликовано свыше десятка различных официальных документов (в том числе проектов), регулировавших различные стороны частного предпринимательства и «поощрявших» его, в том числе ряд правил и регламентов: два горных устава (1902, 1907), статут «торговых союзов» (1903), положения о деятельности банков, о регистрации компаний (1904) и об организации сберегательных касс (1908), а также различные положения о поощрении и награждении за успехи в области коммерции, земледелия, промышленности, технических достижений (1906, 1907) и в создании акционерных компаний (1903, 1907) (см. [53, с. 637—647]). В реальных условиях Цинской империи многие прогрессивные статьи этих документов носили чисто декларативный характер.

В частности, суть широковещательных документов о поощрениях сводилась к установлению специальной системы наград для местной и реэмигрантской буржуазии: в зависимости от размеров личного и акционерного капитала ее представителям могли присваиваться соответствующие почетные звания, чиновничьи ранги и титулы. Тем самым Цины как бы «реабилитировали» в глазах истинных конфуцианцев предпринимательскую деятельность, считавшуюся по средневековым традициям позорным занятием. В действительности же официальный Пекин постфактум признал уже совершившийся к тому времени поворот в общественном мнении в пользу буржуазного грюндерства. «Цены» же на предлагаемые правительством конфуцианско-бюрократические почести были фантастически высоки. Пост советника министерства торговли первого ранга и звание чиновника первого класса «стоили» 50 млн. юаней акционерного капитала (для этого надо было обладать личными богатствами Ли Хунчжана и Шэн Сюаньхуая или же стоять во главе их «империй»), советника второго ранга — 10 млн. юаней, должности пониже (всего предполагалось 12 видов наград) — соответственно дешевле. Впоследствии, в 1907 г., вся эта «шкала цен» была значительно снижена. Так, право на получение высшей награды было «уценено» до 20 млн. юаней. В том же году был оформлен порядок присвоения чисто феодальных титулов и знаков отличия за создание компаний. Высший титул «оценивался» в 20 млн. юаней и более личного, паевого или акционерного капитала (см. [53, с. 645; 275, 394, с. 191—192]). Подобная шкала поощрений предназначалась для буржуазной элиты: тем не менее общая нереальность данной системы была вопиющей. Достаточно отметить, что все китайские частные промышленные вложения за 1895—1913 гг. составляли всего 90 млн. юаней, а индивидуальные инвестиции компрадоров в сумме равнялись 20 млн. юаней. Однако некоторые представители буржуаз-

ной элиты (бюрократы, шэньши, компрадоры, богачи-реэмигранты) все же получали в соответствии со своим капиталом и личными связями феодальные почести и теплые местечки в среднем и в основном нижнем звеньях официальной иерархии. «Массовые» же слои буржуазии не имели физической возможности подключиться к цинской системе поощрений. Эта среда ожидала от правительства реальных экономических и политических уступок и ликвидации наиболее нетерпимых помех предпринимательской деятельности.

Пекин же предпочитал отделяться показными мелочами. Так, властями были открыты промышленные выставки — постоянная в Пекине (1905) и затем еще две временные — в Учане и Нанкине (1909). Для подготовки кадров в столице было создано Высшее промышленное училище. Кое-где начали действовать общества содействия развитию промышленности. Кроме того, в 1903—1905 гг. были изданы правительственные указы, направленные на устранение помех, создаваемых при использовании земли под обработку и добычу полезных ископаемых различными суевериями, геомантией и культом предков. Несмотря на всю скромность уступок Цинов, формально-показной и своекорыстный характер большинства экономических мер «новой политики», последняя оказала определенное положительное влияние на рост нового уклада в Китае. Курс на «поощрение промышленности и торговли» явился одним из компонентов экономического подъема 1905—1908 гг., несмотря на то что внеэлитные буржуа продолжали испытывать налоговые и иные тяготы, произвольно создаваемые местной бюрократией.

Последняя весьма своеобразно понимала отказ Пекина от старой практики жесткого контроля над частным предпринимательством. Власти на местах имели возможность нестрого следовать указаниям из центра, частично сохраняя средневековую обстановку правовой и фискальной незащищенности еще недавно третируемых буржуазных интересов непривилегированных дельцов, что было весьма существенно, поскольку «новая политика» принесла с собой не только некоторую либерализацию экономического курса, но и новые налоги с буржуазной собственности и с оборота. Предприниматели должны были платить дополнительные сборы по подписным листам для погашения контрибуции 1901 г., налоги на содержание «новой» армии, на стипендии пекинским студентам, разного рода пожертвования (*цзюань, цзюаньшу*) и всевозможные местные налоги (в каждой провинции свои). Так, заводчики Гэцзю (Юньнань) с каждой партии (*чжуан*) чистого олова (1,7 т) должны были платить семь различных сборов (включая лицензий) общей суммой свыше 91 ляна серебра (см. [53, с. 1142; 368, с. 271]). «Новая политика» не устранила многое из того, что стесняло деятельность горнозаводчиков, рядовая буржуазия продолжала испытывать серьезные трудности, создаваемые предоставленным казенным и смешанным компаниям разного рода монопольных прав в сфере производства и сбыта (добыча руд и вы-

плавка редких металлов, производство стекла, спичек и т. д.) [275, с. 95—96].

Прошедшая по стране с 1905—1906 гг. полоса антииностранных экономических движений знаменовала наступление нового этапа во взаимоотношениях буржуазии с Цинами. В указанных кампаниях, как и во всех последующих экономических и политических акциях, буржуазия выступала не самостоятельно, а лишь как компонент патриотической или либеральной, а позднее конституционной шэньшиско-помещичье-буржуазной оппозиции. Лишь в антииностранных бойкотах основная роль принадлежала «низовой» буржуазии, ее «массовым» слоям, в остальных же кампаниях первую скрипку играла чиновно-шэньшиская элита, связанная с местными властями. В ходе этих движений наметилась существенная разница в подходе к буржуазно-шэньшиской оппозиции со стороны различных звеньев политической надстройки. Официальный Пекин был в целом настроен против любых антииностранных акций. Боясь вмешательства держав и усиления оппозиции, Цины требовали от наместников и военных губернаторов провинций применения репрессивных мер к участникам «беспорядков». Провинциальные власти, напротив, в целом заняли мягкую позицию, с пониманием отнесясь к позиции влиятельных на местах шэньшиско-бюрократических и буржуазно-помещичьих кругов, поскольку видели в них свою опору в противостоянии Пекину. Совпадение интересов и налаживание контактов буржуазной чиновно-шэньшиской элиты с наместниками, губернаторами и иными бюрократами провинциального звена вело к укреплению оппозиции и ослаблению Цинов в условиях приближавшейся революции.

Обе эти тенденции окрепли после развертывания первой петиционной кампании, организованной либерально-конституционным движением 1907—1908 гг. В результате произошло как бы наложение трех различных начал — «новой политики», антииностранных акций и борьбы за скорейшее введение конституции. От буржуазии основным участником конституционного движения выступала все та же шэньшиская элита, тогда как «массовые» слои оставались достаточно далекими от идеи парламента и конституции. «Низовым» буржуа были неизмеримо ближе более насущные экономические лозунги (в первую очередь антиналоговые) и иные, сугубо практические цели.

В 1909 г., уступая давлению петиционного движения, правительство санкционировало создание провинциальных совещательных комитетов (*цзышцзюй*), сформированных путем выборов из представителей имущих слоев населения⁸. Деятельность этих комитетов привела к обострению обстановки. Составлявшие абсолютное большинство среди депутатов представители либерально-конституционной оппозиции (в основном прогрессивно настроенные шэньши⁹, принявшие эстафету от реформаторов 1898 г.) использовали предоставленную им трибуну для резкой критики экономической политики правительства (хотя в целом речь шла

лишь о наиболее нетерпимых препятствиях капиталистическому развитию) (см. [275, с. 92—99]).

В ходе работы комитетов буржуазно-шэньшиская оппозиция как бы подвела итоги восьми лет «новой политики», и прежде всего курса на «поощрение промышленности и торговли». При этом выяснилось, что известная либерализация правительственной политики отнюдь не перекрывала трудностей частного предпринимательства, связанных с сохранением средневековой хозяйственной и правовой системы.

Особое недовольство деловых кругов вызывала налоговая политика Пекина. Первым и главным требованием оппозиции (особенно в Цзянсу, Чжэцзяне, Фуцзяни и Гуандуне) была отмена лицензия. Поднимались также вопросы об упорядочении и унификации налоговой системы, замене натуральных податей денежными, а также обуздании злоупотреблений, лихоимства и коррупции властей. Депутаты требовали установления единой системы мер и весов, прекращения чрезмерной денежной эмиссии, упорядочения государственных финансов и бюджета. Буржуазно-шэньшиские круги, не желая мириться с тем, что огромные средства из государственных доходов (в том числе и поступления за счет налогового обложения предпринимателей и землевладельцев) шли на неслыханную роскошь двора, на содержание столичного коррумпированного бюрократического аппарата и паразитического сословия «знаменных» маньчжур, настаивали на придании гласности государственному бюджету (см. [273, с. 170—172; 274, с. 19—21, 148—154]). Либерально-конституционная среда ожидала от правительства конструктивной помощи капиталистическому развитию. Оппозиция требовала использования государственных средств для поощрения отечественной промышленности, торговли, горного дела и расширения сети банков. Некоторые совещательные комитеты настаивали на усиленном строительстве железных дорог, улучшении условий судоходства, а также повышении культуры земледелия (упор при этом делался на подъем чаеводства, лесоводства, освоение целины и залежи).

Особая группа требований была направлена на ослабление позиций иностранного сектора. Оппозиционная среда была возмущена новыми уступками Цинов иностранному проникновению в Китай по торговым договорам 1902—1903 гг. и Горному уставу 1907 г., окончательной уступкой Фушуньских копей компании «Мантецу» в 1909 г., подавлением антияпонского бойкота 1907—1908 гг., репрессиями в Аньхое в ходе движения за возвращение Тунгуаньшаньских рудников, попыткой передать англичанам права на постройку железной дороги Шанхай — Ханчжоу — Нинбо и иными актами предательства интересов национального предпринимательства. Буржуазно-шэньшиские круги выступали за проведение последовательно протекционистской политики, в частности за повышение импортных пошлин и ограничение иностранной коммерции пределами «открытых» портов. Они требовали затруднить европейцам доступ к ископаемым богатствам Китая и запретить

приобретение иностранцами недвижимости вне селтльментов, т. е. частично вернуться к порядкам, существовавшим до заключения Симоносекского договора (1895 г.). В планы оппозиции входила ликвидация финансовой зависимости страны от Запада. Отдельно поднимался вопрос об охране интересов эмигрантов-хуацяо за пределами Китая.

В целом этот огромный комплекс требований являлся свидетельством, во-первых, того, в каких тяжелых условиях «азиатчины» происходило становление капиталистического уклада, а во-вторых — что Цины в ходе проведения «новой политики» и курса на «поощрение промышленности и торговли» практически ничего существенного не сделали для буржуазного развития (см. [274, с. 152—156]).

Либерально-конституционная шэньшиская среда в совещательных комитетах выражала интересы в первую очередь буржуазной элиты и крупных землевладельцев. Тем не менее абсолютное большинство требований к трону имело общепромышленный характер, отвечая в целом и интересам «массовых» слоев предпринимателей. Вместе с тем ряд предлагавшихся мер мало согласовался с низким стадийным уровнем и провинциализмом «низовых» буржуа, еще не до конца оторвавшихся от корпоративной системы. Так, унификация мер веса, денежных единиц, расширение сети банков, железных дорог и улучшение речного судоходства, неся для последних ряд положительных моментов, в то же время грозили им опасным усилением конкуренции со стороны крупного капитала, в том числе иностранного.

По мере того, как нарастало недовольство оппозиционных сил экономической политикой Цинов, происходило известное организационное объединение деловых кругов различного уровня, стимулировавшееся в фискальных и иных целях самим Пекином и местными властями. Инициатором этого движения выступил Шэн Сюаньхуай, основавший в 1902 г. в Шанхае «Совещательную ассоциацию коммерсантов» («Шанхай шанъе хуэйи гунсы») во главе с банкиром из «чжэцзянской финансовой группировки», фабрикантом, крупным дельцом и таможенным даогаем Янь Синьхоу. Аналогичные объединения были затем созданы и в ряде других городов [394, с. 218—234]. С образованием министерства торговли и принятием Устава торговых союзов шанхайская ассоциация в 1904 г. была превращена в «Главный торговый союз Шанхая» («Шанхай шанъу цзунхуэй»), после чего торговые союзы (шанхуэй) и их отделения и филиалы на периферии начали возникать повсеместно. К 1908 г. они уже имелись в 31 крупном и 135 второстепенных городах [414, с. 71]. Как уже отмечалось, торговые союзы обычно представляли собой не единые организации с индивидуальным членством, а конгломерат автономных ассоциаций. Среди последних были как образования нового типа (крупные компании, акционерные общества и отраслевые объединения — фабрикантов, банкиров, судовладельцев), так и цеховидные старой формации, объединявшие массу торговцев, скупщиков, макле-

ров и менял. Число торговых союзов быстро росло. В 1912 г. их насчитывалось 56 (с 738 отделениями), а в 1915 г. было зарегистрировано 1262 союза и их отделения с почти 246 тыс. членов [387, с. 131—132].

Известное организационное укрепление буржуазии шло параллельно усилению оппозиционных настроений землевладельцев (шэньши и тухао). Недовольство последних «фискальным взрывом», твердолобой внутренней и капитулянтской внешней политикой Цинов обострялось в связи с ростом народных движений в условиях полосы стихийных бедствий, неурожая и голода. Под влиянием шэньши, хоубу и чиновников низшего звена к оппозиционным настроениям стали все более прислушиваться местные власти, обеспокоенные недалековидностью Пекина, опасным нарастанием социальных конфликтов и ущемлением финансовых интересов провинциальной бюрократии, обозленной введением в 1910 г. контроля над местными сборами соляного налога. Под знаком расширения социальной базы оппозиции прошли вторая и третья петиционные кампании (1910 г.) за скорейшее открытие парламента и введение конституции.

Следующий этап взаимоотношений либеральной буржуазно-помещичьей оппозиции с Цинами был связан с «хугуанским» железнодорожным конфликтом летом 1911 г. Откровенное предательство интересов местной элиты вызвало в Южном и Центральном Китае волну протеста. В условиях экономического спада, в напряженной политической атмосфере разразился «сычуаньский кризис», переросший в Синхайскую революцию. Невозможность компромисса с Цинами и сознание обреченности старого режима побудили шэньши, хоубу, чиновников, помещиков и буржуа, связанных с либерально-конституционным движением, в октябре—ноябре 1911 г. «отделиться» от Пекина. Практические условия для такого «взрыва» провинциального регионализма были созданы началом открытого антицинского восстания. Провозгласив «независимость» своих провинций или же свержение в них маньчжурской власти (практически по всему Центральному и Южному Китаю, а затем и в ряде провинций Севера и Северо-Востока), буржуазно-помещичья оппозиция тем самым предредила судьбу цинской монархии.

Свержение Цинов и провозглашение в феврале 1912 г. республики завершили целый период взаимоотношений предпринимательских слоев с государством. Революцию 1911—1913 гг. буржуазия Китая встретила с двойственным чувством. Ее отношение к революционным потрясениям было, естественно, негативным. Боязнь дальнейшего нарастания народного движения, дезорганизующее воздействие на экономику военных действий, неустойчивость общей ситуации в равной мере действовали как на элиту, так и на «массовых» буржуа. Сама по себе революция представляла для чиновно-шэньшиской, компрадорской и реэмигрантских групп элиты явление нежелательное и вынужденное (невозможностью достижения столь желаемого компромисса с Цинами), ибо для данной

части буржуазии маньчжурский режим не был абсолютным злом. Будучи помехой общему развитию капитализма, он одновременно выступал и как охранитель наилучших условий для верхушечного, узкоэлитарного, «реакционного» капитализма чиновно-компрадорского типа в ущерб массовому, действительно универсальному, «демократическому» капитализму. Консервируя господство худшего варианта развития, цинская монархия во многом устраивала буржуазную элиту, конечно, при условии соответствующих уступок со стороны династии, известной перестройки власти (введение парламента) и учета последней наиважнейших требований времени. В силу всего этого буржуазная элита рассталась с «Сыном Неба» с тяжелым сердцем.

Вместе с тем со свержением старого режима буржуазия связывала самые радужные надежды на резкое изменение в ее пользу экономической политики республиканской власти. Ее весьма обнадеживал тот факт, что в 1914 г. в правительстве уже имелось три представителя буржуазной элиты: миллионер и сановник Чжоу Сюэси стал министром финансов. Чжан Цзянь получил в свои руки министерство земледелия и торговли (и провозгласил политику «хлопка и железа», т. е. поощрения отечественного предпринимательства), высокие посты занимал и банкир Лян Шини. Деловые круги с восторгом встретили обещание нового владыки Китая, Юань Шикая, вложить из средств казны 20 млн. юаней в дело развития национальной индустрии [54, т. 1, с. 9, 36]. Бэйянское правительство не скупилось на посулы такого рода. В том же духе на буржуазию влияло широко афишируемое содействие крупных чиновников. Так, в 1912 г. У Тинфаном и другими influentialными лицами была создана в Шанхае «Ассоциация поддержки отечественных товаров».

Короткая буржуазно-парламентская «весна» 1912—1913 гг. воспринималась как «очистительная буря», которая откроет новые пути для быстрого развития национального предпринимательства. Подобные настроения нашли выражение, в частности, в целой полосе создания различных союзов, обществ, ассоциаций, направленных на стимулирование промышленности и торговли. В ряде провинций (Аньхой, Хэйлунцзян, Шаньси, Шэньси, Хэнань и др.) и городов (Сучжоу, Чжэньцзян и др.) в 1912 г. возникли «торгово-промышленные ассоциации» (*шэ сехуэй*) и их отделения. Организовывались также «союзы промышленного созидания» (в том числе в Шанхае), «экономические ассоциации» и «общества народного благосостояния» (*тунжэнь миньшэнь шэсехуэй*)¹⁹ (см. [53, с. 860—867]).

В то же время общим фоном всей этой организационной активности и полосы надежд на будущее процветание капиталистического уклада служила обстановка не прекращавшегося с 1909 г. экономического спада. Кризисное состояние народного хозяйства Китая существенно осложняло и обостряло взаимоотношения буржуазных слоев с государством.

Заключение

ПЕРЕХОДНОЕ ОБЩЕСТВО В КИТАЕ

Начавшаяся с середины XIX в. эрозия традиционной социально-экономической системы к 1914 г. приняла вполне четкие формы. Одни компоненты арендно-бюрократического феодализма были разрушены, другие надломлены, третьи находились в процессе трансформации, четвертые поставлены в новые условия, остальные оставались в неизменном состоянии. Изоляция от внешнего мира сменилась многосторонней интернационализацией хозяйственных и политико-культурных связей. Технический застой понемногу уступал место перевооружению промышленности. Средневековое господство более или менее единообразной по преимуществу натуральной экономики постепенно отступало перед многообразием рыночных форм. Относительная хозяйственная «монотипность» вытеснялась многоукладностью. Прежнее соединение земледелия и домашних промыслов во многом оказалось разорванным. Прочное превосходство земледелия над промышленностью (в плане производительности труда) в одних случаях снизилось, в других сошло на нет. Экономическая и системная однотипность деревни и города разрушалась. Средневековое отставание города от деревни сменялось постепенным выдвиганием его вперед. Уходила в прошлое поглощенность города традиционной, а точнее «деревенской», системой. В ходе хозяйственного и социального подъема Шанхай, Тяньцзинь, Ханькоу, Таншань, Гуанчжоу и целый ряд других городов как бы вступили в иную историческую эпоху, начали «выпадать» из старой средневековой структуры. Последнее служило важным показателем ее кризиса, несмотря на то что подавляющее большинство в первую очередь уездных и окружных центров осталось под прочным влиянием прежней, «деревенской» доминанты.

Традиционное неприятие конфуцианской системой предпринимательского начала было перечеркнуто возникновением и ростом капиталистического уклада. Прежняя зарегулированность экономических и социальных процессов сменилась неустойчивостью нового типа. Был нарушен механизм самовосстановления традиционного социума посредством системы «предохранительных клапанов». В результате бывшая поглощенность общества сословной системой

уходила в прошлое, причем условность и расплывчатость этой системы, неадекватной европейской, облегчала ее распад. Старая иерархия сословий (сыминь) стремительно слабела, на смену ей выступали новые классовые образования. Оказалась нарушенной многовековая пригнанность базиса и надстройки, в первую очередь ее верхних звеньев. Полная или частичная «сдача» старой системой около полутора десятка отмеченных выше «позиций» создала в стране новую атмосферу и особую эволюционную ситуацию.

Ликвидация прежней органической сбалансированности и разложение средневековой конфуцианской системы явились в первую очередь результатом проникновения в Китай явлений, связанных с принципиально иной, более передовой и мощной социально-экономической формацией. Все еще оставаясь в принципе чужеродным телом, иностранный сектор в начале XX в. фактически превратился в известном смысле в органическую, хотя и явно антиконфуцианскую часть видоизмененной социально-экономической структуры Китая. Он постепенно утрачивал породившую в свое время институт компраторства «тканевую несовместимость», трансформируясь из внешнего фактора во внутренний. Тем самым возрастало его конструктивное воздействие в плане ускорения роста старого, «низового» предпринимательства и создания элементов нового, «верхушечного» капитализма. Все это в то же время вызвало нарушение прежней, средневековой системной целостности китайского общества, конфуцианской «чистоты» его форм, составляя один из моментов деструктивной стороны испытываемого им воздействия.

Как вся эволюция Китая (цинского и республиканского), так и ее отдельные звенья могут быть правильно поняты лишь при рассмотрении их не изолированно, а в целостной системе «Китай — мировой рынок» (полуколония — капиталистический мир). Данная связь плюс капиталистический уклад внутри страны создали необходимые условия для постепенного и частичного наполнения традиционных социально-экономических форм иным содержанием. Так, деревенский наем, поставленный этой системой в новые условия, эволюционировал в капиталистическом направлении. Переходные черты приобретали издольщина, кабала, отработка долга, скупка, «старая» аренда на землях обуржуазившихся помещиков и коммерческая деятельность рентополучателей традиционного типа. Часть старого по форме торгового капитала и внешне привычных для него сделок принимает буржуазный и в еще большей мере переходный характер. Постепенное превращение гильдейского купечества в современную торговую буржуазию становится одним из элементов становления смешанной социальной системы.

Итак, целый комплекс внутренних базисных сдвигов и внешних факторов позволяет говорить о вызревании качественно иного общества. При сохранении в принципе арендно-бюрократической феодальной базы происходила ее скрытая, замедленная и

противоречивая трансформация. Отметим, что своеобразная констатация переходности содержится, в частности, и в концепции, определяющей тогдашнее китайское общество как полуфеодальное, полукOLONиальное. Данная формула несколько упрощенно отражает приобретение китайским обществом новых качеств, неизвестных в «доопиумный» период. В силу этого понятие «феодализм» уже недостаточно для полной характеристики предсинхайского десятилетия. Наличие в социально-экономической действительности Китая начала XX в. целого спектра нетрадиционных явлений, разрушение традиционной целостности, возникновение чужеродных конфуцианской системе секторов и укладов вкупе с переходными образованиями свидетельствовало, что развитие (а точнее, стагнация) на базе феодальных потенций было прервано и сменилось если не действительным прогрессом, то, во всяком случае, процессом изменений. Цинская империя начала XX в. поэтому уже представляла собой в известном смысле «постфеодальное» общество.

С одной стороны, наблюдался постепенный упадок и загнивание усеченной и нарушенной традиционной структуры, с другой — медленная модернизация общества, связанная с развитием новых социальных слоев и форм. Между этими двумя уровнями складывалась сложная гамма переходных (как межформационных, так и межстадиальных) явлений. Все указанные три компонента имели место, например, в сфере наемного труда. Старый, кабальный наем сохранялся: в земледелии — для части батраков, в ручной промышленности — для «продавших себя» тружеников (*сыгун, сыбоцза, майшэньгун*), на фабрике — отчасти при контрактации малолетних (*баошэньгун*). Разного рода формы найма полувисимых работников-должников, а также через старшинку (*вайгун, баогун*) приближались к отношениям свободного предпринимательского найма. В деревне последний был представлен основной массой сезонников и поденщиков, в ремесле — «живыми» тружениками (*хогун, хобоцза*), а на фабрике — рабочими, нанятыми непосредственно администрацией (*лигун*). Переходность выступала не столько как соединение элементов традиционного и нового, сколько в качестве особого, хотя и крайне расплывчатого комплекса. В результате к 1914 г. в китайском обществе сложилась как бы трехслойная структура с широчайшим спектром социальных типов — от раба (или крепостного) и помещика до пролетария и буржуа.

При всем этом физический объем «старой» экономики сократился незначительно благодаря специфической сбалансированности арендно-бюрократического феодализма, цементирувавшегося такими извечными факторами, как демографический и географический. Иными словами, с насильственным вовлечением Китая в общемировой поток феодализм там оказался изжитым исторически (стадиально и формационно), но не количественно и не как реальность. Традиционное сочетание арендной системы с массовым бюрократическим изъятием прибавочного продукта (рента — на-

лог) осталось непоколебленным базисом общества и после 1912 г. (так называемое «господство феодальных пережитков»).

В то же время прежний формационноопределяющий уклад, сохраняя физическое и структурное превосходство, окончательно терял качества стадийальной поступательности и исторической перспективы, что открывало дорогу не столько иной формационности, сколько растянутой многозначной переходности. Объем уже происшедших сдвигов (появление капиталистического уклада и переходных форм) и их значимость заставляют видеть в Китае начала XX в. общество, в котором тенденция переходности превратилась в ведущую¹. Речь идет в данном случае не только о промежуточных формах, но и обо всем диапазоне вариантов трансформации с учетом буржуазной эволюции. Иначе говоря, кардинальным продуктом базисных сдвигов второй половины XIX — начала XX в. был не капиталистический уклад сам по себе, а вся сумма явлений переходности.

В итоге основным руслом общей эволюции стало не столько появление буржуазных тенденций, сколько создание социально-экономической структуры смешанного плана. Именно последнее было тем главным, что определило общий характер трансформации китайского общества к 1914 г. Сам же капиталистический уклад (точнее, уклады) с его специфической внутренней сложностью выступал прежде всего как один из факторов формирования этого переходного общества, для которого была характерна тенденция к разбуханию и закреплению прежде всего промежуточных форм. Таким образом, в Китае начала XX в. переходность носила характер не только и не столько процесса, сколько относительно устойчивого, исторически длительного состояния.

С вызреванием переходного общества известная однотипность традиционной системы сменялась многоукладной структурой. Переходность и многоукладность стали взаимопитающими началами. Более или менее единый тип воспроизводства уступал место разобщенности данного процесса между основными укладами: феодальным способом производства с патриархальным, натуральным и мелкотоварным укладами, мелкопредпринимательской формой организации хозяйства и капиталистическим укладом с двумя секторами — местным и иностранным. Вместе с тем многоукладность расширила собой сферу обращения, ибо рос обмен между укладами и секторами. Резко увеличилась множественность видов городской экономики за счет мелкопредпринимательского уклада и обоих секторов капиталистического. Деревенское общество с ростом мелкотоварного уклада, раннебуржуазных и разного рода переходных форм теряло прежнюю монолитность. Результатом всего этого было многообразие социальных групп и слоев (как старых, абсолютно доминирующих, так и недавно возникших) внутри крестьянства, ранее более или менее однотипного. К 1914 г. в деревне уже можно отметить наряду с представлявшими натуральное начало богатыми крестьянами старого типа и полукулаками-полупомещиками кулаков нового склада, действо-

вавших в сфере промыслов и земледелия. Средние по масштабам хозяйства натурального и мелкотоварного типа соседствовали с маломощными полупролетарскими хозяйствами (более или менее постоянно прирабатывавшими путем найма). Арендаторская беднота и пауперы перемерзались с пролетарской прослойкой, живущей продажей своей рабочей силы. Превращение крестьян в мелких товаропроизводителей расширяло сферу переходных типов, принимавших мелкобуржуазные признаки. Китайская деревня становится средой, генерирующей не только нищету и пауперизм, но и продукты буржуазной эволюции.

В то же время примитивный исходный уровень и низкие темпы роста сельского капитализма превращали его лишь в один из элементов переходной многоукладности без возможности стать перспективным структурообразующим началом. Генезис капитализма в китайской деревне являлся не столько свидетельством начала ее конструктивной буржуазной перестройки, сколько признаком формационного надлома деструктивного плана в обстановке складывания переходного общества. Как одна из многих составных частей новой многоплановой эволюции, деревенский капитализм был отчасти показателем завершения саморазвития экономики традиционного типа.

Аналогичный подход ко всему буржуазному (прежде всего городскому) укладу, как к одному из элементов переходной многоукладности, позволяет определить его действительное место в социально-экономической структуре Китая накануне первой мировой войны. При этом сложность внутреннего строения капиталистического уклада дает основание рассматривать его самого в качестве многослойного образования. В то время, как его «верхние этажи» представляли собой современное предпринимательство, нижние, «массовые» звенья еще во многом оставались «средневековым капитализмом» «доопшумной» эпохи. Иначе говоря, в Китае начала XX в. складывалось как бы «два капитализма»: один насаждался «сверху» при импорте извне развитых форм, другой поднимался «снизу» на базе ранних форм спонтанного происхождения. Местный и привнесенный извне капитализмы развивались каждый по-своему, крайне слабо смыкаясь и взаимодействуя друг с другом. В этом одна из причин заторможенности трансформации низших форм капитала в условиях переполненности каналов обращения и кредита традиционного типа избыточными средствами. В подобных условиях раннебуржуазные формы были в большей мере связаны с традиционной, нежели с современной, экономикой. В силу искусственного насаждения и верхушечного характера последней наблюдался разрыв по линии не только «традиционное — буржуазное», но и «раннекапиталистическое — крупнокапиталистическое». В результате «массовый», низовой капитализм выступал скорее как промежуточное, чем как связующее звено. Он существовал как бы в двух измерениях — в старом и в новом качестве — как побочный элемент традиционного комплекса и как компонент буржуазного уклада.

Ранние формы капитализма, развитие которого до середины XIX в. блокировалось конфуцианской системой, под влиянием внешнего фактора получили после трех веков (XVI—XVIII) относительной стагнации возможность стихийного количественного роста и поступательного развития в смысле как приобретения более высокого буржуазного «статуса» (смена домануфактурного уровня мануфактурным), так и обретения своего места в структуре образовывавшегося капиталистического уклада. Вместе с тем влияние огромной массы «старой» экономики порождало обратную тенденцию — к самовосстановлению, консервации и к разбуханию отсталых видов этого «низкосортного» по сравнению с новыми зрелыми формами капитализма. Наиболее смазанные и низшие формы были присущи деревенской части периферии буржуазного уклада.

Разрывом по вертикали между «двумя капитализмами» не исчерпывалась сложность внутренней структуры капиталистического комплекса в Китае, где последний получил в наследство от арендно-бюрократического феодализма чиновничье грюндерство и связь с государством (типа гуаньбань, гуаньду шанбань, гуаньшан хэбань). Влиятельность данного звена, своего рода «бюрократического капитализма», отчасти предопределила гегемонию «верхущечного» и «реакционного» начала в буржуазной ветви развития страны. Уже сам по себе общий социально-экономический и политический климат Китая начала XX в. открывал дорогу прежде всего именно «консервативному», «помещичьему», «октябристскому» пути в ущерб разворачиванию «демократического», «прогрессивного» варианта. Кроме того, на этот внутренний план накладывались внешние деформации, свойственные зависимому, полуколониальному развитию.

Преобладание этой худшей тенденции серьезнейшим образом сказывалось на перспективах капиталистического комплекса в Китае, где сама ситуация переходности ставила вопрос о конечной цели эволюции и выборе средств. Из двух возможных вариантов модернизации к 1914 г. преобладал стихийный, «базисный» (без активного содействия надстройки). Однако наличие гигантских (по занятости) пластов докапиталистического мелкого производства и самовозрастание этой массы темпами, опережающими буржуазную трансформацию, делали стихийную капиталистическую перестройку общества «снизу» исторически бесперспективной. Демографический фактор как бы «съедал» достижения нового уклада и страны в целом. Иначе говоря, «естественный» вариант в историческом плане являлся тупиковым. Одним из слагаемых этой бесперспективности была разобщенность «двух капитализмов». Причем как «верхние», так и «нижние» «этажи» нового уклада сами по себе не только не могли стать формационнообразующим началом, но и не имели реальной возможности подчинить себе друг друга с тем, чтобы развернуться в ведущую или хотя бы активно трансформирующую силу общества.

Такая ситуация лишь консервировала обстановку переход-

ности, придавая ей черты болезненного кризиса — крупнейшего социально-экономического сдвига с отрицательным показателем (не феодализм, не капитализм). Иллюзорно буржуазный характер эволюции лишь подчеркивал неопределенность «выбора». В итоге Китай втянулся в сложную трансформацию, вопрос о конечной цели которой оставался открытым (капитализм, затяжная слаборазвитость аграрной страны, социализм)². Иными словами болезненный характер формационной смены в Китае сочетался с возможностью искусственного поворота в том или ином направлении. Тупиковый вариант мог уступать место реальному обновлению страны в случае более или менее радикального «перерождения» надстройки и ее по-современному активного вмешательства в экономику. Этот «искусственный» вариант сознательной модернизации общества в случае насаждения, например, капитализма «сверху» мог быть успешным лишь при освобождении соответствующих потенций и снятии преград (традиционных и новых) для буржуазного развития «снизу». Большую роль при этом могла сыграть концентрация и действенность усилий государства, получившего в условиях переходной многоукладности особую значимость и известную свободу выбора в делах экономики и хозяйственной политики. Отметим, что в 20—40-х годах в Китае наблюдалась тенденция смены «стихийного» варианта модернизации «сознательным», окончившаяся неудачей вследствие «бюрократического» перерождения. Однако дальнейшее развитие показало, что в условиях Китая именно надстроечная альтернатива являлась единственно «проходимой».

Повышенная для начала XX в. роль внешнего фактора и значительный насильственный элемент в трансформации общества являлись основными источниками ее известной несбалансированности и конгломератности. Проблема сосуществования традиционного и современного в экономике и социальном строе решалась не только через их функциональную взаимосвязь (в том числе посредством переходных форм), но и через их столкновение и значительный «разрыв» по ряду комплексов (земледелие — промышленность, деревня — город, глубинка — побережье и т. д.). При этом новое частично охватило промышленность, город и побережье, в то время как старое прочно удерживало за собой земледелие, сельскую местность и внутренние районы. В итоге частая неконтактность обоих начал превратилась в осязаемый компонент искусственно трансформированной системы. Для последней стало характерным переплетение двух противоположных начал — системной целостности и известной конгломератности.

Положение осложнялось старой хозяйственной разобщенностью провинций и традиционным регионализмом. Кроме того, борьба двух тенденций (органического единства и механического сцепления) переплеталась с действием извечных для Китая сил: гигантские географические и демографические масштабы страны оставались важными факторами временного «разрыва» в эволюции — городское и сельское общество в разных регионах, провинциях и

даже районах внутри них оказались на различных стадиях трансформации.

При всей отмеченной сложности ситуации в итоге имело место не просто механическое вкрапление инородных элементов в конфуцианскую структуру, но и значительное «органическое» взаимопроникновение, вживание одного в другое, что привело к созданию особой системы со своими принципами и внутренними особенностями саморазвития в рамках комплекса «Китай — мировой рынок». В силу этого Китай начала XX в. нельзя рассматривать как сумму разобщенных величин (иностраный сектор — национальная экономика, феодальный комплекс — буржуазный уклад, традиционная деревня — «новые» города). Тем не менее перед нами не строго взаимосвязанная, органическая монолитная структура, а система с элементами конгломератности.

На аналогичных принципах трансформировалась и социальная структура китайского общества. Базисные сдвиги конца XIX — начала XX в. разрушили устой средневековой пирамиды специфических сословий. К 1914 г. китайское общество во многом сбросило средневековые сословные пути. Из двух своеобразных господствующих сословий (цзянь, шэньши) первое, самое «верхнее», было уничтожено революцией. Численный рост второго прекратился с отменой традиционных экзаменов в 1905 г. Его влияние медленно снижалось в связи с созданием «новых» школ (1901 г.), быстрым ростом современной интеллигенции и выдвижением на первый план после революции 1911—1913 гг. военных из других сословий в ущерб влиянию гражданских чиновников — шэньши. Само прежнее сословие ши частично подверглось обуржуазиванию. Смена традиционного конфуцианского презрения к предпринимательству активным занятием бизнесом со стороны шэньши несколько сблизила «ученую» среду с купечеством. В ходе экономических и политических движений первого десятилетия XX в. складывалась амальгама шэньши и торговцев (шэньшан). На смену всевластия средневековой «учености» и по-конфуциански «благородных мужей» постепенно и подспудно приходило влияние денег, капитала. Наиболее заметно слабели прежние сословные представления в крупных городах — по мере их подъема и капитализации. На базе каждого из отмиравших сословий наряду со старыми и переходными росли новые социальные группы. Происходило своего рода «раздвоение» и «растрояние» прежних слагаемых традиционного общества: сверх «положенного» распавшейся системой symmetry возникли совершенно новые, «антиконфуцианские» социальные образования — буржуазия и пролетариат, а также современная интеллигенция. На них, правда, еще лежал отпечаток породившей их традиционной среды — предбуржуазии, предпролетариата и более глубинных слоев, из которых они вышли (торговцы, ремесленники, крестьяне, шэньши).

Характерная для начала XX в. общая нечеткость переходной социальной структуры Китая складывалась из трех компонентов. Во-первых, из обычной для любого добуржуазного общества рас-

плывчатости средневековых социальных образований. Во-вторых, из незавершенности оформления новых классов, находившихся на ранней стадии становления. В-третьих, из специфически китайской стертости граней и обилия промежуточных звеньев между некоторыми традиционными классами (например, между помещиками и крестьянами). Кроме того, от старого общества переходная структура унаследовала разбухающую прослойку пауперов, гипертрофированный удельный вес которых составлял одну из особенностей Китая. В новых условиях XX в. эта среда получила дополнительный импульс к расширению. При этом пауперальный вариант разложения крестьянства явно преобладал над начавшейся пролетаризацией в системе многоукладной экономики. В городах рабочий класс «тонул» в массу люмпенских элементов (кули, безработные, нищие и т. д.). Для переходной структуры был характерен и высокий удельный вес мелкобуржуазных промежуточных слоев (мелкие и мельчайшие торговцы, цеховые ремесленники, подмастерья) с их тенденцией к возрастанию при известной застойности социальных характеристик.

С формированием переходной структуры встал вопрос о нарушении прежней пригнанности надстройки и несоответствии, в первую очередь ее верхних звеньев, изменившемуся базису. Крушение в 1912 г. цинской монархии — ответственной части и инструмента старой системы — явилось не только отражением ее распада, но и органической ступенью этого процесса.

Базисные сдвиги конца XIX — начала XX в. подготовили политическое обновление страны. Если в середине XIX в. тайпинам понадобились титанические военные усилия и огромные человеческие жертвы для так и не удавшегося свержения Цинов, то в 1911—1912 гг. два локальных восстания (в Сычуани и Учане) повлекли за собой цепную реакцию и довольно легкое, чаще всего бескровное свержение маньчжурской власти в одной провинции за другой. Конфликт смешанной социально-экономической структуры с надстройкой в какой-то мере и на время был преодолен. Однако новое равновесие оставалось неустойчивым, более того — кризисным.

Традиционное состояние зарегулированности, пригнанности хозяйственного и политического строя друг к другу оказалось существенно нарушенным. Их определенному гармоническому соответствию и многовековой устойчивости пришел конец. Новая, дестабилизированная общность несла в себе элементы конгломератности и дисбаланса. Все это вызвало комплекс болезненных сдвигов, когда десятки миллионов людей были поставлены в меняющиеся и непривычные для их среды условия. Кризисная неопределенность переходной стадии, борьба за различные варианты выхода из нее наряду с социальной неустойчивостью общества породили почти сорокалетнюю (1911—1949) полосу массовых движений, революций и гражданских войн.

ПРИМЕЧАНИЯ

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Глава 1

¹ Здесь и ниже (кроме специально оговоренных случаев) данные о той или иной социальной группе включают в себя и членов семьи.

² Здесь и далее термины «помещик», «крупный землевладелец», «дичжу» (дословно «хозяин земли») адекватны друг другу и в равной степени обозначают феодальных собственников земли, эксплуатировавших главным образом методами экономического принуждения (аренда, ростовщичество) зависимых крестьян — держателей их земли на феодальном праве. Такого рода присвоители феодальной ренты во всем многообразии их типов (далее будут употребляться и объясняться термины «шэньши», «даху», «туба», «фушэнь» и т. д.) являлись своего рода организаторами производственной ячейки «помещик—арендатор», куда хозяйство крестьянина — держателя земли входило как составная часть. При этом арендатор выступал в качестве непосредственного производителя, а землевладелец — присвоителя прибавочного продукта.

³ Удельный вес данных групп вместе с челядью был несколько иным: «знаменные» — 8%, феодалы-ханьцы — 92, земледельцы — 55,2, шэньши — 36,8%.

⁴ Приставство (*тин*) — административная единица, по размерам и значимости промежуточная между округом и уездом.

Территория собственно Китая последовательно делилась на следующие административные единицы: наместничества (*ду*), провинции (*шэн*), области (*фу*), округа (*чжоу*), в том числе «самостоятельные» округа (*чжилчжоу*), приставства (*тин*), в том числе «самостоятельные» приставства (*чжилитин*), уезды (*сянь*) и волости (*сян*). При этом некоторые наместничества включали в себя лишь одну провинцию (Чжили, Сычуань); три провинции (Шаньдун, Хэнань и Шаньси) не входили в наместничества, а административное деление Маньчжурии имело свои особенности.

⁵ Подобный подход представляется нам вполне правомочным, поскольку, как свидетельствуют обобщенные показатели, принципиальных изменений в системе землевладения за указанный период не произошло: по-видимому, тенденция к концентрации земель в руках помещиков в целом «погасалась» дроблением их хозяйств между многочисленными наследниками.

⁶ Здесь и далее под контролем понимается фискальный учет, полицейский надзор, а главное — сбор налогов дважды в год, а также ежегодное отбывание казенных повинностей или откуп от них деньгами.

⁷ Кто бы ни платил налоги за арендаторские участки (держатель земли за помещика или сам дичжу), в конечном счете в определенной мере страдали интересы собственника земли, в любом случае недополучавшего какой-то процент — больший или меньший — рентных поступлений. Последнее часто создавало трения между казной и чиновничеством, с одной стороны, и помещиками, особенно мелкими и средними, главным образом нешэньши, — с другой.

⁸ Необходимо особо подчеркнуть, что в приведенных расчетах зерно выступает лишь в своей основной функции, т. е. как предмет потребления. В этой связи не учитывается часть необходимого продукта, комплектующая через сферу обмена (ремесленные товары и т. д.), когда зерно выступает в роли денежного

эквивалента. Данный момент требует увеличения объема необходимого и соответственно снижения физических размеров и удельного веса прибавочного продукта, остающегося у крестьян в качестве как фонда присвоения, так и потенциала «вторичного» изъятия. С учетом сказанного выше реальный уровень остающегося у крестьян прибавочного продукта был значительно ниже указанного здесь расчетного уровня.

Глава 2

¹ Во второй половине XIX — начале XX в. термин *шан* («торговец») обозначал купца, комиссионера, хозяина мануфактуры, фабриканта, горнозаводчика, судовладельца, ростовщика и банкира. Данный термин применялся как к каждой из этих категорий в отдельности, так и ко всей общности предпринимателей в целом.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

Глава 1

¹ Первый заем был реализован на незначительную сумму. Новая попытка имела место в 1898 г. в целях погашения военной контрибуции Японии. Этот заем был выпущен на сумму 100 млн. лян, причем крупным подписчикам были обещаны чины и почетные звания. Несмотря на это, подписка не составила и 20 млн. лян [149, с. 145].

² В синдикате участвовали: от России — Петербургский международный коммерческий банк, Петербургский учетный и ссудный банк, Русский банк для внешней торговли и Волжско-Камский коммерческий банк; от Франции — «Готтингер э Компани», «Банк дэ Пари э дэ Пэн-Ба», «Крэди Лионэз», «Сосьете Женераль пур Фаворизэ дэ Девелопман дю Комерс э дэ л'Эндюстри ан Франс», «Комптуар Насьональ д'Эскупт дэ Пари» и «Сосьете Женераль дэ Крэди Эн-дюстриэль э Комерсиаль».

³ За спиной «Дойч-Азиатисхе банк» стоял синдикат 14 германских банков во главе с «Дисконто-Гезельшафт» (см. [167, с. 3377]). «Гонконг энд Шанхай Бэнкинг Корпорэйшн» представляла группу крупных английских банков во главе с банкирским домом Ротшильда.

⁴ Его участниками были от России — Петербургский международный коммерческий банк; от Франции — «Готтингер э Компани», «Банк дэ Пари э дэ Пэн-Ба», «Крэди Лионэз» и «Комптуар Насьональ д'Эскупт дэ Пари».

⁵ Речь идет о разработанном даосами суеверном учении о взаимодействии космических сил и символов с земным рельефом. Только при благоприятном сочетании «небесных сил» тот или иной участок считался подходящим для строительства, устройства могилы, приобретения в собственность и т. п.

Глава 2

¹ Подробнее об этом см. раздел третий, гл. 1.

² В нее входили банки «Морган энд К°», «Фэрст Нэйшнл Бэнк», «Кун, Лэб энд К°» и «Нэйшнл Сити Бэнк оф Нью-Йорк».

³ Ее глава Б. Крисп выступал представителем английского банковского синдиката в составе «Ллойдс Бэнк», «Лондон Коунти энд Вестминстер Бэнк» и «Кэпитэл энд Коунти Бэнк».

⁴ Через нее же финансировалась постройка линии Гуанчжоу—Цзюлун и одного из участков Пекин-Мукденской дороги.

⁵ Из числа остальных следует упомянуть «Национальбанк фюр Дойчланд», «Берлинер Хандельс-Гезельшафт», «Банк фюр Хандель унд Индустри», «Норддойче Банк ин Гамбург».

⁶ Банки, гарантировавшие иностранным держателям долговых обязательств китайского правительства своевременное погашение займов и процентов по ним.

⁷ Подробнее о нем см. раздел четвертый, гл. 1.

⁸ «Окура» и «Мицун Буссан Кайся».

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

Глава 1

¹ Так называемые «сто дней реформ» (с 11 июня по 21 сентября 1898 г.) — неудавшаяся попытка умеренных буржуазных преобразований, предлагавшихся движением прогрессивных шэнши, либеральных помещиков и буржуазной элиты во главе с Кан Ювзем.

² Административно-полицейское объединение дворов в десятки, сотни и тысячи во главе с соответствующими начальниками. Каждые 10 дворов (*ху*) составляли пай во главе с десятским (*пайтоу*). Десять пай объединялись в *цзя* со своим сотским (*цзячжан*, *дицзя*). Из десяти *цзя* формировалось бао под надзором тысяцкого (*баочжэн*, *дибао*). Над бао стоял волостной староста (*сянчжан*). На основании особых надверных учетных табличек (*мэньпай*) каждого двора составлялись десятидворные списки жителей (*пайцэ*).

³ Ранее формально сохранялся запрет на винокурение. Шаогошуй официально взимался только в Чжили. В остальных провинциях обложение винокурения осуществлялось в русле сбора «местных» налогов — по иным ставкам, под другими названиями (*цзюцзюань*, *цзюшуй*), в частности на внутренних таможах (*чангуань*, *лициньцзюй*).

⁴ Прежде всего это касалось косвенных налогов, по традиции находившихся в ведении провинциальных казначейств.

⁵ И 650 взней с каждого дана налогового зерна.

⁶ И 200 взней с каждого дана налогового зерна.

⁷ В отличие от связанных с проведением «новой политики» и с необходимостью выплачивать «боксерскую» контрибуцию налоговых надбавок, которые «привязывались» к другой части дидина — поземельному сбору (*дифу*).

⁸ В ходе революции 1911—1913 гг. военные повинности были восстановлены. Впоследствии в связи со становлением и развитием в Китае института местных милитаристов практика их сбора расцвела пышным цветом.

⁹ В Маньчжурии в указанном плане серьезнейшим образом сказалось проведение железных дорог, в Центральном Китае — коммутация цюаня.

¹⁰ С переходом в указанный период маслоделия из деревни в города и с началом широкого вывоза жмыхов (на городской и внешний рынок, особенно в Японию) китайское земледелие стало во все растущем объеме терять такие ценные удобрения, как жмых и извозина. Аналогичным был результат снижения поголовья скота.

¹¹ Чэн — 10%, здесь — $\frac{1}{10}$ наиболее высокого урожая, когда-либо снимавшегося с 1 му в данной местности. Идеальный урожай в 10 чэнов бывал не чаще 1 раза в 10—15 лет.

Глава 2

¹ Аналогичным образом шло насаждение кружевного промысла в Цзянсу и Шаньдуне. Из таких «учеников» в ряде случаев вырастали мелкие хозяйчики, заводившие свое собственное дело и нанимавшие крестьянскую бедноту, как было, например, в мотальном промысле Гуандуна (см. [71, т. 2, с. 178—179]).

² В уезде Уцзин (Цзянсу), например, перед Синьхайской революцией насчитывалось 40—50 таких предприятий [58, т. 2, с. 344].

³ На процесс формирования кадров работников этих мастерских заметный отпечаток наложили традиционные социальные отношения китайской деревни. Так, в тех случаях, когда хозяин мелкой мастерской был не в состоянии нанять сновальщиков, он (используя традиционный институт общинно-клановой взаимопомощи) пригласил себе «на помощь» (за харчи) обедневших членов своего клана. В дальнейшем такие подсобники рано или поздно превращались в рабочих, получавших заработную плату.

помним, что 4% падало на кулаков (см. выше, с. 138).

вшие кулаки составляли среди них явное большинство.

Подробнее о деятельности этих обуржуазившихся слоев в сфере промышленности, транспорта, кредита и торговли см. ниже, в гл. 3 четвертого раздела.

В последующий период (1914—1949) рост перенаселенности деревни, на фоне нового демографического кризиса, политическая нестабильность, японская агрессия и вспышки гражданской войны привели слабый деревенский капитализм в состояние стагнации и упадка. Иными словами, процесс капиталистического развития в деревне имел явную тенденцию к обратимости.

Глава 3

¹ Это было обусловлено серьезным ухудшением состояния Великого канала и развитием каботажных перевозок на север и на юг от Шанхая.

² После почтовой реформы 1896 г. казенная курьерская служба (*ичжань*, *ючжэн*) была ликвидирована.

Глава 4

¹ Ввоз его из Англии и Германии достигал внушительных масштабов.

² Вследствие того что вторая перепись (1913 г.) проводилась в весьма напряженной внутривнутриполитической обстановке (военные действия, связанные с так называемой «второй революцией» и временным отпадением южных провинций), правильность ее данных, особенно итоговых, вызывает большие сомнения. Аналогичным образом относились к этим данным и проводившие перепись чиновники министерства земледелия, промышленности и торговли.

³ На них в Цзянсу в качестве надомников помимо шелкоткачей работали многие тысячи мотальщиков и уточников.

⁴ В Инкоу, например, местные лufаны серьезно пострадали в результате японо-китайской (1894—1895) и русско-японской (1904—1905) войн, а также восстания ихэтуаней.

⁵ Сяотунханы, в свою очередь, делились на четыре категории (*юань*, *сян*, *ли*, *чжэнь*). Принадлежавшие к первой группе (*тяода цянчжэуан*) в небольших размерах занимались приемно-скупными операциями. Вторые (*гуаньмынь тяода*) выступали поверенными и агентами более крупных контор. Третьи (*чайдуй цянчжэуан*) специализировались на скупке серебра и медной монеты оптом с последующим розничным разменом. Четвертые (*сяньдуй цянчжэуан*) занимались исключительно мелким разменом.

⁶ Так, иностранными солдатами была разграблена наличность четырех крупнейших в Пекине меняльных «фирм» (*сыдахэн*) [313, с. 956]. Потери 20 ломбардов Тяньцзиня составили около 1 млн. янов [397, с. 191].

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

Глава 1

¹ Здесь и далее предприятия с первоначальным капиталом менее 10 тыс. юаней не учитываются.

² Хугуан — провинция Хунань и Хубэй.

³ Капитал и «Цисиня», и «Пули», и Гуанчжоуской электрической компании превышал 1 млн. юаней.

⁴ Первоначально смешанная, она в 1908 г. была реорганизована в частную «Ханьпинскую угольную и металлургическую компанию», объединившую предприятия в Ханьяне, Дае и Пинсяне в Ханьпинский комбинат.

⁵ В результате к 1907 г., например, более половины всех капиталовложений в Ханьпинский завод и Пинсянские копи (7 млн. янов из 13 млн.) составляли займы [368, с. 267; 407, с. 86].

⁶ Так, после 1908 г. ежегодные поставки с рудников Дае достигали 100 тыс. т руды.

⁷ Включая предприятия с очень слабой механизацией и некоторые крупные мануфактуры.

⁸ Общий объем аналогичных вложений в последние тэуаньские годы был в 6 раз меньше.

⁹ Приведенные данные достаточно приблизительны. Во-первых, они касаются вновь открытых предприятий без учета закрытия, консервации или слияния в результате части их; во-вторых, в них не включены сведения о мелких механизированных заведениях с начальным капиталом менее 10 тыс. юаней и, наоборот, учтены, исходя из той же методики, некоторые крупные мануфактуры и традиционные горные разработки. Внеся соответствующие коррективы, можно с определенной долей уверенности предположить, что машинный сектор в Китае на 1913 г. охватывал около 800 предприятий.

¹⁰ Данные по этим предприятиям не включены в приведенный выше суммарный показатель инвестиций.

¹¹ Здесь и далее под значительными подразумеваются предприятия с числом рабочих свыше 500 на каждом.

¹² На создание 1 рабочего места в 1900—1910 гг. требовалось в среднем 683 яня.

¹³ Так, на Фушунских и Яньтайских угольных копях за 1911 г. в результате несчастных случаев пострадали или погибли 1247, а за 1913 г. — 3184 горняков [53, с. 1208].

Глава 2

¹ Подробнее см. гл. 1 настоящего раздела.

² Рассмотрение данной проблемы серьезно осложняется тем, что вопрос о специфике как циклического движения капиталистического хозяйства вообще, так и отдельных его этапов, в частности кризисов, применительно к колониям, зависимым и современным развивающимся странам в теоретическом плане не разработан. Так, в посвященных изучению периодических кризисов переизданных капитальных работах [203а; 205б] указанная проблема практически не разбирается: кризисные явления в экономике колоний и полуколоний рассматриваются там лишь как отражение соответствующих процессов, происходивших в развитых капиталистических странах.

³ Данный кризис затронул в основном те колонии и полуколонии, которые специализировались на производстве на мировой рынок одного-двух видов продукции: Египет (хлопок), Бразилию (кофе), Аргентину (шерсть), Малайю (олово и каучук), Кубу (табак) и т. п. (см. [203а, т. 3, с. 153—154]).

⁴ Приведенные данные не охватывают всего ввоза Китая: не учтена сухопутная торговля (с Россией, с Японией — через Корею — и т. п.).

⁵ Так, за 1902—1911 гг. серьезно выросла цена на английскую (на 65,7%), индийскую (на 26%) и японскую (на 8,6%) хлопчатобумажную пряжу. Соотношение средней цены на указанные виды пряжи за 1902—1911 и 1909—1911 гг. составило соответственно 100 : 119,1; 100 : 123,9 и 100 : 99,8 (рассчитано по [70, с. 336]).

⁶ «В начале промышленного развития, — отмечал Ф. Энгельс, — эти застой ограничиваются отдельными отраслями или отдельными рынками» [5а, с. 318].

⁷ В 1821 г. 48% самодельного населения Англии было занято в промышленности и только 33% — в сельском хозяйстве [203а, т. 1, с. 244].

⁸ Как современники событий, так и последующие исследователи для характеристики тогдашней обстановки в Китае использовали такие определения, как «непрерывающийся торгово-промышленный кризис», «полное расстройство торговли и финансов», «развал финансовой системы», «глубочайший кризис народного хозяйства» и т. п. Подобные оценки при всей гиперболизации степени кризиса достаточно точно отражают его общеэкономический характер.

⁹ Весьма короткий — всего десятилетний — срок, прошедший со времени упорения на китайской почве фабричного частного предпринимательства: очень низкий общий уровень промышленного развития страны (явно уступавший тому, что имел место в Англии к 1825 г.); преобладание в промышленной сфере дофабричных форм; еще не сложившаяся окончательно цикличность всего процесса общественного воспроизводства (когда «кризисные периоды выделяются

все отчетливо, но нет еще ясного чередования прочих фаз цикла — депрессии, подъема и подъема» [203а, т. 1, с. 320]).

¹⁰ Указанные моменты были характерны и для начального этапа (рубеж XIX вв.) развития английского капитализма.

¹¹ Для этого активно использовались созданные по указанию правительства специальные совещательные комитеты (сильно отдававший часто поминательный Ленным «азиатчиной» китайский вариант думского маневрирования русским парламентом).

¹² 32 из них приходились на наиболее капиталистически развитую провинцию Цзянсу.

¹³ «Нормальным» для развития капитализма домонополистической стадии является дефляционный «климат».

¹⁴ Во многом обусловленная огромными финансовыми потерями Китая, связанными с необходимостью оплаты контрибуций и иностранных займов, а также возмещения дефицита внешней торговли.

¹⁵ Выпуск новых денег стал важным средством обогащения чиновников казенных налоговых управлений, а с 1909 г. — и провинциальных банков.

¹⁶ Он был отражением мирового «каучукового» бума, вызванного бурным ростом автомобилестроения в США и Западной Европе.

¹⁷ Обеспечение в таком случае служило социальное положение получателя займа, представленные им рекомендации влиятельных лиц и т. п.

¹⁸ По другим данным — всего 36 [448, с. 118].

¹⁹ К. Маркс при этом особо выделял «торговый и финансовый кризис». И именно в данных сферах спад 1909—1913 гг. в Китае оказался наиболее разрушительным.

Глава 3

¹ До 1906 г. регистрация осуществлялась министерством торговли (Шанбу), а позже — министерством земледелия, промышленности и торговли (Нунгуншанбу) через местные регистрационные бюро.

² Среди них преобладали текстильные, керамические, мукомольные, табачные и маслобойные компании. Основная их часть (93) возникла в период промышленного подъема [53, с. 729].

³ Некоторые из них относились к казенному сектору.

⁴ Ханьлинъ юань — придворная академия, особое ведомство, занимавшееся составлением летописей, хронологий и толкованием императорских указов.

⁵ Еще одно предприятие компрадоры создали совместно с купцами, а в одном случае определить социальное происхождение основателя невозможно.

⁶ В состав первого из этих наместничеств входили провинции Цзянсу, Аньхой и Цзянь, второго — Гуандун и Гуанси.

⁷ Была построена лишь ветка Гуаньчжоу — Саньшуй.

Глава 4

¹ Для разработки данной проблемы особое значение имеет созданная советскими востоковедами (В. И. Павловым, М. А. Чешковым, Л. И. Рейснером, Г. К. Широковым, В. Г. Растяниковым и др.) методика изучения буржуазии стран Азии, положенная нами в основу данной главы.

² Следует оговориться, что под средним слоем в данном случае подразумеваются не владельцы капитала средних размеров, а носители буржуазного статуса переходного типа (между привилегированностью элиты и отсутствием элементарных правовых гарантий у «массового» буржуа), т. е. буржуа, сочетавшие ослабленные признаки этих обоих начал и соответственно персонифицировавшие промежуточные формы предпринимательства.

³ Практически все крупные фабриканты были выходцами из указанных четырех социальных и профессиональных групп. Будущие миллионеры Ся Жуфан и Бао Сяньчан — выходцы из низов (ученики-подмастерья, печатники) выглядели на общем фоне «белыми воронами».

⁴ Деление китайской буржуазии на компрадорскую и национальную чаще всего носило политический характер: те или иные слои и группы политиками и историками относились к союзникам, попутчикам и нейтралам (национальная) или к врагам революции (компрадорская буржуазия).

⁵ Это, впрочем, вовсе не означало слабости чиновно-шэньшиского начала в Шанхае и на Юге. Достаточно отметить, что в рассматриваемый период буржуазию Цзянсу, в том числе и в политическом плане, представлял цзиньши Чжан Цзянь, а предпринимателей Чжэцзяна — видный шэньши Тан Шоуцзянь. В равной мере нет оснований говорить о непрочности позиций компрадоров и отчасти фабрикантов в Тяньцзине.

⁶ Позиции меняльных лавок в Пекине и Тяньцзине были резко подорваны ихэтуаньским движением и интервенцией восьми держав.

⁷ Дело доходило до волеизъявления властей. Так, в 90-х годах в Гуанчжоу один из чиновников вместе с подчиненными ограбил дочиста местную шелкоткацкую фабрику. Наместник Лянгуана (провинции Гуандун и Гуанси), к которому обратились за защитой, наказал не главарей разбоя, а... жалобщиков [235, с. 72].

⁸ В двухступенчатых выборах приняла участие крайне узкая элита из среды привилегированных и богатых слоев общества (0,03% всего населения страны). Членами цзиньшюу являлись носители ученой степени не ниже шэньюаня, отставные чиновники, преподаватели, владельцы имущества на сумму не менее 5 тыс. юаней и т. д.

⁹ Ведущей их группировкой была цзянсу-чжэцзянская (Чжан Цзянь, Тан Шоуцзянь, Сюй Динлинь, анхойский предприниматель Куай Гуаньдянь и др.).

¹⁰ Одно из них в 1913 г. создали реэмигрантские круги Шанхая. Оно имело отделения в ряде провинций, объединяя и хуашаю, живших за пределами Китая.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

¹ В то же время следует отметить, что многие переходные сдвиги в китайском обществе были не столько реальным движением к капитализму, сколько «защитной реакцией», способом выживания и формой приспособления традиционных явлений к новым условиям. В этом проявлялись повышенная устойчивость и «большие регенерационные возможности» старой китайской структуры [204, с. 18].

² Речь в данном случае идет, естественно, о весьма далекой перспективе, а отнюдь не о реальных задачах, которые стояли перед китайским обществом в начале XX в.

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. ГОСПОДСТВУЮЩИЙ КЛАСС И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОЕ НАСЕЛЕНИЕ КИТАЯ В 80-е годы XIX в.

1. Структура населения

Таблица 1

Общая структура населения Китая на 1887 г. *

Район **	Городское население ***, млн. человек	Сельское население ***, млн. человек				В целом	
		земледелель- цы	крестьяне	неземледелель- ческие рас- сылы ****	всего	млн. человек	удельный в ес., %
Север и Маньчжурия	10,6	3,8	83,7	7,6	95,1	105,7	27,2
Центральный Китай	11,2	4,0	88,7	8,0	100,8	112,0	28,9
Южный Китай	17,0	6,2	135,0	12,3	153,4	170,4	43,9
Центральный и Южный Китай вместе	28,2	10,2	223,7	20,3	254,2	282,4	72,8
Итого	38,9	14,0 *****	307,4	27,9	349,3	388,1	100,0

* Рассчитано по [26, с. 328; 47, с. 8; 55, с. 10-17] и на основании табл. 14, 16, 18.

** Север и Маньчжурия — провинции Чжэнь, Шаньдун, Шаньси, Хэйлунцзянь, Центральный Китай — Цзянсу, Аньхой, Цзинь, Чжэнь, Южный Китай — Хубэй, Южный Китай — Хунань, Сычуань, Гуандун, Фуцзянь, Гуанси, Юньнань и Гуйчжоу. Для Чжэнь, Аньхой, Гуанси, Аньхой, Гуанси и Юньнани данные за 1879—1882 гг.

*** Из расчета 10% всего населения (здесь и далее оценки наши).

**** Включая незанятое в сельском хозяйстве население — 88 и неземледелельское население — 8% всех жителей сельской местности и простые дичку — неимущие).

***** Помещичья челядь, мньюань, торговцы (лавочники и бродячие), ремесленники, горняки, лодочники, кули, рыбаки, разного рода служители (храмовые, общинные, учителя и т. д.), люмпены и т. п.

Структура городского населения Китая на 1887 г. *

Таблица 2

Район	Государственный аппарат **		Господствующий класс ***		Ремесленники		Прочие слои ****		В целом	
	млн. человек	%	млн. человек	%	млн. человек	%	млн. человек	%	млн. человек	%
Север и Маньчжурия . .	3,9	36,8	2,6	24,5	3,1	29,3	1,0	9,4	10,6	100,0
Центральный Китай . . .	2,0	17,8	1,9	17,0	5,8	51,8	1,5	13,4	11,2	100,0
Южный Китай	3,1	18,2	2,4	14,1	6,1	35,9	5,4	31,8	17,0	100,0
Центральный и Южный Китай вместе	5,1	18,1	4,3	15,2	11,9	42,2	6,9	24,5	28,2	100,0
Итого . . .	9,0	23,2	6,9	17,8	15,0	38,6	7,9	20,4	38,8	100,0

* Рассчитано на основании табл. 1, 3, 11. Здесь и ниже (кроме специально оговоренных случаев) данные по каждой социальной группе включают также и членов семьи.

** Служивая бюрократия, секретари, писцы, низовые служители ямэней, челядь, личный состав армии и флота (без «знаменных» корнусов, монгольской и тибетской милиции, а также синцзянских гарнизонов).

*** Городские «знаменные», почетная бюрократия, городские шэньши, помещики, жившие в городах, и челядь представителей всех этих групп. Здесь и ниже служивая бюрократия, являвшаяся органической составной частью господствующего класса, включена нами в категорию «государственный аппарат» в технических целях.

**** Кушцы, маклеры, ростовщики, торговцы, служащие у представителей этих групп, мелкие торговцы, грузчики, транспортники, чернорабочие, лица «низших» профессий и люмпены.

Экономическая структура населения Китая на 1887 г. *

Район	Производительное население **					Непроизводительное население **					В целом	
	крестьяне, млн.	городские ремесленники ***, млн. человек	остальные группы ****, млн. человек	всего		госаппарат *****, млн. человек	правящие сословия *****, млн. человек	прочие слои, млн.	челядь представителей всех категорий господствующего класса *****, млн.	всего	численность, млн. человек	удельный вес, %
Север и Маньчжурия	83,7	3,1	6,1	92,9	87,9	3,9	3,9	2,6	2,4	12,8	12,1	105,7
Центральный Китай .	88,7	5,8	6,8	101,3	90,4	2,0	2,5	2,8	3,4	10,7	9,6	112,0
Южный Китай	135,0	6,1	11,6	152,7	89,6	3,1	2,4	4,9	7,3	17,7	10,4	170,4
Центральный и Южный Китай вместе	223,7	11,9	18,4	254,0	89,9	5,1	4,9	7,7	10,7	28,4	10,1	282,4
Итого . . .	307,4	15,0	24,5	346,9	89,4	9,0	8,8	10,3	13,1	41,2	10,6	388,1

* Рассчитано по [58, т. 2, с. 431, 432] и на основании табл. 1, 11, 14, 16, 18.

** Данное деление весьма условно, так как в первую категорию включено как население, занятое в сфере обращения, так и люмпены, миттуаны и другие непроизводительные группы. В то же время не учтена деятельность господствующего класса в сфере обращения.

*** Включая рабочих мастерских и мануфактур (оценка наана). В 1912 г. общая численность данной категории составляла 13,7 млн. человек.

**** Население, занятое в сфере деревенских промыслов, рыболовства, горнодобывающей промышленности, транспорта, торговли и кредита (в том числе городские группы: для Севера и Маньчжурии за вычетом половины «знаменных» — 1 млн.; для Центра — 1,5 млн. и для Юга — 5,4 млн. человек). Нам не удалось вычленил из данных показателей численность люмпенов и остального непроизводительного населения, в частности в сфере кредита.

***** Включая низовых служителей и армию. Члены семей учтены лишь для чиновников, секретарей и писцов.

***** «Знаменные» и обе группы шэньши (без служивой бюрократии).

***** Сравнительно незначительная численность челяди во многом объясняется тем, что низовые служители ямэней (яи), как правило, выполняли также обязанности слуг чиновника (см. также табл. 6, 7, 8, 12, 13).

Таблица 4
Демографический потенциал основных секторов формационнообразующего уклада Китая на 1887 г. *

Район	Секторы										Всего	
	бюрократический					частнофеодалный						
	госаппарат и правящие сословия **, млн. человек	податные крестьяне, млн.	в целом		земле- дельцы, млн.	зависимые крестьяне, млн.	в целом		Население, не входящее в указанные секторы ***			
			млн.	%			млн.	%				
											млн.	%
Север и Маньчжурия	7,7	58,0	65,7	62,2	5,1	25,7	30,8	29,1	9,2	8,7	105,7	100,0
Центральный Китай	4,0	41,9	45,9	41,0	6,7	46,8	53,5	47,8	12,6	11,2	112,0	100,0
Южный Китай	5,4	51,4	59,8	35,1	12,3	80,6	92,9	51,5	17,7	10,4	170,4	100,0
Центральный и Южный Ки- тай вместе	9,1	96,3	105,7	37,4	19,0	127,4	146,4	51,9	30,3	10,7	282,4	100,0
Итого	17,1	154,3	171,4	44,1	24,1	153,1	177,2	45,7	39,5	10,2	388,1	100,0

* Рассчитано на основании табл. 1, 3, 11, 14, 17. О принципах деления на секторы см. примечания к табл. 8, 13, 14, 17. Данные о господствующих слоях включают их челядь.

** Без второй группы шэньши. См. табл. 14.

*** О его составе см. примечания к табл. 1, 2, 3.

Таблица 5
Соотношение демографических потенциалов основных секторов Китая на 1887 г. *, %

Район	Бюрократический сектор			Частнофеодалный сектор		
	госаппарат и правящие сословия	податные крестьяне	в целом	земле-владельцы	зависимые крестьяне	в целом
Север и Маньчжурия	8,0	60,1	68,1	5,3	26,6	31,9
Центральный Китай	4,0	42,2	46,2	6,7	47,1	53,8
Южный Китай	3,6	35,6	39,2	8,0	52,8	60,8
Центральный и Южный Китай вместе	3,7	38,2	41,9	7,5	50,6	58,1
Итого	4,9	44,3	49,2	6,9	43,9	50,8

* Рассчитано на основании табл. 4 (со всеми приведенными там уточнениями).

Таблица 6
Удельный вес основных групп населения Китая на 1887 г. *, %

Район	Госаппарат	Правящие сословия			Простые дельцы	Челядь	Крестьяне	Население, не входящее в указанные секторы **	Городское население	Прочие горожане ***
		«знамен-ные»	шэньши	иного						
Север и Маньчжурия	3,7	1,6	2,1	3,7	2,5	2,3	79,2	4,8	2,9	0,9
Центральный Китай	1,8	0,1	2,1	2,2	2,5	3,1	79,2	4,7	5,2	1,3
Южный Китай	1,8	0,1	1,3	1,4	2,9	4,3	79,2	3,6	3,6	3,2
Центральный и Южный Китай вместе	1,8	0,1	1,7	1,8	2,7	3,8	79,2	4,1	4,2	2,4
Итого	2,3	0,5	1,8	2,3	2,6	3,4	79,2	4,3	3,9	2,0

* Рассчитано на основе табл. 1, 3.

** Сельское население за вычетом помещиков, крестьян и помещичьей челяди; в графах «Север и Маньчжурия», а также «Итого» за вычетом половины «знаменных» (см. табл. 13).

*** Городское население за вычетом занятых в госаппарате, ремесленников, половины «знаменных»; в графах «Север и Маньчжурия», «Итого» — первой группы шэньши и их челяди (см. табл. 10—13).

II. Господствующий класс

Удельный вес основных компонентов господствующего класса Китая в 80-е годы XIX в. *,
%

Таблица 7

Район	Чиновники **		Шэньши ***						«Знаменные»		Простые дичжу	
	с членами семей	с членами семей и челядью	1-я группа		2-я группа		всего		с членами семей	с членами семей и челядью	с членами семей	с членами семей и челядью
			с членами семей	с членами семей и челядью	с членами семей	с членами семей и челядью	с членами семей	с членами семей и челядью				
Север и Маньчжурия . . .	5,3	6,9	12,0	11,9	17,4	17,1	29,4	29,0	26,0	25,5	39,3	38,6
Центральный Китай . . .	2,7	3,0	20,1	18,5	22,8	23,4	42,9	41,9	2,4	1,9	52,0	53,2
Южный Китай	3,2	2,8	13,2	13,3	16,3	16,5	29,5	29,8	1,1	0,7	66,2	66,7
Центральный и Южный Китай вместе	3,0	2,9	16,1	15,2	19,1	19,0	35,2	34,2	1,6	1,2	60,2	61,7
Итого . . .	3,8	4,0	14,7	14,3	18,5	18,5	33,2	32,8	10,0	8,0	53,0	55,2

* Рассчитано на основании табл. 8, 10, 12, 13, 14.

** Служилая и почетная бюрократия вместе.

*** Первая группа шэньши за вычетом служилой и почетной бюрократии, вторая группа — целиком. О принципах деления шэньши на группы см. примечания к табл. 12.

Таблица 8

Соотношение бюрократических и частнофеодалных слоев внутри господствующего класса Китая в 80-х годах XIX в. *

Район	Господствующий класс								Бюрократические слои***		Частнофеодалные слои	
	с членами семей		с членами семей и челядью		в том числе шэньши**				с членами семей	с членами семей и челядью	с членами семей	с членами семей и челядью
	млн. человек	%	млн. человек	%	с членами семей		с членами семей и челядью					
					млн.	%	млн.	%				
	%	%	%	%	%	%	%	%				
Север и Маньчжурия . .	6,7	100,0	9,1	100,0	2,3	34,7	3,3	35,8	43,3	44,3	56,7	55,7
Центральный Китай . . .	5,4	100,0	8,8	100,0	2,5	45,7	3,9	44,9	25,2	23,4	74,8	76,6
Южный Китай	7,4	100,0	14,7	100,0	2,4	32,7	4,8	32,6	17,4	16,8	82,6	83,2
Центральный и Южный Китай вместе	12,8	100,0	23,5	100,0	4,9	38,2	8,7	37,2	20,7	19,3	79,3	80,7
Итого . . .	19,5	100,0	32,6	100,0	7,2	37,0	12,0	36,8	28,5	26,3	71,5	73,7

* Рассчитано по [397, с. 161] и на основании табл. 12, 13, 14.

** Первая и вторая группы вместе, включая чиновников.

*** К бюрократическим слоям, связанным с государством и жившим в основном за счет налогов, отнесены чиновники, первая группа шэньши и «знаменные» (см. табл. 12, 13). К частнофеодалным слоям, связанным прежде всего с земельной собственностью и рентой, отнесены вторая группа шэньши и остальные дичжу (см. табл. 14). Подобное деление в значительной мере условно, ибо четкой граница между обеими указанными категориями на практике не существовало.

Государственные учреждения Китая на 80-е гг. XIX века; основные категории и классы *

Таблица 9

Район	Центральные учреждения**	Ямэнь наместничеств и провинций***	Учреждения наместничеств и провинций****	Ямэнь						Морские таможни	Всего	
				областные	самостоятельных округов	самостоятельных приставств	окружные	приставские	уездные*****		количество	% к итогу
Север и Маньчжурия . . .	43	10	38 (135)*****	56	42	14	54	18	556	4	835 (932)	41,1
Центральный Китай	—	7	24 (80)	50	10	3	17	5	330	8	454 (510)	22,3
Южный Китай	—	10	33 (110)	77	24	16	76	44	454	9	743 (820)	36,6
Центральный и Южный Китай вместе	—	17	57 (190)	127	34	19	93	49	784	17	1197 (1330)	58,9
Итого	43	27	95 (325)	183	76	33	147	67	1340	21	2032 (2262)	100,0

* Рассчитано по [22; 28; 470, с. 224] без учета отдельных мелких учреждений.

** Включая императорский и княжеские дворы. Численность последних дана приблизительно.

*** Дуфу ямэнь, дуфу ямэнь мужжи (при условном отождествлении администрации Маньчжурии и собственно Китая).

**** Военные канцелярии (*иньчунь*), казенные палаты (*бучжэньсы*), учебные канцелярии (*сюэчунь*), судебные управления (*аньчасы ямэнь*) и соляные управления (*яньчунь шисы ямэнь*) — там, где последние имелись.

***** Включая 272 уездных ямэнь, находившихся в областных и окружных центрах, а также ямэнь уездов, входивших в самостоятельные округа.

***** Цифры в скобках — число учреждений, включая различные провинциальные бюро или конторы (*цзюй*). Данные об их количестве — оценочные (считая по 10-12 подобных учреждений на провинцию).

Таблица 10

Служилая бюрократия Китая на 80-е годы XIX в. *

Район	Гражданские чиновники**, тыс.					Военные, тыс.	Остальные группы*****, тыс. человек	В целом	
	придворные и центральный аппарат	местная администрация			Всего			численность, тыс. человек	удельный вес, %
		высшее звено***	среднее звено****	низшее звено*****					
Север и Маньчжурия . .	10,0	1,9	2,3	6,7	20,9	7,0	4,1	32,0	48,5
Центральный Китай . . .	—	1,2	1,7	4,0	6,9	3,8	2,2	12,9	19,6
Южный Китай	—	1,7	4,0	5,4	11,1	6,2	3,7	21,0	31,9
Центральный и Южный Китай вместе	—	2,9	5,7	9,4	18,0	10,0	5,9	33,9	51,5
Итого . . .	10,0	4,8	8,0	16,1	38,9	17,0	10,0	65,9	100,0

* Рассчитано по [22, с. 335—356, 361—365; 396, с. 116—132; 406, с. 8, 9] и на основании табл. 9.

** Включая должности ниже девятой ступени (внеклассные). Здесь и далее — только функционеры, без «почетных» чиновников и суббюрократии (полудолжностных лиц ниже уровня чиновников уездного ямэня).

*** Чиновники наместнических и провинциальных учреждений и ямэней, включая различные провинциальные бюро.

**** Чиновники областных, окружных и приставских ямэней, в том числе самостоятельных округов и приставств.

***** Чиновники уездных ямэней.

***** Кандидаты на должностную вакансию (*хоубу, хоусюань*) на положении стажеров или чиновников для поручений (*ацзюань*), оставшие, пожалованные чиновники и т. д.

Таблица 11

Численность государственного аппарата Китая в 80-е годы XIX в. *

Район	Службная бюрократия**, тыс. человек	Секретари и писцы***, тыс. человек	Низовые служители****, тыс.	Армия и Флот*****, тыс. человек	В целом			
					численность, тыс. человек	удельный вес, %	члены семей*****, тыс. человек	всего, тыс. человек
Север и Маньчжурия	32	555	682	296	1565	42,1	2935	3913
Центральный Китай	13	276	369	140	798	21,5	1445	1954
Южный Китай	21	417	617	298	1353	36,4	2190	3105
Центральный и Южный Китай вместе	34	693	986	438	2151	57,9	3635	5059
Итого . . .	66	1248	1668	734	3716	100,0	6570	8972

* Рассчитано по [406, с. 39, 59; 30, т. 39, с. 78, 79] и на основании табл. 9, 10.

** Здесь и далее — не ниже уровня уездного ямэня.

*** Оценка из расчета: на 1 чиновника гражданской администрации низшего звена — 50, среднего звена — 20, высшего звена и центрального аппарата — 10, для военных и остальных — 5 писцов и секретарей.

**** Оценка из расчета: на один уездный, приставской и окружной ямэнь — 700, областной, самостоятельного округа и приставства — 1500, наместничества и провинции — 3000 служителей (включая личных слуг чиновников); на одно учреждение центрального, наместнического и провинциального звена (не считая бюро) — 300 служителей. Включая 20 тыс. придворных слуг.

***** Части *люйин*, *юбин*, *лянцзюнь*, а также северная и южные эскадры: без «знаменных» корпусов, монгольской и тибетской милиции, а также синьцзянских гарнизонов.

***** Только семьи чиновников, секретарей и писцов. Средняя семья — 5 человек

Таблица 12

Сословие шэньин (первая группа) на 80-е годы XIX в. *

Район	Бюрократия**								Суббюрократия*****				В целом*****			
	служилый***				почетная****				число семей, тыс.	общая численность, тыс. человек	челядь, тыс. человек	всего, тыс. человек	число семей, тыс.	общая численность, тыс. человек	челядь, тыс. человек	всего, тыс. человек
	число семей, тыс.	общая численность, тыс. человек	челядь, тыс. человек	всего, тыс. человек	число семей, тыс.	общая численность, тыс. человек	челядь, тыс. человек	всего, тыс. человек								
Северный Китай и Маньчжурия . . .	32	160	80	240	39	195	195	390	162	810	270	1080	233	1165	545	1710
Центральный Китай	13	65	32	97	16	80	80	160	217	1085	542	1627	246	1230	654	1884
Южный Китай . . .	21	105	53	158	26	130	130	260	196	980	980	1960	243	1215	1163	2378
Центральный и Южный Китай вместе	34	170	85	255	42	210	210	420	413	2065	1522	3587	489	2445	1817	4262
Итого . . .	66	330	165	495	81	405	405	810	575	2875	1792	4667	722	3610	2362	5972

* Рассчитано по [396, с. 116—120, 164; 397, с. 329] и на основании табл. 10, 11.

** Сословие шэньин (1443 тыс. человек) условно делится нами на две равные группы по главному источнику доходов. Для первой группы характерно преобладание служебных доходов (казнокрадство, взятки, вымогательство, жалование и т. д.). Подобная градация не совпадает с членением шэньин на «высших» (14%) и «низших» (86%).

*** Здесь и ниже численность средней семьи принимается за 5 человек. Соотношение членов семьи и слуг (коэффициент челяди) 2:1 (см. примеч. к табл. 3).

**** Нефункционары, носители почетных (в основном купленных) званий, чинов и рангов. Распределение по районам пропорционально служилой бюрократии. Коэффициент челяди 1:1.

***** Должностные и полудолжностные лица на уровне ниже чиновников уездного ямэня, исполнители субадминистративных функций узко местного значения (наблюдение за общественными работами, сбором налогов, поддержанием конфуцианских норм поведения населения, выполнение секретарских обязанностей и главным образом работа учителями). Коэффициент челяди для Севера и Маньчжурии 3:1, для Центрального Китая — 2:1, для Юга — 1:1.

***** Включая 4,3 тыс. «знаменных» шэньин (около 21,6 тыс. с членами семей).

Таблица 13

Бюрократия и правящие сословия Китая на 80-е годы XIX в. *

Район	«Знаменные»**				Шэньши***				В целом			
	число семей, тыс.	общая численность, тыс. человек	челядь, тыс. человек	всего, тыс. человек	число семей, тыс.	общая численность, тыс. человек	челядь, тыс. человек	всего, тыс. человек	число семей, тыс.	общая численность, тыс. человек	челядь, тыс. человек	всего, тыс. человек
Северн] Маньчжурия .	349	1745	582	2327	233	1165	545	1710	582	2910	1127	4037
Центральный Китай .	25	127	42	169	246	1230	654	1884	271	1357	696	2053
Южный Китай	16	78	26	104	243	1215	1163	2378	259	1293	1189	2482
Центральный и Южный Китай вместе .	41	205	68	273	489	2445	1817	4262	530	2650	1885	4535
Итого	390	1950	650	2600	722	3610	2362	5972	1112	5560	3012	8572

* Рассчитано по [424, с. 212; 209, с. 672; 30, т. 34, с. 1, 2, т. 39, с. 78, 79] и на основании табл. 12.

** Сословие цинжэлей в целом, включая «знаменных» монголов и ханьцзюлей. Общая численность — паша оценка из расчета 4% годового прироста. Раскладка по районам пропорциональна численности «знаменных» гарнизонов (исключая Синьцзян). Коэффициент челяди 3:1.

*** Первая группа (служилая и почетная бюрократия, суббюрократия), включая «знаменных» шэньши.

Таблица 14

Крупные землевладельцы Китая на 80-е годы XIX в. *

	Шэньши (вторая группа)**				Простые динжу***				В целом			
	число семей, тыс.	общая численность, тыс. человек	челядь****, тыс. человек	всего, тыс. человек	число семей, тыс.	общая численность, тыс. человек	челядь****, тыс. человек	всего, тыс. человек	число семей, тыс.	общая численность*****, тыс. человек	челядь, тыс. человек	всего, тыс. человек
Север и Маньчжурия . .	233	1166	389	1555	528	2 640	880	3 520	761	3 806	1 269	5 075
Центральный Китай . . .	246	1231	820	2051	560	2 802	1868	4 670	806	4 033	2 688	6 721
Южный Китай	243	1214	1214	2428	984	4 919	4919	9 838	1227	6 133	6 133	12 266
Центральный и Южный Китай вместе	489	2445	2034	4479	1544	7 721	6787	14 508	2033	10 166	8 821	18 987
Итого	722	3611	2423	6034	2072	10 361	7667	18 028	2794	13 972	10 090	24 062

* Рассчитано на основании табл. 1, 12.

** Включая вторую часть суббюрократии и просто землевладельцев. Данная группа (около 722 тыс. человек) условно выделена по принципу главных источников дохода — преобладание земельной ренты, ростовщических процентов и торговой прибыли.

*** Без богатых крестьян (кулаков) — рентополучателей.

**** Коэффициент челяди (не считая миньгуаней и охраны тухао) для Севера и Маньчжурии 3:1, для Центрального Китая — 3:2, для Южного Китая — 1:1.

***** Без «городских» помещиков-абсентеистов.

Частнофеодалный сектор Китая на 1887 г. *

Категория землевладельцев**	Землевладельцы***		Пахотная площадь			Держатели земли		
	число семей, млн.	численность, млн. человек	площадь, млн. му	доля в принадлежащем землевладельцам Китае, %	удельный вес в общей площади пахотных земель, %	численность, млн. человек	удельный вес среди арендаторов, %	удельный вес во всем крестьянстве, %
«Высшие» шэньши	—	—	200	37,5	16,2	57,4	37,5	18,7
«Низшие» шэньши	—	—	25	4,7	2,0	7,2	4,7	2,3
Шэньши в целом	0,7	3,6	225	42,2	18,2	64,6	42,2	21,0
Дичжу-нешэньши	2,1	10,4	264	49,5	21,3	75,8	49,5	24,7
Богатые крестьяне—кулаки	—	—	44****	8,3	3,5	12,7	8,3	4,1
Итого . . .	2,8	14,0	533*****	100,0	43,0	153,1	100,0	49,8

* Рассчитано по [396, с. 116—120, 164; 397, с. 146, 329; 455, с. 16, 17, 240; 115, с. 1255; 26, с. 328; 55, с. 10—17, 60—63] и на основании табл. 1, 3, 4, 14, 17, 23.

** К «низшим» шэньши относятся три категории — шэньшюань, лянцзыньшэнь и лингуиншэнь. Все остальные отнесены к «высшим» шэньши. Включение богатых крестьян — кулаков в данную таблицу весьма условно, так как отнесение их к помещикам-феодалам неправомерно.

*** Без «городских» помещиков-абсентеистов.

**** Включая куланские земли в казенном секторе землевладения.

***** В том числе 486 млн. му частных полей и около 47 млн. му арендных земель в системе казенного и привилегированного землевладения (см. табл. 23).

III. Крестьянство

Основные категории крестьянства Китая на 1887 г. * Таблица 16

Район	Казеннозависимое**		Полуплатное		Частнозависимое***		Всего	
	млн. человек	%	млн. человек	%	млн. человек	%	млн. человек	%
Север и Маньчжурия . .	9,9	11,8	53,0	63,4	20,8	24,8	83,7	100,0
Центральный Китай . .	3,2	3,6	40,3	45,4	45,2	51,0	88,7	100,0
Южный Китай	3,5	2,6	52,7	39,0	78,8	58,4	135,0	100,0
Центральный и Южный Китай вместе	6,7	3,0	93,0	41,6	124,0	55,4	223,7	100,0
Итого . . .	16,6	5,4	146,0	47,5	144,8	47,1	307,4	100,0

* Рассчитано на основании табл. 1, 3, 21, 23, 24.

** Включая держателей казенных и привилегированных земель.

*** Включая держателей земель от богатых крестьян.

Таблица 17

Китайское крестьянство на 1887 г.: два варианта классификации *

Район	По принципу земельной собственности**						По основным феодальным секторам				Всего	
	Собственники				Безземельные		Бюрократический		Частнофеодальный			
	крупно- и средне-земельные		малоземельные		млн.	%	податные крестьяне***		частнозависимые крестьяне****		млн.	%
	млн.	%	млн.	%			млн.	%	млн.	%		
	млн.	%	млн.	%	млн.	%	млн.	%	млн.	%	млн.	%
Северный Китай и Маньчжурия . .	53,3	63,7	17,3	20,7	13,1	15,6	58,0	69,3	25,7	30,7	83,7	100,0
Центральный Китай	28,4	32,0	26,8	30,2	33,5	37,8	41,9	47,2	46,8	52,8	88,7	100,0
Южный Китай . . .	35,1	26,0	37,9	28,1	62,0	45,9	54,4	40,3	80,6	59,7	135,0	100,0
Центральный и Южный Китай вместе	63,5	28,4	64,7	28,9	95,5	42,7	96,3	43,0	127,4	57,0	223,7	100,0
Итого . . .	116,8	38,0	82,0	26,7	108,6	35,3	151,3	50,2	153,1	49,8	307,4	100,0

* Рассчитано по [115, с. 1125; 122, с. 79—117] и на основании табл. 1, 16, 23.

** Деление по принципу самостоятельности хозяйств: 1) обходящиеся своей землей (крупно- и среднеземельные), 2) вынужденные приарендовывать чужую землю (малоземельные), 3) работавшие исключительно на чужой земле (безземельные). Две последние категории включают богатых и средних крестьян, арендовавших участки у помещиков и соседних дворов. Казенные крестьяне, подпадающие под указанные категории, нами не вычислялись.

*** Включая собственно казенных крестьян (чжуандин, тоучунжэнь, часть военных поселенцев и т. д.).

**** Включая держателей номинально казенных земель от их фактических собственников — арендодателей.

Б. ПРОИЗВОДСТВО, РАСПРЕДЕЛЕНИЕ И ПОТРЕБЛЕНИЕ ЗЕРНА В КИТАЕ НА 1887 г.

1. Общие сведения

Таблица 18

Главные экономические показатели Китая на 1850—1915 гг. *

Год	Население**			Пахотная площадь			Посевная площадь		Производство зерна	
	сельское, млн. человек	городское, млн. человек	всего, млн. человек	всего, млн. му	под зерновыми***, млн. му	на душу населения, му	всего****, млн. му	на душу населения, му	валовой сбор*****, млн. т	на душу населения, кг
1850	387	43	430	1215	972	2,83	1420	3,30	118—119	277
1875*****	329	36	365	1220	976	3,34	1430	3,92	118—119	323
1885	342	38	380	1235	988	3,25	1450	3,82	120—121	318
1895*****	356	39	395	1255	1004	3,18	1470	3,72	122—123	311
1905	374	41	415	1295	1036	3,12	1520	3,66	125—126	304
1915	392	43	435	1350	1080	3,10	1580	3,63	130—131	301

* Рассчитано по [55, с. 10—17, 60—63, 455, с. 16, 17, 240] и на основании табл. 21, 23, 24.

** При среднегодовых темпах роста в 1875—1895 гг. 1,5 млн., в 1895—1915 гг. — 2,0 млн. человек. Городские жители — из расчета 10% всего населения. Без населения Монголии, Синцзяня и Тибета.

*** Из расчета 80% пахотной земли (20% под техническими культурами, соей и бататом).

**** Из расчета в среднем 117% пахотной земли (оценка на основании табл. 23, 24).

***** При средней урожайности 121 кг (242 пиння) зерна с 1 му.

Д. Перкинс дает следующие оценки: на 1873 г. — население 350 (325—375) млн. человек, пахотная площадь 1210 (1160—1260) млн. му; на 1893 г. — население 385 (360—410) млн. человек, пахотная площадь 1240 (1190—1290) млн. му [455, с. 16].

Таблица 19

Годовой совокупный общественный продукт Китая
в 80-х годах XIX в.*

Отрасль экономики	Тыс. лянгов	%
Сельское хозяйство	2 229 941	83,1
Промышленность	173 600	6,5
Обрабатывающая промышленность	125 800	(4,7)
В том числе:		
текстильная	92 900	3,5
пищевая	15 000	0,5
производство транспортных средств	4 900	0,2
гончарная и фарфоровая	3 000	0,1
прочие отрасли	10 000	0,4
Горнодобывающая и металлургия	47 800	(1,8)
В том числе:		
добыча соли	20 000	0,8
добыча угля	13 000	0,5
добыча и выплавка железа	5 800	0,2
добыча и выплавка золота, серебра, меди и олова	4 000	0,1
прочие отрасли	5 000	0,2
Строительство (казенное и частное)	30 000	1,1
Транспорт (сухопутный и водный)	30 000	1,1
Торговля в целом	220 000	8,2
В том числе:		
торговля сельскохозяйственными продуктами	160 000	5,9
соляная торговля	50 000	1,9
прочая внутренняя торговля	5 000	0,2
внешняя торговля	5 000	0,2
Итого	2 683 541	100,0

* Рассчитано по [397, с. 291—317; 417, с. 2]. Методику, оценки, допуски и т. д. см. в источниках.

Таблица 20

Зерновой баланс Китая на 1887 гт.*

Основные статьи	Млн. т	%
Производство	120,0	100,0
Потребление**		
Снабжение госаппарата и правящих сословий (включая челядь)	3,1	2,58
Расходы казенных ведомств (с переводом денежных расходов в зерно)	1,5	1,25
Фонды казенных зернохранилищ	1,8	1,50
Потери казенного зерна (при хранении, транспортировке и т. д.)	0,4	0,33
Потребление крестьянских семей	46,1	38,42
Потребление семей землевладельцев (включая челядь)	4,5	3,53
Семенной фонд крестьян и потери при хранении	8,0	6,67
Потери (при хранении и использовании) у землевладельцев	0,7	0,58
Фуражный фонд	(10,0)***	8,34
Запасы населения, обрядовые затраты и т. д.****	(17,0)	14,17
Функционирование и восполнение ростовщического фонда*****	(9,0)	7,50
Потребление неземледельческого населения деревни	2,4	2,00
Снабжение районов технических культур	4,6	3,83
Потребление городского населения (без госаппарата, правящих сословий и челяди)	3,9	3,25
Мануфактурная переработка зерна	1,5	1,25
Снабжение районов стихийных бедствий	(4,0)	3,33
Вывоз в национальные окраины	1,2	1,00
Потери при транспортировке и т. д.	0,5	0,42

* Рассчитано на основании табл. 1, 3, 11, 13, 14, 18, 27—29, 32—34.

** Без учета ввоза зерна из-за границы (в основном риса из Вьетнама).

*** Цифры в скобках — приблизительная оценка.

**** Здесь и далее — включая продажу зерна для погашения денежных ссуд и процентов по ним.

***** Здесь и далее — только натуральные ссуды, погашенные зерном денежных ссуд и процентов по этим видам кредита.

II. Землевладение

Таблица 21

Распределение кадастровых земель по основным категориям землевладения в 1887 г.*

Район	Казенные земли**		Частные земли***						В целом	
	площадь, млн. му	доля в кадастро- вых землях региона, %	арендные****		податные****		всего		площадь, млн. му	доля в общекри- тайском Фонде, %
			площадь, млн. му	доля в кадастро- вых землях региона, %	площадь, млн. му	доля в кадастро- вых землях региона, %	площадь, млн. му	доля в кадастро- вых землях региона, %		
Север и Маньчжурия*****	73,2	17,7	80,2	19,4	258,5	62,9	338,7	82,3	411,9	50,1
Центральный Китай . . .	14,3	5,5	128,8	49,5	116,7	45,0	245,5	94,5	259,8	31,6
Южный Китай	5,8	3,8	91,5	60,9	52,8	35,3	144,3	96,2	150,1	18,3
Центральный и Южный Китай	20,1	4,9	220,3	53,7	169,5	41,4	389,8	95,1	409,9	49,9
Итого . . .	93,3	11,3	300,5	36,5	428,0	52,2	728,5	88,7	821,8	100,0

* Рассчитано по [55, с. 62, 63; 122; 115, с. 1255].

** Без насаждений и каменных земель, а также без расчленения на фактические арендные, податные, оброчные и привилегированные земли.

*** Без учета «скрытых» полей.

**** Расчет по показателю арендуемых земель (на 1888 и 1934 гг.) с неизбежным для этого метода некоторым завышением площади арендных полей и соответственно занижением количества податных земель. Показатели для Маньчжурии — наша оценка.

***** Без Хэйлуцзяна.

Таблица 22

Соотношение кадастровых и «скрытых» земель в Китае в 1887 г.*

Район	Кадастровые земли						«Скрытые» земли**		В целом	
	казенные		частные		всего		млн. му	%	млн. му	%
	млн. му	%	млн. му	%	млн. му	%				
Север и Маньчжурия . .	73,2	11,8	338,7	54,5	411,9	66,3	209,3	33,7	621,2	100,0
Центральный Китай . . .	14,3	3,6	245,5	62,7	259,8	66,3	132,0	33,7	391,8	100,0
Южный Китай	5,8	2,6	144,3	63,6	150,1	66,2	76,8	33,8	226,9	100,0
Центральный и Южный Китай вместе	20,1	3,2	389,8	63,0	409,9	66,2	208,8	33,8	618,7	100,0
Итого . . .	93,3	7,5	728,5	58,8	821,8	66,3	418,1	33,7	1239,9	100,0

* Рассчитано на основании табл. 18, 21.

** Раскладка по районам в соответствии с удельным весом местных кадастровых земель в их общей массе (см. табл. 21).

Таблица 23

Распределение пахотной площади по основным категориям землевладения на 1887 г. *

Район	Казенные земли**		Частные земли						В целом	
	площадь, млн. му	доля в региональ- ном фонде, %	арендные***		податные***		всего		площадь, млн. му	удельный вес в общекитай- ском фонде, %
			площадь, млн. му	доля в регио- нальном фонде, %	площадь, млн. му	доля в регио- нальном фонде, %	площадь, млн. му	доля в регио- нальном фонде, %		
Север и Маньчжурия . .	73,2	11,8	153,4	24,7	394,6	63,5	548,0	88,2	621,2	50,1
Центральный Китай . . .	14,3	3,6	200,0	51,0	177,5	45,4	377,5	96,4	391,8	31,6
Южный Китай	5,8	2,6	132,6	58,4	88,5	39,0	221,1	97,4	226,9	18,3
Центральный и Южный Китай вместе	20,1	3,2	332,6	53,8	266,0	43,0	598,6	96,8	618,7	49,9
Итого . . .	93,3	7,5	486,0	39,2	660,6	53,3	1146,6	92,5	1239,9	100,0

* Рассчитано по [122; 115, с. 1255] и на основании табл. 18, 21, 22.

** Без расчленения на земли оброчные, податные и арендные, включая привилегированные земли.

*** Расчет по показателю арендуемых земель за 1888 и 1934 гг. Показатели для Маньчжурии — наша оценка. отождествление арендных земель с помещичьими требует ряда оговорок. Свыше 7% их (37 млн. му) принадлежало крестьянам-кулакам. Этот момент частично уравнивается отнесением в разряд податных (т. е. крестьянских) земель помещичьих полей, обрабатывавшихся батраками и поденщиками. Тем не менее здесь и в дальнейших расчетах сохраняется некоторое завышение помещичьего клена.

Таблица 24

Распределение посевной площади по основным категориям землевладения на 1887 г. *

Район	Казенные земли		Арендные земли		Податные земли		Общая посевная площадь	
	площадь, млн. му	доля в региональ- ном-фонде, %	площадь, млн. му	доля в региональном фонде, %	площадь, млн. му	доля в региональном, фонде, %	площадь, млн. му	удельный вес в общеитай- ском фонде, %
Север и Маньчжу- рия**	73,2	11,8	153,4	24,7	394,6	63,5	621,2	42,8
Центральный Китай***	17,9	3,7	250,0	51,0	221,9	45,3	489,8	33,8
Южный Китай**** . .	8,7	2,5	198,9	58,4	132,7	39,1	340,3	23,4
Центральный и Юж- ный Китай вместе .	26,6	3,2	448,9	54,1	354,6	42,7	830,1	57,2
Итого . . .	99,8	6,9	602,3*****	41,5	749,2	51,6	1451,3	100,0

* Рассчитано на основании табл. 23.

** Без учета повторных посевов.

*** Коэффициент повторных посевов $\approx 25\%$ (здесь и далее — наши оценки).**** Коэффициент повторных посевов $\approx 50\%$.

***** Из них свыше 43 млн. му принадлежало богатым крестьянам — кулакам.

III. Изъятие прибавочного продукта. Распределение зерна

Таблица 25

Производство зерна основными категориями крестьянства на 1887 г. *

Район	Казеннозависимое		Податное		Частнозависимое**		Всего	
	млн. т	%	млн. т	%	млн. т	%	млн. т	%
Север и Маньчжурия***	3,4	11,8	18,3	63,4	7,2	24,8	28,9	100,0
Центральный Китай****	1,3	3,6	16,4	45,4	18,3	51,0	36,0	100,0
Южный Китай****	1,4	2,6	21,4	39,0	32,0	58,4	54,8	100,0
Центральный и Южный Китай вместе	2,7	3,0	37,8	41,6	50,3	55,4	90,8	100,0
Итого	6,1	5,1	56,1	46,9	57,5	48,0	119,7	100,0

* Рассчитано по [391, с. 37] и на основании табл. 16, 23.

** Включая семьи, зависимые от кулаков-арендодателей.

*** Из расчета 345 кг зерна на одного крестьянина.

**** Из расчета 406 кг зерна на одного крестьянина.

Таблица 26

«Первичное» изъятие прибавочного продукта (налоги и земельная рента) в зерне по основным категориям крестьянства на 1887 г. *

Район	Источник поступления								Удельный вес «первичного» изъятия зерна		
	Казеннозависимые крестьяне**		Податные***		Частнозависимые****		Всего		в обще-китай-ском объеме, %	в производ-стве, %	
	объем, млн. т	доля в регио-нальных поступле-ниях, %	объем, млн. т	доля в региональ-ных посту-плениях, %	объем, млн. т	доля в регио-нальных поступ-лениях, %	объем, млн. т	доля в регио-нальных поступле-ниях, %		мест-ном, %	общем
Север и Маньчжурия	1,7	21,3	2,7	33,7	3,6	45,0	8,0	100,0	19,8	27,1	6,7
Центральный Китай!	0,7	5,6	2,5	20,2	9,2	74,2	12,4	100,0	30,8	34,4	10,4
Южный Китай	0,7	3,5	3,2	16,1	16,0	80,4	19,9	100,0	49,4	36,3	16,6
Центральный и Южный Китай вместе	1,4	4,3	5,7	17,6	25,2	78,1	32,3	100,0	80,2	35,6	27,0
Итого	3,1	7,7	8,4	20,8	28,8	71,5	40,3	100,0	100,0	—	33,7

* Рассчитано на основании табл. 25. Без учета денежных форм изъятия, а также ростовщической и рыночной эксплуата-ции, равно как и производства, изъятия и т. д. технических культур.

** Общий уровень изъятия — в среднем 50% урожая (наша оценка).

*** Исходя из данных об обложении дидином на 1883—1888 гг. С учетом остальных видов налоговых начислений общий уровень изъятия принят в среднем за 15% урожая, в том числе и для провинций, где взимался цаолян (см. [122, с. 79—117]). Поскольку около половины налоговых сумм собиралось в денежной форме, примерно половина учтенного в данной графе зерна является «условным», т. е. приблизительным эквивалентом линового серебра и медных монет (наша оценка). Послед-ний момент в значительной мере относится и к графе «Казеннозависимые крестьяне».

**** Арендная плата — в среднем 50% урожая (включая арендные земли богатых крестьян — рентополучателей).

Поступления от земельного обложения (в зерне) бюрократии и правящим сословиям на 1887 г.*

Район	С казеннозависимых крестьян**		С податных крестьян		С частнофеодалного сектора***		Всего		Доля в общем объеме производства зерна, %	Удельный вес в общекитайском объеме «первичного» изъятия, %	Соотношение с доходами рентополучателей****, %
	объем, млн. т	доля в общерегиональных поступлениях, %	объем, млн. т	доля в общерегиональных поступлениях, %	объем, млн. т	доля в общерегиональных поступлениях, %	объем****, млн. т	доля в общерегиональных поступлениях, %			
Север и Маньчжурия	0,8	17,8	2,7	60,0	1,0	22,2	4,5	100,0	15,6	56,3	128,6
Центральный Китай	0,4	8,3	2,5	52,1	1,9	39,6	4,8	100,0	13,3	38,7	63,2
Южный Китай	0,3	4,4	3,2	47,1	3,3	48,5	6,8	100,0	12,4	34,2	51,9
Центральный и Южный Китай вместе	0,7	6,0	5,7	49,2	5,2	44,8	11,6	100,0	12,8	35,9	56,0
Итого	1,5	9,3	8,4	52,2	6,2*****	38,5	16,1	100,0	13,5	40,0	66,5

* Рассчитано на основании табл. 25, 26, без учета денежных форм изъятия и всевозможных отклонений от официальных норм обложения.

** Включая непалоговые виды изъятия на содержание сословия низшей, госаппарата и части военных поселенцев. Из расчета примерно 50% общего изъятия по данной категории землевладения (наша оценка).

*** Из расчета 10% урожая. Включая 15%-ные налоги с арендной части казенных и привилегированных земель. Поскольку обложение «скрытых» земель влиятельных землевладельцев производилось не по общим, а по заниженным нормам и зачастую вообще не практиковалось, данные этой графы соответственно занижены.

**** Примерно 50% его нами принято за реальное и 50% — за «условное» зерно (см. табл. 26).

***** За вычетом земельного налога. Включая рентополучателей на казенных и «привилегированных» землях. Без учета поступлений помещикам от ростовщичества, торговли, жалования части чинов, хитрости казенных сумм и т. д.

***** Включая налоги с арендных земель кулаков.

Таблица 28

Поступления от земельной ренты крупным землевладельцам Китая на 1887 г.*

Район	С казенных земель**		С частновладельческих земель		Всего***			Соотношение рентных доходов****		
	объем, млн. т	доля в общерегиональных поступлениях, %	объем, млн. т	доля в общерегиональных поступлениях, %	до уплаты налогов		после уплаты налогов	с общим объемом произв-ва, %	с общим объемом «первичного» изъятия, %	с налоговыми поступлениями казны, %
					объем, млн. т	доля в общерегиональных поступлениях, %				
Север и Маньчжурия	0,9	20,0	3,6	80,0	4,5	100,0	3,5	12,1	43,7	77,8
Центральный Китай	0,3	3,2	9,2	96,8	9,5	100,0	7,6	21,1	61,3	158,3
Южный Китай	0,4	2,4	16,0	97,6	16,4	100,0	13,1	23,9	65,8	192,6
Центральный и Южный Китай вместе	0,7	2,7	25,2	97,3	25,9	100,0	20,7	22,8	64,1	178,4
Итого	1,6	5,3	28,8	94,7	30,4*****	100,0	24,2	20,2	60,0	150,3

* Рассчитано на основании табл. 25, 26, 27, без учета денежной ренты.

** Из расчета охваченности частной арендной системой примерно 50% казенных и «привилегированных» земель вместе. Здесь и далее включая арендные доходы кулаков.

*** Без учета практики перекладывания земельных налогов на держателей земли.

**** За вычетом земельных налогов.

***** Примерно 20% этой массы (около 6 млн. т) нами приняты за «условное» зерно, т. е. за эквивалент денежных поступлений (чисто денежная и «переводная» рента, предварительные взносы и арендные залоги).

Результаты «первичного» перераспределения зерна (в результате изъятия налогов и ренты)
по основным категориям потребителей на 1887 г. *

Район	Крестьянство								Земледель- цы***		Государст. и пра- влящие сословия***		Всего	
	казеннозави- симое		податное		частнозависимое**		в целом		млн. т****	%	млн. т****	%	млн. т	%
	млн. т	%	млн. т	%	млн. т	%	млн. т	%						
Север и Маньчжурия . . .	1,7	5,9	15,6	54,0	3,6	12,4	20,9	72,3	3,5	12,1	4,5	15,6	28,9	100,0
Центральный Китай . . .	0,6	1,7	13,9	38,6	9,1	25,3	23,6	65,6	7,6	21,1	4,8	13,3	36,0	100,0
Южный Китай	0,7	1,3	18,2	33,2	16,0	29,2	34,9	63,7	13,1	23,9	6,8	12,4	54,8	100,0
Центральный и Южный Китай вместе	1,3	1,4	32,1	35,1	25,1	27,6	58,5	64,4	20,7	22,8	11,6	12,8	90,8	100,0
Итого	3,0	2,5	47,7	39,8	28,7	24,0	79,4	66,3	24,2	20,2	16,1	13,5	119,7	100,0

* Рассчитано на основании табл. 25, 26, 27, 28, без учета внедеревенского (городского и промышленного) потребления изъятых продуктов, его рыночной реализации, ростовического использования и иного движения зерна (кроме уплаты ренты и налогов).

** В том числе арендаторы кулацких земель.

*** Включая рентополучателей на казенных и «привилегированных» землях, простых дичжу, вторую группу шэнь-ши и кулаков-арендаторов.

**** Включая первую группу шэньши и «зйменных».

***** Рентные доходы за вычетом поземельных налогов.

***** В данной графе 50% составляет реальное и 50% — «условное» зерно, включая налоги со всех категорий арендных земель. Подавляющая часть «условного» зерна в его реальном виде и товарной форме переходила перед уплатой крестьянами денежных налогов в руки зерноторговцев, помещиков, ростовщиков и кулаков. Однако рассчитать, какая приблизительно доля из общей массы «условного» зерна попала в руки каждой из указанных категорий, в настоящее время невозможно. Ниже «условное» зерно фигурирует лишь в табл. 31.

Номинальное соотношение бюрократического (I) и частнофеодалного (II) секторов
в деревенской экономике на 1887 г. *,
%

Показатель	Север и Мань- журия		Центральный Китай		Южный Китай		Центральный и Южный Китай вместе		В среднем	
	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II
Нахотная площадь	75,3	21,7	49,0	51,0	41,6	58,4	46,2	53,8	60,8	39,2
Посевная площадь	75,3	24,7	49,0	51,0	41,6	58,4	45,9	54,1	58,5	41,5
Количество крестьян	75,2	24,8	49,0	51,0	41,6	58,4	44,6	55,4	52,9	47,1
Производство зерна	75,2	24,8	49,0	51,0	41,6	58,4	44,6	55,4	52,0	48,0
Прибавочный продукт:										
«Первичное» изъятие	55,0	45,0	25,8	74,2	19,6	80,4	21,9	78,1	28,5	71,5
После перераспределения «первичного» изъятия** . . .	63,7	36,3	40,3	59,7	35,7	64,3	37,5	62,5	42,7	57,3
Результаты «первичного» пе- рераспределения***	75,5	24,5	53,6	46,4	46,9	53,1	49,5	50,4	55,8	44,2
В среднем ?	70,7	29,3	45,1	54,9	38,4	61,6	41,5	58,5	50,2	49,8

* Рассчитано на основании табл. 23—29. Без учета арендно-помещичьей системы на казенных и «привилегированных» землях; с учетом арендных кулацких земель.

** После уплаты налогов с арендных земель.

*** Включая потребление (необходимый и прибавочный продукт) соответствующих категорий крестьян. В графе II учтены доходы рентополучателей на казенных и «привилегированных» землях, а в графе I — налоги с них.

Таблица 31

Фактическое соотношение бюрократического (I) и частнофеодалного (II) секторов
в деревенской экономике на 1887 г. *,
%

Показатель	Север и Маньчжурия		Центральный Китай		Южный Китай		Центральный и Южный Китай вместе		В среднем	
	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II
Пахотная площадь	69,4	30,6	47,2	52,8	40,3	59,7	44,6	55,4	57,1	42,9
Посевная площадь	69,4	30,6	47,2	52,8	40,4	59,6	44,3	55,7	55,1	44,9
Количество крестьян	69,3	30,7	47,2	52,8	40,3	59,7	43,0	57,0	50,2	49,8
Производство зерна	69,3	30,7	47,2	52,8	40,3	59,7	43,1	56,9	49,5	50,5
Прибавочный продукт:										
«первичное» изъятие	44,3	55,7	23,0	77,0	17,8	82,2	19,7	80,3	24,6	75,4
После перераспределения «первичного» изъятия**	56,3	43,7	38,7	61,3	31,2	68,8	35,9	64,1	40,0	60,0
С учетом потребления соответствующих категорий крестьян***	72,5	27,5	52,7	47,3	46,2	53,8	48,9	51,1	54,5	45,5
В среднем	64,4	35,6	43,3	56,7	37,1	62,9	39,9	60,1	47,3	52,7

* Рассчитано на основании табл. 23—29 исходя из оценки удельного веса арендно-помещичьей системы на казенных и «привилегированных» землях примерно в 50% пахотной площади данной категории землевладения (наша оценка), с учетом арендных кулацких земель.

** После уплаты налогов с арендных земель.

*** Включая потребление (необходимый и прибавочный продукт) соответствующих категорий крестьян. В графе II — включая зерновые фонды крестьян — держателей помещичьей земли в казенном секторе.

Таблица 32

Продовольственные ресурсы (зерно) основных групп населения Китая на 1887 г. *

Район	Крестьянство**								Землевладельцы***		Госаппарат и правящие сословия****		Всего	
	казеннозависимое		податное		частнозависимое		в целом		млн. т	%	млн. т	%	млн. т	%
	млн. т	%	млн. т	%	млн. т	%	млн. т	%						
Север и Маньчжурия	1,5	6,2	14,0	57,8	3,2	13,2	18,7	77,2	3,4	14,0	2,1	8,8	24,2	100,0
Центральный Китай	0,6	1,9	12,5	40,3	8,2	26,5	21,3	68,7	7,4	23,9	2,3	7,4	31,0	100,0
Южный Китай	0,6	1,3	16,4	34,7	14,4	30,4	31,4	66,4	12,7	26,8	3,2	6,8	47,3	100,0
Центральный и Южный Китай вместе	1,2	1,5	28,9	36,9	22,6	28,9	52,7	67,3	20,1	25,7	5,5	7,0	78,3	100,0
Итого	2,7	2,6	42,9	41,9	25,8	25,2	71,4	69,7	23,5	22,9	7,6	7,4	102,5*****	100,0

* Расчет на основе табл. 29 за вычетом семенного фонда и потерь; отходы обработки не учитываются.

** Считая семенной фонд и потери в 10% крестьянского фонда (здесь и далее оценки наши).

*** Включая кулаков-рентополучателей. Считая различные потери в 3% рентных масс. Здесь и далее включая вторую группу шэньши.

**** Здесь и далее только первая группа шэньши. Здесь и далее фигурирует лишь реальное зерно за вычетом 6% потерь вследствие транспортировки, хранения и иных операций.

***** При общем объеме семенного фонда и реальных потерь (при их минимальном уровне) 9,2 млн. т, или около 8% валового сбора.

Таблица 33

Фонд потребления зерна по основным группам населения на 1887 г.*

Район	Крестьянство**								Землеладельцы***		Госаппарат и правящие сословия****		Всего	
	казеннозависимое		податное		частнозависимое		в целом		млн. т	%	млн. т	%	млн. т	%
	млн. т	%	млн. т	%	млн. т	%	млн. т	%						
Север и Маньчжурия . . .	1,5	10,1	8,0	53,7	3,1	20,8	12,6	84,6	0,9	6,0	1,4	9,4	14,9	100,0
Центральный Китай . . .	0,5	3,3	6,0	39,5	6,8	44,7	13,3	87,5	1,2	7,9	0,7	4,6	15,2	100,0
Южный Китай	0,5	2,1	7,9	33,8	11,8	50,4	20,2	86,3	2,2	9,4	1,0	4,3	23,4	100,0
Центральный и Южный Китай вместе	1,0	2,6	13,9	36,0	18,6	48,2	33,5	86,8	3,4	8,8	1,7	4,4	38,6	100,0
Итого . . .	2,5	4,7	21,9	40,9	21,7	40,6	46,1	86,2	4,3	8,0	3,1	5,8	53,5	100,0

* Рассчитано на основании табл. 16, 32.

** Из расчета годового потребления на душу 150 кг зерна (здесь и далее наши оценки), безотносительно к количеству и качеству иных компонентов питания (последний момент относится и к последующим колонкам).

*** Включая членов семей и челядь. Из расчета годового потребления на душу 180 кг зерна. Без кулаков-рентополучателей.

**** Включая членов семей и челядь. Из расчета годового потребления на душу 180 кг зерна (без учета официального, в основном денежного жалованья).

Таблица 34

Потенциал дальнейшего использования и «вторичного» перераспределения зерна на 1887 г.*

Район	Крестьянство								Землеладельцы**		Госаппарат и правящие сословия		Всего	
	казеннозависимое		податное		частнозависимое		в целом		млн. т	%	млн. т	%	млн. т	%
	млн. т	%	млн. т	%	млн. т	%	млн. т	%						
Север и Маньчжурия . . .	менее 0,1	0,1	6,0	61,5	0,1	1,0	6,1	65,6	2,5	26,9	0,7	7,5	9,3	100,0
Центральный Китай . . .	0,1	0,6	6,5	41,1	1,4	8,9	8,0	50,6	6,2	39,3	1,6	10,1	15,8	100,0
Южный Китай	0,1	0,4	8,5	35,6	2,6	10,9	11,2	46,9	10,5	43,9	2,2	9,2	23,9	100,0
Центральный и Южный Китай вместе	0,2	0,5	15,0	37,8	4,0	10,1	19,2	48,4	16,7	42,0	3,8	9,6	39,7	100,0
Итого *** . . .	0,2	0,4	21,0	42,8	4,1	8,4	25,3	51,6	19,2	39,2	4,5	9,2	49,0****	100,0

* Рассчитано на основании табл. 32, 33. Дальнейшее использование включает в себя фуражный фонд, сбрывовые затраты и хозяйственные запасы населения. «Вторичное» перераспределение связано с ростовщичеством и торговлей: восстановление и расширение ссудного фонда, снабжение городов, районов производства технических культур, районов стихийных бедствий, национальных окраин, мануфактурная переработка и т. д.

** Включая кулаков-рентополучателей.

*** Итоговое соотношение бюрократического и частнофеодалного секторов будет выглядеть следующим образом: 25,6 млн. т и 23,4 млн. т (52,2 : 47,8%).

**** К данной массе следует присовокупить «условное» зерно, т. е. продаваемое для уплаты денежных поземельных налогов (см. примечания к табл. 26, 27, 29). С учетом этих 8 млн. т (за вычетом 6% истерь — 7,5 млн. т) этот показатель будет равен 56,5 млн. т.

Таблица 35

Компоненты дальнейшего использования
и «вторичного» перераспределения зерна в Китае
на 1887 г. *

Основные статьи	Характер потребления			Потребители и присвоители		
	Натуральное	Товарное**	В целом	Госаппарат и правящие сословия	Землеладельцы, зерноторговцы и ростовщики***	Крестьянство****
Казенные расходы*****	0,7	0,8	1,5	1,5	—	—
Частный фонд дальнейшего использования	18,0	9,0	27,0	2,1	8,4	16,5
В том числе фуражное зерно	6,7	3,3	10,0	0,5	3,0	6,5
запасы населения, обрядовые затраты и т. д.	11,3	5,7*****	17,0	1,6	5,4	10,0
Ростовщический фонд в целом*****	9,0	—	9,0	—	7,2*****	1,8
В том числе ссужаемое зерно	5,1	—	5,1	—	4,1	1,0
проценты за натуральные ссуды	3,9	—	3,9	—	3,1	0,8
Рыночный потенциал	—	19,0	19,0	0,9	11,1	7,0
Итого	27,7	28,8	56,5	4,5	26,7	25,3

* Рассчитано на основании табл. 34, 37.

** Общая масса товарного зерна была, естественно, значительно больше (см. табл. 37) за счет его поступления на рынок в рамках «первичного» изъятия и для уплаты денежных налогов.

*** Показатели данной колонки включают в себя как ростовщический фонд, так и «условное» зерно (7,5 млн. т).

**** Включая кулаков-арендодателей.

***** В основном оплата и снабжение рабочей силы, принудительно привлекаемой на казенные предприятия, строительство и т. д. Отнесение данного показателя в колонку «Госаппарат и правящие сословия» весьма условно.

***** Включая продажу зерна для погашения денежных ссуд и процентов по ним.

***** Натуральные ссуды, погашение зерном денежных ссуд и процентов по этим видам кредита. Средний уровень ростовщического процента принят за 75% (на практике он составлял, как правило, от 50 до 100%). Соответственно весь фонд (9,0 млн. т) расчленен на сами ссуды (5,1 млн. т) и проценты по ним (3,9 млн. т) в соотношении примерно 4:3. Распределение всего фонда и его двух компонентов между землеладельцами и пр., с одной стороны, и крестьянством (кулаки) — с другой, дано в пропорции 80:20.

***** С частичным учетом кредита деревенских лавок, ломбардов и прочих звеньев торгово-ростовщического капитала.

Таблица 36

Соотношение компонентов дальнейшего использования
и «вторичного» перераспределения зерна в Китае
на 1887 гг. *,
%

Основные статьи	Характер потребления			Потребители и присвоители		
	Натуральное	Товарное	В целом	Госаппарат и правящие сословия	Землеладельцы, зерноторговцы и ростовщики	Крестьянство
Казенные расходы	1,2	1,5	2,7	2,7	—	—
Частный фонд дальнейшего использования в целом	31,9	15,9	47,8	3,7	14,9	29,2
В том числе фуражное зерно	11,9	5,8	17,7	0,9	5,3	11,5
запасы населения, обрядовые затраты и т. д.	20,0	10,1	30,1	2,8	9,6	17,7
Ростовщический фонд в целом	15,9	—	15,9	—	12,7	3,2
В том числе ссужаемое зерно	9,0	—	9,0	—	7,2	1,8
проценты за натуральные ссуды	6,9	—	6,9	—	5,5	1,4
Рыночный потенциал	—	33,6	33,6	1,6	19,7	12,3
Итого	49,0	51,0	100,0	8,0	47,3	44,7

* Рассчитано на основании табл. 35.

Натуральное и товарное потребление зерна в Китае на 1887 г.*

Натуральное потребление**			Товарное потребление**		
Основные статьи	млн. т	%	Основные статьи	млн. т	%
Снабжение госаппарата	1,6	1,33	Снабжение правящих сословий***	1,5	1,25
Расходы казенных ведомств	0,7	0,62	Расходы казенных ведомств	0,8	0,63
Фонды казенных зернохранилищ	0,9	0,75	Фонды казенных зернохранилищ	0,9	0,75
Потери казенного зерна	0,4	0,33	Потребление крестьян****	15,4	12,81
Потребление крестьян****	31,7	25,61	Фуражный фонд****	3,3	2,78
Потребление помещиков	4,3	3,58	Запасы населения и обрядовые затраты****	5,7	4,72
Семенной фонд крестьян и потери при хранении	8,0	6,67	Потребление неземледельческого населения деревни	2,4	2,00
Потери помещиков при хранении	0,7	0,53	Снабжение районов производства технических культур	4,6	3,83
Фуражный фонд****	6,7	5,55	Потребление городского населения*****	3,9	3,25
Запасы населения и обрядовые затраты****	11,3	9,45	Мануфактурная переработка	1,5	1,25
Функционирование и восполнение ростовщического фонда	9,0	7,50	Снабжение районов стихийных бедствий	4,0	3,33
			Вывоз в национальные окраины	1,2	1,00
			Потери при транспортировке и т. д.	0,5	0,42
Итого	74,3	61,98	Итого	45,7	38,02

Всего 120,0 млн. т — 100,0%

* Рассчитано по [26, с. 301, 302] и на основании табл. 20.

** Данное деление достаточно условно и не абсолютно, ибо почти каждая статья включает в себя какое-то количество зерна противоположной категории.

*** «Знаменные» и первая группа пашен без служилой бюрократии. Здесь и применительно к помещикам — включая челядь.

**** В данных параллельных статьях деление на натуральную и товарную часть дано из соотношения 2:1 (паша оценка).

***** Без госаппарата, правящих сословий и челяди.

Таблица 38

Категории, источники и основные поставщики товарного зерна в Китае на 1887 г.*

Источники товарного зерна	Объем, млн. т	Удельный вес, %	Поставщики товарного зерна**	Объем, млн. т	Удельный вес, %
Принудительная товаризация крестьянского продукта	18,2	39,8	Крестьянство	33,7	73,7
В том числе продажа зерна для уплаты налогов****	8,0	17,5	Землевладельцы***	11,1	24,3
для внесения ренты*****	6,1	13,3	Государство	0,9	2,0
для погашения долгов*****	4,1	9,0	Итого	45,7	100,0
Товариность зернового хозяйства страны	26,6	58,2			
Продажа зерна крестьянством	15,5	33,9			
для покупки продовольствия*****	8,5	18,6			
для иных целей*****	7,0	15,3			
Товаризация части ренты землевладельцев	11,1	24,3			
Продажа зерна казной	0,9	2,0			
Итого	45,7	100,0			

* Рассчитано по [26, с. 293; 275а, с. 39] и на основании табл. 26—28, 35 и 37.

** На стадии первой продажи. Без учета дальнейших перепродаж.

*** Включая кулаков арендодателей, а также частично зерноторговцев и ростовщиков.

**** В предшествующих таблицах данный показатель фигурировал как «условное» зерно (см. табл. 26, 27, 31).

***** Рассчитано исходя из оценки удельного веса денежных рент (яньцзю, чжэцзю и др.) в 20% всего арендного изъятия до уплаты налогов (см. табл. 28).

***** Денежные ссуды и проценты по ним.

***** Оценка автора. Продажа дорогого зерна (рис, пшеница) для покупки более дешевого (просо, гаолян, кукуруза, ячмень), а также батата и бобов.

***** Хозяйственные и обрядовые расходы, а также приобретение ремесленных и частично фабричных товаров бытового потребления. Развитие крестьянского товарного потенциала на приведенные две графы, а тем более их соотношение (количественное и процентное) весьма условны.

Необходимый и прибавочный продукт в зерновом балансе Китая на 1887 г. *,
млн. т

Категории крестьянства	Необходимый продукт				Прибавочный продукт					Всего
	продовольствие	семени**	фураж***	в целом	изымаемый****			остающийся у крестьян	в целом	
					налоги	рента	всего			
Казеннозависимое	2,5	0,3	0,3	3,1	1,5	1,6	3,1	-0,1*****	3,0	6,1
Податное	21,9	4,8	5,2	31,9	8,4	—	8,4	15,8	24,2	56,1
Частнозависимое	21,7	2,9	2,8	27,4	—	28,8*****	28,8	1,3	30,1	57,5
В целом	46,1	8,0	8,3	62,4	9,9	30,4	40,3	17,0*****	57,3	119,7

* Рассчитано на основании табл. 20, 25—29, 32, 33, без учета иных, в том числе денежных, доходов крестьян, землевладельцев и бюрократии. В данной, а также в последующих таблицах зерно выступает лишь как предмет потребления, т. е. в своей основной функции. В связи с этим не учитывается часть необходимого продукта, комплектуемая через сферу обмена (ремесленные товары и т. д.), когда зерно выступает в роли денежного эквивалента. Указанный момент требует увеличения доли необходимого и соответственно сужения удельного веса прибавочного продукта, остающегося у крестьян в качестве как фонда присвоения, так и потенциала «вторичного» изъятия.

** Включая потери зерна при хранении.

*** Нафта оценка на основании [355, с. 55—61]. Включая товарную часть фуража.

**** Здесь учтено лишь «первичное» изъятие (налоги и земельная рента).

***** Изъятие за счет необходимого продукта; оно компенсировалось незерновыми видами продовольствия (овощи, бобы, батат) и иными способами, в том числе доходами от подсобных промыслов.

***** Включая налоги с арендных земель помещиков и кулаков.

***** Включая потенциал «вторичного» изъятия (ростовщическая и торговая эксплуатация), о размерах которого см. табл. 35, 36, 38, 44.

Соотношение необходимого и прибавочного продукта
в зерновом балансе Китая на 1887 г. *,
%

Категория крестьянства	Необходимый продукт				Прибавочный продукт			
	продовольствие	семена	фураж	в целом	изымаемый			остающийся у крестьян
					налоги	рента	всего	
Казеннозависимое	41,0	4,9	4,9	50,8	24,6	26,2	50,8	-1,6
Податное	39,0	8,5	9,3	56,8	15,0	—	15,0	28,2
Частнозависимое	37,7	5,0	4,9	47,6	—	50,1	50,1	2,3
В целом	38,5	6,7	6,9	52,1	8,3	25,4	33,7	14,2

* Рассчитано на основании табл. 39.

Соотношение компонентов внутри необходимого и прибавочного продукта
в зерновом балансе Китая на 1887 г. *,
%

Категория крестьянства	Необходимый продукт				Прибавочный продукт			
	продовольствие	семена	фураж	в целом	изымаемый			остающийся у крестьян
					налоги	рента	всего	
Казеннозависимое	80,6	9,7	9,7	50,0	53,3	103,3	-3,3	—
Податное	68,7	15,0	16,3	34,7	—	34,7	65,3	—
Частнозависимое	70,2	10,6	10,2	—	95,7	95,7	4,3	—
В целом	73,9	12,8	13,3	17,3	53,0	70,3	29,7	—

* Рассчитано на основании табл. 39.

Роль основных секторов в создании необходимого и прибавочного продукта (зерна) в Китае на 1887 г. *, млн. т

Район	Бюрократический сектор					Частнофеодалный сектор					Всего
	Необходимый продукт	Прибавочный продукт			В целом	Необходимый продукт	Прибавочный продукт			В целом	
		изымаемый**	остающийся***	весь			изымаемый**	остающийся***	весь		
Север и Маньчжурия . .	12,3	3,	4,2	7,7	20,0	4,9	4,5	—0,5	4,0	8,9	28,9
Центральный Китай . . .	9,2	2,9	4,9	7,8	17,0	8,8	9,5	0,7	10,2	19,0	36,0
Южный Китай	12,0	3,5	6,6	10,1	22,1	15,2	16,4	1,1	17,5	32,7	54,8
Центральный и Южный Китай вместе	21,2	6,4	11,5	17,9	39,1	24,0	25,9	1,8	27,7	51,7	90,8
Итого . . .	33,5	9,9	15,7	25,6	59,1	28,9	30,4	1,3	31,7	60,6	119,7

* Рассчитано на основании табл. 20, 25—29, 32, 33, 39.

** Учтено лишь «первичное» изъятие. Без перенесения в бюрократический сектор суммы налогов с арендных земель.

*** Здесь и ниже — включая потенциал «вторичного» изъятия. С учетом последнего и комплектации части необходимого продукта через сферу обмена реальный уровень остающегося у крестьян прибавочного продукта был значительно ниже указанного здесь. См. табл. 44.

Таблица 43

Удельный вес изымаемого и остающегося у китайских крестьян прибавочного продукта (в зерновой массе) по основным секторам на 1887 г. *, %

Район	Бюрократический сектор				Частнофеодалный сектор			
	Необходимый продукт	Прибавочный продукт			Необходимый продукт	Прибавочный продукт		
		изымаемый	остающийся	в целом		изымаемый	остающийся	в целом
Север и Маньчжурия	61,5	17,5	21,0	38,5	55,0	50,6	—5,6	45,0
Центральный Китай	54,1	17,1	28,8	45,9	46,3	50,0	3,7	53,7
Южный Китай . . .	54,3	15,8	29,9	45,7	46,5	50,1	3,4	53,5
Центральный и Южный Китай вместе	54,2	16,4	29,4	45,8	46,4	50,1	3,5	53,6
Итого . . .	56,7	16,7	26,6	43,3	47,7	50,2	2,1	52,3

* Рассчитано на основании табл. 42.

Таблица 44

Распределение взимаемого у крестьянства прибавочного продукта
и его место в зерновом балансе Китая на 1887 г.*

Основные статьи зернового баланса	Объем, млн. т	Удельный вес, %	Распределение взимаемого продукта**	Объем, млн. т	Удельный вес, %
Необходимый продукт	62,4	52,1	Земледелельный***	33,5	73,8
Продовольственный фонд	46,1	38,5	Госаппарат и правящие	9,9	21,8
Семенной фонд	8,0	6,7	сословия	2,0	4,4
Фуражный фонд	8,3	6,9	Торгово-ростовщиче- ский капитал****	45,4	100,0
Прибавочный продукт	57,3	47,9	Итого . . .		
Измываемый у крестьян продукт	45,4	38,0			
«Первичное» изъятие	40,3	33,7			
земельная рента	30,4	25,4			
«вторичное» изъятие	9,9	8,3			
поземельные налоги	5,1	4,3			
«авторичное» изъятие*****	11,9	9,9			
Остающийся у крестьян продукт*****					
Итого . . .	119,7	100,0			

* Рассчитано на основании табл. 35, 38, 39, 40.

** До уплаты земельных налогов.

*** Включая кулаков-рентоуполномочителей, а также частично торговцев и ростовщиков.

**** Частично включая земледелельцев.

***** Ростовщический процент на зерновые ссуды (3,1 млн. т) без кулацкого кредита плюс зерно, прода-

ваемое для уплаты процентов по денежным ссудам (2,0 млн. т) из расчета: минимум половина (2,1 млн. т) из 4,1 млн. т зерна, продаваемого для уплаты денежных долгов (см. табл. 38) шла на погашение самих ссуд. Чисто «натуральный» (зерно) характер расчетов не позволяет здесь выделить другой компонент «вторичного» изъятия, а именно торговую прибыль. Для этого необходимы перевод расчетов в русло денежных оценок и учет целого ряда других моментов (технические культуры, эксплуатация потребителей рыночного зерна и многие другие).

***** С учетом рентных доходов кулаков (2,5 млн. т) с 8,3% общей площади арендных земель дан- ный показатель составляет 11,4 млн. т, а чисто помещичья земельная рента соответственно — 27,9 млн. т.

В. МЕТОДИКА СОСТАВЛЕНИЯ РАСЧЕТНО-ОЦЕНОЧНЫХ СХЕМ «ГОСПОДСТВУЮЩИЙ КЛАСС И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОЕ НАСЕЛЕНИЕ КИТАЯ В 80-е ГОДЫ XIX в.» И «ПРОИЗВОДСТВО, РАСПРЕДЕЛЕНИЕ И ПОТРЕБЛЕНИЕ ЗЕРНА В КИТАЕ НА 1887 г.»

Общие замечания

Данная методика касается в основном технических сторон, не отраженных в примечаниях к таблицам. Указанные примечания и приводимые ниже пояснения составляют единый комплекс.

Таблица 1

Колонка (кол.) 1*: из расчета 10% от показателей кол. 6. Колонка 2: из расчета 4% от показателей кол. 5 (оценка на основании [207, с. 21]). Колонка 3: исходя из данных в примечаниях к табл. 25. Колонка 4: данные кол. 5 минус суммарные показатели кол. 2 и 3. Колонка 5: суммарные данные кол. 2, 3, 4, или 90% данных кол. 6.

Таблица 2

Колонка 1: итоговые данные табл. 11. Кол. 2: данные кол. 5 минус суммарные показатели кол. 1, 3, 4. Колонка 3: данные кол. 2 табл. 3. Колонка 4: дан- ные кол. 3 табл. 3 (см. примечания к указанной таблице). Раскладка по райо- нам наша. Колонка 5: суммарные данные кол. 1—4, или 10% всего населения (см. табл. 1).

Таблица 3

Колонка 1: данные кол. 3 табл. 1. Колонка 2: оценка на основе данных пере- писи 1912 г. с коррективами на 1887 г. Раскладка по районам наша. Колонка 3: данные кол. 4 минус суммарные данные кол. 1, 2. Колонка 4: данные кол. 10 минус данные кол. 9, или суммарные данные кол. 1—3. Колонка 5: итоговые данные табл. 11. Колонка 6: итоговые данные табл. 13 минус служилая бюро- кратия плюс данные кол. 2 табл. 14. Колонка 7: данные кол. 6 табл. 14. Колон- ка 8: суммарные данные кол. 11 табл. 13 и кол. 11 табл. 14. Колонка 9: суммар- ные данные кол. 5—8. Колонка 10: итоговые данные табл. 1, или суммарные данные кол. 4, 9.

Таблица 4

Колонка 1: суммарные данные кол. 7 табл. 11 и кол. 12 табл. 13 минус дан- ные кол. 4 табл. 12. Колонка 2: данные кол. 4 табл. 17. Колонка 3: суммарные данные кол. 1, 2. Колонка 4: данные кол. 12 табл. 14. Колонка 5: данные кол. 5 табл. 17. Колонка 6: суммарные данные кол. 4, 5. Колонка 7: суммарные данные кол. 2, 3 табл. 3. Колонка 8: данные кол. 6 табл. 1.

* Здесь и далее последовательная нумерация дается лишь для колонок аб- солютных цифр (слева направо по порядку), поскольку способ расчета колонок процентных показателей в комментариях не нуждается.

Таблица 8.

Колонка 1: суммарные данные кол. 10 табл. 13 и кол. 10 табл. 14. Колонка 2: суммарные данные кол. 12 табл. 13 и кол. 12 табл. 14. Колонка 4: суммарные данные кол. 8 табл. 13 и кол. 4 табл. 14.

Таблица 10

Колонка 1: приблизительная оценка по сведениям современников. Колонки 2—4: из расчета на каждый ямзнь и специализированное учреждение наместничества или провинции (без провинциальных бюро) в среднем по 40 чиновников, на каждый областной ямзнь — по 23, на ямзнь чжили чжоу и чжили тина — по 21, на окружной, приставской и уездный ямзнь — по 12 чиновников. Колонка 5: суммарные данные кол. 1—4. Колонки 6 и 7: раскладка по районам пропорциональна общей массе гражданских чиновников. Колонка 8: суммарные данные кол. 1—7.

Таблица 11

Колонка 1: итоговые данные табл. 10. Колонка 7: суммарные данные кол. 1—6.

Таблица 12

Колонка 1: итоговые данные табл. 10. Колонки 2, 6, 10, 14: из расчета — средняя семья 5 человек. Колонка 3: расчет по коэффициенту челяди 2:1. Колонка 4: суммарные данные кол. 2, 3. Колонка 5: распределение по районам пропорционально данным кол. 1. Колонка 7: исходя из коэффициента челяди 1:1. Колонка 8: суммарные данные кол. 6, 7. Колонка 9: семьи шэньши первой группы в целом минус суммарные данные кол. 1 и 3. Колонка 12: суммарные данные кол. 10, 11. Колонка 13: из расчета 50% от данных [396, с. 164]. Колонка 14: из расчета 50% от итоговых данных [396, с. 164]. Колонка 15: суммарные данные кол. 3, 7, 11. Колонка 16: суммарные данные кол. 14, 15.

Таблица 13

Колонка 1: из расчета — средняя семья 5 человек. Колонка 4: суммарные данные кол. 2 и 3. Колонки 5—8: итоговые данные табл. 12. Колонка 9: суммарные данные кол. 1, 5. Колонка 10: суммарные данные кол. 2, 6. Колонка 11: суммарные данные кол. 3, 7. Колонка 12: суммарные данные кол. 4, 8.

Таблица 14

Колонки 1—4: итоговые данные табл. 12. Колонки 5—6: общее число землевладельцев (кол. 2 табл. 1) минус вторая группа шэньши (кол. 1—4 данной таблицы). Колонки 1, 5: из расчета — средняя семья 5 человек. Колонка 8: суммарные данные кол. 6, 7. Колонки 9—12: суммарные данные кол. 1—4 и 5—8.

Таблица 15

Колонка 1: на основании итоговых данных кол. 1, 5 и 9 табл. 14. Колонка 2: итоговые данные кол. 2, 6 и 10 табл. 14. Колонка 3: при расчете использованы итоговый показатель кол. 2 плюс половина итогового показателя кол. 1 табл. 23. Колонка 4: расчет на основании данных кол. 5 табл. 17 и первого процентного соотношения данных кол. 3 настоящей табл.

Таблица 16

Все крестьянство (кол. 4, аналогичная кол. 3 табл. 1) распределено по основным социальным группам и районам (кол. 1—3) прямо пропорционально главным категориям землевладения (табл. 21, 23, 24).

Таблица 17

Деление крестьян на категории по принципу земельной собственности произведено согласно показателям арендуемых земель по 1888 и 1934 гг., а по основным феодальным секторам — при равнопроцентном расщеплении казенного крестьянства (см. табл. 16) и причислении одной его половины к податному, а другой — к частнозависимому крестьянству.

Таблица 18

Колонка 1—3: наша оценка на основе [455, с. 240]. Колонка 1: из расчета 90% данных кол. 3. Колонка 2: из расчета 10% данных кол. 3. Колонки 4—6: наша оценка на основе [455, с. 16—17]. Колонка 5: из расчета 80% данных кол. 4.

Таблица 20

Графа 1: итоговые данные табл. 25. Графа 2: из расчета 180 кг зерна на человека при почти 17,5 млн. потребителей (см. табл. 11, 13, 33). Графа 3: наша оценка. Графа 4: см. [187, с. 29—30]. Графа 5: из расчета примерно 6% общей массы казенного зерна (см. табл. 32). Графа 6: данные кол. 4 табл. 33. Графа 7: итоговые данные кол. 5 табл. 33. Графа 8: из расчета 10% всех зерновых ресурсов крестьянства (см. табл. 32). Графа 9: из расчета 3% рентных масс (см. табл. 32). Графа 13: из расчета менее 90 кг зерна в год на человека. Столь низкий средний уровень обусловлен наличием в указанной категории населения высокого процента лауперов и люмпенов. Графа 14: из расчета по 150 кг зерна в год на 30,7 млн. человек. Графа 15: из расчета до 170 кг зерна в год. Пункты 15—17. Примерные оценки исходя из более поздних данных. Графа 19: из расчета менее 3% перевозимых масс зерна.

Таблица 22

Колонка 1: данные кол. 1 табл. 21. Колонка 2: данные кол. 4 табл. 21. Колонка 3: суммарные данные кол. 1, 2. (см. кол. 5 табл. 21). Колонка 4: данные кол. 5 табл. 23 минус данные кол. 5 табл. 21. Колонка 5: суммарные данные кол. 3, 4 (см. кол. 5 табл. 23).

Таблица 23

В категорию («частные земли») — кол. 4 — по сравнению с данными кол. 2 табл. 22 добавлены 418 млн. му «скрытых» полей, распределенные равными долями по кол. 2 («арендные») и 3 («податные земли»).

Таблица 26

Колонка 1: данные кол. 1 табл. 25 минус 50% урожая. Колонка 2: данные кол. 2 табл. 25 минус 15% урожая. Колонка 3: данные кол. 3 табл. 25 минус 50% урожая. Колонка 4: суммарные данные кол. 1—3.

Таблица 28

Колонка 1: около 24% данных кол. 1 табл. 25. Колонка 2: около 50% данных кол. 3 табл. 25. Колонка 3: суммарные данные кол. 1, 2. Колонка 4: данные кол. 3 минус данные кол. 3 табл. 27.

Таблица 29

Колонка 1: данные кол. 1 табл. 25 минус данные кол. 1 табл. 26. Колонка 2: данные кол. 2 табл. 25 минус данные кол. 2 табл. 26. Колонка 3: данные кол. 3 табл. 25 минус данные кол. 3 табл. 26. Колонка 4: суммарные данные кол. 1—3. Колонка 5: итоговые данные табл. 28 (кол. 4). Колонка 6: итоговые данные табл. 27 (кол. 4). Колонка 7: суммарные данные кол. 4—6.

Таблица 32

Колонки 1—4: данные кол. 1—4 табл. 29 минус 10% зерна. Колонка 5: Данные кол. 5 табл. 29 минус 3% зерна. Колонка 6: данные кол. 6 табл. 29 минус 6% зерна. Колонка 7: суммарные данные кол. 4—6.

Таблица 33

Колонки 1—6. Расчет на основе численности различных категорий потребителей (см. табл. 11, 13, 14, 16).

Таблица 34

Колонки 1—6. Данные кол. 1—6 табл. 32 минус данные кол. 1—6 табл. 33. Колонка 7: суммарные данные кол. 4, 5, 6.

Таблица 35

Колонка 1: расчет на основе левой части табл. 37. Колонка 2: расчет на основе правой части табл. 37. Колонка 3: суммарные данные кол. 1, 2. Колонки 4, 5, 6 — графы 2—4. Распределение данных кол. 3 по кол. 4, 5, 6 произведено на основе наших оценок; графа 8: итоговые данные (графа 9) минус сумма предыдущих показателей; графа 9: итоговые данные табл. 34 плюс «условное» зерно, отнесенное в кол. 5 табл. 34.

Таблица 37

Расчет по принципу расщепления данных табл. 20 на натуральную и товарную часть.

Таблица 39

Колонка 1: итоговые данные кол. 1—4 табл. 33. Колонка 2: итоговые данные кол. 1—4 табл. 29 минус итоговые данные кол. 1—4 табл. 32. Колонка 3: оценка на основе [355, с. 55—61], а также графы 10 табл. 20. Колонка 4: суммарные данные кол. 1—3. Колонка 5: итоговые данные кол. 1, 2 табл. 27. Колонка 6: итоговые данные кол. 1, 2, 3 табл. 28. Колонка 7: суммарные данные кол. 5, 6. Колонка 8: данные кол. 10 минус суммарные данные кол. 4, 7. Колонка 9: суммарные данные кол. 7, 8. Колонка 10: итоговые данные табл. 25.

Таблица 42

Колонка 1: данные кол. 2 плюс 50% показателей кол. 1 табл. 33 плюс 10% соответствующих данных кол. 2 и 5% данных кол. 1 табл. 29 плюс соответствующие данные кол. 3 табл. 39. Раскладка фуражной массы по секторам и районам — наша оценка. Колонка 2: суммарные данные кол. 1, 2 табл. 27. Колонка 3: данные кол. 5 минус суммарные показатели кол. 1, 2. Колонка 4: суммарные данные кол. 2, 3. Колонка 5: данные кол. 2 плюс 50% показателей кол. 1 табл. 25. Колонка 6: данные кол. 3 плюс 50% показателей кол. 1 табл. 33 плюс 10% данных кол. 3 и 5% показателей кол. 1 табл. 29 плюс соответствующие данные кол. 3 табл. 39. Раскладка фуражной массы по секторам и районам — наша оценка. Колонка 7: данные кол. 3 табл. 28. Колонка 8: данные кол. 10 минус суммарные показатели кол. 6, 7. Колонка 9: суммарные данные кол. 7, 8. Колонка 10: данные кол. 3 плюс 50% показателей кол. 1 табл. 25. Колонка 11: данные кол. 4 табл. 25.